

Юлия Держу

БЛИЖЕ
НЕКУДА

Я попала в другой мир — но, оказалось, меня там не ждали. Я думала, что нашла друзей — но, оказалось, у каждого из них своя судьба. Я встретила прекрасного принца — но, оказалось, он ненавидит меня так же сильно, как когда-то любил.

Мне придется пойти до конца, чтобы узнать свое прошлое и попытаться изменить будущее... И решение совсем рядом. Совсем близко.

Ближе некуда.

ПРОЛОГ

Сан-да с рождения слышала о моих приключениях. Холодными снежными вечерами, когда ветер за окном сбивал с ног, а от мороза губы покрывались ледяной коркой, дочь снова и снова забиралась ко мне на колени и просила рассказать «историю».

Пока Сан-да была маленькой, я придумывала для нее сказки, в которых прекрасный юноша с глазами цвета весенней листвы спасает от врагов свою любимую, а потом сажает ее на волка-оборотня и увозит в белокаменный город. Сан-да любила оборотней. Она всегда спрашивала их имена, заставляла меня рассказывать о маленьких волчатах, играющих прямо в глубоком снегу, а иногда даже брала лист бумаги и рисовала их портреты черным кусочком древесного угля.

Большой и сильный волк — вожак стаи.

Рядом хрупкая остроносая волчица.

Четыре маленьких волчонка — их почему-то всегда было четыре — у ног матери и отца.

Если честно, в детстве Сан-ду больше интересовали приключения волков, чем прекрасного юноши и его возлюбленной, и только с возрастом, когда она поняла, что в сказке идет речь обо мне, внимание ее переключилось на героиню.

— Мама, а почему ты и папа не могли быть вместе?

— Мама, а что такое «демон»? Это что-то страшное?

— Мама, а ты и правда видела ангела?

Мое дитя взрослело, и вопросы сыпались бесконечным потоком. Наверное, тогда я и задумалась о том, чтобы написать книгу. Шло время, и история моя меркла в моей памяти, и к тому моменту, когда дочь вырастет, от нее может остаться лишь пара строк.

Лишь пара мгновений.

Лишь легкое касание руки прекрасного юноши и слезы его возлюбленной.

Лишь едва заметный запах горящего дерева и обжигающий поцелуй ледяного ветра.

А потом исчезнут и они.

В один из теплых зимних дней я попросила Фелика купить мне в городе бумаги и краски для печатной машины. Вечером, когда дочь уснула, не дослушав любимую сказку, я осторожно поцеловала ее нежный лобик и вышла из комнаты, заперев за собой дверь. В передней горела тусклая лампочка, на стенах плясали отблески пламени из печи, за окном дул ветер — прекрасная ночь, чтобы начать свой рассказ.

Я заправила лист бумаги в машину, уселась поудобнее и напечатала первое слово.

Стилгмар. Так звали меня в далеком мире, который я покинула, наверное, навсегда. С того далекого мира я, пожалуй, и начну свою историю.

Историю попаданки.

ЧАСТЬ 1. Стилгмар. ГЛАВА 1

Мы встречались с Сашей почти два года, если считать с первого поцелуя, и мне казалось, что и его, и меня отношения вполне устраивали. На нашем факультете училось достаточно парней, и Саша был не самым красивым и не самым умным из моих однокурсников, но я на сто процентов была уверена в одном — он был честным.

Точнее, я была уверена до того дня.

Что касается меня — мне исполнилось двадцать четыре, я считала себя взрослой и самостоятельной, видела себя экономистом, а потом и начальником экономического отдела на каком-нибудь крупном предприятии и... совершенно глупо и необоснованно верила в любовь. И Саша поддерживал во мне эту веру. Обнимая меня, он говорил о настоящих чувствах, строил планы на будущее и спорил со мной об именах для наших будущих детей.

Да, это сейчас я могу вспоминать себя, наивную дурочку, с улыбкой на лице.

Тогда его слова проникали в самое сердце.

Это случилось на вечеринке, посвященной празднованию «экватора» — середины нашего долгого обучения. Нас собралось в общей сложности четырнадцать человек, еще трое-четверо обещали подъехать к началу праздника. Мы сняли домик на лыжной туристической базе, запаслись алкоголем и маринованным мясом и дружной толпой отправились отдыхать.

В тот день я не заметила в Саше ничего странного. Он так же улыбался, так же нежно обнимал меня, пропуская меж пальцев мои светлые волосы, так же заботливо поддерживал на подъеме по скользким ступенькам деревянного крыльца. Ничто не предвещало бури, но она все же разразилась.

Наши опоздавшие прислали СМС с призывом не начинать веселье без них. У однокурсника, который должен был привезти остальных, сломалась машина, и пришлось срочно искать замену. Пока алкоголь охлаждался в холодильнике, а мясо доходило до совершенства в пряном маринаде, мы решили прогуляться по турбазе, покататься на лыжах, пока еще светло и все трезвы, и просто подышать горным воздухом.

Саша и я любили лыжи. Я не очень уверенно держала равновесие на крутых спусках, но кататься обожала, потому что это давало мне ощущение полета, сравниться с которым не может почти ничего. Взяв напрокат лыжи, мы уселись в фуникулер, пристегнулись и отправились на гору. Поднимался легкий ветерок, с севера находила большая туча. Почти отстраненно я подумала о том, что вечером наверняка будет снегопад.

— Мама звонила вчера, — сказала я, глядя, как убегает из-под ног заснеженный спуск.

Фуникулер мягко покачивался под дуновением ветерка, Саша натягивал перчатки на руки и молчал.

— Хочет пригласить нас с тобой на Новый год, — добавила я, улыбнувшись.

Это не был решающий шаг для отношений, мы уже отмечали с моими родителями Новый год. Саша даже подружился с моим старшим братом Вовкой, и иногда они проводили время без меня. Приглашение от мамы не должно было показаться ему неожиданностью, но, произнеся эти слова, я вдруг поймала на себе Сашин холодный и полный какой-то отчаянной решимости взгляд. Он отвернулся от меня, словно набираясь смелости, а потом посмотрел мне в лицо, прямо в глаза.

— Я не пойду, — сказал он.

Я не ожидала отказа, поэтому улыбка сошла с моего лица не сразу.

— Что, прости?

Фуникулер скрипнул в тишине.

— Я не смогу поехать, Нин, — сказал Саша, не отводя взгляда. — Я иду в другое место с друзьями. Мы будем отмечать за городом.

Не знаю, что меня больше задело — «Я иду» вместо «Мы идем» или то, что сказал он мне об этом только сейчас, за неделю до праздника.

— Но почему? — тупо спросила я.

Мысли хороводом закружились в голове, когда я увидела, что он не сразу нашелся с ответом. Он за что-то на меня обижен? Пошутил? Хочет, чтобы я отказала родителям и пошла с ним и его друзьями?

— Саш, — позвала я, когда он не ответил и снова отвернулся, избегая моего настойчивого взгляда и голоса. — Что случилось, ты можешь сказать?

— Я встретил другую девушку совсем недавно, — сказал он почти задумчиво. — И, кажется, это — любовь.

Пробравшийся под куртку ледяной ветер показался майским дуновением в сравнении с холодом, вмиг сковавшим сердце. До вершины было уже недалеко, но я не собиралась молчать и так просто мириться с поражением.

— То есть, я была не любовь.

— То есть, ты — нет, — сказал он, глядя прямо перед собой.

Я молчала, медленно закипая от злости и обиды. Все его слова о свадьбе, о кольце, которое мы с ним пошли бы выбирать сразу после каникул, о дочке, которую он хочет назвать Машей в честь бабушки, наши ночи, полные страсти и безумия — «Это было просто на грани, Нина... Просто на грани» — все это всплыло в моей памяти с ужасающей отчетливостью. Я поняла, что закрыла лицо руками, и тут же выпрямилась и опустила их, не позволяя себе раскиснуть у него на глазах.

— Еще что-то скажешь?

— Я хотел на тебе жениться, честное слово, — сказал Саша. Теперь уже он пытался поймать мой взгляд, а я отводила глаза. — Но, встретив ее, я понял, что это будет нечестно. Я оставлю тебе мебель, когда съеду.

— Да пошел ты со своей мебелью, — сказала я, сжав руки в кулаки. — Если не заберешь завтра, я выброшу все из окна. Да шевелись ты!

Я ударила кулаком по поручню, вымещая на нем свою злость.

— Ну и когда же ты ее встретил? — спросила после недолгого молчания. — Когда я уезжала к родителям в прошлые выходные? Или когда ты со своей группой ходил в спортивный бар?

— Я встретил ее в ветеринарной клинике, — сказал он. — Когда носил туда Грету.

Грета была его кошка, вредная злобная сямка, которая ненавидела меня так же сильно, как и я ее. Пару недель назад Грета стала хромать, и Саша решил свозить ее к врачу. Естественно, я с ним не поехала. Кошка не сидела у меня на руках, постоянно норовила царапнуть за ногу, когда я проходила мимо, скидывала с туалетного столика мою косметику. Я бы там оказалась совершенно бесполезна.

— У нее тоже сямка?

— Нет. — Саша улыбнулся краешком губ, и я вцепилась в поручень изо всей силы. Это были его счастливые воспоминания, я знала эту улыбку. Но только теперь это были воспоминания, не связанные со мной. — У нее доберман. Но Грета ей понравилась.

— И ты сразу решил, что вы — родственные души, — не удержалась я.

— Не сразу.

И он больше ничего не добавил. Мы добрались до верхушки горы, где уже столпилась часть однокурсников. Саша по привычке помог мне спуститься с фуникулера, я по привычке приняла эту помощь. Но на этом все и закончилось. Он оставил меня с девушками, обсуждать погоду и прошедшую сессию, а сам с парнями понесся вниз, их гиканье и вопли разнеслись по округе, пугая зимних птиц.

Мне хотелось расплакаться и рассказать всем о своем горе. Вот так просто — приезжаешь на курорт с парнем, а через пять минут — ты двадцатичетырехлетняя одиночка. А ведь я уже проглядывала сайты свадебных салонов. Я представляла себе, как принимаю поздравления и надеваю на палец обручальное кольцо.

Я была готова выйти замуж за человека, которому оказалась не нужна.

Но девчонки еще не знали, что со мной все кончено. Они хохотали, обсуждая прическу Кристины Агилеры на последнем «The Voice», восторгаясь глазами Адама Левина и улыбкой Блейка Шелтона. Я почувствовала, что еще немного — и взорвусь. Без единого слова я оттолкнулась палками и понеслась к склону, не слушая удивленных окликов за спиной.

На склоне было многолюдно. Мимо меня пронесся одинокий парень в красной куртке, потом девушка в розовом, потом снова парень. Надвинув на глаза очки, я поудобнее ухватилась за палки, сделала рывок — и покатила вниз.

Быстрее. Еще быстрее.

Только бы не думать о том, что делать дальше. Только бы не думать о том, что я скажу маме, как объясню это подругам, какое оправдание найду для себя самой.

Только бы не вспоминать улыбки — теплой улыбки человека, который будет счастлив, но уже без меня.

Неожиданно меня что-то сильно ударило в шею — так сильно, что я вскрикнула от боли и потеряла равновесие. Упав на спину, я покатила по снежному склону вниз, не в силах остановить это падение и не имея возможности даже закричать, потому что голос мне вдруг отказал. Я упала лицом в снег и, кажется, потеряла сознание.

Так я и прыгнула в первый раз.

Не знаю, сколько я пролежала без сознания на опушке леса у Закрытых ворот в Солнечный мир. Может, час или два. Я не помнила момента перемещения, и поэтому, открыв глаза, не сразу поняла, что произошло.

Лежала я, уткнувшись носом в прелые листья. Над головой шелестели кроны зеленых деревьев, солнечные лучи едва прорезались сквозь плотное сплетение веток. Вокруг царил полумрак. Я поднялась, упершись руками в землю, встала на колени, потом на ноги, не понимая, где я и что это такое вокруг.

А вокруг был лес. Деревья и кустарники, и трава почти по колено. Я опустила глаза и увидела, что на мне больше нет лыжного костюма, да и одежда, похоже, совсем не моя. Брюки из какой-то плотной ткани. Рубашка из такой же, но другой расцветки. На ногах — грубые ботинки, на руках — перчатки с отрезанными пальцами. Я провела рукой по волосам и поняла, что они стали короче и курчавее, как будто от химической завивки.

Это что, галлюцинация?

Я прошлась туда-сюда, стараясь не уходить далеко от места пробуждения. Ни тропинки, ни просвета между деревьями. Солнце еще высоко, но это ничего не значит. Я чувствовала, как во мне медленно поднимается паника, и не понимала, что делать.

Я коснулась ствола стоящего поблизости дерева, чьи листья напомнили мне березу, а плоды — круглые шишки кедра. Теплый. Твердый. Настоящий. Я сорвала травинку, взяла в

рот, пожевала. Горькая. Сочная. И тоже настоящая.

Если это бред, то очень реальный. Если это сон, то лучше бы мне уже сейчас проснуться.

Я ущипнула себя за руку и ахнула от боли.

Не сон. Не бред. Но что это тогда такое?

Я не могла стоять на месте. Надо было выбираться отсюда, пока не наступили сумерки. Я огляделась в поисках какого-либо ориентира, и, не найдя его, решила двинуться навстречу солнцу. Запад — не самое плохое направление.

Но я не успела сделать и пары шагов. Стремительное движение разорвало относительную тишину леса, и спустя несколько секунд я увидела, что, петляя меж деревьев, прямо на меня стрелой несется человек.

Это был мой будущий учитель и причина всех моих бед, Аргента.

Он подскочил ко мне, окинул взглядом своих миндалевидных серо-голубых глаз и, протянув руку, сжал ее на моем горле. Я не успела даже понять, что случилось, не успела отскочить или хотя бы отшатнуться. Резкая боль прошила шею, заставив меня закричать — настолько сильной она была. Он разжал руку почти сразу же, и я согнулась пополам и схватилась рукой за горло, уверенная, что там остался жуткий ожог. Слезы градом текли по лицу.

— Меня зовут Аргента Ининджерджен, — заговорил человек, пока я пыталась отдышаться и прийти в себя. — Я Патрон Школы Гидов по мирам. Приветствую тебя, чужеземка.

Прижимая руку к шее, я вскинула на него взгляд. Странная одежда свободного покроя — подобие шаровар, куртка без рукавов, рубашка под ней, все белого цвета. На пальце тонкое кольцо из блестящего черного металла. Так не одеваются в нашем городе. Хотя какой, к черту, город, если вокруг не зима, а лето, и не лыжный курорт, а темный лес?

Что он там сказал? Школа по мирам? Нет, это бред какой-то. Полный бред.

Аргента был высокий, немного худощавый; длинное лицо с острым подбородком казалось вырезанным из белого камня. Очень светлая кожа. Пепельные, почти серые волосы — но не седые, а как крыло у голубки. Миндалевидные глаза показались мне странными, и я не сразу поняла, почему. Приглядевшись, я увидела, в чем дело — в форме зрачка. Он был не круглым, а прямоугольным, как у козы. Меня пошатнуло от этого открытия, но Аргента протянул руку и помог удержать равновесие.

— Тебе не стоит бояться, — сказал он почти мне в ухо. — Ты ведь понимаешь, что я говорю, верно?

Я отстранилась от его горячего тела. В голове гулко зазвенела пустота, когда я поняла, что вдобавок ко всему на руке Аргенты не пять, а шесть пальцев. Все фильмы и книги о попаданках всплыли в моей памяти разом, я припомнила и ужасные истории о змеях, насилующих еще не пришедших в себя после попадания героинь романов, и о принцах, которые сразу же тащили несчастных к себе в гаремы. Аргента не был похож ни на животное, ни на принца. Но я вдруг поняла и осознала со всей ясностью, что я не дома. И что это меня, как ни странно, совсем не беспокоит.

— Лекарство подействовало, — наблюдая за выражением моего лица, сказал Аргента. — Ты чуть быстрее придешь в себя, вот и все, тут никакого чуда. Уже поняла, что находишься не в своем мире?

— Не в своем? — почти машинально переспросила я.

— Да, наверняка. Ты ведь пришла через Ворота.

Он достал из кармана и показал мне небольшой приборчик, напоминающий пейджер. Пара кнопочек и серый дисплей, на котором ничего не отражалось, но вот Аргента нажал на одну из кнопочек, и экранчик ожил. На нем появились какие-то непонятные мне символы.

— Ворота закрыты, ждем следующей вспышки, — сказал он, увидев, что я заинтересовалась. — Не невесть что, работает на прием, но радиус действия большой. Помогает.

Я помассировала руками виски, понимая, что ничего не понимаю.

— Я...

— Ты прошла через пространственно-временной тоннель, — сказал Аргента. — Из одного мира в другой через дырки, которые называются порталами или Воротами. Пока все понятно?

Я растерянно кивнула.

— Д-да.

— Этот мир называется Белый. Ты пришла из мира, где планета называется Земля и вращается вокруг Солнца?

— Да.

— Значит, твой мир называется Солнечный. Ворота в него закрыты, мы туда не ходим. Но оттуда к нам приходят. Вот так, как пришла ты.

— Как мне вернуться назад?

Аргента пожал плечами.

— Сейчас это невозможно, ибо вспышка уже была. Следующая наступит нескоро.

Меня поразили его слова, несмотря даже на затуманивающее разум лекарство. Что значит «сейчас невозможно»? «Нескоро»?

— Нам нужно идти, — сказал Аргента, протягивая руку и касаясь моего плеча. — Дс ночи мы вряд ли выберемся из леса, а мне не хочется связываться с аниморфами на их территории в и их законное время.

Но я его не слушала.

— Я никуда не пойду, — сказала я, качая головой и делая шаг назад. — Мне нужно назад. Мне нужно вернуться в... свой мир.

Он сунул руку в карман и подступил ближе, одним взглядом своих странных нечеловеческих глаз вызвав во мне дрожь.

— Я могу надеть на тебя одну особенную штуку, и тогда ты точно пойдешь за мной, — сказал Аргента, и взгляд его опустился ниже, к моей шее. — Выбирай. Если останешься в лесу, ты не вернешься домой, в этом я тебя уверяю. Обратни не любят чужаков. Они с радостью полакомятся свежим мясом. Ну. Идем же.

Вздвогнув, я протянула ему руку. Беспрестанно оглядываясь, позволила повести себя прочь от Ворот, которые пропустили меня в этот мир и захлопнулись, подчиняясь пока неведомым мне законам физики и релятивистской механики.

Мы пошли сначала неуверенно и медленно — Аргента, казалось, не очень хорошо знал дорогу — но потом все быстрее и быстрее, и, в конце концов, почти побежали.

Мы явно торопились. Солнце, еще недавно стоящее так высоко, вдруг с почти сверхъестественной скоростью понеслось к горизонту, и Аргента, то и дело оглядываясь на этот сверкающий белый шар, тоже несся вперед. Я едва за ним поспевала, но пощады не просила — мне просто не хватало дыхания, даже для пары слов. Его шестипалая кисть

крепко сжимала мою, ноги ступали так быстро, что иногда я почти летела, успевая лишь кончиками пальцев ног коснуться земли.

Сумерки вытекли из-за горизонта вязким синим морем, туманом расплескались по подлеску, затопили нас сначала по колено, потом по пояс и, наконец, накрыли с головой. Силуэты деревьев стали тоньше, выше и мрачнее. Я споткнулась о корень и упала на колени, потянув за собой Аргенту. Сил больше не было. Прижимая руки к груди, я пыталась отдышаться, а он смотрел назад, туда, откуда наступала ночь, и лицо его становилось все серьезнее.

— Ты как? — Дав мне пару минут передышки, Аргента наклонился и протянул руку. — Давай же. Нам пора. Скоро восход луны, нам надо убраться отсюда.

Мне пришлось сделать еще пару вдохов, чтобы обрести дар речи. Я замотала головой, отчаянно пытаюсь дать понять, что больше не могу.

— Я... я не... Мне нужно отдохнуть.

— Глупости. Вставай. Тут скоро появятся аниморфы, нам надо убраться с их территории.

— Я дышать... не могу, — сердце колотилось где-то в горле. — Пожалуйста.

Он хотел сказать мне что-то еще, но тут по лесу прокатился долгий низкий вой волка, и мы оба замерли, перестав спорить. Звук, казалось, шел отовсюду. Деревья зашелестели, склоняясь над нами, ночная мгла потянулась к нам своими длинными руками, и по затылку у меня пробежали крупные мурашки страха.

Я подняла голову и увидела, что солнца на небе больше нет. Не было и луны. Плотное сплетенные друг с другом кроны деревьев образовывали над головами шатер, заслоня даже свет звезд. Вой раздался снова, и теперь я без колебаний вскочила на ноги и сама потянула Аргенту вперед.

— Бежим, пожалуйста.

Мы выскочили из леса на берег какой-то маленькой речушки, и побежали вдоль ее русла. Вой раздался снова, ближе, совсем рядом с нами. Я вцепилась в руку Аргенты, но он вдруг неожиданно остановился и заставил остановиться меня.

В темноте впереди я увидела, как одна за другой загораются желтым светом огромные пары глаз. Перед нами на открытом пространстве, спокойно и величественно, выстроилась в ряд волчья стая. Липкий пот покрыл мою спину. Я плохо видела в темноте, но смогла различить гигантские силуэты животных, перекрывших нам путь вдоль реки.

Трава шелестела под порывами легкого ветерка. Аргента сделал шаг вперед, с трудом заставив меня разжать пальцы, обхватившие его запястье, и заговорил с одним из волков — огромным самцом, чья голова, если бы он подошел ближе, оказалась бы на одном уровне с моей.

— Приэ, — сказал он, — мы же вышли из леса. Мы не на вашей территории. Пропустите нас.

Волк обнажил в оскале блеснувшие в темноте зубы. Я сделала шаг за спину Аргенты, и один из волков заворчал — не злобно, но предупредительно, не от голода, но от желания поиграть.

— Приэ, — повторил Аргента, — ты знаешь, что я прав. Пропусти нас немедленно. Или мне напомнить о договоре белокрылым?

Я не знала тогда, кто такие «белокрылые», но реплика на волков подействовала. По стае прошла волна сдерживаемого беспокойства, волки заморгали своими жутко желтыми глазами

и расступились, позволяя Приэ — тому, с кем говорил Аргента, — оказаться чуть впереди. Волк степенно и неторопливо приблизился.

Сердце грозило выскочить у меня из груди, в голове зазвенело, и я едва не завопила, когда волк ткнулся носом мне в волосы. Только теперь, когда он оказался совсем близко, я смогла оценить размеры. Зубы волка были длиной с мой мизинец, морда казалась больше моей головы. И у него было шесть лап. Шесть огромных мохнатых когтистых лап.

Приэ обнюхал мои волосы и зарычал. Стая эхом отозвалась на этот рык.

— Приэ, не вынуждай меня, — голос Аргенты звучал так, словно он с трудом сдерживает крик.

Я не видела, что он делает — голова волка загораживала обзор, но остальные животные вдруг заскулили и задвигались позади Приэ, и он спрятал зубы и тоже отступил, не отводя взгляда от моего лица. В руке Аргента держал приборчик, который недавно показывал мне. Экранчик был включен и светился белым ярким светом. Приэ вернулся к своим, еще раз оскалил зубы и прыгнул с тропинки прочь. Вскоре стая растворилась во тьме леса, а мы с Аргентой продолжили свой путь уже не спеша.

— Что это было? — спросила я. — Почему они тебя послушали?

— Это волки-аниморфы. Оборотни, — сказал он. — Они понимают мою речь, потому что в каждом животном сидит человек. У них есть цикл обращения, связанный с луной того мира, в котором они родились. Приэ — лидер здешних оборотней, и обычно он чтит договор. Волки могут нападать на людей только в лесу и только во время обращения.

— Но почему же тогда они погнались за нами по равнине? — спросила я, обводя рукой пространство перед нами.

Тропинка свернула к реке, и я различила впереди очертания моста. А далеко впереди блестело окнами какое-то небольшое поселение. Похоже, мы шли туда.

— Приэ показалось, что ты... — он замолчал, подбирая слово, — опасна. Пришлось пригрозить.

— Опасна? Но почему?

На этот вопрос Аргента мне не ответил.

ГЛАВА 2

Все происходило как-то слишком быстро. События с момента прыжка и до момента, когда мы с Аргентой добрались до ближайшей деревни, где остановились на ночлег в первом попавшемся на пути доме, пронеслись с невероятной скоростью. Сколько раз потом, вспоминая их, я чувствовала, что упустила что-то важное, что-то, на что нужно было обязательно обратить внимание.

Мы переночевали в деревенском домике, где заботливый хозяин напоил нас молоком шестиногой коровы. У хозяина тоже были горизонтальные зрачки, как и у Аргенты, но меня это уже не беспокоило. Точнее, перестало беспокоить после того, как я взглянула в висящее на стене в гостевой комнате зеркало и увидела, что и мои глаза стали другими.

Весь мой облик изменился. Я стала выше, тоньше, светлее. Похожая и одновременно такая непохожая на себя. Горизонтальная полоска зрачка прорезала синий глаз, ноздри стали изящнее, нос немного задрался кверху, прибавилось по одному пальцу на руках.

Аргента — странно, но нас положили спать в одной комнате — подошел и стал рядом со мной.

— То, что ты видишь, — сказал он, разглядывая меня, — иллюзия. Твое зрение ведет себя так, подстраивая нашу реальность под ту, к которой привыкла ты. Я вижу тебя другой,

такой, какими привык видеть людей своего вида.

Я обернулась и осмотрелась, чтобы хоть немного улегся хаос в голове. Двухъярусная кровать под потолок, стол с горящей лампой, висящие за окном прямоугольные, блестящие в темноте пластинки — солнечные батареи, объяснил Аргента, тут все работает от них — полка с книгами.

С книгами? Я подошла к стоящему в углу шкафу шестиугольной формы. Открыв застеклённую дверцу, достала то, что мне показалось книгой. Это она и была, только страницы на ощупь мне напомнили пластик, из которого делают скоросшиватели. К корешку тянулся шнурок.

— Книга обновляемая, — сказал Аргента. — В государственной библиотеке ты можешь подключиться к хранилищу и скопировать себе любую книгу такого же объема.

Я ощупала корешки, проглядела еще пару книг. Они были разного размера — видимо, как раз по этой причине. Буквы были похожи на клинопись, но прочесть я их не смогла, хотя, когда начал читать Аргента, прекрасно поняла.

— «Над морем поднялась ночная звезда, и ангелы пропели песню последнего боя. Огненные демоны восстали из пепла и ринулись в атаку».

— Что это?

— Книга о Войне, — сказал он, но объяснять не стал.

Освещение в комнате постепенно тускнело — батареи отдавали накопленный за день заряд, и Аргента сказал, что нам нужно поспать. Я взобралась на второй ярус, разделась под одеялом, и он потушил свет, просто щелкнув пальцами.

Но мне не спалось. Я лежала и смотрела в высокий потолок, чувствуя, как из-за вопросов в голове становится все меньше места.

Как он нашел меня, я знала. Как я попала сюда — тоже. Но почему я стала другой, и почему, тем не менее, осталась похожей на себя саму?

Сняв рубашку, я обнаружила кое-что еще, что привело бы меня в ужас, если бы не препарат. Аргента объяснил, что ввел мне под кожу небольшую дозу успокаивающего вещества — иначе первые несколько дней ему пришлось бы бороться с моими истериками. Препарат снимал явления когнитивного диссонанса, помогал освоиться с жизнью в Белом мире и не позволял сойти с ума — и мне он точно понадобился, когда я увидела то, что увидела.

Выпуклости под грудью, небольшого размера, мягкие и теплые на ощупь. Они были того же бледноватого цвета, что и моя кожа, и при нажатии перекатывались под пальцами. Я почувствовала, как, несмотря на лекарства, волосы на голове начинают шевелиться.

— Аргента? — позвала я шепотом.

— Только не кричи, — сказал он. — Свет зажжется от громкого звука.

— Аргента, — повторила я тише. — Что это за складки у меня на теле? Какие-то выросты под грудью, что это?

— Рудименты, — отозвался он почти сразу.

— Не поняла?

— Ну, ты же видела, что наши животные шестипалые, — терпеливо пояснил он. — Мы — их потомки. Вы произошли от приматов, мы — от травоядных, отсюда и такие зрачки и еще куча особенностей, которые тебе модификатор не дал — ни к чему. Выросты — эволюционные остатки третьей пары лап, которая нам стала не нужна.

— Это конечности? — я едва удержалась от возгласа.

— Да. Не переживай, ты вернешься в свой мир в своем же облике. Изменения временные, только для того, чтобы ты смогла выжить в нашем мире. У нас с Солнечным миром разный состав атмосферы, другая гравитация... ты понимаешь, о чем я?

— Да... — прошептала я, чувствуя, как справа колотится сердце. — Я знаю, что такое гравитация.

— Так вот. Воспринимай это, как временное неудобство. Ворота модифицированы так, чтобы все после прибытия могли чувствовать себя комфортно. Здесь появляются, в основном, кислорододышащие, с дыханием проблем нет, но ранее, очень давно, бывали исключения. Прыгуны гибли, пока старшие расы не изобрели модификатор и не вставили его в Ворота. Теперь все, кто появляется, сразу обретают похожую на твою форму, и проблем нет.

Я взглянула на свою шестипалую ладонь и промолчала.

— Тебе еще объяснят все это, — сказал Аргента. — Просто отдыхай. Завтра утром мы пойдем к тетушке Раштлек.

— Куда?

— Туда, где ты проведешь следующий лунный месяц. Спи.

Мы проснулись рано утром — справедливости ради я отмечу, что ворочалась всю ночь — и, поблагодарив нашего радушного хозяина, с деревенской автобусной станции уехали в город.

Конечно же, у автобуса оказалось шесть колес. Сиденья были сгруппированы по три в два ряда, автобус был длинный и удобный. Я уселась, удобно откинувшись на спинку, приоткрыла занавеску и уставилась в окно. Аргента, зевая так широко, словно не спал всю ночь, плюхнулся рядом и закрыл глаза.

Пока мы были в пути, я разглядывала проплывающий мимо пейзаж. Все мне очень напоминало родную Землю — те же зеленые травы, те же шелестящие вдали леса, те же крепкие домики с белыми стенами. Интересно, это тоже иллюзия, созданная моим мозгом? Голубизна неба была ослепляющей, но солнце светило неярко, косыми длинными лучами. Аргента объяснил, что это из-за наклона орбиты планеты.

В автобусе нас было немного, все такие же, как и я — длинные, бледные и с горизонтальными зрачками. Ехали молча, только на самом переднем месте две такие похожие на наших земных кумушек женщины перемывали косточки соседкам.

Деревенские жители навещали столицу по разным поводам. Продать яйца и молоко, купить пряностей и запчасти для техники, навестить детей. Автобус курсировал круглосуточно, но была одна пора — полнолуние — когда ездить по дорогам в ночное время запрещалось.

— Видишь ли, — объяснил мне Аргента, когда я спросила, — как я тебе уже говорил, мы — потомки травоядных. А волки — хищники. Это у них в крови. А у нас в крови — страх перед ними, и они его чувствуют.

Наконец, впереди показался город. Высокая каменная стена отгораживала его от близлежащих деревень. На воротах высотой, наверное, в три человеческих роста стояли стражники. Я увидела у них в руках оружие, напомнившее мне алебарду со старинной картинки — на длинное древко был насажен металлический наконечник с крюком. Выглядело угрожающе, особенно когда эти наконечники уставились на нас.

Водитель остановил автобус, стражники проверили какие-то бумаги и пропустили нас дальше, открыв ворота нажатием какого-то рычага позади одного из них.

Я постепенно начинала понимать, что технологически этот мир похож на наш, хотя и со своими особенностями. Электричество не использовалось вообще и уже давно. Энергию добывали из солнца — день здесь длился, как рассказал Аргента, очень долго, а смены времен года почти не было. Использовали полимеры, отказавшись от вырубки лесов тоже уже давно. О топливе вроде нефти и не слышали. В горах пользовались энергией быстрых горных рек. Вокруг городской стены раскинулись поля, за ними — луга для выпаса скота.

У жителей Белого мира не было предрассудков в отношении не эволюционировавших собратьев — их молоко потребляли, их шерсть стригли, их труд использовали на полях.

Но их не ели. Когда я заикнулась о мясе, Аргента посмотрел на меня так, словно я предложила убить водителя и съесть его сырым.

— В нашем мире не едят мясо, — сказал он. — Мы же травоядные. Мы не можем есть мясо, мы его просто не переварим. Да и противно это.

Вспомнив о сочных котлетках и пряных курочках-гриль, я проглотила слюну и больше на эту тему не говорила.

Может, со стороны покажется, что я относилась к происходящему наивно. Да, наверное, так и было. Шестиногие собаки вызвали у меня умиление, рассказы Аргенты о том, что вечером мы идем на прием по случаю инициации — восторг, известие о том, что кроме меня в Школе будет учиться еще одна девочка с Земли, заставило почти затанцевать на месте. Лекарство будет действовать сутки, предупредил Аргента. Потом я постепенно перестану всему радоваться, и начнется период адаптации.

— Кстати, — сказал он, когда автобус остановился на рыночной площади, — пора бы уже тебя как-нибудь назвать. Как насчет Стилгмар?

— Но у меня есть имя, — запротестовала я.

— Нет, оставь свое истинное имя себе. Здесь каждый начинает новую жизнь. Стилгмар — значит Первая, а ты первая моя ученица после очень долгого перерыва. Мне кажется, оно тебе подходит.

Я попробовала имя на вкус, произнесла его вслух, и мне понравилось.

— Хорошо. Пусть Стилгмар.

Мы перебрались на другую сторону запруженной транспортом улицы и свернули в переулок. Руководили движением тут просто — после длинного предупреждающего гудка из полотна дороги показывались зубья, которые преграждали путь одному из потоков машин. После второго гудка зубья скрывались под гладким синтетическим покрытием. Я поняла, что это не камень и не асфальт, и, попросив Аргенту остановиться, присела и коснулась серебристой поверхности проезжей части рукой. Ощущение было такое, словно касаешься куска теплой резины.

— Катаясь по дорогам днем, машины отдают энергию этому материалу, — сказал Аргента. — Ночью, когда солнца нет, материал отдает ее обратно, и машины могут ездить по городу даже в темноте.

Мы прошли пару кварталов и свернули к красивому двухэтажному дому, окруженному садом. Дорожка была украшена разноцветными камнями, воздух просто благоухал от обилия растущих вокруг цветов. Конечно же, ни одного я не узнала.

Аргента нажал на кнопку, и в глубине дома раздалась птичья трель. Спустя пару мгновений дверь открылась, и на пороге появилась пожилая тучная женщина в облаке седых волос. Увидев нас, она взмахнула руками и разразилась причитаниями.

— Да неужели, Аргента! Очень, очень рада тебя видеть! Ты похудел, мой мальчик, так

похудел! Неужели это твоя новая Протеже?

Прозвучало последнее слово именно с большой буквы.

— Наконец-то, мой мальчик! — Она шагнула за порог и неожиданно обняла меня, да так крепко, что я едва не задохнулась. — Аргента, я очень рада, очень. Надеюсь, все будет хорошо, и ты будешь жить у меня постоянно.

Кажется, эти слова были обращены ко мне, но я просто не могла вздохнуть, и потому ничего не ответила.

— Да, тетушка Рашплек, это моя Протеже, Стилгмар. Ну, отпустите уже ее, задушите.

Женщина отпустила меня и, снова всплеснув руками, исчезла за дверью. Я и Аргента последовали за ней и, переступив порог, оказались в большой светлой комнате с высоким потолком.

— Милая моя, меня зовут Рашплек, но ты зови меня тетушкой, — донеслись до меня слова тетушки Рашплек откуда-то сбоку. — Твоя комната наверху, на завтрак будут пирожки с кагцве и молоко.

— С чем? — переспросила я у остановившегося на пороге Аргенты, но он только засмеялся.

— Ну, тут я вас оставляю, — сказал он. — Нужно заполнить кучу карт прибытия, да еще внести тебя во всевозможные списки. Я пойду.

Я в растерянности обернулась и уставилась на него.

— Погоди, а я?

— Тетушка Рашплек о тебе позаботится. Ты не первая Протеже из другого мира, которую она принимает. Все будет нормально.

И он самым обычным образом захлопнул передо мной дверь.

Заколов волосы в высокую вычурную прическу, тетушка Рашплек появилась откуда-то из боковой комнаты и поманила меня за собой.

— Идем завтракать.

Я послушно пошла за ней.

Дом сразу показался мне большим — гостиная была просто огромной и абсолютно пустой за исключением пары кресел у какого-то экрана на стене — но кухня была поистине циклопических размеров. В ней помещалось два стола на шесть персон, целый ряд шкафов и куча приборов и агрегатов, назначения которых я не понимала.

— Это холодильник, — сказала тетушка, показывая мне на лежащий на полу длинный короб. — Там мы храним все, что нуждается в холоде.

Она прошла по комнате, называя мне приборы и рассказывая об их назначении. Большая коробка — печь для хлеба, коробка поменьше на стене готовит кагцве — какой-то продукт жизнедеятельности насекомых, очень, как потом оказалось, вкусный, в шарообразной конструкции с краниками на стене были сухие напитки, большой котел нагревал воду — вскоре я запуталась, но она не остановилась, пока не рассказала обо всем.

Налив мне холодного молока и взяв со стоящего на втором столе лотка пару кусков пирога с кагцве, она положила их передо мной на пластиковый прямоугольник, заменяющий тарелку, и уселась напротив.

— Ну, — сказала тетушка, — приступай.

Я откусила кусок пирога — по вкусу кагцве напомнил мне тушеную капусту с грибами — и отпила чуть кисловатое молоко. Мне понравилось, и я без лишних слов принялась уплетать за обе щеки. Тетушка ни о чем не спрашивала, просто сидела и молча смотрела,

как я ем.

Покончив с завтраком, я отставила стакан и поднялась, не зная, что делать дальше.

Тетушка Раштлек пришла мне на помощь.

— Ты можешь погулять по саду, — сказала она. — У меня несколько видов фруктовых деревьев, может, какие-то и узнаешь.

Я поблагодарила и не отказалась.

— Только тебе сначала надо переодеться, — сказала она. — Дам тебе кое-что из своего.

Мы вышли из кухни и, пройдя через огромную гостиную, поднялись наверх по винтовой лестнице. Тетушка сразу показала мне мою комнату — красивую, с шестиугольным туалетным столиком, мягкой кроватью и шкафом, который мы обязательно набьем одеждой.

Потом мы пошли по длинному коридору дальше, к гардеробной.

Не знаю, из-за лекарства или потому что мне, как любой девушке, нравится красивая одежда, но чувствовала я себя, перебирая висящую на вешалках одежду настоящей попаданкой в другой мир. Сейчас из меня сделают красавицу, потом будет бал, а потом я встречу прекрасного принца и окажется, что я — именно та избранница, которую он ждал. Я почти ждала, что мне дадут воздушное платье в цветочек и туфли на шпильках, но тетушка отодвинула вешалки с парадными нарядами в сторону и перешла к гораздо более прозаическим.

И вот я переделалась в простую белую рубашку с короткими рукавами и нашивкой на левом плече в форме зеркально отраженной буквы «Э» и брюки серого цвета — не совсем мой стиль, но тетушка Раштлек настояла.

— Белый и серый — мои цвета, — сказала она. — Брюки означают, что ты новичок и еще не начинала обучения. Когда пойдешь в Школу, будешь носить юбку.

— Меня будут учить магии? — спросила я почти серьезно.

Тетушка Раштлек посмотрела на меня, чуть скривив уголок рта.

— А что это такое?

— Ну, — я решила блеснуть познаниями из романов. — В моем мире всех попаданок учат магии. Волшебству. Колдовству. Умению что-нибудь изменять или создавать силой мысли, превращаться в кого-нибудь. Мне положено оказаться дочкой какого-нибудь великого волшебника и спасти ваш мир от гибели. Классика жанра.

Через десять минут, когда я разъяснила смысл понятий «попаданка», «магия» и «фэнтези», тетушка Раштлек, наконец, поняла, о чем речь.

— Ну что ты, — сказала она, ласково потрепав меня по руке. — Наш мир уже спасен. Ты познакомишься с Великим Героем, если захочешь. Он как раз дописывает книгу о своих невероятных подвигах. Ининджер помогает ему разобраться в хронологии.

— Тогда как насчет выскочить замуж за вашего принца? — с надеждой поинтересовалась я. — Аргента говорил, у здешнего правителя есть дети.

— Да, два сына, — кивнула тетушка Раштлек. — Но наследник престола, Дэлакон, уже женат. Второй сын, Лакс, твой ровесник, но это дело гиблое.

— Крепкий орешек? — с любопытством спросила я.

Мы вышли из гардеробной и направились обратно вниз.

— Нет. Но он почти все время проводит в других мирах. Может, вы даже и встречались с ним в твоём мире. Он... путешественник.

— Значит, осталось только вселенское Зло. Как только я стану самой талантливой и самой способной ученицей, сразу же выяснится, что я — Зло, которое надо уничтожить

любой ценой.

— Ты забыла о Герое, — напомнила тетушка Раштлек. — Все уже было в этом мире, деточка.

— Так все-таки, — подумав, решила уточнить я, — меня будут учить магии?

— Нет, — моя квартирная хозяйка покачала головой. — По окончании курса обучения ты будешь дипломированным гидом по своему миру для тех, кто туда попадет. Никакой... магии. История, может быть, немного психологии. Универсальный язык гальбэ — обязательно. На шестом курсе ты пройдешь последние испытания и станешь дипломированным гидом. Я надеюсь, я доживу до этого дня.

Я остановилась на ступеньке лестницы в легком замешательстве.

— Так обучение длится долго?

— Около трех здешних лет. По два курса за год, в теплое и холодное время года.

— Меня не будет здесь, — начала я, но тетушка Раштлек покачала головой, и я замолчала.

— Отказываться от обучения не стоит, деточка. Ты... все равно сюда вернешься, раз уж здесь побывала.

Она смутилась, словно сказала что-то лишнее.

— Лучше спроси своего Патрона сама. Уверена, это недоразумение легко решится.

И она поспешно скрылась в кухне, оставив меня стоять посреди огромной пустой гостиной.

ГЛАВА 3

Я вышла из дома, все-таки воспользовавшись предложением тетушки Раштлек и решив прогуляться по саду.

Мысли кружились вокруг ее слов о трех годах и о том, что я «все равно» сюда вернусь. Что она имела в виду? И что именно говорил мне об обучении Аргента? Кажется, лекарство не совсем благотворно влияло на мою способность к здравомыслию.

Кстати, сад был почти как земной. Деревья, похожие на яблони, деревья, похожие на каштаны, цветы, напоминающие георгины и розы, трава, совсем неотличимая от нашей.

Я думала, что сад принадлежит только тетушке Раштлек, поэтому очень удивилась, когда услышала из-за аккуратно подстриженных кустов голоса. Совсем близко. Оказалось, за кустами сад не заканчивался, а продолжался, укутывая зеленью соседний дом так же, как сад тетушки Раштлек укутывал ее. Там стояла скамейка, на которой, насколько я смогла увидеть, вытянув шею, сидели и болтали о том о сем парень и девушка. Не желая вмешиваться в разговор, я отошла прочь, и только тут поняла, что говорили беседующие на языке, которого я не понимаю. Более того, это был язык не моего мира. Я учусь на экономическом факультете института международных отношений, так что уж языков наслышалась массу, да и сокурсниками у меня были парни и девушки из разных стран. Но это был точно не земной язык. Слишком много гласных, сплетенных в дифтонги, слишком длинные и певучие слова.

Я погрузилась в подслушивание настолько, что не заметила, что по эту сторону изгороди появился кто-то еще. Высокая худощавая девушка появилась почти из воздуха. Увидев меня, она подпрыгнула от неожиданности, и глаза ее расширились.

— Лейлаан, — сказала она виновато. — Ниджиияан.

— Увы, я не понимаю, — сказала я, качая головой.

— Ой, — незнакомка округлила глаза в удивлении. — А откуда ты тогда тут взялась?

Прежде чем я раскрыла рот, она быстро оглядела меня и затараторила:

— Поняла, поняла! Ты — новенькая. Тетушка Рашплек, серые брюки — как же я не обратила внимания сразу. Меня, кстати, Дансти зовут. Дансти Лелладжен. Мой Патрон — советница Мастера Лелла.

Она протянула руку совсем земным жестом, и я земным же жестом ее пожала. У моей новой знакомой были красивые карие глаза и темные волосы, сколотые на затылке декоративными шпильками. Носила она коричневую юбку и белую блузку с буквой, напоминающей «П», на плече. Значит, не новенькая, рассудила я, припомнив слова тетушки Рашплек.

— Будем знакомы, — пробормотала я.

Она вздохнула.

— Куда уж теперь денешься. Меня переводят в младшую группу, так что, скорее всего, мы будем учиться вместе. Не сдала экзамен.

Дансти уселась рядом и повернулась ко мне.

— Ты не думай, у нас все строго, — сказала Дансти. Глаза ее, противореча, смеялись. — Мы целыми днями занимаемся в классе, зубрим язык, учимся находить Ворота и ходить по мирам. Туристов водим, экспедиции всякие исследовательские... Я познакомлю тебя с Бельгдэн, когда у нее будет хорошее настроение. Она вот-вот должна прийти. Наверное, будет рада знакомству. Мы любим сад тетушки Рашплек, тут много красивых цветов.

Дансти мне определенно нравилась. Мы поболтали еще немного. Она рассказала мне с сегодняшнем мероприятии — в общих чертах, но мне этого оказалось достаточно. Я была поражена. Аргента говорил о «приеме». Судя по словам Дансти, на «приеме» должно быть около пяти сотен гостей. Нам, новичкам, нужно будет по очереди выходить вперед, в центр большого зала дворца и рассказывать о себе и о том, почему мы достойны обучения в Школе.

— То есть меня могут и не взять?

— Ну, если ты понравишься Владыке — дело в шляпе. Но тут все зависит от того, что решит камень. Он наверняка задаст тебе какой-нибудь вопрос. Но ты можешь отвечать, что в голову взбредет. Главное — не в словах, главное в том, как отреагирует на тебя Кристалл.

Ого, это уже было что-то новое. О Кристалле (а звучало название именно с большой буквы «К») никто ранее не упоминал. Я спросила, что это за штука.

— Камень, висящий на шее Владыки. Типа талисмана. Он реагирует вспышками на тех, у кого есть талант к перемещению между мирами. От цвета вспышки зависит то, в какую группу ты будешь переведена. В этом сезоне у Большого «К», видимо, плохое настроение. Взял и вернул меня обратно к малышне. Лелла была очень недовольна.

Дансти на мгновение взгрустнула, но тут же снова воспрянула духом.

— Ну, зато я познакомилась с тобой! — она потрепала меня по руке дружеским жестом. — Вот увидишь, скучно не будет!

— Лучше бы ты немного поскучала над учебниками, сестренка, — донесся до нас тонкий высокомерный голос, и из-за кустов показалась еще одна девушка в бело-коричневом наряде.

Она была одновременно и похожа, и не похожа на Дансти. Те же карие глаза, те же длинные темные волосы, но черты лица тоньше, аристократичнее и приятнее. Лицо, увидев которое, мужчина остановится и задержит взгляд. Сестра моей новой знакомой была просто красавицей, но я ее сразу же невлюбила, ибо, одарив меня колючим хмурым взглядом, она ясно дала понять, что в подруги я ей не гожусь.

— Нам давно пора быть на остановке, ты в курсе?

— А это — моя обожаемая сестренка Бельгдэн, — жизнерадостно представила ее Дансти. — Бель, это Стилгмар Аргентджен. Она будет учиться с нами.

— Прикажешь станцевать от радости? — спросила та холодно. — Я и твоему-то соседству в группе не рада, если к слову. А Протеже Аргенты — особенно. Ты, Стилгмар, кажется намного старше нас. Тебе будет с нами неинтересно, поверь. Может, передумаешь учиться?

— Она злая, потому что сидит на диете, — подмигнула мне Дансти. — Не обращай внимания. А то, что ты старше, не играет никакой роли. Для обучения возраст не имеет значения.

Она снова похлопала меня по руке.

— Так и будешь сидеть? — спросила Бель. — Нам еще нужно по магазинам, придется к вечеру. Не хочу выглядеть перед Владыкой замухрышкой.

Она повернулась и пошла прочь, не дожидаясь сестры. Дансти ободряюще сжала мою руку и поднялась.

— Ну, до вечера, Стил.

Замерла на мгновение.

— Кстати. Язык, на котором я с тобой заговорила — универсальный. «Лейлаан» — это «извиняюсь», а «ниджиияан» — «прошу прощения». Запомни. Они произносятся только вместе. В первое время эти слова очень часто придется повторять.

Коснувшись моего плеча, она побежала за сестрой, почти сразу же скрывшись из виду.

Я вернулась в дом вовремя — тетушка Раштлек как раз оделась для прогулки и намеревалась позвать с собой меня.

— Мы с тобой ходим в магазин, Стилгмар, — сказала она просто. — Для праздника нужно придеться.

— Мне никто не говорил, что мое прибытие в этот мир — праздник, — заметила я, но моей попытки пошутить она не оценила.

Мы еще раз наведались в гардеробную, где тетушка отыскала для меня легкий палантин на плечи.

— Сегодня будет большой прием. Солнечный мир — последний в числе тех, откуда ждали новобранцев, — сказала тетушка Раштлек, открывая дверь. — Теперь обучение можно начинать.

Мы вышли из дома и, спустившись по ступеням крыльца, оказались на улице. Далеко справа высились шпили и развевались дворцовые флаги — белые треугольники с золотистой каймой, символы государства Маркант, Белого мира и семьи правителя, как пояснила мне тетушка.

— Три одинаковых флага означают, что интересы страны, семьи и мира для Владыки неделимы.

Мы с тетушкой должны были пройти всего лишь квартал, вернувшись на ту рыночную площадь, куда не так давно привез нас с Аргентой автобус, но это заняло достаточно много времени — нас останавливали, спрашивали, рассматривали. Как оказалось, она была известной личностью.

— Все в порядке, спасибо. А это Протеже Аргенты Ининджерджена, — говорил тетушка Раштлек, и взгляды сразу наполнялись интересом.

И я чувствовала себя новоиспеченным Гарри Поттером.

Наконец, мы перешли через дорогу и вошли в ворота, за которыми раскинулась

рыночная площадь. Палатки, павильоны, лотки, магазины — все было как на Земле. Гомон голосов оглушил меня после относительной тишины сада и дома.

— Идем. Нам в павильоны, — сказала тетушка Раштлек, подхватывая меня под локоть. — Не отходи от меня ни на шаг и никого не разглядывай — это покажется неприличным для новичка.

Да уж, зато меня разглядывать было прилично.

Тетушка Раштлек остановилась в дверях какого-то павильона так неожиданно, что я едва не налетела на нее. На ступенях крыльца толпился народ. Тетушка пропустила тех, кто выходил, подошла к дверям, которые приветливо распахнулись перед нами.

— Так, — сказала она. — Запомни это место, Стилгмар. Это — магазин спецодежды для учеников. Здесь сегодня я оплачу тебе твое первое платье. В дальнейшем тебе придется делать это самой. Выбирать лучше что-то в серой гамме. Это мои цвета, и они должны стать твоими.

Мы вошли в павильон рука об руку, и я буквально задохнулась от увиденного. Нет, не было великолепия тканей, обилия цветов и фасонов, да и сам павильон не поражал размерами. Но спиной ко мне, вежливо переговариваясь друг с другом и не обращая внимания на снующих туда-сюда покупателей, коих, кстати заметить, было тут предостаточно, стояли два человека с крыльями. Они были одеты в брюки и рубашки, перебирали парфюмерию у прилавка, но за их спинами, аккуратно сложенные, были крылья.

— Тетушка Раштлек, — по-детски дернула я ее за рукав. — Кто это?

— Архангелы, — сказала она просто. — Так, нам, пожалуй, в отдел готовой одежды. Ты не такая уже и нестандартная, уверена, что-то, да найдем.

Я не успела разглядеть архангелов — пришлось буквально ввинтиться в толпу и изо всех сил работать локтями, чтобы не потерять тетушку из виду. Мы протиснулись через пару переходов, свернули, еще раз свернули и оказались в относительно свободном помещении, заставленном вешалками на колесиках. Навстречу выбежала полная краснолицая женщина-продавец. Увидев тетушку Раштлек, она всплеснула руками.

— Давно вас не видела, сарра! Рада, очень рада! Будем подбирать одежду на эту молодую особу?

Не дождавшись даже кивка, она растолкала вешалки в разные стороны, освободив пространство и открыв для обзора вещи в той гамме, о которой предупреждала меня тетушка Раштлек. Серое и белое. Но какое серое! Струющийся шелк, невесомый шифон, благородный бархат, еще куча неизвестных мне тканей. Все это выглядело очень элегантно и смело. Судя по выражению лица хозяйки отдела, она твердо намеревалась заставить меня купить, по меньшей мере, половину из представленного.

Тетушка Раштлек решительно направилась к одной из вешалок, на которой висели платья средней длины. Я покосилась на мои любимые макси, вздохнула, последовала за ней.

— Это, — тетушка ткнула пальцев куда-то в середину. — И эти два. Примерочная справа за ширмой, Стилгмар, иди. У нас мало времени.

И началось.

Нет. И НАЧАЛОСЬ — так правильнее. Я надела воздушное белое платье в серые горошек («слишком просто»), крепдешинное серое с белым воротником-жабо («она к Владыке идет на прием или на площадь, развлекать толпу?»), шелковое с бантом на талии («от груди ничего не осталось»), и так далее, и так далее. Тетушка не стеснялась в комментариях. Живот убрать, попу втянуть, выпрямись, подбородок подними, плечи назад,

талиа длинновата, шея коротковата, поставь ноги на ширину плеч.

Через час я уже была готова взять любое платье, продавец — отдать это любое за бесценок, но тетушка помучила нас еще немного, прежде чем остановить свой выбор на наряде почти школьной расцветки — серый низ, белый верх. Рукавов не было, поэтому тетушка купила к нему еще серый жакет.

Я переоделась в обычную одежду, купленная была заботливо сложена в пакеты, и, расплатившись и распрощавшись с продавцом, мы вышли из отдела готового платья. Тетушка почти на ходу купила мне два комплекта нижнего белья и пару обуви под платье. Обмениваясь приветственными возгласами с теми, кто попадался навстречу, мы наконец-то двинулись к выходу.

Архангелы снова попались мне на глаза. Я снова вытаращилась на них, как на чудо чудное, и тетушка снова не дала мне толком рассмотреть этих красавцев. Впрочем, я была уверена, что увижу их еще не раз. Если архангелы тут — обычное дело, мне еще выпадет шанс с ними встретиться. Возможно, и познакомиться. Я на это надеялась.

Мы вернулись домой, и тетушка снова принялась меня кормить — на этот раз бутерброды и чай.

— А теперь тебе пора отдохнуть, — сказала она, когда я наелась. — Ты должна выглядеть свежей на приеме у Ининджера.

Тетушка вручила мне пакеты с одеждой, доселе стоящие у порога кухни и легонько подтолкнула в нужном направлении.

— Давай, деточка. Осваивайся. Пора уже поверить в происходящее.

— Я стараюсь, — честно буркнула я себе под нос. — Очень стараюсь.

Лестница. Коридор. Дверь.

Большой платяной шкаф приветливо распахнул дверцы мне навстречу, и я разложила одежду. Забралась на застеленную покрывалом в крупную серо-розовую клетку кровать и, закрыв глаза, неожиданно даже для самой себя провалилась в сон.

Проснулась я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Сначала даже не поняла, где нахожусь, и что в моей комнате делает пожилая женщина, разряженная в пух и прах.

— Стилгмар, — сказала тетушка Раштлек. — Просыпайся. Нам пора собираться на прием.

Я кое-как сообразила, что к чему. Протерла глаза, поднялась с кровати, с непривычки отшатнулась от своего отражения в зеркале.

— Закрой глаза.

Тетушка побрызгала мне на лицо чем-то освежающим.

— Ну вот, так-то лучше. Давай, я помогу тебе одеться.

Я, слегка стесняясь, разделась до белья, аккуратно, стараясь не зацепиться за крючки воротника, влезла в платье. Тетушка Раштлек застегнула его, пригладила, отступила, удовлетворенно меня разглядывая.

— Не красавица, но выглядишь хорошо.

Я надеялась, что мне не придется привыкать к ее прямоте.

— Жакет возьми с собой. Возвращаться будешь поздно, можешь замерзнуть.

Будешь? Вопрос так и вертелся на языке, но тетушка Раштлек не позволила мне его задать. Повела к туалетному столику, усадила, быстро причесала волосы, разделив их на прямой пробор, чуть распушила.

— Обувайся и пойдём.

Что мне оставалось? Я надела туфли, прошла по комнате, с удовольствием отмечая, что нигде не трет и не жмет, кивнула тетушке. Готова. Вперед, Нина.

ГЛАВА 4

Мы проехали две остановки до дворцовой площади, а остальную часть пути прошли пешком. Тетушка молчала, я тоже не лезла с разговорами. Подходили к концу сутки, и меня постепенно накрывало — волна за волной — осознание реальности.

И от этого осознания волосы становились дыбом, разговоры с Дансти и Бель казались полнейшей глупостью, а само мое попадание в этот чужой и такой непохожий на наш мир — сюрреалистичным сном, который слишком уж затянулся.

Я поверила существу, которое даже не было человеком.

Я согласилась учиться с другими нелюдьми.

И я «все равно» вернусь в этот мир.

Настало время появиться главному герою. Мудрому учителю или безумно влюбленному в меня с первого взгляда красавцу, который расскажет мне, как проснуться, и мы с ним будем жить долго и счастливо.

А пока впереди была громада дворца, откуда неслись разговоры и шум, и огромные распахнутые настежь дверь впускали и выпускали непрерывный поток гостей.

Мы прошли по выложенной камнем дорожке и поднялись по парадной лестнице к дворцовым воротам. Выстроившаяся у входа дворцовая стража в униформе белого цвета единым движением наклонила головы, приветствуя нас, и мы вошли внутрь.

Горели огни, ненавязчиво и легко звучала настоящая, живая симфоническая музыка, и вокруг сновали облаченные в столь же символические, как и мои, цвета люди. Помещения были залиты светом висящих под потолком изысканных люстр. В вазах у дверей стояли свежие цветы, везде сверкала позолота. Коридоры, широкие и светлые, вели нас прямо вперед. Я увидела Дансти и Бель в нише у окна, кивнула младшей сестре, проходя мимо. Дансти заулыбалась и помахала рукой,

Мы прошли через толпу и оказались в светлом широком коридоре перед высокими дверями, у которых стояла стража. Выражения лиц говорили о том, что так просто проскользнуть не удастся. Но никто не рвался вперед — все ждали знака. Тут яблоку было негде упасть. Подростки, взрослые — все толпились у входа, говорили, смеялись, хлопали друг друга по плечу и поздравляли, пока я не поняла, с чем.

Аргента вынырнул откуда-то из боковых покоев, приблизился, предусмотрительно сохранив между собой и мной, как у нас говорят, пионерское расстояние. Он был хорош в своем белоснежном костюме и черных перчатках без пальцев. Я заметила, что на него заглядываются.

— Привет, Протеже. Тебе идет серый цвет. Тетушка Раштлек, дальше я беру Стигмар под свой контроль.

Оживление вокруг усилилось. Я заметила, что все выстраиваются парами. Тетушка Раштлек похлопала меня по руке.

— Ну, деточка, мне пора. Веди себя естественно. Ты не лучше, но и не хуже остальных. Встретимся после церемонии.

Ее глаза в последний раз прошлись по моему наряду. Аргента нетерпеливо потянул меня за собой, и, кивнув тетушке Раштлек, я повернулась ко входу в помещение, которое, как почти сразу же сообщил мой кавалер, и называлось Большим залом.

— Я буду рядом, — сказал он мне тихо, но вся очередь, как по команде, вдруг вздохнула

и повторила своей старшей половиной его слова.

— Я буду рядом.

— Я буду рядом.

Двери с торжественной медлительностью отворились, и перед нами во всем своем великолепии предстал Большой зал Мастера правления.

У входа возник, словно из воздуха, седовласый человек с резкими чертами лица в церемониальных, как я подозревала, одеждах. Шаровары, вышитая золотистыми нитями рубашка, причудливый головной убор в виде маленького тюрбана.

— Ининджер, — шепнул Аргента.

Значит, вот он — распорядитель сегодняшнего вечера. Я неожиданно встретила с ним глазами. Пронзительный взгляд, казалось, приковал к себе.

— Я прошу вас проходить! Я приветствую вас! — торжественно объявил Ининджер. Голос оперного певца, глубокий, звучный, разнесся по залу, и наверняка был слышен в каждом его уголке. — Я приветствую Керридара и Патрона Камнри!

Первая пара, невидимая мне с позиции, которую занимали мы с Аргентой, ступила через порог.

— Я приветствую Тарджлек и Патрона Эглена!

Вторая пара. Я вслушивалась в незнакомые, непривычно звучащие имена и все шагала и шагала, рука об руку с Аргентой, вперед и вперед, пока не оказалась совсем рядом с Ининджером и не услышала:

— Я приветствую Стилгмар и Патрона Аргенту!

Рука моя мгновенно заледенела, когда я заглянула в холодные глаза Ининджера и поняла то, что осознали другие до меня, и что предстояло понять тем, кто шел позади. Ининджер не видел нас. Он был абсолютно слеп, и омуты его темных глаз были настоящей бездной, в которую я могла упасть, если бы не поддержка Патрона.

Захотелось сбежать, но Аргента оказался начеку. Он вцепился в мою руку как клещ.

— Спокойно, — не разжимая губ. — Я же сказал, что буду с тобой. Правая нога, Стилгмар. Левая нога. Не забываем дышать. Не забываем дышать.

Я постаралась выбросить из головы выражение глаз Патрона моего Патрона, и прийти в себя. Кажется, к середине пути это стало получаться. Я даже ни разу не споткнулась на своих каблуках-шпильках, шла уверенно, глядела прямо перед собой. За несколько метров до трона потоки Патронов и Протеже разделились. Аргента выпустил мою руку и направился в одну сторону без единого слова, я же, следуя за шедшими впереди, так же молча пошла в другую.

Я увидела, наконец, величественный трон, стоящий на возвышении, покрытом белой тканью. Сам трон тоже был выкрашен в белый цвет и обит белым — все, как и в Малом зале, где вчера Мастер правления нарек меня Протеже. Ленгтерн Маркантисджен, Мастер правления и Владыка империи Маркант, сидел посередине. Это был коренастый седовласый мужчина с необычно массивной челюстью и почти серой кожей. По левую руку от него, в кресле поменьше, восседал молодой мужчина с усами и бородой, красивый и серьезный. Темные волосы, темно-зеленые, почти черные глаза. Я поняла, что это старший сын и наследник, Дэлакон. Кресло справа пустовало.

Мы выстроились в два ряда в центре зала. Патроны и напротив — Протеже. Остальные гости приема разошлись, образовав полукруг позади нас. Ининджер величаво прошествовал к самому трону, остановился у его ступеней и обернулся к нам, воздевая руки почти

гротескным жестом.

— Сарры! Внимание!

Гомон, наполнявший зал, стих, оркестр, который, как я только сейчас заметила, занимал весь правый угол помещения, стал играть тише и более спокойную мелодию.

— Как каждый из вас знает, сегодня — необычный день! Младшая группа, которая только-только начинает обучение, пополнилась сразу тремя пришельцами из других миров! Это знаменательное событие, равное которому случалось уже очень давно, и потому, если позволите, я начну церемонию именно с наших гостей! Перла, гостя из Солнечного мира! Прошу выйти вперед.

Девушка в темно-синем наряде с красными полосками по бокам вышла вперед, и смело и уверенно прошествовала к центру зала. Остановившись по правую руку от Ининджера, который уже обернулся к Владыке, она замерла в ожидании. Я разглядывала ее лицо, смуглое и типично латиноамериканское, с большими черными глазами и крупным ртом, который чуть кривился набок от сдерживаемых эмоций. Как там Аргента сказал? Мозг создает иллюзии, да? Кажется, теперь я начинала действительно понимать, что это значит.

— Прошу внести Кристалл! — раздался голос Лентерна, властный и зычный.

Одновременно с его хлопком в ладоши в Большой зал через боковую дверь торопливо вошел молодой человек. Каштановые волосы растрепаны, зеленые, как бутылочное стекло, глаза полны еле сдерживаемого нетерпения, брюки и жилетка выглядят так, словно их владелец пару часов валялся в придорожной пыли. Я помнила слова тетушки Раштлек о детях Владыки, и потому логично предположила в вошедшем Лакса, того самого путешествующего по мирам младшего сына.

— Прошу прощения! — небрежно бросил этот нарушитель спокойствия и, поднявшись по ступеням, нахально уселся по правую руку от Мастера правления.

Секундное замешательство от вторжения позволило слугам наконец-то внести Кристалл — обычный, кажется, даже не драгоценный камень в оправе на бархатной подушечке. Его заботливо и аккуратно подали Владыке, который и ухом не повел при появлении сына.

— Приблизься, Перла.

Латиноамериканка смиренно склонила голову и подошла к трону. Владыка положил камень на ладонь и вытянул ее в сторону девушки.

— Поздравляю тебя, Перла Сибигджен. Ты принята в нашу Школу. Как называется мир, из которого ты пришла?

Перла подняла голову.

— Мой мир — Земля, Владыка Лентерн.

Я видела, как дернулись ее плечи, когда Кристалл вспыхнул ярким синим светом. Перла инстинктивно заслонила рукой от вспышки, и Владыка, чьи глаза, казалось, были невосприимчивы к сиянию Кристалла, засмеялся.

— Твоя специализация — Открытые гуманоидные миры, Перла.

Девушка была уже готова вернуться на свое место, как тут вмешался Лакс.

— Позволь, отец. — И без разрешения: Твои цвета — синий и красный, Перла. Ты знаешь, что они означают?

Я похолодела от этого вопроса. Ясное дело, цвета что-то значат, а я даже не соизволила поинтересоваться у тетушки Раштлек, что. Если от вопроса зависит мое обучение...

Он улыбнулся, не услышав ответа от Перлы, чья спина красноречиво даже для меня выражала смущение и досаду.

— Не страшно, Перла. Историю веду я, так что ты все узнаешь в свое время.

Так вот у кого на экзамене провалилась Дансти! Я почему-то преисполнилась уверенности в том, что с этим предметом и у меня не все будет хорошо.

Ининджер подал почти незаметный знак: мол, это все, можешь идти, и Перла вернулась на свое место, весьма сконфуженная.

— Стилгмар, гостя из Солнечного мира! — зазвучало мое имя, и сердце ухнуло куда-то в пятки. — Прошу выйти вперед!

Я едва удержалась от желания вытереть вспотевшие ладони о ткань платья или попытаться его поправить. Стараясь ступать аккуратно, но уверенно, я вышла из строя и, глядя только перед собой, приблизилась к Ининджеру и Владыке.

— Приблизься, Стилгмар.

На негнущихся ногах я сделала еще шаг.

— Расслабься, — насмешливо сказал Лакс. — Никто не собирается топить тебя в озере. Я почувствовала, что готова провалиться сквозь землю от его пренебрежительного тона и слов. На мне приличное платье, красивые туфли, и тетушка Раштлек сказала, что я хорошо выгляжу. Я не споткнулась, и не сказала ничего лишнего. Да, и мне идет серый цвет.

Что же не так?

Я посмотрела прямо в глаза младшего сына Владыки и растянула губы в усмешке. Расслабиться, значит? Если кто из нас нервничает, то точно не я.

Владыка же сделал вид, будто ничего не происходит. Он вытянул раскрытую ладонь с Кристаллом в мою сторону.

— Поздравляю тебя, Стилгмар Аргентджен. Ты принята в нашу Школу.

— Во Вселенной тысячи обитаемых миров, — сказал Лакс. — Но из Солнечного мира вас прибыло двое. Ты знаешь, кто такие аниморфы, Стилгмар?

Его речь показалась мне несвязной и нелогичной. Как слова о мире, из которого я прибыла, связаны с оборотнями, бродящими по темным лесам? Я еще думала, когда услышала свой голос, произносящий вовсе не то, что я хотела сказать.

— Притворщики, Владыка Лентерн, — сказала я, глядя на Лакса. — Аниморфы — это притворщики.

Кристалл полыхнул зеленым светом, когда я по знаку Мастера правления коснулась его рукой.

— Твоя специализация — Закрытые миры, Стилгмар, — провозгласил Владыка, и я могла бы поклясться, что услышала позади себя вздох, вырвавшийся из груди Аргенты.

Я вернулась в строй, гадая, что это значит. Лакс задал дополнительный вопрос не только мне и Перле: стоя в ожидании конца церемонии, я слышала его голос, снова и снова вопрошающий о том, о чем новоприбывшие ученики еще не успели или не позаботились узнать.

Наконец, Кристалл вспыхнул в последний раз, и Ининджер объявил о том, что официальная часть церемонии закончена. Можно было приступать к танцам и разговорам. Я огляделась и с удивлением обнаружила, что пока мы дрожали от волнения, стоя в центре зала, слуги не теряли времени даром. У стен появились столы, на них — тарелки и вазочки со всевозможными лакомствами. Большие чаны с напитками, совсем как в фильмах, стояли чуть поодаль. Как только Ининджер объявил о том, что можно перестать волноваться и спокойно поесть, шеренги Патронов и Протеже распались, смешавшись с толпой хлынувших к угощению гостей.

— Потанцуем, Стилгмар? — спросил мой Патрон, предлагая мне руку.

Он, похоже, не шутил. Я увидела, что многие Протеже и Патроны, разбившись на парочки, направляются поближе к оркестру, который постепенно начинал играть громче. Владыка и его старший сын покинули свои места и один за другим исчезли в двери за тронем. Лакс остался с нами, похоже, он намеревался принять участие в веселье.

Когда на импровизированной танцевальной площадке собралось достаточное количество народа, дирижер, худой мужчина в сюртуке лимонного цвета, взмахнул руками так резко, что они чуть не оторвались. В мгновение ока вальс затих.

— Карабелла! — объявил где-то позади нас Ининджер, приступая к обязанностям распорядителя. — Кавалеры приглашают дам!

Аргента засмеялся, весело мне подмигнув.

— Никогда не танцевала карабеллу, Стилгмар?

Прежде чем я успела опомниться, мы оказались в кругу тех, кто готовился к танцу. Кавалеры действительно приглашали дам: я увидела, как ослепительную в своем простом наряде Бельгдэн ангажировал Лакс, и ей, похоже, было все равно, что белое платье будет безнадежно испорчено пылью от одежды сына Владыки; Дансти, хихикая, готовилась танцевать с Патроном Перлы, лысым мужчиной по имени Сибиг, другие мужчины приглашали своих смущенных Протеже или пытающихся казаться серьезными Патронов. Здесь и вправду собирались здорово повеселиться.

Ининджер вышел в центр круга, образованного парами, обвел нас удовлетворенным взглядом — я никак еще не могла привыкнуть к его слепоте — дал знак оркестру, и запел своим глубоким баритоном а capella:

— Как-то раз на пляже под луной Аркады,

Мы с тобой случайно повстречались взглядом...

Вступил оркестр, и покоя среди танцующих как ни бывало: мелодия, одновременно похожая и не похожая на знакомую мне по музыкальной школе кадрили, сорвала с места абсолютно всех. Аргента прижал меня к себе так плотно, что я даже испугалась.

— Повторяй за мной, — почти пропел он мне в ухо, а потом оторвал от земли и закружил так быстро и ловко, что я не удержалась от вскрика.

— Твой взгляд был отчаян и смел,

И слов я найти не сумел.

Ты песню мне спела, ты песню мне спела, о, Карабелла!

И я обнаружила, что мне нравится танцевать! Мы кружились, сходились и расходились, притопывали, прихлопывали, меняли партнеров, и хохотали как ненормальные, всецело отдаваясь этой залихватской пляске. Я оказалась на пару мгновений напротив Лакса, который веселился наравне со всеми.

— И в небо летела, и в небо летела, о, Карабелла!

Ининджеру можно было не петь припев — танцующие делали это за него. Мы снова сошлись и разошлись в танце, и на этот раз мне показалось, что взгляд Лакса задержался на мне. Но, конечно, это мне только показалось. Или он обратил внимание на то, что я его разглядываю. Я отвернулась и сделала вид, что не заметила этого.

Наконец, запыхавшиеся пары остановились в кругу на тех же местах, с которых начали танец. Распорядитель спокойно и размеренно допел последние строчки песни:

— Какое мне дело, какое мне дело, о, Карабелла?

И музыка затихла.

Мы зааплодировали. Исполнение было безупречным, что со стороны вокалиста, что со стороны оркестра. Музыканты вежливо поклонились, и снова заиграли, но уже медленную мелодию, под которую Ининджер начал исполнять, как поведал мне Аргента, песню собственного сочинения. Называлась она «Баллада» и рассказывала о предке нынешнего Мастера правления.

— Дамы приглашают кавалеров! — объявил распорядитель.

Несколько пар остались в кругу, мы же с моим Патроном предпочли перейти к не менее приятной части вечера — к напиткам и еде. У стены толпились люди, многие окидывали нас с Аргентой недружелюбными взглядами, но мне эта враждебность вреда причинить не могла, а ему, похоже, было все равно. Пару раз я передернула плечами от исходящей откуда-то со стороны волны неприязни, но Патрона моего она совсем не заботила. Мы нашли более или менее свободный уголок, набрали в легкие, похожие на пластиковые, тарелки салата и закусок и отошли к чанам с напитками.

Аргента взял стеклянный фужер и налил в него из ближайшего чана какой-то зеленой жидкости.

— Алкоголь добавить? — спросил он совершенно обыденным тоном.

— А что, он у вас идет отдельно? — удивилась я.

Оказалось, да. Маленькие пузырьки, стоящие в ячейках на подставке рядом с чанами, были наполнены местным спиртом. При желании можно было разбавить свой напиток, но я этого делать не стала. Аргента может сколько угодно морочить мне голову, отвлекая от обстоятельств моего появления здесь, но разговору быть — и я намеревалась начать его прямо сейчас.

— Когда мы поговорим? У меня к тебе поднакопились вопросы, — сказала я, впери в него взгляд. — Хочу объяснений.

— Не хочешь, а прямо требуешь, — буркнул он, отпивая из своего фужера. Алкоголя Аргента тоже себе не добавлял. — Ладно, идем. Праздник покидать пока рано, поговорим прямо тут. Только на балконе, чтобы поменьше ушей.

— Мне все равно.

Он двинулся через толпу празднующих к одной из боковых дверей, за которой оказался маленький балкончик, обращенный в сторону озера. Я с удивлением заметила, что уже стемнело. Мы закрыли за собой двери и оказались в относительной тишине и уединении. Аргента, облокотившись на парапет с тарелкой в руках, на некоторое время замолчал, словно прикидывая, с чего начать.

— Начни с правды, — подсказала я, закидывая тартинку с очень вкусной начинкой в рот. — Я помню, как мы с тобой разговаривали насчет моего пребывания здесь. И ты сказал, что я останусь в этом мире до следующей вспышки — на лунный месяц.

Да, это был один из тех разговоров, которые мы вели, пока шли по тропинке к деревне.

— Но тетушка Рашглек говорила со мной так, словно я буду учиться здесь все шесть курсов.

Аргента молчал.

— Она сказала, что я «все равно сюда вернусь». И теперь я хочу знать, что это значит.

Он вздохнул, закинув крошки в рот, облокотился о перила балкона и посмотрел на меня, чуть склонив голову.

— Я ждал момент, когда лекарство перестанет действовать, — сказал Аргента. — Те вещи, которые требуют принятия серьезных решений, лучше озвучивать без посредничества,

понимаешь? Если бы я тебе сказал об этом вчера... Ты бы рассмеялась и порадовалась бы возможности продлить свой отпуск. А потом, осознав это, посчитала бы меня нечестным.

— Так расскажи мне, — сказала я. — Действие лекарства кончается, я пойму.

Он выпил из фужера напиток и кивнул.

— Ладно. Расскажу. Видишь ли, Стилгмар, всякого, кто побывает здесь, из других миров начинает... выталкивать. Из каких-то сильнее. Из каких-то слабее, все зависит от скорости времени. Это выталкивание сопровождается температурой, слабостью, галлюцинациями. Никто не знает, что именно становится настоящей причиной болезни. Но лечение от нее только одно — вернуться сюда. Иначе заболевание приведет к плачевному итогу.

— Ты хочешь сказать, если я уйду в свой мир и не вернусь, я умру? — уточнила я.

— Увы, — развел он руками. — В своем мире ты теперь не сможешь пробыть дольше месяца. Тебя будет затягивать в Белый мир, хочешь ты этого или нет. Только учти, что тут за тот день, пока ты отсутствуешь, проходит два дня. В разных мирах время идет по-разному.

Мне было неинтересно, сколько где проходит времени. Я чувствовала себя как кошка, которую сунули в переноску и увезли из дома. Думала, на выходные, а оказалось — навсегда, и поняла это, когда прежние хозяева уехали, а новые вдруг взялись придумывать мне другую кличку.

— Но есть же способ вернуться в мой мир навсегда? Ведь должен же быть.

— Да, — он вздохнул. — Но пока нам лучше не обсуждать этот смертельный номер.

— Почему смертельный?

Аргента несколько секунд просто молчал, потом ухмыльнулся, и в темноте его ухмылка выглядела зловещей.

— Чтобы исключить возможность возникновения болезни, Стилгмар, ты должна разорвать контакт с этой формой твоего тела. Проще говоря, чтобы сюда не возвращаться, ты должна умереть здесь. Но я не думаю, что ты на это согласишься.

ГЛАВА 5

— Ну, просто отлично, — сказала я. — Просто отлично-преотлично.

Залпом допив напиток, я зажевала еще одну тартинку — просто, чтобы справиться с шоком от его слов. Наверное, лекарство и правда уже переставало действовать.

Мне было странно.

Мне было противно.

Мне было страшно.

— Многие попали в этот мир так же, как и ты, — продолжал Аргента. — Но почти все смирились с обстоятельствами и остались здесь навсегда. Как Перла, например. Не думаю, что Сибиг беседует с ней о лихорадке возвращения — обычно первокурсникам о ней не рассказывают. И я не хотел рассказывать, пока ты не будешь готова. Раштлек оказала нам обоим медвежью услугу. Ты теперь мне не веришь и считаешь меня врагом. А это не так.

И мне нечего было сказать в ответ.

От раздавшегося взрыва я подпрыгнула на месте. Видимо, праздник был в самом разгаре — в небо над дворцом взметнулись разноцветные огни салюта, озаряя все вокруг ярким светом. Вот завертелось в воздухе огненное колесо, вот причудливо изогнулся над крышами домов зеленый дракон, вот брызнули во все стороны радужные точки. Я увидела внизу большую толпу народа. Все как один стояли, задрав к небу головы и пялясь на фейерверк. Я тоже пялилась. Да и невозможно было отвести взгляд — мастерски устроенное небесное

шоу завораживало. Наконец, плеснув в последний раз россыпью звезд, образовавших в небе какое-то слово, огни погасли.

— Сколько денег выброшено на ветер, — прокомментировал Аргента.

Повернул голову ко мне.

— Ты останешься здесь, потому что нужна мне, Стилгмар. Нужна как ученица, которой я передам то, что знаю. Потом ты сможешь путешествовать по мирам, куда угодно, как тебе заблагорассудится. Возвращаться домой на два или три месяца в году. В здешнем году, естественно. Но тебе все равно придется побыть здесь еще около тридцати дней, потому что полнолуние уже закончилось. Так почему бы не провести время с пользой?

— Ты хочешь, чтобы я училась в этой вашей Школе? — уточнила я. — Все три года?

Он кивнул.

Что я могла ему сказать? Выбора-то у меня не было.

— Ладно, — сказала я, повернув голову, чтобы поглядеть на Аргенту. — Но позволь тебе сказать, что ты порядочный козел.

Пройдя сквозь толпу возвращающихся после фейерверка гостей, я оказалась в холле дворца. До меня снова донеслась музыка, звучный голос Ининджера объявил новый танец. Но мне уже не хотелось танцевать. Откуда-то повеяло свежей выпечкой, раздался залиvistый смех, и неожиданно у меня на глаза навернулись слезы. Просто так, без всякой причины. Просто потому что до дома отсюда — миллиард километров. Просто потому что все вокруг — чужое.

Я не заметила среди гостей, оставшихся на празднике, тетушки Рашглек, когда прошла по залам. Наверное, она уже ушла, оставив меня целиком и полностью на попечение Аргенты. Но он уже не был для меня желанным собеседником. Я попыталась вспомнить месторасположение дома тетушки Рашглек, и, когда мне это относительно удалось, решила, что дойду сама.

Веселиться больше не хотелось. Хотелось лечь, закрыть глаза и подумать о том, что я буду делать завтра. И послезавтра, и все те дни, что проведу здесь. Я поставила тарелку с закусками на стол и собиралась уже уйти, но услышала голос, довольно громко зовущий меня по имени.

— Стилгмар! Эй! — помахала мне из дальнего угла Дансти, и мне не оставалось ничего другого, как помахать в ответ и подойти к ней.

— Ты чего такая кислая? Давай веселиться, завтра же начнется учеба! — Она схватила меня за руку и потащила за собой к группке стоящих у окна молодых людей. Они разговаривали, ели и пили, не забывая подливать себе алкоголя из крошечных бутылочек. Среди прочих там была и Перла. — Налейте моей подруге Стилгмар пшанара! Алкоголь добавить, Стил?

— Нет, спасибо, — качнула я головой, разглядывая тех, кто разглядывал меня. — А от пшанара не откажусь, хоть и не имею понятия, что это такое.

— О, это сок местных фруктов, — наливая мне в фужер из большого чана, объяснила Дансти. — Я не знаю, есть ли у вас такие, но у нас они называются пшан. Оранжевые и круглые, с семечками внутри.

Я осторожно приняла пенящийся напиток и даже сделала глоток, пока Дансти знакомила меня с остальными. Перлу я уже знала, рядом с ней стоял бледнолицый парень с глазами цвета спелой вишни — Керридар. Рука Перлы лежала на его локте, но даже без этого я поняла бы, что между ними что-то есть — взгляд ее глаз не отрывался от него, а тело

бессознательно копировало позу. Оживленно переговаривающихся мускулистых парней звали Тмик и Тинк. Они ходили друг на друга как два стручка гороха, оба стройные, загорелые, с белозубыми улыбками. Тмик и Тинк оканчивали второй курс, а раньше они учились вместе с Дансти. Парни вели себя раскованно и сразу же попытались вовлечь меня в беседу.

— Мы слышали, ты из одного мира с Перлитой, — сказал один, подмигивая Перле. — Из какой страны?

— Россия, — коротко ответила я, снова отпивая пенящийся напиток из широкой чаши. Было очень вкусно, похоже на апельсиновый и гранатовый сок одновременно.

— О, даже так, — произнесла Перла без особой приветливости в голосе.

— А ты откуда? — Я не сдержала любопытства.

— Из Аргентины, — сказала она и отвернулась к Керридару, показывая, что говорить со мной больше не расположена.

— У вас такие странные названия, — сказал, хмыкнув, один из братьев. — Давно не слышал таких. Когда к нам в последний раз прыгали из Солнечного мира, Тинк?

— А я и не помню, — махнул рукой тот. — Кажется, Ининджер приводил последних. Давно было, это точно.

— Дансти! — окликнули сзади. — Дансти, милая, познакомь-ка меня со своей очаровательной подругой.

Я обернулась и увидела перед собой человека, который, судя по всему, точно не гнушался сегодня пузырьками с алкоголем. Всклокоченные волосы, красное лицо. При виде его Дансти улыбнулась и поспешила вперед, но я видела, что это, скорее, был не жест приветливости, а опасение — как бы чего этот краснолицый не натворил.

— Приветствую! — сказала она, пожимая ему руку. — Разве ты не должен быть в Дайтерри, Яр?

Но парень отодвинул ее в сторону и подошел ко мне. Его глаза обежали меня с ног до головы. Внутренне я сжалась до состояния пружины.

— Силеяр Прешгладжен, моя дорогая. Но все зовут Яр, — сказал он, поклонившись.

— Стилгмар, — сказала я. — Стилгмар Аргентджен.

При имени Аргенты глаза Яра вспыхнули, но это была не вспышка радости. Он снова обежал меня взглядом, хмыкнул и самым оскорбительным образом отвернулся к Перле, отошедшей от Керридара к столику с пшанаром.

Я видела, как смутилась от такого поведения Дансти, но что его вызвало — понять не могла. Уже второй раз имя моего Патрона вызывало странную реакцию — сначала у Бель, а теперь у Яра. В чем дело?

— Это нормально. — С удивлением я поняла, что говорит со мной Керридар. — На имя твоего Патрона все так реагируют. Тебе не о чем беспокоиться, старые дела, старые грехи.

Я повернулась к нему и увидела, что он улыбается.

— Можешь звать меня Керр. Мы будем учиться вместе, я тоже оказался на Закрытых мирах, — сказал он приветливо. — Рад знакомству.

— Я тоже, — сказала я с улыбкой. У Керра было приятное лицо, а вишневые глаза после прямоугольных зрачков уже не показались мне такой уж странностью.

— Пойдем, пройдемся. — Моя несостоявшаяся союзница Перла, похоже, не была рада тому, что ее спутник разговаривает со мной. Она подошла и коснулась рукой его руки. — Сибиг хотел видеть нас обоих, надо с ним поговорить, пока не ушел.

Подхватив Керра под руку, она увлекла его за собой. Яр собрал остальных из компании вокруг себя и рассказывал какую-то смешную историю. Я осталась в стороне.

— Я пойду. Твоим друзьям, похоже, не очень приятно знакомство со мной, — сказала я Дансти, кивнув в сторону Яра. — Увидимся еще.

Она сконфуженно опустила голову.

— Лейлаан, — сказала виновато, совсем как при нашей первой встрече. — Ниджиинан.

Я протянула руку и робко коснулась плеча Дансти.

— Это все глупости. Увидимся завтра?

Она радостно блеснула глазами и закивала.

— Я найду за тобой к тетушке Раштлек по пути в Школу. Ты точно не обиделась?

— На тебя — нет, — честно сказала я. — Ну, пока.

Развернувшись, я направилась к выходу. Покрутила головой в поисках Аргенты или тетушки Раштлек. Не найдя их ни в зале, ни на улице, решила все-таки идти домой, хотя не очень себе представляла, как доберусь по незнакомому городу одна.

Я спустилась по широким ступеням парадной лестницы и направилась по улице прочь от дворца. Ночное зеркало озера блестело отраженным светом справа, значит, я выбрала верное направление. Людей вокруг было много, фонари ярко освещали улицы, и идти одной оказалось совсем не так страшно, как я себе представляла поначалу. Полнолуние почти закончилось, и на улицу, казалось, высыпал весь город.

— Ты куда подевалась? — как ни в чем не бывало, спросил Аргента, догнав меня и зашагав рядом. — Тетушка Раштлек еще на празднике, дом заперт.

— Я подожду ее на улице, — сказала я. — Не хочу больше праздновать. Нечего.

Он внимательно взгляделся в мое лицо.

— О, да ты расклеилась, старушка. Пойдем-ка, прогуляемся, подышим воздухом.

Аргента предложил мне руку. Не оставалось выбора. Я приняла ее, и мы, не спеша, как и подобает прогуливающимся, зашагали по тротуару.

— Хочешь, сходим на озеро? — спросил он. — Или просто посидим в парке?

— Просто проводи меня до дома, — буркнула я. — И можешь идти, куда хочешь.

— Все еще злишься на меня.

Он помолчал.

— Тебе никогда не хотелось стать необычной, Стилгмар? — спросил все же после паузы. — Не такой, как все? Путешествовать по мирам, побывать в куче разных мест? Люди много бы отдали за возможность прыгнуть на другую планету, просто сделав шаг, скажем, с крыши дома.

— Не пытайся внушить мне, что это круто, — сказала я холодно.

— Я просто не понимаю, почему ты так настроена. Ты же познакомилась с другими Протеже. Разве они выглядели несчастными?

Я вспомнила Перлу, Керра. Нет. Пожалуй, не выглядели. Что мне мешает расспросить ту же Перлу о ее перемещении завтра?

— Наверное, надо взрослеть, — буркнула я себе под нос.

Аргента вздернул бровь, услышав эти слова.

— Наверное, надо.

И тут же:

— Не злись на меня, ладно? Я просто не хочу, чтобы твой талант пропал даром.

— Что такого в моем умении прыгать по мирам? — спросила я, все так же глядя на него краем глаза.

— Для тебя — ничего. Для других — возможность побывать там, где все по-другому. Мы даем умирающим несколько лишних лет жизни, перемещая их в миры, где время идет быстрее. Видишь ли, когда тут пройдет лунный месяц, в своем мире ты состаришься всего на несколько дней. Человек живет по часам того мира, где он родился. Часы не замедляются и не ускоряются. Именно поэтому я прыгаю в твой мир, но не могу, скажем, прыгнуть в Мир Изумруд. Я там состарюсь и умру за несколько лет. А вот Сибиг может. Он прибыл к нам сотню лет назад и за это время едва ли изменился. Думаю, и еще через сотню, когда мы с тобой умрем, а наши внуки станут седыми и старыми, он будет приводить в Белый мир новичков и учить их прыгать.

Помимо воли я увлеклась рассказом.

— Значит, ты тоже не отсюда?

Он покачал головой.

— Нет. Я из Мира Зайца. Там время идет чуть медленнее, чем здесь. Год за два.

— А Владыка? — Вспомнив о словах тетушки Рашплек, я чуть не спросила «Лакс», но удержалась, подумав, что это может быть расценено как неуместное внимание, хотя, конечно же, меня интересовал он только как человек, постоянно путешествующий между мирами.

— Он родился здесь. Дэлакон — тоже. Лакса его мать родила в мире Одинокой звезды. Там время идет медленнее, чем даже в твоём мире. Лакс стареет не так быстро, как его старший брат, но все же не так медленно, как того хотелось бы Владыке. Лакс — всеобщий любимчик, ведет в Школе историю. У него есть невеста, с которой его обручили еще при рождении, ты с ней скоро познакомишься. Красавица, умница, скромная девушка из хорошей семьи.

— Зачем ты рассказываешь мне об этом? — спросила я. — Я же не спрашивала.

— Я бы хотел, чтобы ты сразу уяснила одну вещь, Стилгмар. — Аргента остановился и мне тоже пришлось. — Я предупреждаю всех учениц, и ты — не исключение. На Лакса засматриваться нельзя. Поняла?

Я удивилась жестким интонациям в голосе своего Патрона и удивленно на него воззрилась.

— Я даже не...

— Я надеюсь. Я просто уже видел таких, — чуть мягче продолжил он. — Сначала «я никогда», «я ни за что», а потом — примеряем воображаемую корону, надеваем юбки чуть шире поясов и плачем ночами оттого, что кто-то другой, а не мы, распоряжается имперским золотишком. И однажды Ининджер попросит меня сделать «все возможное».

Я поняла, что Ининджер уже просил. И не раз.

— И ты делал?

— Не забывай, наш мир затягивает всех обратно. Навсегда удалить кого-то нельзя. Но вот поселить на другом материке или отправить на практику в мир, где время идет медленнее — запросто. Лет так на двадцать, чтобы любовь выветрилась из головы.

— Я поняла предупреждение, — сказала я. — В Лакса не влюбляюсь. Стать невесткой Владыки не мечтаю. Еще что-нибудь?

Аргента выдержал паузу, а потом белозубая улыбка озарила его лицо.

— Я говорил тебе, что ты замечательно выглядишь в сером?

Конечно же, на первый урок я пришла в сером. Серая юбка — ведь я уже ученица, белая блузка, серый пиджак. Тетушка Рапшлек дала кучу наставлений, даже обняла у двери, неожиданно растрогавшись почти до слез.

— Я уверена, ты не ударишь в грязь лицом, — сказала она. — Удачи, деточка.

И вот теперь «деточка» сидела за ученическим столом и заносила в тетрадь тему первого урока универсального языка.

— Вы думаете, что в этом мире говорят на вашем родном языке? — шагая туда-сюда между рядами, вопрошала преподаватель, сарра Оннджен. — Увы, нет. Каждому из вас при перемещении вживили под кожу шеи маленького клеща, который, питаясь от тепла вашего тела, переводит все услышанные слова на ваш язык. Также в состав инъекции был включен препарат, облегчающий модификацию и связанные с этим психологические риски. Мы здесь также говорим на языке гальбэ, и вам его нужно будет изучить для путешествий в другие миры. Его клещ, как вы уже заметили, не переводит. Если клещ каким-то образом будет потерян, вы всегда сможете сообщить о себе в ближайшее посольство Белого мира. И вас поймут. Практически в каждом мире есть так называемая резиденция, там проживает постоянный резидент — Патрон, который готов прийти на помощь любому из вас.

Вот так новости. Я украдкой поглядывала в сторону сидящей за соседним столом Дансти. Кажется, только она не была ошеломлена услышанным. Лица остальных, в том числе, наверное, и мое, отражали разные степени удивления и недоверия.

Все миры, сказала сарра Оннджен, объединены в так называемом КМОМ — Каталог миров обитаемой Мультивселенной. Этот каталог составляется старшими расами, о которых мы должны будем узнать чуть позже. Пока же нам следовало запомнить три больших категории, на которые разделены все миры.

Открытые. Закрытые. Нулевые.

Все миры прежде всего делились по этому принципу. О том, какие признаки отличают Открытые миры от Закрытых, мы должны были узнать тоже чуть позже.

Я не думала, что всех Протеже будут учить в одном классе — нас набралось около пятидесяти человек. Однако все было как в институтах — теоретические знания нам давали общие, но вот на практике группа должна была делиться по специализации. Я постаралась вспомнить, кто еще попал на Закрытые миры, но это ничего не дало — непривычно звучащие имена здешних жителей я пока запоминала с трудом. Единственным, кого я помнила, был Керридар. Уже что-то, хотя я бы очень хотела, чтобы и Дансти оказалась с нами. Однако ей Кристалл определил морские миры. Она пояснила мне чуть позже, что эти миры отличаются почти полным отсутствием суши и, как следствие, специфическими формами жизни, которые она намеревалась изучать еще и как биолог.

Мы выучили первые выражения на гальбэ (в том числе, уже слышанные мною «лейлаан» и «ниджииаан») и, записав еще кучу на дом для запоминания, отправились на следующий урок.

История. Лакс.

Стремительно войдя в класс, он поприветствовал Дансти, выразив надежду на то, что в этот раз она выучит материал, как надо, и начал урок вереницей дат и событий.

Помимо воли я стала его разглядывать.

Глаза цвета бутылочного стекла не были добрыми. Они смотрели на нас высокомерно и холодно. Линия мягких губ, изогнутых луком Амура, была искусственно ужесточена. Волосы, растрепанные вчера, сегодня приглажены и зачесаны назад, подчеркивая скулы.

Я же успела наслышаться от Дансти о своем Патроне, который по праву считался самым красивым мужчиной в городе. Но со вчерашнего дня всем стало ясно, что у Аргенты появилась дама сердца — я, (сплетня, которую классу с удовольствием озвучила Бель), и девушки, собрав осколки разбитых сердец в кучу, решили, как видно, залечить душевные раны новой охотой. Дансти и Перла не отрывали взгляда от Керра. Хрупкая маленькая Лидилла ловила каждый вздох сидящего рядом атлета Малгмара, смуглая, как мулатка, Санна метала страстные взгляды в сторону длинноносого Рубинио.

Лакса выбрала своей жертвой красавица Бель. Она соблазнительно улыбалась, задавая вопросы, глубоко вздыхала, привлекая внимание всей мужской половины класса к своей груди, мелодично и заливисто смеялась над каждым замечанием учителя. Это выглядело глупо, но почему же всякий раз, слушая, как легко отбивает словесные подачи невозмутимый Лакс, заливалась краской не она, а я?

Только на третьем уроке, географии, которую вел сам Ининджер, я смогла расслабиться. С удовольствием рассматривала карту звездного неба, находила знакомые созвездия и туманности, читала о горах и морях Белого мира.

Уже на выходе из школы меня остановила Дансти.

— Ты чего такая? — догнав меня на ступеньках лестницы, спросила она. — Злишься на Бельгдэн за то, что она назвала тебя подружкой Аргенты?

— Нет, — сказала я. — Просто меня... меня раздражает ее поведение. Как будто это красиво!

Она не сразу поняла, о чем я, потом поняла и засмеялась.

— Да она уже пару лет изводит Лакса. Несмотря на то, что у него есть невеста. Просто играет. Кажется, им обоим это нравится.

«Мне — нет», — мелькнула мысль, но я благоразумно сдержалась.

Я постаралась выбросить мысли о младшем сыне Владыки из головы. У меня это получилось ровно до вечера.

После ужина я решила погулять по парку. Нужно было уложить в голове мысли о том, что я узнала сегодня. Я смотрела в небо, где танцевали сложный танец неизвестные мне звезды, когда рядом на скамейку, не спрашивая разрешения, опустился Лакс. В соседнем саду постоянно бродили парочки. Я старалась не обращать на смех и кокетливые выкрики внимания, и наверняка потому и не услышала шуршания кустов и звука приближающихся шагов. Что здесь, в саду тетушки Рашплек делает не просто парень — но самый настоящий сын Владыки целой страны?

Но, как оказалось, вопросы должна была задавать не я.

— Как ты это делаешь? — спросил он, с усмешкой глядя на мое ошарашенное лицо.

Его зеленые глаза впились в меня, и я растерялась под этим откровенно враждебным взглядом.

— Что именно? — еле выдавила я из себя.

— Ну, притворяешься, что мы с тобой незнакомы. У тебя, должно быть, прирожденный актерский дар.

Его присутствие волновало меня, и мысли все никак не могли собраться в кучу.

— О чем ты? — спросила я, хотя, конечно же, не следовало вот так запросто «тыкать» принцу.

Но я была слишком растеряна, ошеломлена не только словами, которые он произнес, но и интонацией: неожиданно холодной. Как будто я — его старый враг. Как будто он и правда

меня знает. Но это совершенно точно было какое-то недоразумение. Эти глаза я бы не забыла.

— Я увидела тебя вчера первый раз в жизни.

Он откинулся на скамейку, скрестив на груди руки и больше не глядя на меня.

— Да брось. Неужели ты не помнишь Лиру? Снежный мир? Терна?

— Кого? — машинально переспросила я.

— Меня, — сказал он таким голосом, что по моему телу пробежали мурашки. Повернув голову, Лакс поймал своими зелеными даже в полутьме глазами взгляд моих глаз. — И себя, Однна.

Ничего не дрогнуло и не шевельнулось во мне при звуке этого имени. Лакс смотрел на меня и ждал реакции, но ему было не дожидаться ее. Я просто смотрела в его глаза и не могла заставить себя отвести взгляда. Но не о богатстве и власти я думала, глядя в зеленую бездну. Я думала о том, что я все-таки откуда-то эту бездну знаю...

Я вдруг услышала слова, донесшиеся как будто бы издалека.

«Утопить ее. Утопить предательницу. В прорубь швырнуть в исподнем».

Запахло дымом и кровью, сжались от мертвенного холода руки, зазвенела от внезапной сильной боли голова.

Мне показалось, что я куда-то лечу, крутюсь и переворачиваясь как на американских горках. Я слышала голоса, которые что-то кричали, злобно, алчно, с ненавистью, слышала свой собственный полузадушенный крик, почувствовала запах дыма и холод ледяного ветра на коже.

«Утопить! Будь проклята, тварь!»

Я схватилась за виски и едва успела опустить голову, как кровь хлынула из носа, пачкая серую ткань брюк. Я упала со скамейки в траву, ударилась коленями о камни на краю дорожки. Мир бешено завертелся вокруг, потемнел и погас, а над головой, в чужом небе разом вспыхнула тысяча звезд.

Я поняла, что нас с Лаксом судьба свела не впервые.

И именно его глаза были последним, что я видела вечность назад, лишаясь жизни в Снежном мире.

Я долго приходила в себя. Воспоминания кружились лихорадочным хороводом в измученном сознании, кровь лилась ручьем, обагрив траву и брюки, и не сразу я поняла, что Лакс все еще здесь, стоит рядом и молча ждет, пока я справлюсь с собой. Он не подал мне руки, когда я, пошатываясь, поднялась с земли, не спросил, как я себя чувствую, не помог добрести на негнущихся ногах до скамейки, куда я рухнула как мешок с камнями. Он просто стоял и ждал.

Платка у меня не было. Я вытерла кровь с лица рукавом рубашки — плевать, все равно все уже испачкано. Когда я посмотрела на него глазами, полными слез, он все же шагнул ко мне, но резко остановился. Как будто бы хотел помочь, но одумался в последний миг. Видимым усилием, сжав пальцы в кулаки, Лакс как будто бы взял себя в руки. Приблизился так, что перехватило дыхание, наклонился к самому моему лицу и несколько секунд просто вглядывался в его выражение. Сердце забило как сумасшедшее, но отвести взгляд я не смогла. Просто дышала и пыталась унять подкатившую к горлу тошноту.

— Когда заканчивается действие катализатора модификации, может быть тошнота, — сказал он.

Я молчала и просто прижимала к носу окровавленный рукав.

— Ты, правда, не помнишь? — Голос его дрогнул. Зеленые глаза обшарили каждый сантиметр моего лица. — Ты действительно не помнишь, что ты сделала? Не помнишь меня, себя, Лиру?

Я покачала головой, не в силах что-то сказать. В животе еще все было беспокойно. Я постаралась дышать глубоко. Воспоминания пришли, но их было так мало, и они были такие жуткие, что я предпочла бы забыть увиденное снова. Я никак не могла быть той девушкой, о которой он говорил — это все, что я знала. Но что это были за люди? Откуда я знала, что увиденное мною — не галлюцинация?

— Я видела тебя, — вымолвила я, наконец, прижимая пальцы к пульсирующим вискам. — Я видела тебя среди людей, которые гнали меня куда-то по льду. Он трескался под ногами. Вы догнали меня, и ты схватил меня. Ты хотел причинить мне боль...

Он отстранился так быстро, что я вздрогнула. Отошел, отвернулся, скрестил руки на груди. Голос Лакса, когда он заговорил, звучал напряженно. Я поняла, что то, что для меня — просто обрывки снов, для него — самое настоящее прошлое. Прошлое, в котором было много того, о чем мне лучше не знать.

— То, что ты не помнишь, ничего не меняет. Я узнал тебя сразу же, как только ты заговорила о притворщиках на приеме отца. Только в Снежном мире аниморфов называют Притворщиками — потому что они родом оттуда. Я узнал тебя. Я сказал об озере не случайно. Но почему же...

Он вдруг резко развернулся ко мне лицом.

— Не понимаю, — взгляд сверкнул, — не понимаю, как ты выжила.

Я молчала. Мысли уже прекратили свое хаотическое движение в голове, и даже обрели некую ясность. Лакс смотрел на меня холодным, практически ледяным взглядом, словно отыскивая в выражении моего лица оправдание содеянному. Но ведь я на самом деле ничего не помнила. И не могла помнить. Я — Нина, а не какая-то Однна! Я не жила нигде, кроме Земли, я никогда не видела мира, в котором так много тьмы, я...

— Как давно это произошло?

Он пожал плечами.

— Года два назад по этому времени. Восемнадцать дней назад по времени Снежного мира.

Опустив голову, я задумалась. Слова слетели с языка, прежде чем я поняла, к кому обращаюсь.

— Ты расскажешь мне?

Лакс вздрогнул, словно я ударила его. Отступил на пару шагов, снова скрестил на груди руки. На лице его проступило выражение, которое он — я видела — тщательно пытается скрыть. Боль. Острая боль от незаживающей раны, которую я разбередила своим появлением.

— Нет. Ни за что. У меня нет желания снова все это вспоминать.

— Почему? Ты будешь меня ненавидеть, а я даже не понимаю, чем это заслужила! — сказала я, глядя на него.

— Какое тебе дело до моего отношения? — спросил он, и я поняла, что лучше промолчать.

Несомненно, я его знала. Я знала этого прекрасного принца, и знала хорошо, иначе откуда взялись эти эмоции? Откуда взялась эта уверенность в том, что Лакс ненавидит ложь так же сильно, как и я, что он уверен в том, что я и сейчас его обманываю, в том, что,

несмотря на то, что я почувствовала во время вспышки воспоминаний, он не мог убить меня?

Просто не мог.

— Я помню, что знаю тебя, — сказала я медленно. — Мне кажется... мы не были врагами раньше.

Лакс посмотрел на меня, губы его сжались. Видимо, с догадкой я не ошиблась.

— Не были. Но и другом я тебя не называл.

— Расскажи мне, — попросила я снова. — Давай будем на равных, Лакс.

Он, казалось, колеблется.

— Пожалуйста, — добавила я. — Если я сделала что-то ужасное... и не помню об этом...

— Сделала, — быстро сказал он.

Часы на городской башне начали гудками отмерять время, и Лакс словно очнулся.

— Но это уже неважно. Просто держись подальше от меня и моих друзей, Стилгмар.

Лакс исчез так быстро, что я не успела вымолвить и слова. Сумерки окончательно накрыли сад тетушки Раштлек, и я поняла, что пора возвращаться, а то меня станут искать.

Я поднялась к себе, сняла испорченную одежду и улеглась на постель. Желания спать не было. Желания думать — тоже. Неожиданно слезы полились рекой, и я расплакалась, уткнувшись носом в подушку.

ГЛАВА 6

Возможно, я и не смогла бы выполнить наказ Лакса держаться от него подальше, если бы сам он не стал прилагать все усилия для того, чтобы это сделать. Не могу сказать, что что-то особенно поменялось в его поведении — и раньше он обращался ко мне, только если это было необходимо, но теперь, когда я знала, что причина его холодности в личном неприязненном отношении, воспринималось это совсем иначе.

Но чем дальше я сама старалась не обращать на Лакса внимания, тем больше понимала, что это неправильно. Я нервничала из-за того, что он что-то знает обо мне, что-то, чего не знаю я сама. Нормально, когда ты не помнишь события раннего детства, или когда из твоей памяти вылетает эпизод из прошлого, мелкий и незначительный, но такое?

Как я могла забыть перемещение в другой мир? После нескольких уроков мысль о прыжках уже не вызывала во мне нервного смеха, и я вполне предполагала, что могла увидеться с ним где-то совсем далеко от Земли.

Но как я могла забыть собственную смерть? С таким я не могла смириться. Особенно потому что понимала, что именно моя смерть и есть причина ненависти Лакса. Моя смерть... или то, что я выжила.

И где-то в глубине души, ко всему прочему, поднималось ужасное сомнение. Оно оформлялось, становилось все яснее и яснее, и как-то ночью перед сном вспыхнуло яркими красками.

А что, если я и правда сделала что-то ужасное? Что, если я кого-то... убила? И забыла об этом, потому что захотела забыть? Я читала в книгах, что иногда человеческая память блокирует неприятные воспоминания. Что иногда жертвы насилия не могут помнить о своих насильниках, а солдаты забывают самые страшные картины войны.

Если это так, я просто сойду с ума! Мне даже не с кем было это обсудить. Аргента, естественно, не годился в наперсники, а чем мне могли бы помочь легкомысленная Дансти или тетушка Раштлек, у которой и помимо меня дел хватало?

Приходя домой с уроков, я поднималась в комнату, запирала дверь, и, усевшись на

кровати, снова и снова пыталась возродить в себе воспоминания. Но они не приходили. Зато буквально на следующую после разговора с Лаксом ночь меня стали мучить кошмары.

О, какие это были кошмары! Снег, темное небо, нависшее над головой, обжигающий холод, пронзительный ветер — и страх, дикий страх, дрожь от которого, я просыпалась посреди ночи.

Я видела свои окровавленные руки, девушку в разорванном белом платье, висящую на дереве, чувствовала запах дыма и горящего мяса. Меня преследовали, гнали как животное на охоте на тонкий лед реки. Я слышала голоса и видела, оглядываясь, толпу людей с факелами, спешащую за мной в надежде схватить, обездвигить и бросить в воду. Они все мечтали расправиться с той, кого ненавидели до смерти. И Лакс, чье лицо я не видела, но чье присутствие в этой толпе обезумевших преследователей ясно ощущала, тоже был в числе тех, кто ненавидел.

Я просыпалась три ночи подряд в холодном поту, раскрывая рот в беззвучном крике. Вставала с постели, подходила к окну, и, распахнув его, старалась свежим воздухом привести себя в чувство. Потихоньку начинала думать о курении, как о способе снять стресс.

К выходным я была уже на грани.

Здесьняя учебная неделя — для удобства я буду называть ее так — длилась двенадцать дней, шесть из которых посвящались только практическим занятиям. Их вел у нас Ининджер. Трудно было представить себе, что этот серьезный и строгий человек еще несколько дней назад скакал по залу дворца правления, распевая «Карабеллу».

На последнем занятии по этнографии он торжественно объявил, что завтра первокурсники должны быть готовы к первой вылазке в другие миры. Он сам, поскольку ведет направление Закрытых миров, будет сопровождать ту группу, которой предстоит посетить мир Дайтерри. Нам предстояло провести там шесть дней. Здесь за это время пройдет столько же, поскольку этот мир находится на той же оси времени, что и наш. Пока в более быстрые или более медленные миры мы прыгать не будем.

Когда лекция закончилась, Ининджер попросил задержаться тех, кто поедет завтра с ним. Я огляделась вокруг — не так уж и много нас осталось, всего шесть человек. Я. Широкоплечий Малгмар. Улыбчивая Лидилла. Керридар, который ухмыльнулся, поймав мой взгляд. И еще две девушки, имен которых я не помнила.

— Значит, так, — сказал Ининджер, расхаживая между рядами. — Записываем материал на завтра. Теория перемещений — главы с первой по третью. Техника безопасности при контакте с иномирцами. Техника безопасности при прыжке через Ворота. Техника безопасности при работе в Закрытых мирах.

Более или менее я знала только о ТБ при прыжке. Знала, что ступать нужно аккуратно, закрыв глаза, чтобы не ослепнуть, когда увижу разом свет миллиардов звезд, знала, что проходить можно только через стабильные Ворота, или Ворота, скорость исчезновения которых равна скорости их полного открытия, умноженной на два.

Остальные две главы я пропустила. И все из-за этих проклятых кошмаров. Я сделала пометки в тетради, надеясь, что успею послушать параграф — поскольку на клинописи Белого мира я не читала, мне досталась аудио-версия учебника — хотя бы сегодня. Технику безопасности я научилась уважать еще в своем институте. Подобные дисциплины зря не придумываются, тем более, это касалось такой важной вещи, как перемещение между мирами. Обязательно нужно выучить.

— Далее. Астрофизика Дайтерри. Биология дайт. Религия государства Литвайя.

Особенности политеса. Я надеюсь, никому не придет в голову при них говорить о деревянной мебели и кострах.

Я записала все пункты. О них я тоже почти не имела представления. Конечно, я исправно записывала, что говорили учителя, но запомнить и не пыталась. Просто не могла сосредоточиться на чем-то, кроме своих снов.

Ладно. Впереди у меня была вся ночь. Я подчеркнула астрофизику и религию — их я должна была выучить по учебнику. Биология дайт все-таки немного отложились в памяти. Я помнила о том, что это древесные люди, жизнь, развившаяся из разумных растений. Они жили в мире, полном света и тепла, размножались почкованием и не имели института семьи. Деревни строили из мха и окружали кощачьей травой — растением, которое ночью выполняло роль самого сурового стража. Я знала, что они приручили местную форму фауны — диких птиц, и пользовались ими в качестве транспорта.

Остальное предстояло выучить.

Ининджер произнес напутственное слово. Мы должны были собраться во дворе школы, куда будут поданы автобусы для каждой из групп. Нам предстояло отправиться в путь на желтом автобусе. Предлагалось одеться потеплее и взять с собой набор путешественника по Дайтерри: легкую тунику белого или коричневого цвета, сандалии, накидки на головы. Нас покормят уже после перемещения. Новичкам завтракать не рекомендовалось во избежание желудочных проблем при первом прыжке.

Ининджер также напомнил некоторые правила касательно запретов на перемещение.

Запрещалось проносить с собой в Дайтерри и иные миры с растительными цивилизациями украшения из дерева и камня, книги, изделия из бумаги и металла.

Запрещалось проносить с собой в любой Закрытый мир технологические новшества, средства связи и времяисчисления, а также учебники, художественную литературу, только если она не была написана на языке этого мира, еду и питье.

Запрещалось проносить через любые Ворота животных и растения. Запрещалось посещать миры в состоянии лихорадки либо ранее, чем через десять дней после последнего повышения температуры, в острой стадии любого заболевания, при беременности.

Еще раз напомнив о технике безопасности, Ининджер, наконец, смилостивился и отпустил нас по домам.

Уже на пороге дома я услышала жизнерадостный голос Аргенты — он рассказывал тетушке, что Ининджер в конце лета решил все-таки вернуться на пост советника Владыки, правда, ненадолго, чтобы подготовить своего преемника.

— И кто же им будет? — спросила тетушка. — Эглена?

— Не знаю, — Аргента, похоже, очень интересовался этим вопросом, но не хотел этого показывать. Во всяком случае, в голосе его звучало любопытство, которое он отчаянно, но безуспешно пытался скрыть.

— Наверняка, Эглена, — продолжила тетушка. — Но тогда освободится место Мастера права. Ты не хочешь на него претендовать?

Я вошла в кухню, где они сидели, и Аргента предпочел сделать вид, что вопроса не было. Он приподнялся на стуле и шутливо мне поклонился.

— Рад тебя видеть, Протеже. Готова к первой практике?

Я пожалала плечами, слишком измотанная, чтобы изображать любезность.

— Тетушка, вы не возражаете, если я поужинаю у себя в комнате? Мне необходимо повторить все перед завтрашним прыжком.

— Конечно, не возражаю. — Она кивнула. — Ну, вот и еще одна из моих подопечных завтра отправится в первое путешествие. Кажется, только вчера впервые прыгал ты, Аргента.

В голосе тетушки Раштлек, тем не менее, не было ностальгии. Она просто констатировала факт. А вот Аргента был взволнован. Он поднялся, взял кое-что со стоящего рядом стула и подошел ко мне. Я увидела в руках своего Патрона пакет, в котором аккуратной стопкой была сложена белая ткань.

— Я позаботился о наряде, — сказал он, улыбаясь. — Это твоя туника. Там же — сандалии и накидка.

Я догадалась, что размеры ему дала тетушка, и не задала вопросов.

— Дайтерри — интересный мир, — продолжил он, вручив мне пакет. — Я думаю, тебе там понравится. Кто из Патронов вас будет сопровождать?

Я замялась.

— С нами поедет Ининджер, больше, кажется, ни о ком не говорили.

— Хм, нет. Ининджер будет с вами на каждой практике, так как он — куратор Закрытых миров. А кто из Патронов встретит вас там, не знаешь?

— Не знаю.

— Ладно. Уверен, все пройдет нормально. Я буду с вами прыгать на втором курсе, в быстрые миры. Погуляем по кратерам Луны Гикоспарце и искупаемся в банях Сафаег.

Мне бы его энтузиазм.

Нас собрали на школьном дворе рано утром, погрузили в шестиколесные микроавтобусы и повезли к Воротам — каждую группу по отдельности, как и говорил Ининджер, ибо тем, кому Кристалл определил Открытые миры, не попасть было в Закрытые, и наоборот.

Стояла та утренняя духота, которая позже становится невыносимой жарой, и я собиралась уже выскочить из дома в легком брючном костюме, но тетушка Раштлек встала в дверях и сообщила непреклонным тоном, что без ветровки в путь меня не пустит. Пришлось взять. Она хотела дать мне на дорогу еще и пирожков с кагцве, и мне с трудом удалось отговорить ее. Все-таки первый прыжок. От волнения и так крутило живот. Не хватало еще, чтобы меня стошнило сразу после перемещения.

Я влезла в теплый салон автобуса, в котором уже сидели Лидилла и атлет Малгмар, занявший сразу два места. Мы обменялись приветствиями, и я уселась подальше от входа, на место рядом с окном. В кармашке сиденья впереди я увидела несколько пачек с напитками. Здесь, как я уже заметила, бутылками не пользовались. Я даже в магазинах видела только картонные коробки и пластиковые емкости наподобие тех, в которые у нас упаковывают соусы.

Поскольку дорога занимала достаточно долго времени, я предполагала вздремнуть. Легла я вчера совсем поздно, залпом «проглотив» весь заданный материал, и теперь в голове была каша из обрывков уже ставшего обязательным ночного кошмара и вновь обретенных знаний. К счастью, спинки откидывались. Я аккуратно уложила в кармашек пакет с одеждой, накрылась пледом — они лежали на каждом сиденье, и стала ждать остальных.

Наконец, появились Керридар и две девушки. Увидев меня, он приветливо махнул рукой и плюхнулся рядом.

— Привет, Стил. Как делишки? Это от тебя так вкусно пахнет пирожками?

— Дела отлично, — сказала я. — Наверное, от меня. Тетушка Раштлек очень хотела мне дать их с собой в дорогу.

— Жаль, что не взяла. Я бы не отказался.

Он тоже откинул спинку и улегся рядом со мной. Двери закрылись, водитель, усатый молодой человек в униформе, быстро провел переключку, и мы тронулись.

Кроме нас и водителя в микроавтобусе оказалось еще человек пять, поэтому при желании Керр мог спокойно пересесть на свободное место. Однако он этого не сделал. Наоборот, расположился рядом со мной поудобнее, вытянул ноги и принялся болтать о том о сем. Я сначала отвечала с видимой приветливостью, потом односложно, а потом и вовсе перестала вслушиваться в его болтовню. Его это, кстати, несколько не смущало.

Мы говорили об учебе.

— Ну и как тебе, Стил? Интересно? Как по мне, так скука смертная, ну, кроме языков, конечно. Они везде нужны.

О Закрытых мирах.

— Здорово, что сначала мы прыгнем в Деревянный мир. Там круто. Люди растут на деревьях, питаются солнечной энергией и размножаются почками.

О выходных.

— Мы с Перлитой собираемся проехать по озеру на яхте. Принц Лакстерн обещал посодействовать. Кажется, Перла ему правильно улыбнулась на истории, хи-хи.

Об отношениях с сокурсниками.

— Ни одной нормальной кроме Перлы... ну и тебя, Стил. Куда девались девушки, которые не задирают нос?

И так далее, и так далее, и так далее.

Я помнила, как Керр поддержал меня в тот самый первый день, поэтому старалась не раздражаться и молчать там, где нужно. Впрочем, он особо меня не дергал, просто делился впечатлениями, просто говорил. Дорога заняла по моим прикидкам два часа, и за все это время только дважды в салоне царила тишина — когда мы остановились у границы города, и когда водитель предупредил, что впереди видны волчьи норы.

Он так прямо и сказал: «волчьи норы». Я шепотом поинтересовалась у своего соседа, что это, но в ответ получила красноречивый жест: потом, потом! Но «потом» не настало — впереди показался пункт назначения, и все загомонили так, что я ничего бы не услышала, даже если бы и спросила.

Таким образом, мои мечты прикорнуть хотя бы по пути, накрылись медным тазом. Я злилась на Керра, который вдруг решил почтить меня своим вниманием, на Аргенту, который невольно стал причиной нескольких особенно реалистичных эпизодов в кошмаре, на Лакса, вызвавшего во мне воспоминания о том, о чем я не хотела вспоминать, и, наконец, на себя.

Я возмущалась про себя весь остаток пути.

Мы подъехали к бревенчатому домику, возле которого уже припарковалась чья-то, конечно же, шестиколесная, машина. Впереди и позади, везде, насколько доставал взгляд, были только поля, и ветер шевелил колосья какого-то местного злака. Дорожное полотно пересекало это поле и уходило прочь, без начала, без конца.

Вездесущий Ининджер в несколько запыленной рубашке выстроил нас в шеренгу прямо рядом с микроавтобусом. Он одарил тяжелым взглядом каждого из нас, словно проверяя на прочность. Я постаралась выдержать этот взгляд. Смогла, хотя холода в нем было не меньше, чем тогда, в дворцовом зале.

— Что же, — остановившись напротив Керра, заговорил учитель. — Вот вы и здесь. Я

предполагаю, те из вас, кто не просто протирает на уроках штаны, уже знают, что примерно они увидят. Я надеюсь, кто-нибудь мне сможет сейчас коротко охарактеризовать мир Дайтерри. Малгмар? Лидилла? Может быть, Керридар?

— Конечно, — бодро откликнулся мой красноглазый сосед. — Мир Дайтерри, Условно-тепловая форма жизни. Фотосинтез. Растения, которые развились до разумных. Система желтого карлика. Обитаемая планета одна.

Он кратко пересказал то, о чем я знала. Материки достаточно старые, ландшафты, в основном, равнинные. Огромные бескрайние леса с дикими деревьями, которые могут быть опаснее наших хищников. Климат теплый — планета только что оправилась после длительного ледникового периода, во время которого основной вид — дайт, как раз и эволюционировал.

— Достаточно, — бросил Ининджер. — Ну что же, сейчас вы переоденетесь, и мы отправимся. Кому необходимо — загляните еще раз в учебники, они есть в доме. Надеюсь, все готовы.

Развернувшись, Ининджер быстрым шагом направился к дому. Ни жестом, ни словом он не дал понять, что нам надлежит следовать за ним, но это само собой разумелось. Той же стройной шеренгой мы засеменили в кильватере.

Руки у меня дрожали мелкой дрожью, во рту пересохло. Остальные выглядели такими спокойными, я же не могла собраться с духом. Другой мир. Люди-деревья. Мечтала ли я когда-нибудь о таком? Думала ли?

Мы вошли в домик, переступив высокий порог, об который Лидилла едва не сломала каблук-шпильку, и остановились в изумлении. Дом представлял собой коробку — шесть стен и дверь выхода напротив той двери, через которую мы вошли. Справа расположился стол, заставленный ровными стопками книг, слева — еще один, за которым сидела женщина в синем костюме — она должна была осмотреть нас на предмет противопоказаний перед прыжком. У стола стояла ширма, за которой я заметила скамейку с мягкой обивкой. Кажется, там можно и переодеться.

Мы по очереди подошли к женщине. Каждому доктор заглянула в глаза, каждого попросила высунуть язык. За ширмой мы переоделись в туники и сандалии. Для пущей верности врач пощупала нам животы. Кажется, все были здоровы.

Ининджер расписался в формуляре, где напротив каждого имени уже стояла печать «допуск». А я-то думала, будет как в сказке. Оказывается, все совсем серьезно. Уже потом я узнала, что серьезность это не является формальной. Некоторых учеников не допускали к прыжку уже буквально на пороге. Смертельные исходы во время прыжка сейчас сошли на нет — но раньше, когда Ворота еще только исследовались, Протеже и Патроны гибли пачками.

— Отлично, — сказал Ининджер, когда с подготовительной частью было покончено. — Теперь, когда все в порядке, вы можете прыгать. На той стороне вас встретят. Я последую прямо за вами.

Он открыл дверь, и ворвавшееся внутрь яркое сияние Червоточины заставило нас на секунду закрыть глаза.

ГЛАВА 7

Равновесие я все-таки потеряла. Ахнула, пошатнулась, приготовилась упасть, но мужская рука крепко ухватила меня за плечо, удержала, помогла остаться на ногах. Когда темные круги перед глазами рассеялись, я поняла, что моим спасителем был ни кто иной,

как все тот же Керридар. Отпустить моей руки красноглазик не торопился, но благоразумно отвел в сторону, чтобы не мешать остальным. Поскольку я еще не оправилась после второго в своей жизни сознательного прыжка, я позволила это сделать без возражений. Однако, придя в себя, руку сразу же высвободила.

Ворота в мире Дайтерри открывались в лес. Деревья с толстыми, в два обхвата, стволами окружали со всех сторон место нашего появления — явно искусственного происхождения пятючок диаметром шагов в пятьдесят. На этом пятючке, несмотря на то, что Керр и я были первыми прыгнувшими из группы, уже находился человек, который при нашем появлении радостно заулыбался и шагнул навстречу. Это была девушка, одетая в белоснежную тунику вроде той, что была сейчас на мне. Золотистого оттенка светлые волосы обрамляли ее хорошенькое личико, зеленые глаза с горизонтальной полоской зрачка сияли приветливостью. Она подняла руку и помахала нам.

— Все нормально? — Звонкий мелодичный голос звучал как колокольчик. — Если кружится голова, можно присесть на траву. Тут немного другой состав атмосферы, с непривычки может и затошнить. Привыкайте к уменьшенной силе тяжести — здесь она на пять процентов ниже, чем в Белом мире. Модификация сейчас поможет вам адаптироваться, погодите немного.

Кудряшки затанцевали вокруг головы, когда девушка тряхнула ею.

Следом за мной из Ворот, которые здесь открывались через толстый ствол какого-то похожего на земной дуб дерева, почти выпала Лидилла, и Керр бросился на помощь ей. Я осмотрелась, разглядывая окружающие нас деревья. Массивные корни упирались в землю подобно гигантским ногам, ветви были обломаны на небольшом удалении от стволов, и только на макушках, уставившихся в небо, еще оставались зеленые листья. Ни тропки. Ни дороги прочь. Мы стояли посреди круглой поляны в сердце глухого леса. Выхода, во всяком случае, видимого, не было.

Я оглянулась на Ворота и на мгновение оцепенела от увиденного. Когда я прыгала в объятья Аргенты, я не успела их толком разглядеть — он сказал, это потому что Ворота ведут в Закрытый мир, и они «не стабилизированы».

Но мой мир ничего не знал о Белом мире. Здесь же резиденты жили уже достаточно долго, и червоточина была подвергнута процедуре стабилизации, то есть, попросту говоря, ее сделали видимой. Ворота представляли собой сгусток серебристого сияния высотой в два человеческих роста. На их краях играла радуга, переливаясь и сверкая всеми своими цветами. Внутри клубился туман, в котором изредка вспыхивали искры. Зрелище было фантастическое.

Девушка, очевидно, чего-то ждала от нас, она поглядывала то на одного, то на другого с улыбкой. За нас все сделала Лидилла — радостно вскрикнув, она бросилась мимо меня к девушке и затрясла ее руку в крепком рукопожатии. Миловидное лицо кудряшки просияло.

— Ленка! Очень, очень рада знакомству! — воскликнула Лидилла.

Понимая, что «Ленка» здесь вряд ли уменьшительное от «Елены», я благоразумно молчала. Я разглядывала ее, едва ли не открыв от удивления рот, а она терпеливо ждала, пока соберется вся группа. Слишком широко расставленные круглые глаза. Отчетливо очерченная туникой вторая пара грудей под первой. Это была модификация, или мозг снова обманывает меня?

— Нам рассказывали о том, что вы проводите здесь исследования, но я и подумать не могла, что Ининджер направит вас встречать нашу группу! — тараторила Лидилла, пока

остальные выбирались из Ворот. — Рада, очень рада, что вы будете сопровождать нас!

— Это невеста принца, если что, — сообщил мне вполголоса Керридар, краем глаза поглядывая в сторону величественно шагнувшего в этот мир Ининджера. — Силенка Прештладжен.

Я взглянула на девушку уже с интересом другого рода. Отметила и доброту, буквально излучаемую зелеными глазами, и естественность экзотической красоты, и изящность жестов. Безусловно, аристократка. В каждом жесте девушки чувствовалась уверенность в себе, и, пересекая поляну, чтобы пожать руку ожидающему сбора группы Ининджеру, она двигалась как королева.

Я и Керр поспешили занять свои места в становящейся уже привычной шеренге. Я отметила по ходу дела, что все мы после перемещения немного изменились внешне, хотя остались вполне узнаваемыми. Ининджер, кстати, выглядел еще величественнее.

Заложив руки за спину, наш учитель откинул голову назад и заговорил:

— Приветствую вас в Ясном лесу Дайтерри. И поздравляю вас с первым прыжком. Все вы выдержали его с честью.

Он остановился перед нами, и девушка встала рядом с ним, все так же ласково улыбаясь.

— Рядом со мной Силенка, биолог, профессор биохимии, исследователь мира Дайтерри, лучшая выпускница Школы и просто девушка, которой я безгранично восхищаюсь и которую люблю как дочь. Силенка будет вашим здесь Патроном сопровождения. Ей вы должны подчиняться так же беспрекословно, как подчиняетесь своим Патронам в Белом мире. Она сопровождает вас до резиденции, где вы переночуете, и откуда завтра вам предстоит отправиться в деревню Дайтерри для встречи с местными жителями.

Он помолчал.

— Если есть вопросы — самое время их задать.

Керр поднял голову.

— А костер развести можно?

Кто-то из девушек фыркнул, Ининджер наградил Керридара и меня — видимо, за компанию — взглядом своих пронзи...

Я замерла, поймав себя на мысли, которую озвучила Керридару чуть позже вечером. Наверное, многие видели глаза слепых, в кино, может быть, в жизни. Темные зрачки, не реагирующие на свет, взгляд, направленный вроде бы и на тебя, но в то же время расфокусированный как у новорожденного. У Ининджера в Белом мире был именно такой взгляд. Тяжелый, темный — и невидящий. Но здесь он не просто смотрел в сторону звука. Я поняла, что при прыжке его слепота просто пропала. Он действительно глядел на меня и Керра, он действительно восхищался Силенкой, он действительно щурился от солнца, запрокинув голову в небо.

Перемещение между мирами не только добавляло нам лишние пальцы или пару жабр — Дансти говорила мне о том, что при переходе в морские миры у нее еще и парочка плавников вырастает — оно еще и давало возможность стать здоровым. Аргента не зря говорил о том, что многие отдали бы кучу денег за то, чтобы побывать на другой планете. Теперь я его слова понимала. Инвалид мог стать при переходе здоровым красавцем, умирающая от рака девушка получала возможность прожить целую жизнь в мире, где время движется быстрее. При наличии денег можно было прожить не одну жизнь.

Кажется, я начинала понимать, почему Перла так не торопится домой.

— Скоро закат, — сказал Ининджер, проводив взглядом светило, покидающее небосклон. — Вам пора. Желаю всем удачно провести время. Рад был тебя повидать, Силенка.

И он исчез в Воротах, оставив нас на попечение невесты Лакса. Всего на поляне, таким образом, нас оказалось семеро: наша здешняя Патронесса, я, Керр, Лидилла, Малгмар и две девушки, имен которых я не помнила. Кстати, как и я, они обе на лекциях оказывались в поле зрения убийственного сарказма красавицы Бель, но если меня ее насмешки сбивали с толку и заставляли злиться, то этим двоим все казалось ни по чем.

Пока Лидилла расспрашивала Силенку о том, чем мы станем заниматься в резиденции, я прикидывала, каким же образом мы будем выбираться с этого глухого пяточка. Стволы окружающих поляну деревьев стояли так плотно, что между ними не смог бы проскочить и заяц. Правда, в этом мире не было зайцев.

Здесь вообще не было животных, если не считать птиц. Тишина, изредка нарушаемая лишь шелестом листвы в верхушках деревьев-великанов под порывами ветра, наполняла пространство. Так странно было не слышать хотя бы редкого кукования кукушки. Так странно было находиться здесь, за миллион миллионов световых лет от дома в компании таких же инопланетян, как и я.

От невеселых мыслей меня отвлек гомон остальных. Я увидела, что все смотрят в небо и перевела взгляд туда же. Прямо над нашим пяточком парила похожая на орла птица с невероятной величины размахом крыльев. Она опускалась все ниже и ниже. Птица собиралась приземлиться посреди поляны и поднимала крыльями настоящий ураган. Мы опасливо прижались к деревьям, но нужды в этом не было — едва этот орел-мутант спустился пониже, стало видно, что к брюху его привязана корзина, в которой сидит человек.

Еще ниже — и мы распознали виденного ранее только на картинках дайт.

С виду дайт напоминают людей. У них похожие очертания тела и головы. На этом сходство заканчивается. Дайт не дышат, они получают живительный кислород прямо из воздуха с помощью зеленых наростов на поверхности тела. Следовательно, они не носят одежды и у них нет носа. Все туловище дайт имеет красивый, но несколько необычный для любого нормального человеческого существа зелено-коричневый цвет. Веток, служащих руками, у них может быть несколько — от двух до десятка. У этого было четыре, и смотрелось странно. Язык их — смесь щелкающих звуков, издаваемая трением друг о друга пластинок на ветках-руках. Клещу-переводчику пришлось постараться, чтобы превратить этот деревянный перестук в нормальную речь.

— Приветствую вас. Меня зовут... — Серия труднопроизносимых звуков была милосердно превращена переводчиком во что-то вроде «Щлк». — Я пришел с миром.

Не знаю, как остальные, но я застыла, открыв рот. Впервые я видела существо, разумное существо, так разительно отличающееся от человека. Даже огромная, высотой с дом птица не произвела такого впечатления. Щлк тоже замер, видимо, понимая нашу реакцию и позволяя нам прийти в себя. Дружелюбно улыбаясь, наблюдала за нами и Силенка.

— Стилгмар, — услышала я свой голос и едва сама не подпрыгнула от неожиданности, обнаружив, что каким-то образом оказалась впереди группы и уже глажу его тело в ритуальном приветствии.

Прикосновение оказалось приятным. Словно провела рукой по теплomu мху. Пальцы-веточки, коих у Щлка оказалось великое множество, нежно пощекотали мою ладонь,

отпустили.

— Рада знакомству, — выговорила я, стараясь не думать о том, что органы дыхания для дайт — одновременно и органы выделения.

Следом за мной под одобрительным взглядом нашей наставницы к Щлку приблизились и остальные. Я отступила чуть назад, сама не понимая, что на меня нашло. Оробела-то я так же, как все.

«Тебе просто хотелось показать Силенке, что почем, — сказал ехидно внутренний голос, и, когда я приказала ему тут же заткнуться, не послушался. — И пусть слух о том, что у тебя все хорошо, достигнет ушей Лакса... То есть, я хотела сказать, Владыки. Он ведь возлагает на тебя такие большие надежды».

«Мне нет до него дела, — подумала я с усилием. — Ни до Лакса и его ненависти ко мне, ни до Владыки».

«Есть».

— Нет! — сказала я вслух, и Силенка, как раз что-то оживленно говорившая Щлку, замолчала и посмотрела на меня.

— Отвечаешь на вопросы прежде чем из зададут, Стил, — хмыкнул Керридар, а я залилась краской. — Молодец!

Мы еще немного потолкались возле дайт, потом подошли к корзине. Высотой она была почти мне по грудь, по обеим сторонам размещались ряды сидений. Под ними я заметила ящики, но, поскольку дайт в пищу и еде не нуждаются, сделала вывод, что это для нас. Так и оказалось. Силенка достала из ящика покрывало и пачку воды. Мы все разом вдруг ощутили жажду, и осушили ее в два счета. Рассевшись в корзине, мы укрылись покрывалом, которое дайт ловко пристегнул к крючкам на стенках корзины.

— Путешествие недолгое, но наверху нам будет холодно, — пояснила Силенка. — Держитесь за ручки, сейчас полетим.

Она сделала знак дайт, и тот громко застучал пластинками. Птица взмахнула огромными крыльями и взмыла в воздух. Корзина оторвалась от земли с легким толчком, и у меня захватило сердце. Впервые я летала на чем-то кроме самолета. Ощущение было невероятное.

Птица поднялась выше деревьев, тяжело развернулась в сторону заходящего солнца и взяла курс. Корзина перестала раскачиваться и выровнялась, внутри стало немного тише. Оглядев нас, Силенка улыбнулась, и на этот раз я улыбнулась вместе с ней. Мы, должно быть, и вправду выглядели ошарашенными.

— Йкк — единственная свободная перевозчица на день полета вокруг, — сказала она, перекивая шум ветра. — Большая удача, что Щлк уговорил ее лететь сюда. У перевозчиков работы всегда очень много. Если бы не они, нам пришлось бы потратить целую ночь на переход до резиденции. А здесь ночь — не самое благоприятное для прогулок время.

Я помнила об этом. Пожалуй, это единственное, что я запомнила о мире дайт сразу и намертво. Дикие деревья. В памяти всплыла лекция сарры Риангмар, и я почти увидела мысленным взором ее высокую фигуру, расхаживающую по аудитории.

«Ворота в мире Дайтерри открываются далеко от обитаемой разумными народами части леса. В дневное время большинство хищных деревьев пребывает в спячке, обусловленной необходимостью восполнить силы. Несомненно, это обусловлено типом метаболизма. Днем растения производят необходимый им для дыхания кислород, ночью —

его потребляют и запасаются энергией. Запомните и запишите: в мире Дайтерри в ночное время уходить от Ворот по лесу запрещается».

Я огляделась. Еще несколько минут назад небо было светлым, теперь же я ясно заметила набегающую с запада темноту. Скорее бы прилететь в резиденцию. Не очень-то мне хотелось разгуливать по этому миру ночью.

Мы летели достаточно долго, чтобы солнце успело сесть. Наконец, впереди показалась какая-то конструкция из неизвестного мне материала, и птица, перестав махать крыльями, начала планировать в ее направлении. Я догадалась, что это и есть резиденция. Как оказалось — не ошиблась.

Двухэтажное здание выглядело на этой планете чужим, но я обрадовалась, увидев его. Темнота почти скрывала очертания здания, превращая его в подобие призрака. В глубине, за шторами горел свет. Подобно путеводной звезде он указывал птице путь, и вот она, в последний раз взмахнув огромными крыльями, опустила корзину на поляну перед домом.

— Выходим.

Мы высыпали из корзины, и после пары прощальных слов Щлк снова поднялся в воздух, направляясь в ту деревню, куда завтра мы должны были прийти с дружеским визитом. Ему тоже не хотелось задерживаться до наступления ночи.

Мы направились к дому, держась друг друга. Темнота была неприветливой, и даже рука Лидиллы, сжавшая мою руку, показалась мне опорой. Но Силенка почти тут же сказала, что нужды в осторожности нет.

— До леса далеко. Плюс ко всему дом окружен ловушками. Здесь безопасно, расслабьтесь.

— Но если ты хочешь, Лиди, дорогая, ты можешь подержать меня за руку просто так, — сразу забалагурил осмелевший Керридар.

Мы подошли к раздвижной, напоминающей люк двери, Силенка нажала на кнопку, и створки разъехались. Внутри на самом деле горел свет, но не потому что наша Патронесса оказалась забывчивой и забыла перед уходом его погасить. Навстречу нам вышел мужчина, которого я уже знала. Силеяр, Яр собственной персоной. Он растерянно кивнул Силенке, как будто отвечая на незаданный вопрос.

— Мой брат, Яр, знакомьтесь, — представила кудряшка.

Вот даже как. Мы обменялись приветствиями, попутно разглядывая убранство дома. Мебель была прикручена к полу, каменные стены внутри оказались имитацией — подойдя ближе, я заметила похожие на каменную кладку панели из уже знакомого мне теплого пластика.

— Надо вас накормить, — сказал Яр, и я вдруг почувствовала, что действительно очень хочу есть.

Мы поели какой-то каши с зернами и разошлись по комнатам в дальнем конце коридора. Мальчики налево, девочки — направо, все как на Земле. Керр намекнул, что заглянет к нам попозже, если будет на то «пожелание сиятельных особ». Мы даже не обиделись — настолько это все звучало невинно. Пообещав присниться ему в сладком сне, я и Лидилла удалились в комнату, куда уже раньше ушли остальные.

На постелях лежали чистое белье и рубашки. Мы сняли туники, расшнуровали сандалии и с удовольствием забрались под одеяла.

Нам с Лидиллой не спалось. Безымянные девушки уже давно храпели, а мы с ней все перешептывались, обсуждая перемещение, Силенку и мир дайт.

— Боюсь я этих диких деревьев, — призналась она. — Ты знаешь, что сто лет назад поляна вокруг Ворот была размером с футбольное поле?

Переводчик запнулся на последних словах, и я поняла, что Лидилла, скорее всего, имела в виду какую-то беломирскую разновидность подобной игры.

— Излучение пугало деревья? — предположила я.

Ни о чем таком в учебнике не было написано.

— Угу. А теперь? Пятьдесят шагов туда, пятьдесят обратно. Птицы скоро не смогут туда садиться. — Она помолчала, а потом заговорила почти зловещим тоном. — Деревья обступили пятачок не случайно... Стоит сделать шаг ближе — и тебя утянет во тьму хищного леса... Если совет Патронов ничего не придумает, скоро мир Дайтерри будет закрыт для посещений.

Мы еще немного поговорили, потом замолчали, каждая во власти своих мыслей.

Закрыв глаза, я постаралась заснуть.

На какой-то миг я даже поверила в то, что в этом мире кошмары не будут меня мучить. Закрыв глаза и слушая тихое ровное дыхание девушек, спящих на соседних кроватях, я погрузилась в сон, из цепких объятий которого едва вырвалась.

В этом сне я чувствовала связавшие меня веревки. Я видела бородатого мужчину, тащившего меня прочь, видела его лицо и налитые кровью глаза. Я слышала крики других девушек, видела, как вспыхивают над землей огни, прорезая ночную тьму. А потом меня бросили на землю связанной. Надо мной склонились десятки бородатых лиц, их открытые рты скалились, а красные языки высывались из-за частокола крупных желтых зубов и облизывали губы.

Я закричала и открыла глаза в мире Дайтерри.

ГЛАВА 8

Кошмары мучили меня всю ночь. Я ворочалась в постели до утра, засыпая и тут же просыпаясь с бешено бьющимся сердцем. Мне хотелось рассмотреть лица тех, кто гнал меня по замерзшему озеру навстречу смерти, но страх каждый раз оказывался сильнее. Он заставлял меня просыпаться, заставлял меня отворачиваться каждый раз, когда кто-то замахивался для смертельного удара. Я не видела Лакса этой ночью. Но слышала его слова, и они ранили меня сильнее, чем удары шиповатой дубинки.

«Предательница. Нужно покончить с ней раз и навсегда».

Я открывала глаза и слушала свое частое дыхание. В ночи этого мира не было для меня спасения. Сердце билось в груди так сильно, что у меня захватывало дух.

Утром в комнату, веселая и бодрая, заглянула Силенка. Увидев, что я не сплю, она приветливо улыбнулась и вполголоса попросила меня разбудить остальных.

— Предстоит насыщенный день, — почти пропела она и удалилась.

Я же, еще сидя на кровати, нахмурилась. Невеста Лакса точно не человек в моем понимании слова. Обычный человек не может быть таким ярко жизнерадостным. Казалось, Силенка будет улыбаться, даже если стены дома сейчас упадут, а дайт объявят войну Белому миру. Наверное, она и спит с улыбкой на лице.

Подождав, пока все умоются и оденутся, мы направились в ту же комнату, где ужинали вчера. Брата Силенки нигде не было видно, и я не удержалась от вопроса. Вчера он вел себя очень сдержанно, сказал буквально пару слов и ушел. Я вспомнила его развязное поведение на балу по случаю начала обучения. Казалось, это был совсем другой человек. Силенка рассказала нам, что Яр занимается изучением движения ледников на планете.

— Мы пытаемся понять, что вызвало здесь ледниковый период, — сказала она, задумчиво глядя перед собой. Пожалуй, впервые за все время я не увидела на лице кудряшки улыбки. — Дело в том, что ледники здесь образовались очень быстро, и буквально стерли с лица земли предыдущую цивилизацию. Мы ничего не знаем о тех, кто жил здесь до дайт, а они нам не очень пока доверяют. Планета открыта нами недавно, около сотни беломирских лет назад. Мы только-только вступили в контакт. Собственно, такая ситуация со всеми Закрытыми мирами.

Она пожалала плечами.

— Именно потому миры вроде Дайтерри, Гисп-294, Алхайло — ну, не мне вам их называть — пока закрыты для туристических походов. Слишком много пока неизвестного. Да и разница в психологии просто колоссальная. Это ведь даже не животная форма жизни.

— Может, на планету упал метеорит? — спросила я.

Кое-что из истории Земли я все-таки помнила. Помнила о том, что после того, как 265 миллионов лет назад на нашу планету упала комета, она тоже погрузилась в зиму из-за облаков пыли, которые закрыли солнце. Может, здешние «динозавры» тоже вымерли по этой причине?

— Не знаем, — кивнула Силенка — этот жест в ее мире, видимо, обозначал неуверенность. — Видишь ли, Стилгмар, привезти сюда дорогостоящую аппаратуру достаточно затруднительно. «Запрещается проносить с собой в любой Закрытый мир технологические новшества, средства связи и времяисчисления», — процитировала она. — Правила придуманы не зря. К тому же, дайт знают, что случилось. Просто пока не хотят об этом говорить.

— Теория заговора прямо-таки, — высказался Малгмар.

Силенка закусила губу и склонила голову набок.

— Ты мыслишь, как Силеяр. Исследования показывают, что могло быть и так. Кажется, но это пока непроверенная информация, что резкое похолодание было здесь спровоцировано извне.

— Хотите сказать, на планету прилетели плохие ребята и вызвали зиму, чтобы уничтожить хороших ребят, которые жили тут до дайт? — спросил Керр.

Она снова кивнула.

— Скорее, наоборот. Захватчики уничтожили цивилизацию, а как побочный эффект наступила зима.

— А кто эти захватчики?

Но Силенка предпочла не озвучивать свои догадки. Вместо этого она напомнила, что нужно заканчивать завтрак и идти в деревню. Дайт готовы пообщаться с нами.

После завтрака, состоявшего все из той же каши с какими-то зернами, мы выслушали короткую лекцию по политесу. Силенка напомнила нам то, что мы уже знали, подчеркнула необходимость вежливого и корректного общения.

— Никаких шуточек в стиле «можно ли развести костер». — Она посмотрела на Керра, и тот кивнул, стерев с лица усмешку. — Помните — это не просто другие люди, это вообще не животные. Они мыслят не так как мы. Если вам покажется, что вы их чем-то обижаете, или они ведут себя странно — сразу же говорите мне. Их старшее дерево — главный в деревне — разумный дайт, мы вместе попробуем разобраться. Наша главная задача на этой практике — коммуникация. Учитесь наблюдать, не мешая, учитесь думать, прежде чем говорить. Дайт, несмотря на огромную разницу между нами — народ миролюбивый. Они

охотно позволят вам потрогать их и рассмотреть. Главное — не злоупотреблять.

Мы не стали брать с собой еду — в этом мире она воспринималась как оскорбление, ведь дайт питались прямо из воздуха. Решено было вернуться к полудню. Если после обеда представится возможность — мы снова вернемся в деревню, но в первый день навязываться не стоит. Надо дать дайт привыкнуть к нам.

— Предыдущая группа даже побывала на обряде вызывания дождя, — сказала Силенка, когда мы двинулись вперед. — Они показали себя очень хорошо. Уверена, и у нас все будет нормально.

Аккуратно обойдя ловушки — растянутую по земле в несколько рядов колючую проволоку — мы покинули территорию резиденции и оказались на землях диких дайт. Бескрайние луга, покрытые спящей дикой травой, казались почти земными. Ветер колыхал травинки, заставляя их ворочаться во сне, и если не приглядываться, можно было представить себе, что я дома. Но, конечно же, это была не обычная трава. Наклонившись к самой земле и коснувшись нежных листочков, можно было увидеть, как вздрагивают их завернутые внутрь кончики. Если травинку развернуть, становится видно, что кончики завернуты неспроста. Тонкий острый шип скрывается под ними. Практически все формы растительной жизни Дайтерри ведут ночной образ жизни. И практически все они ядовиты, а значит, хищные.

В прошлой жизни, до ледникового периода, этот яд и эти шипы были нужны, но теперь, когда на Дайтерри остались только растения, они постепенно отмирают. По крайней мере, так говорилось в учебнике.

Через несколько часов ходьбы мы увидели впереди деревню — окруженный густой растительностью участок, на котором хаотично расположились неглубокие ямы — дома дайт. Отгороженная полосой диких кустарников, деревня казалась оазисом в пустыне. Я заметила среди кустарника шныряющих туда-сюда тоненьких детей дайт. Они первыми заметили нас, застучали пластинками, предупреждая остальных, и унеслись прочь, к центру поселения. Наши дети непременно остались бы, из любопытства, поглазеть на чужаков, возможно, даже подбежать совсем близко, чтобы потом похвастаться другим своей храбростью. Здешние же собрались в одну большую толпу и рванули куда-то за деревню. Со стороны казалось, что по лугу несется перекасти-поле, так быстро двигались молодая зеленая поросль дайт.

Мы увидели, как нам навстречу из землянок выходят взрослые. Их было немного, но двигались они сплоченной группой. Взрослые подошли к окраине деревни, выступив на пару шагов за кромку дикого кустарника, и остановились. Нам до них оставалась все пара десятков шагов.

Я ощутила, как по спине пробежал легкий холодок, и постаралась вспомнить все то, что читала в учебниках. Жаль, что все они остались в том доме. Но правило есть правило. Оставалось только надеяться на собственную память.

— Знаю, — сказала Силенка, словно прочитав наши мысли, — каждому сейчас хочется схватить учебник и читать до посинения. Но общению с живыми существами по учебнику не научишься. Доверьтесь своей интуиции и будьте доброжелательны.

Мы видели, что и она нервничает, однако улыбка осталась открытой, а взгляд — ясным. Она протянула руку навстречу выступившему из группы дайт, и когда мы оказались рядом, вытянула вперед и вторую.

— Воды и Солнца света тебе, Рщгх! — сказала она. — Будь проклят огонь.

Защелкали пластинки, рука дайт протянулась к ней, чуть позже — вторая.

— И тебе света и жидкости, чужая жизнь, — сказал тот дайт, к которому она обращалась.

Глаза-сучки — а на самом деле, скопление световоспринимающих клеток — оглядели нас, почтительно застывших на расстоянии. Остановились на мне. На Малгмаре. Рщгх задержал взгляд на каждом из нас. Потом пластинки защелкали снова, и клещ-переводчик сообщил, что нам открыт путь в деревню, и мы можем идти дальше.

— Уберите диких! — скомандовал Рщгх тем, кто стоял позади него.

Раздались пощелкивания. На наших глазах кустарник, защищающий окраину деревни, вылез из земли и, перебирая корнями и пошатываясь, разошелся в разные стороны, открывая небольшой проход.

— Несмотря на то, что охотиться здесь больше не на кого, эти дикие могут укусить вас, — пояснила Силенка. — Мы не можем подойти ближе, но в учебниках вы наверняка видели картинки. Это листозубы. На каждом листочке у них — десятки острых зубов. Не будем их дразнить, идемте быстрее.

Мы прошли по проходу, оставленному для нас листозубами, стараясь не задевать их мягко колышущихся на безветрии листочков. Как только мы ступили в центр деревни, прозвучала еще одна команда, и дикие кустарники вернулись на свои места.

— Теперь не сбежим, — шепнул мне на ухо Керр, но я отодвинулась от него, показывая, что шутка не удалась.

Деревня была совсем небольшая — Силенка рассказала нам по дороге, что для контакта с дайт она выбрана не случайно. Она не объяснила, почему, но я догадалась сама. В случае неудачи ее жители просто будут стерты с лица планеты. Вот так просто. И все начнется сначала, только уже с учетом предыдущих ошибок. Я уже послушала о неудавшихся контактах в справочнике по исследованию миров. Такие миры на ближайшие пять лет по местному времяисчислению становились недоступными для перемещения. Туда направлялись специальные команды, в задачу которых входило уничтожение резиденций и любых иных следов пребывания на планете посланников из других миров. Избавлялись и от аборигенов. Конечно, для меня это казалось варварством. Если и было какое-то логическое основание для убийства — порой, массового — разумных существ, то я его не видела.

Всего я насчитала около тридцати «грядок». Совсем крохотная деревенька, но густо заселенная, судя по количеству сбежавшего молодняка. Рщгх сотоварищи сопровождал нас до центра поселения, где у грядки стоял коричневый от возраста дайт. Его пластинки потрескались и кое-где ободрались от постоянного использования, глаза-сучки почти провалились в глазницы. Речь дайта, однако, была внятной.

— Воды и Света солнца, чужие жизни!

— Света и жидкости, — сказала Силенка, протягивая сначала одну, а потом другую руку в жесте приветствия.

Она достала из-за пояса металлическую фляжку с водой и показала дайт.

— Вода для твоих детей. Спасибо, что принимаете нас вот уже который раз.

Естественно, устройство рук не позволяло деревянному созданию открутить крышку, да и удержать фляжку он сумел бы с трудом. Силенка подошла к растущим возле землянки молодым и пока еще неподвижным растениям и аккуратно вылила на них воду. Листочки задрожали, ловя сбегающие по ним капли.

— Благодарю тебя, чужая жизнь, — сказал дайт.

Я поняла, что это существо и есть старшее дерево, однако статус его гораздо выше по меркам дайт, чем статус каких-то там пришельцев из другого мира, а потому Силенка не представляла его нам, нас — ему, а просто отдала дань уважения гостеприимству и повернулась к Рщгху, терпеливо ожидающему нас.

— Мои ученики — совсем зеленые, — сказала она. — Они даже не знают, как сажать траву и откуда у кошки молоко. Я хочу, чтобы ты показал им, Рщгх. Хочу, чтобы они выпили сегодня первую каплю сока мудрости, бегущего в жилах дайт.

— Солнце и вода в помощь нам, чужая жизнь, — сказал Рщгх.

Потом снова оглядел нас своими странными глазами и пошел прочь.

— Идите за ним, — сказала Силенка. — Идите! Я останусь здесь, со старшим деревом.

Мы поспешили за зеленым существом, оставляя своего Патрона в окружении дайт. Если бы что-то случилось с нашим проводником, дикие кусты в мгновение ока разорвали бы Силенку на части.

Но мы были очень осторожны.

Спустя четыре дня каждый из нас считал себя чуть ли не экспертом по дайт. Мы знали, откуда у дикой кошки молоко и как нужно сажать траву, чтобы она пережила первый дождь. Рщгх показал нас поросли — и на четвертый день дети уже выбегали навстречу, протягивали веточки, прося разрешения прикоснуться, и в меру шалили — словом, вели себя как обычная земная ребятня.

Вечером четвертого дня, утомленные долгой прогулкой к лесу и обратно, мы едва доплелись до резиденции. Весь день стояла несусветная жара, по моему градуснику — градусов сорок, не меньше. Взрослые дайт переносили ее без особого труда, и только росткам приходилось тяжело, ведь они еще не могли передвигаться. Нам поручили отнести весь новорожденный молодняк под сень «домашних» деревьев. Тонкие корешки побегов заботливо привязывались к зеленым стволам кошек — полных липкого коричневого молока растений с тонкой корой. Через дырочки в коре молодняк пробирался к сочной сердцевине кошек, и мог целыми днями висеть на этих импровизированных сосках, получая от них все необходимое. Деревья забрызгали наши туники своим липким коричневым молоком, и от его запаха болела голова. Мы даже не обменивались впечатлениями по дороге — слишком устали.

Силенка, весь день просидевшая на грядке одного из добрых дайт, выглядела не лучше нашего. Жара одинаково сказывалась на всех живых существах, из какого бы мира они ни прибыли. Мы доползли до кроватей и буквально упали на них. У меня жутко болели виски, и чесалась от пота кожа головы под отяжелевшими мокрыми волосами.

— Если завтра будет такая же погода, я в деревню не пойду, — сказала Лидилла, обмахиваясь тканью. — У меня сердце из груди выскакивает.

— Я тоже, — сказала я. — Кажется, меня сейчас стошнит.

Перед глазами все плыло, в желудке стоял мерзкий комок. Я заставила себя подняться с кровати, но стало только хуже.

— Мне надо под холодную воду.

Я проглотила спазм и с трудом удержалась на ногах, когда встала.

Комната ходила ходуном. Я добралась до двери, немного постояла, держась за косяк. Следующая перебежка привела меня к ванной комнате.

Там имелись и душевая кабина, и подобие унитаза, и я успела добежать до последнего, прежде чем мой желудок исторг из себя утреннюю еду.

Тошнота схлынула, но я не рискнула сразу же возвращаться, а подождала, пока желудок перестанет выделять соль и флики. На это ушло несколько минут, но дышать стало ощутимо легче. Я умылась, пригладила волосы руками и вернулась в комнату.

На моей кровати с выражением ожидания на лице сидела Силенка. Увидев меня, она улыбнулась и поднялась. Я могла себе представить, какой у меня был после умывания видок, а потому восприняла ее улыбку, скорее, как насмешку.

— Добрый вечер, — сказала Патронесса. — Присаживайся, Стилгмар, поговорим.

Я послушно уселась на кровать, но потом попросила разрешения лечь. Все-таки голова еще кружилась. Возможно, Силенка и привыкла к таким капризам погоды, но мне пребывание на жаре всегда давалось тяжело. Кстати, Лидилла и девушки тоже выглядели не очень, но держались — этакие стойкие оловянные солдатики. А мне было плевать на политес, я хотела прилечь, или меня снова вырвет.

Опустив голову на подушку, я ощутила облегчение.

— Спасибо.

Силенка пожалала плечами, прислонившись спиной к стене у двери.

— Я принесу тебе немного газированного молока кошек чуть позже, — сказала она. — Хорошо помогает при перегреве. Назавтра намечается ритуал вызова дождя, так что такой жары не будет. Об этом я и хотела поговорить с вами.

Я постаралась вслушаться в то, что она говорит.

— Вы все читали учебники и знаете, в чем суть.

Если быть честной, я эту часть пробежала глазами и закрыла, сосредоточившись на технике безопасности и биологии дайт. Я наострила уши.

— Волнение травы может показаться вам красивым, захватывающим, стоящим восторга. Но помните — во время ритуала старшее дерево отвлекать нельзя. Шум, звон, охи и ахи оставляем для резиденции. Ритуал требует максимального сосредоточения. Когда вокруг старшего дерева начнет создаваться область низкого давления, у кого-то может заложить уши. Постарайтесь дышать глубоко, но бесшумно, сделайте несколько плотательных движений.

Она помолчала.

— К сожалению, дела вызывают меня в Белый мир, так что я завтра улечу. С вами останется Яр. Вы проведете последнюю ночь в резиденции, а потом он вас проводит к Воротам. В мое отсутствие посещать деревню дайт запрещается. Под страхом отчисления. — Голос Силенки зазвенел. — Я надеюсь, мы друг друга поняли.

— А что мы будем делать без тебя целый день? — спросила Лидилла. — Может, мы тоже завтра махнем с тобой в Белый мир?

Она улыбнулась.

— Вы не будете сидеть в шести стенах. Яр обещал, что покажет вам ледник. Так что вас ждет прогулка по воздуху.

Девушки загомонили, но меня это не впечатлило. Ледник, лед.

Бородатые лица, оскаленные зубы...

Я постаралась отбросить мысли прочь, но образы упрямо возвращались ко мне. Я вдруг вспомнила кое-что, и решила спросить у Силенки, пока она не ушла.

— А как часто открываются Ворота в Снежный мир?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Это Нулевые миры, мы туда не прыгаем вплоть до выпускного курса. Зачем тебе это

нужно?

— Нулевые? — заинтересовалась Лидилла. — Я помню, нам говорили о них на уроке. Почему их так называют?

Силенка скрестила руки на груди совсем земным жестом.

— Зачем вам знать это раньше времени?

— Силенка, ну не будь такой, как другие Патроны, — сказала Лидилла. — Я ж все равно теперь умру от любопытства, если не узнаю. Я читала о них в справочнике, но там такая канцелярская муть, что я ничего не поняла. Расскажи.

Силенка хмыкнула в ответ на прозрачную лесть, но выражение ее лица стало серьезным.

— Ну, уж конечно, не поняла. Ну, хорошо. Все слышали про войну?

Мы кивнули, даже я привстала, чтобы лучше слышать слова Силенки. Снежный мир — Нулевой. Со слов сарры Оннджен у меня сложилось впечатление, что Нулевые миры — это планеты с океанами кислоты и атмосферой из ядовитых газов. Оказывается, я ошибалась.

— Практически во всех мирах, которых коснулась война, система отсчета начинается с момента ее окончания, — сказала Силенка. — Мы решили так на общем совете после того, как Герой победил вселенское Зло и развеял его прах в космосе. Чтобы все помнили о том, что было и знали о том, что такое может повториться. Но есть миры, в которых войны не было.

— Но ведь дайт не ведут систему исчисления по этому времени, — сказала я. — И мой мир тоже. У нас есть Рождество нашего Бога, и мы слыхом не слыхивали ни о какой войне. Но Солнечный мир не считается Нулевым. Почему?

— Рождество вашего Бога и есть точка отсчета, — мягко сказала Силенка. — То, что ваша цивилизация якобы не знает о войне, ничего не значит. Вы ведь считаете не с сотворения мира, не так ли?

Я молчала, но это не значило, что согласилась. Конечно, будет мне рассказывать инопланетянка о том, что наш Иисус Христос родился в год окончания войны.

— Не считаем, — сказала я, наконец. — Но и это ничего не значит.

Она улыбнулась, словно говорила: «Ну, что я могу сказать».

Потом прикусила нижнюю губу, подбирая слова.

— Ну, в общем-то, объяснять особенно и нечего, — сказала после недолгой паузы. — Во всех системах, где ведется система отсчета с момента победы, знают о войне. В Нулевых мирах враг... не побывал, и там летоисчисление идет по своим законам.

— Если отличие только в этом, почему мы посещаем сейчас такой неприветливый мир как Дайтерри, и оставляем Нулевые миры на потом? — спросила одна из девушек.

Вопрос заставил нашу Патронессу помолчать, а нас с Лидиллой переглянуться.

— Мы посещаем миры не просто так, ведь правда? — наконец, вымолвила она. — Мы проводим там исследования, изучаем культуру и биологию, астрономию и физику, открываем новые силы и законы. Закрытые миры, как вы уже понимаете — это не просто классификация, это элита Школы. Эти миры почти не изучены, и нам еще только предстоит разобраться, что здесь к чему. Резиденция здесь — не официальное представительство другого мира. Кроме десятка дайт никто и не знает о том, что в Дайтерри уже долгое время живут и работают пришельцы.

Она оглядела нас.

— К концу обучения вы получите возможность выбрать какой-то мир и

специализироваться по нему. С развитием контакта в мир будут прибывать ученые, исследователи, а потом и туристы. Вы будете посредниками между прибывшими и местными, вы будете экспертами, послами в этих мирах. Это сложная задача, справятся не все, но Кристалл не выбирает для Закрытых миров кого попало. Высшая ступень — работа с Нулевыми мирами. Те из вас, кто покажет лучший результат, смогут отправиться туда в качестве особых специалистов. Эти миры не знают о войне и не знают о том, что такое вселенское зло.

Она вздохнула.

— Но теоретически... чисто теоретически... предполагается, что в этих мирах может обитать, затаившись в ожидании удобного момента, Враг.

ГЛАВА 9

Шагая за Силенкой и остальными к деревне дайт, где вот-вот должен был начаться ритуал призыва дождя, я раздумывала и одновременно гнала от себя раздумья. Ключ к разгадке моих ночных кошмаров спрятался в мире, где возможно, «чисто теоретически» засело то самое Вселенское зло, об уничтожении — черт, о полном уничтожении! — которого так заливисто пела мне тетушка Рашплек.

Я уже не знала, чему верить, а чему — нет.

Я уже не знала, смогу ли я когда-нибудь выбраться из этой ловушки, попасть домой, увидеть родителей... Почему в романах про попаданок все иначе? Почему они уже через пару страниц повествования забывают о доме, обретают ухажеров в виде прекрасных принцев и кучу сверхспособностей?

Наверное, потому что тогда ни одна главная героиня не дожила бы до конца романа.

Еще немного — и от кошмаров я начну сходить с ума. Сегодня ночью я закричала так, что подскочили и Лидилла, и девушки. Я с трудом успокоила их, сказав, что такое со мной бывает, но утром все равно было стыдно.

Я радовалась, что мне не задают вопросов. Молчание — лучшая тактика, и, отводя глаза и делая вид, что не замечаю разглядывания, я молилась только о том, чтобы прошлая ночь не повторилась.

Стоя позади Силенки у самого края центральной поляны, где уже собрались все действующие лица грядущего представления, я постаралась отрешиться от собственных гнетущих мыслей и вспомнить все то, что говорил о вызове дождя учебник.

Ритуал призыва дождя включал в себя все знакомые мне из истории собственной планеты этапы.

Жертвоприношение. Ритуальный танец. Праздник.

Одно из старых деревьев поджигалось с помощью грубой линзы из стекла естественного происхождения. Подоженный дайт танцевал танец, размахивая ветками в определенной последовательности, пока старшее дерево обращалось к Солнцу с просьбой послать благодатный дождь, а остальные жители деревни подкладывали в танцующий костер «дрова» — отдавали своих домашних «животных», тела собранных в лесу засохших диких растений и все такое прочее. Когда дерево сторало, вокруг поляны возникало что-то вроде области низкого давления, и через некоторое время, и правда, начинался дождь. Силенка сказала, что пока исследования в этой области не проводятся. Возможно, что-то было в составе дыма, возможно, старшее дерево каким-то образом могло предсказывать погоду, а ритуал просто-напросто давал ему возможность укрепить собственный авторитет — не знаю. Если кому-то из нас понравится этот мир, он сможет вернуться сюда после окончания

Школы и раскрыть секрет ритуала. Лично у меня такого желания точно не возникнет.

Сухое дерево, с которого почти слезла кора, вышло в центр круга, образованного жителями деревни. Все были здесь — и большие, и малые, и корявые дайт с облезлой корой и сухими пальцами, и молодая поросль, только-только научившаяся ходить. Чужой жизни отвели место позади, и Силенка еще раз проинструктировала нас по поводу того, что следует, и чего не следует здесь делать. Мы выслушали ее наставления без особого энтузиазма — почти то же самое, что говорилось вчера вечером, она повторила еще и утром. Керр даже беззвучно шевелил губами в некоторых местах — видимо, затвердил часть текста наизусть.

Старшее дерево вынесло в центр поляны линзу — грубое стекло, отражающее свет здешнего яркого солнца. Мы еще раздались вширь, оставив два дерева стоять в центре выложенного накануне каменного круга. Как объяснил Рщгх — а все четыре дня показывал и рассказывал нам о дайт он — это делалось для того, чтобы священное пламя не расползлось дальше. Разумная предосторожность в мире, где огонь сжигает тебя дотла за несколько минут. На всякий случай утром мы наносили воду из дальнего ручья. Если она не понадобится, пригодится жителям. Оставим в качестве прощального подарка, ведь завтра нас уже не пустят в деревню.

Жертва встала перед старшим деревом и задрала голову. Все прощальные слова прозвучали еще вчера, во время устроенного по этому случаю праздника, на который нас не пустили. Вечеринка для своих, вход по приглашениям. Даже Силенка не знала, что творится в деревне во время этих празднеств, хотя наша группа была в ее практике далеко не первой, кому посчастливилось поприсутствовать на ритуале вызова дождя. Слишком еще слабы были социальные связи между Белым и этим мирами, слишком примитивна была эта цивилизация, созданная на осколках ледникового периода, который еще даже и не окончился.

«При моей жизни, наверное, мы и там и не побываем, — сказала Силенка утром, когда кто-то спросил ее. — Они суеверны, как и все первобытные народы. Считается плохой приметой пустить чужака на такое интимное празднество. Это ведь самые настоящие проводы на смерть. Не думаю, что, случись такое у нас, кто-то из семьи или родственников захотел бы, чтобы присутствовали посторонние. Ведь это все равно, что подглядывать за умирающим».

Как бы то ни было, жертва вела себя спокойно и уверенно. Старшее дерево заскрежетало пластинками, подняло кверху линзу и направило пучок света на тонкие сухие ветки на макушке своего собрата. Ждали недолго. Раздался легкий хлопок — и от листьев поднялся тоненький сизый дымок. Еще пара секунд — и сухие веточки занялись. Пританцовывая, дайт обошел тлеющего собрата по кругу, поджигая то тут, то там, пока все дерево не окутало дымом. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начали стучать пластинки, выдавая одну и ту же последовательность слов, которые одновременно были и песней, и ритмом. Чем сильнее дымилась жертва, тем больше стоящих вокруг присоединялось к этой песне, тем быстрее становился танец — хаотическое движение рук и ног, потряхивание ветками и хлесткие удары в пустоту, рассекающие воздух.

Откуда-то понизу резко потянуло холодом. Я обхватила себя руками, пытаюсь согреться. Мурашки сменились крупной дрожью, застучали зубы. Я огляделась и увидела, что и остальным тоже некомфортно. Даже Керр выглядел так, будто вот-вот начнет переступать с ноги на ногу. Девушки прижались друг к другу, Лидилла, как и я, обхватила себя руками и

опустила голову вниз, глядя под ноги.

Песня и танец достигли крещендо, когда горящее дерево упало в центр круга. Столб дыма подобно указующему персту взметнулся в чистое небо. Песня утихла, старшее дерево отошло в сторону, воздев к небу руки. По его знаку дайт стали по очереди подходить и бросать в костер сухие ветки и поленья — части погибших диких и одомашненных растений. Костер становился все шире и выше, пока, наконец, не наткнулся на препятствие в виде каменного круга и не заплясал в нем, не в силах двинуться дальше. Вокруг стало темнее. Пламя в буквальном смысле засасывало в себя воздух, и вскоре у меня в ушах зазвенело от перепада давления. Ощущение было как при посадке самолета. Я летала в жизни всего пару раз, но хорошо его запомнила.

А еще я запомнила, что говорила по этому поводу Силенка. Собрав в мгновение пересохшем рту немного слюны, я попыталась проглотить ее.

Глоток. Еще. Я открыла рот, закрыла глаза и постаралась отрешиться от неприятного ощущения, но оно становилось все сильнее и сильнее. Наконец, когда я уже готова была закричать, снова подул холодный ветер. Стало легче дышать. Я открыла глаза и посмотрела на небо, на котором уже сгущались темные тучи, грозящие вот-вот пролиться дождем.

Ритуал был почти окончен. Деревья встретили криками приветствия тяжелые дождевые облака. Вода — это жизнь, а в этом мире — особенно. Я посмотрела краем глаза на Силенку. Она все еще была напряжена, но большая часть ритуала уже осталась позади, и вскоре нам можно будет присоединиться к празднику дождя.

Все, что произошло чуть позже, по моим ощущениям растянулось на часы, хотя на самом деле заняло не более чем пять-десять минут.

Из тучи, нависшей над нами, вдруг вырвался зигзаг молнии. Он взрезал небо ярким световым ножом и ударил прямо в центр круга, в горящий костер. Грохот был таким, что, казалось, расколосась надвое сама земля. Нас раскидало по поляне, кого куда, разметало как опавшую листву порывом ветра. Отлетев к диким кустам, я с силой ударилась о землю и на пару секунд из-за дикой боли просто отключилась. Что произошло, я не поняла. Молния оглушила меня, и я не слышала ни криков Силенки, ни безумного прищелкивания дайт, бросившихся врассыпную от костра, взметнувшегося еще выше. Обо всем этом мне потом рассказал Керр, которого, в силу некоторых особенностей анатомии, оглушило не так сильно.

Силенка упала навзничь, тут же быстро вскочила и подбежала к тем, кто еще лежал на земле. Они с Керром помогли подняться Лидилле. Из ее левого уха текла кровь, она ничего не соображала и от боли, и от шока. Малгмар успел обхватить за талию одну из безымянных девушек, и она, приземлившись на него, почти не пострадала.

Меня и вторую девушку без имени отбросило почти друг на друга. Мы обе лежали без сознания чуть дальше от остальных, и потому наша Патронесса, хлопоча над теми, кто оказался ближе, не сразу обратила на нас свое внимание.

Я услышала крик Силенки еще на краю бесчувствия. Открыв глаза, я увидела перед собой сучковатое лицо дайт, а потом резкий удар по лицу заставил меня закричать и скрестить перед собой руки в попытке защититься от следующего удара. Еще удар. Еще удар. Меня кололи сучьями, хлестали прутьями, били по бокам толстыми ветками.

Извиваясь и беспрестанно крича, я попыталась отползти прочь, но их было слишком много. В своем единодушии они готовы были меня убить, и, если я пролежу на земле еще немного, я просто уже не встану.

— В чем дело? — закричала Силенка где-то на другом конце Вселенной. — Что происходит, Рцгх?

Раздался хруст, и я поняла, что деревья нападают не только на меня. Крики доносились до меня пока как сквозь слой ваты, но я различила голоса Лидиллы и Малгмара, Керра и той, безымянной девушки.

Казалось, деревья обезумели. Под градом ударов я кое-как повернулась на живот. Пусть легче и не стало, но я хотя бы могла попытаться сдвинуться с места.

— Яр! — донесся до меня крик Силенки. — Яр, на помощь! На помощь!

По затылку меня ударили чем-то тяжелым, и свет сменился тьмой.

Керр рассказал мне потом, что Силенка не просто так выкрикивала имя брата — она вызывала его через коротковолновый передатчик, вмонтированный в кольцо на ее пальце. Выхватив из костра горящую ветку, Малгмар подал пример остальным. Вскоре пространство вокруг удалось расчистить. Размахивая ветками, ребята отогнали дайт от меня и девушки. Дайт успели пробить ей голову, она агонизировала. Мне повезло больше, если это можно назвать везением. Я дышала, но не в сознание не приходила. Из ушей и носа у меня текла кровь.

Малгмар и Керр держали оборону столько, сколько понадобилось Яру, чтобы прилететь за нами на Йкк. Как только корзина опустилась на землю, он выскочил наружу с пламенеметом в руке. В считанные секунды вся деревня превратилась в костер. Меня и девушку на руках затащили в корзину, мы взмыли вверх и полетели прочь от деревни как раз в то время, когда на землю упали первые капли дождя.

Лидилла рыдала. Силенка и Яр негромко переговаривались. Остальные пребывали в шоке от происшедшего и не знали, что будет дальше. Решено было оказать нам первую помощь уже в Белом мире. Чтобы не терять время, Йкк направили к Воротам.

Перемещение произошло без приключений, и на машине с включенным сигналом экстренной ситуации меня и умирающую девушку повезли в ближайшую больницу.

Очнулась я уже там.

Если бы моя история была выдумкой, я обязательно облегчила бы себе путь к избавлению от кошмаров. Скажем, сделала бы так, что воспоминания вернулись ко мне при пробуждении. Или чтоб я увидела что-нибудь из той, другой жизни, пока находилась без сознания.

Но, увы. Была темнота, было безмолвие, был покой.

Я пришла в себя, казалось, сразу же после того, как получила удар. Вот только что вспыхнула перед глазами вспышка ослепляющей боли, а вот уже я чувствую вокруг безошибочно узнаваемый запах лекарств и слышу знакомые голоса, правда, разговаривающие с незнакомыми мне интонациями.

— Ты не имела права подвергать опасности никого из учеников! — Голос Лакса почти срывался. — Ты не имела права подставлять себя ради своего идиота-братца, Силенка, понимаешь? Не имела права. Ритуал дождя должен обязательно сопровождаться поддержкой с воздуха, разве ты этого не знаешь? Что делал Яр в то время, пока деревья вас избивали? Приходил в себя после очередной попойки? Отсыпался и пил снова, пока ты рисковала жизнью?

— Лакс, я прошу тебя, — жалобно сказала Силенка. В ее голосе не было веселья, не было легкомыслия. Только безумное сожаление. Только ошеломляющее чувство вины. — Я не хочу обсуждать это здесь, пожалуйста. Давай поговорим дома.

— Дома? Силенка, мы не едем домой. Через полчаса в малом зале соберется Совет. Ты, Силеяр, Патроны твоей группы. Радуйся, что вместо Дэлакона председательствовать буду я. Радуйся, что Ининджер покинул пост Первого советника.

— Они что, хотят провести заседание прямо сегодня? — В голосе кудряшки звучал ужас. — Лакс. Я тебя прошу, я умоляю тебя!

Повисло молчание.

— Это приказ отца. Я вряд ли смогу что-то сделать. Пока все очень предварительно, но по закону Силеяр официально будет отстранен от исследовательской деятельности на ближайшие пару лет. Это самое мягкое наказание, которое я смогу предложить Совету, не рискуя показаться предвзятым. Посмотри на эту девушку. И вспомни о той, ради которой мне пришлось без ведома отца вызвать архангела.

Я услышала, как Силенка плачет. Слушать, как Лакс станет ее утешать, было выше моих сил. К тому же повязка, которую я ощущала на лице, давила мне на глаза. Застонав, я попыталась поднять руку, чтобы ее подвинуть, но почему-то не смогла это сделать.

— Стилгмар? — позвала Силенка.

Я почувствовала ее нежную руку на своем лице и дернулась от прикосновения. Почему она трогает мое лицо?

— Я... слышу тебя, — разлепив губы, вымолвила я. Говорить почему-то оказалось нелегко.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил она.

Тревогу в ее голосе я могла бы отнести на свой счет... если бы не слышала чуть раньше ее разговора с женихом. Силенка вряд ли волновалась обо мне, это точно. Я не совсем поняла, о чем речь, но одно уяснила точно — она попыталась прикрыть своего брата, который в очередной раз напился и не смог исполнять свои обязанности, и провалилась, едва не потеряв в мире дайт всю вверенную ей группу первокурсников.

— Темно, — ни на секунду не забывая о присутствии Лакса, сказала я. — Голова очень... болит. Почему на мне... повязка?

— Удар был сильным, — спокойно сказал Лакс, когда Силенка не ответила. — Ты парализована ниже шеи, Стилгмар. Дайт перебили тебе позвоночник. Голову зафиксировали, чтобы удержать на месте.

Я издала сдавленный звук. Мне не хватало воздуха, я слышала слова, которые ласково и быстро говорила мне Силенка, но не понимала их смысла. Мир перед глазами закружился вереницей темных пятен.

Паралич. Инвалидность. Я слышала о таких повреждениях, и знала, что лечения нет. Я останусь прикованной к постели. Я умру в чужом мире на больничной кровати в окружении сиделок, которые даже не знают моего настоящего имени.

— Нет... — прохрипела я. — Я... не хочу.

Я попыталась двинуться, дернуться, хоть как-то пошевелиться. Но не могла. Не могла.

— Стилгмар! — рука Силенки снова коснулась моей щеки. — Стилгмар, послушай меня, пожалуйста. Это не навсегда, слышишь, я обещаю тебе! Мы же пригласили ангела, он будет здесь совсем скоро, он вылечит тебя!

Я не сразу поняла сказанное. Ангелы. Те существа с крыльями, о которых говорила тетушка Рашплек, которых я видела с ней в магазине. Они смогут вылечить меня?

— Ангел скоро придет. Он прибудет сразу же, как будет возможно, — сказал Лакс. — Стилгмар, я от лица Мастера правления обещаю тебе, что все будет хорошо. Верь мне.

Я молчала. Столько неискренности было в его голосе.

Верь мне.

На самом деле Лаксу было все равно, жива я или умерла.

Верь мне.

На самом деле только необходимость прикрыть грешки невесты заставила его вызвать архангела для моего спасения. Или ангела. Я уже запуталась.

Верь мне. Черт возьми.

Конечно, верю. Особенно ночью, когда ощущаю на себе ненавидящий взгляд и слышу полный ярости голос, призывающий предать меня ужасной казни.

— Пойдем, — сказал Лакс Силенке. — Пора готовиться.

— Мы скоро вернемся.

Она снова коснулась моего лица. Если бы я могла шевелиться, Силенка бы уже давно получила по руке. Теперь же осталось только скрипеть зубами и терпеть. Надеюсь, это продлится недолго.

Они, наконец, ушли, и я осталась одна. Впечатления от пережитого, страх, боль — все это вместе вдруг нахлынуло на меня, и я расплакалась под повязкой, беззвучно и без катящихся по щекам слез — все впитывала стерильная ткань.

— Я не обманул тебя, Стилгмар, — прозвучал рядом голос, и я поняла, что Лакс вернулся. — Ангел и в самом деле способен тебя исцелить.

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. Зачем он здесь? Чтобы снова обвинить меня? Чтобы сказать еще одну гадость?

— Одна из девушек едва не умерла, и после возвращения не будет ничего помнить о происшедшем, — сказал он. — Со слов остальных дайт сначала напали на нее и на тебя. Я хочу, чтобы после выздоровления ты поучаствовала в заседании Совета. Твой Патрон рвет и мечет.

— Силенка здесь ни при чем, — сказала я, не скрывая холодности в голосе. — Если ты это хочешь услышать — я тебе говорю. Но и мы не виноваты. Дайт напали на меня и эту девушку сразу после удара молнии. Я не знаю, в чем дело. Мы не нарушали правил.

Я чувствовала, что закипаю от злости. Желания притворяться вежливой, общаясь с Лаксом, больше не было. Кошмары, которые я вижу, появились по его вине. Я не собиралась наклеивать на лицо вежливую улыбочку и говорить, что все хорошо, когда это было не так.

— Силенка вовсе не пытается вас обвинить, — сказал Лакс тоже холодно. — Но она не впервые участвует в ритуале, и не первый здешний год работает с дайт. И я надеюсь, ты расскажешь на Совете правду. Естественно, и остальные тоже будут.

Я не выдержала. Может быть, Лакс и не позволил бы мне задать свой вопрос, но повязка давала преимущество — я не видела своего собеседника, и мне было плевать, что за эмоции сейчас отражаются на его лице.

— Лакс, скажи мне, что я сделала в Снежном мире, — сказала я, отчаянно пытаюсь удержать голос твердым. — Скажи мне, что там было, что случилось со мной? Ты так ненавидишь меня, что не считаешь, что я заслуживаю правды?

Рыдания снова подступили к горлу, и я только чудом удержалась от них.

— Я вижу кошмары, Лакс. Я вижу такие кошмары, от которых волосы встают дыбом! Прощу тебя, я просто еще немножечко и сойду...

— Ты совершила предательство, — спокойно перебил меня Лакс.

Я запнулась на полуслове, но он, похоже, решил все-таки рассказать чуть больше, чем в

прошлый раз.

— На деревню, в которой мы жили, напали. Ты переметнулась на сторону врага и предала нас, — продолжил он. — Рассказала им, где стоят наши ловушки, позволила пытаться и убить одного из наших.

Мысли мои метались вокруг уже сказанного, но я не могла пока облечь в слова то, что чувствовала. Слишком сказанное было эфемерно. Слишком отстраненно. Словно это касалось не меня.

— Тебя пытали, потом привели на озеро и утопили. Но, видимо, не совсем, потому как тогда тебя бы здесь не было.

Я не сразу поняла, что дышу часто и открытым ртом. Голоса, тьма, запах крови и ощущение ледяного прикосновения воды — все это было не просто так. Кошмары, в которых я была близка к смерти, казались вялым подобием того, что я испытала на самом деле. Я не просто видела эту старуху с косой — я уже была ее жертвой. Пусть и выжившей. Пусть и потерявшей память о том, что было.

— Это... — в горле стоял комок, я сглотнула. — Это правда? То, что я сделала... это правда?

— Да.

— Ты уверен на сто процентов? — Я зажмурилась, слезы текли рекой, голос дрожал. — Знаешь наверняка?

Если бы я видела его и не прислушивалась так жадно к интонациям голоса, я бы не заметила этого едва уловимого колебания.

— Да.

Лакс не был уверен. Пауза, запинка перед репликой — мне было этого достаточно. Он не знал точно, что я совершила, но зачем-то пытался убедить меня в том, что знал. Лгал мне. Как и все здесь. Как и его обожаемый отец, как и Аргента. Но его ложь была почему-то гораздо большее.

— Уходи, — сказала я. — Уходи!

Голос сорвался, но мне уже было все равно. Если раньше я готова была посмотреть в лицо своему прошлому, то теперь ненавидела его. За то, что не помнила. За то, что не могла вспомнить и позволяла Лаксу издеваться над собой.

— Надеюсь, я помог тебе, — сказал он, словно насмехаясь. — Всего хорошего.

Я плакала так долго, что снова уснула.

Проснулась я от звуков голосов. Меня ощупали, осмотрели, сделали какие-то уколы. Но это были обычные доктора и обычные уколы, поэтому движения ко мне не вернулись. Я попросила не заматывать мне больше глаза бинтом. Хотела видеть, что происходит вокруг.

Вынужденная беспомощность нервировала бы меня больше, если бы я не знала, что она временная. Но бездействие физическое вовсе не означало бездействия мысленного. Я лежала в тишине палаты и смотрела в потолок, периодически проваливаясь в полузабытье, полное образов прошлого, о котором я не помнила.

ГЛАВА 10

Аргента буквально вихрем ворвался в палату, разбил звуком своих шагов тишину, заглушил мои невеселые мысли своим резким голосом. Я услышала его бормотание еще из коридора, но я даже не представляла себе, насколько зол мой Патрон, до тех пор, пока не увидела его утром следующего после перемещения дня.

— Ну, как ты, Стилгмар? — спросил он, останавливаясь рядом с кроватью. — Как ты

себя чувствуешь? Я привел ангела, он поможет тебе.

Наверное, впервые за долго время я была рада слышать голос своего Патрона. Неважно, что он звенел от сдерживаемой злости. Аргента был здесь, и он привел помощь. Больше мне и не было нужно.

— Я нормально, — сказала я. — Только позвоночник перебит ниже шеи, а так — совсем отлично.

Повязку с глаз по моей просьбе сняли, так что я смогла увидеть своего Патрона. Выглядел он так же, как и звучал — яростно. Глаза метали молнии, губы были плотно сжаты, даже обычно легкомысленная челка, казалось, топорщилась ежиком.

Вслед за моим Патроном в палату вошел легкой походкой мужчина в белоснежной одежде. Лицо его было красиво той красотой, которая не вызывает желания. Прямые светлые волосы спускались до плеч, золотистого цвета глаза с радужкой, заполнившей все пространство, смотрели строго и пристально. Тонкая мальчишеская фигурка дышала, тем не менее, какой-то силой. Я поняла, что это и есть обещанный ангел.

Аргента не оценил моей попытки пошутить над собственным состоянием. Он несколько секунд молча смотрел на меня, покусывая губы, потом заговорил:

— Мне тут рассказали, что случилось. — И вдруг взорвался. — Скажи мне, что ты не нарушала правил, Стилгмар! Я уже второй день спать не могу от раздумий! Совет готов лишить звания Патрона и меня, и Силенку. Они почти уверены, что все случилось по вашей вине! — Опомнившись, он махнул рукой в сторону ангела. — Кстати, это Фейрандайре Анрайдайре Дайре. Сокращенно его можно называть Фей. Представитель старшей расы теплокровных кислорододышащих существ, называемых белокрылыми. Или ангелами, как тебе удобнее.

Ангел молча кивнул мне и отошел прочь к изножью кровати. Взяв со стоящего там столика какую-то пластиковую карту размером с альбомный лист, он снова подошел ко мне.

— Он сейчас оценит объем повреждений и скажет, сколько времени потребуется на лечение, — сказал Аргента, и я поняла, что это медицинская карта.

А говорить этот ангел умеет?

— Хорошо, — разлепив губы, сказала я. Вздохнула. — Аргента, я тебя уверяю. Правил ни я, ни та девушка не нарушали. Наверняка дайт напали не без причины. Но причина не в нас.

— Тебе надо будет рассказать все на Совете, — сказал он, тоже вздыхая. Подошел, встал рядом с Феем, заглянул ему через плечо. — Ну, что там?

— Все серьезно, но вполне поправимо, — заговорил, наконец, ангел. Голос его был обычным, вовсе не «ангельским». Не знаю, чего я ждала. Что он запоет контратенором? — Я вижу только переломы. Органы не вырваны, значит, я смогу помочь.

У меня задрожали губы, так, что пришлось их сжать.

Может, кому-то и кажется, что одна ночь в постели без возможности даже поднять руку, чтобы почесать нос — это мелочи, но для меня она показалась бесконечной пыткой.

Начать с того, что на фоне удара по голове у меня открылась рвота. Первую половину ночи я провела на боку с подставленным к лицу лотком. Медсестры сновали вокруг, пытаясь попасть иглами капельниц в мои ужасные — хоть что-то в этом мире осталось неизменным — вены, врачи щупали мой пульс и едва не вывернули мне веки, заглядывая в зрачки. Вторая половина была еще хуже. Рвота закончилась, но растворы мне все еще вливали. Что за растворы — не знаю, но, видимо, у меня с беломирцами оказалась достаточно схожая по

составу кровь, и мне от них сразу стало лучше. Но от большого количества воды в организме возникла другая проблема. Я помочилась семь раз за несколько оставшихся до утра часов. Мне было стыдно просить персонал уже на второй раз, но альтернатива, несомненно, была ужаснее. Я уснула только под утро, устав от бесконечного переворачивания с боку на бок и проделок собственного мочевого пузыря. Кошмары мне не приснились, наверное, по причине усталости. Но чувствовала я себя сегодня совершенно разбитой.

— Вот и отлично. Все будет нормально, Стилгмар, раз ангел сказал — значит, действительно, поможет. — Аргента ободряюще похлопал меня по плечу, прикрытому одеялом. Конечно, я его прикосновения не почувствовала, но отчего-то оно меня растрогало. Хоть кто-то сказал мне пару слов без того, чтобы обидеть или в чем-то обвинить. — К началу недели, ты, конечно, не сможешь вернуться, жаль. Но я принесу тебе книги и сама позанимаюсь с тобой по Миламиру.

Да, я помнила, что по расписанию следующая практика у нас как раз там.

— Надеюсь, все пройдет гладко. — Оно помолчал. — Слушай, возможно, я веду себя иногда слишком деспотично...

Взгляд в сторону ангела.

— Но я знаю, что ты бы не нарушила правила.

Специально. Это слово не прозвучало, но повисло в воздухе. Да, хоть Аргента совсем меня и не знал, но верил, что я не нарушила бы правил специально. Я бы ни за что не подвергла опасности жизни других. Мое возвращение того не стоило.

— Я бы ни за что так не сделала, — сказала я, глядя Аргенте в глаза.

И он снова коснулся моей руки, теперь уже почти с благодарностью.

Ангел дочитал мою карту до конца и подошел ближе. Мой Патрон отступил на шаг, кивнул, попросил меня закрыть глаза.

— Я восстановлю то, что было разрушено, — сказал Фей. — Я наложу на тебя руки и заставлю нервы срастись. Ты вернешься точно в то состояние, в котором пребывала до травмы. Но за каждую оказанную им услугу ангел вправе требовать ответную услугу. Это называется Обещанием, клятвой, данной представителем младшей расы представителю старшей. И от тебя я попрошу вот что: никогда больше не прыгай в мир Дайтерри. Ты это понимаешь, Стилгмар?

— Да, — не открывая глаз, сказала я.

— Ты согласна оказать мне услугу в обмен на мою? Ты обещаешь мне не переноситься в этот мир?

— Да.

Ангел, видимо, простер надо мной руки — ощущение было такое, словно над головой вдруг засветило яркое солнце. Ласкающее кожу тепло давало успокоение, мягкий свет, который я ощущала даже через закрытые глаза, нежно омывал веки изнутри.

А потом он коснулся моего лица, и я в третий раз за последние сутки заплакала.

ГЛАВА 11

После того, что случилось с нашей группой, мир дайт временно объявили недоступным для перемещений. Об этом мне уже вечером сообщила Силенка, заглянувшая, чтобы узнать, как у меня идут дела. Нападения со стороны местного населения случались, но уже очень давно были редкостью. А тут такое — жестокое, на первый взгляд, беспричинное нападение, окончившееся для одной из первокурсниц клинической смертью, а для второй — тяжелой травмой.

Выглядела невеста Лакса не очень — бледное лицо, круги под глазами. Казалась измученной, хотя с момента нашего возвращения прошли буквально сутки. Но ей было, отчего переживать.

Экстренное заседание Совета было проведено в тот же день — но без моих слов о случившемся решено было каких-либо выводов не делать и наказания никому не назначать. Судьба Аргенты и Силенки висела на волоске, и этот волосок тянулся к моей голове.

— Если тебе что-то нужно, Стилгмар, скажи.

Но я только махнула рукой. Ничего мне было не нужно. От нее — так точно ничего.

Оба они — и мой Патрон, и Силенка навещали меня каждый день вплоть до дня выписки, но ни один не откровенничал более — видимо, боялись, что это будет воспринято как давление, а может, по каким-то своим причинам. Я не гадала.

А вот Лакс не заходил, но ему нечего было делать в палате той, с которой у него было общим только одно — прошлое. И я убеждала себя, что не должна прислушиваться к шагам за дверью, не должна ждать и не должна о нем думать. Но как перестать думать о том, кого ты каждую ночь видишь во сне?

Вся группа после возвращения попала в больницу. Керру зашивали рассеченную до кости ногу, и он уже на второй день, сразу после выписки, заглянул ко мне справиться о здоровье. Красные глаза обежали мое скрытое простыней тело, задержались на груди.

— Здравствуй, Стил. Отлично выглядишь.

— Ты неисправим, — не удержалась я, проследив за его взглядом.

Он ухмыльнулся, наслаждаясь моим смущением. Подошел ближе, присел рядом на диванчик для посетителей. Странно, что первым ко мне пришел именно он. Я почему-то ждала Лидиллу. Мы с ней вроде даже неплохо ладили в эти четыре дня. Но рядом со мной сейчас сидел именно Керр.

— Я вообще-то болею, — сказала я, не разделяя его веселья.

— Хотелось немного тебя встряхнуть, — сказал он, чуть заметно склонив голову набок. — Выглядишь так, словно вернулась с того света.

— Я слышала, и ты пострадал.

Он скрестил на груди руки.

— Да. Тяжело нам пришлось, но мы вас не бросили. — И Керр рассказал, что видел он после того, как ударила молния. — Я так понимаю, теперь на нас попытаются повесить всех собак? Первокурсники, нарушили правила, бла-бла-бла.

— Да, думаю, так. — Я анализировала услышанное и пыталась понять, скрыл ли он что-то от меня или рассказал правду. Но все совпадало с увиденным.

Получалось, что дайт словно спятили именно после того, как молния попала в каменный круг. Может, это как-то связано? Но тогда ни мы, ни Силенка тут не причем. Хотя, конечно, ей не мешало бы следовать правилам. Может, тогда на их и Яром стороне был бы не один свидетель, а два.

— А что с той девушкой?

— Этой... как ее?.. Которая умерла? — Похоже, Керру тоже не запомнились имена двух наших неприметных сокурсниц. — Да ничего. Пришла в себя, непосредственно перед моментом смерти все из памяти стерто. Естественно, смерть первокурсницы на первой же практике не могла пройти бесследно. Школа просто стоит на ушах из-за сплетен.

Я удивилась.

— Не поняла.

— Ну, а чего непонятного. Перла сказала, нас еще не успели отвезти от Ворот, а они уже все знали. Думаю, теперь к Закрытым мирам будет применено еще больше мер безопасности. Нас уже заставили подписать документ о неразглашении, но ведь любопытных от этого меньше не станет.

— Но ведь в Дайтерри никто кроме нас не работал.

Керр помолчал, а потом заговорил, и в интонации его не осталось и следа от легкомыслия.

— Стилгмар, ну вспомни о ледниковом периоде Дайтерри. Какова, по-твоему, его причина? Герой победил Вселенское Зло, но всегда есть те, кто сомневается в безоговорочности такой победы. Во Вселенной миллиарды обитаемых миров, и ни одному созданию пока не под силу проверить и очистить их все. На сотню миров вокруг этого зла нет. Но что там, дальше? Конечно, Силенка не стала новичкам раскрывать вот прям все-все тайны. Но старшие курсы тоже перепугались, особенно, те из нас, кто собирается прыгать по Закрытым мирам. Кое-кто считает, что среди дайт завелся враг, понимаешь.

Я почувствовала, как по рукам побежали мурашки. Он прав. Потому Силенка и не озвучила тогда свои подозрения. Потому что это были не подозрения, а часть истории, которую мы пока не готовы знать. Уничтожили предыдущую цивилизацию именно войска того самого врага, который теоретически — чисто теоретически, да-да, я помню — может таиться в Нулевых мирах.

— Девушка подала просьбу на отчисление. Не хочет больше учиться. Вообще.

Да уж, это были новости, которых я не ожидала. Я посмотрела на Керра, но его взгляд снова был направлен на мою грудь.

— Керридар!

— Ну, чего. Я так лучше соображаю, — сказал он, отводя взгляд. — Ладно, Стил. Рад был повидаться. Я подумал, что тебе будет интересно, и потому решил прийти. Многие будут рады, если Аргенту лишат звания Патрона. У него здесь не лучшая репутация, это я тебе честно скажу. Но мало кому понравится, если звания лишится Силенка. Невеста Лакса, всеобщая любимица — Перлита исправно снабжает меня сплетнями, так что я в курсе. Так что ты понимаешь, к какой версии событий тебя будут склонять.

Я не смогла сдержать вдоха удивления.

А Керр оказался вовсе не таким легкомысленным болтуном, каким я его себе представляла. И он был прав, скорее всего, прав. Лаксу не выгодно лишать свою будущую жену звания Патрона. Судя по тому, что я успела узнать, это звание давало право на участие в заседаниях Совета при Мастере правления. Патроны напрямую участвовали в жизни государства. Если Силенка станет обычной гражданкой страны, в которой так много «прыгунов» по мирам, она много потеряет. Прежде всего, авторитет.

Естественно, ей этого не хотелось.

— Спасибо, — сказала я Керру. — Но я думала, что и вас позовут на Совет.

— Решили вроде бы обойтись теми, кто пострадал больше всех, — пожал он плечами.

На следующий день в больнице из пострадавших в Дайтерри осталась только я. Девушку забрали на долечивание родственники — оказывается, она была из богатой семьи, и ее родители могли себе позволить врача на дому. Нервы пришли в себя после сращения, и мне предписано было весь день двигаться — чтобы снова вернуть себе полноту движений и ощущений.

Погода на улице благоволила прогулкам. Аргента принес мне кое-какую одежду —

конечно же, цветов тетушки Рашплек, и я, облачившись в рубашку и юбку, вышла под руку с медицинской сестрой на прогулку. Облака лениво плыли по небу. Мы сделали несколько кругов по территории больничного комплекса, потом выполнили разминку для позвоночника и вернулись внутрь. Я не чувствовала себя усталой, но сон сморил меня, едва голова коснулась подушки.

На этот раз кошмары вернулись.

Я видела долину, занесенную снегом. Со всех сторон ее окружали горы, высокие и неприступные. Я шла по тропинке между деревьев к домам, стоящим на краю леса. Я знала, что меня там ждут, что там тепло и пахнет домашней выпечкой.

Я услышала выстрел задолго до того, как поняла, что не сплю. Обернувшись, я увидела человека в меховой шапке. Он наводил на меня ружье, и я знала, что он вот-вот будет готов выстрелить снова.

В следующую секунду я оказалась по шею в воде. Холод пронзил мое тело железным штырем, я закричала, пытаюсь проснуться, уже понимая, что этот тот самый кошмарный сон, который я вижу каждый день.

— Она всплыла!

— Предательница! Предательница!

— Будь ты проклята!

Я почувствовала резкий удар по голове и открыла глаза. В следующую секунду что-то забулькало у меня в груди, и, повернувшись набок, я исторгла на пол рядом с кроватью около литра ледяной воды.

Утром следующего дня Аргента сообщил мне, что на внеочередном, так называемом, «малом» заседании учебного совета Школы было принято важное решение. Поскольку группа Закрытых миров в полном составе не явилась на первые теоретические занятия по Миламиру, наше расписание сдвинули на четыре дня вперед. У нас будет полный комплекс теоретических занятий, за которым последует такая же полная практическая сессия.

Таким образом, теперь группа Закрытых миров будет заниматься отдельно от остальных групп. Я подозревала, что сделано это не просто так и далеко не в наших интересах, и восприняла эту новость без энтузиазма. Но никто и не ожидал, что я обрадуюсь.

Несмотря на сказанное, Аргента все равно явился ко мне в палату с кучей учебников и твердым намерением «подтянуть» меня по всем предметам. Это означало, что полдня я проведу с ним.

После второй практики до полнолуния останется всего ничего, и мне в голову все чаще приходила мысль о том, что я могла бы вернуться домой. Вот только что делать с лихорадкой, которая тогда меня ждет? Я попыталась расспросить о ней Аргенту, но он увиливал от темы и говорил только об учебе.

Пока Аргента рассказывал мне о том, как бушевала на совете сарра Риангмар — ей из-за удлинения рабочей недели придется пропустить посиделки в книжном клубе и встречу общества любителей домашнего вязания — мысли мои плясали вокруг вчерашнего визита доктора.

Сразу после того, как меня вырвало ледяной водой, в палату наведалься врач, мужчина лет пятидесяти, уверенный в себе и в своих знаниях. Взяв меня за руку, он пощупал пульс, заглянул мне в глаза и проникновенным голосом сообщил, что «имеем мы дело с классическим случаем переноса душевных метаний в телесные страдания».

Доктор рассказал мне то, о чем я слышала и на Земле. Читала в какой-то книге об

интересном, но жутком эксперименте с внушением. Суть была такова: человека укладывали на кушетку и завязывали глаза. Затем объясняли, что сейчас ему на руку выльют небольшую дозу уксусной кислоты, и на коже образуется ожог. Человеку объясняли, как будет выглядеть ожог, и какую боль он будет причинять.

Уж не знаю, что заставило испытуемого согласиться на такое, но он согласился.

После объяснений экспериментатор выливал на ладонь жертвы немного обычной воды. Человек начинал кричать от боли и пытаться вырваться, и на его ладони по прошествии времени образовывался ожог, в точности совпадающий по описанию с тем, о котором ему рассказывали.

Похоже, сказал доктор, у меня с моими кошмарами выходит та же история. В какой-то момент я внушаю себе, что все вокруг — реально, и тело послушно воспринимает мою команду. К сожалению, медицина этого мира не может помочь мне избавиться от кошмаров. Не страшась врачевать тела инопланетян, здешние эскулапы все как один отказывались лечить инопланетные души.

Доктор предложил временное облегчение — таблетки, подавляющие сны. Вчера со мной провели несколько необходимых процедур, и если они покажут то, что должны показать, сразу после занятий с Аргентой мне принесут лекарство.

Я просто не могла быть сосредоточенной.

— Тебя выпишут послезавтра, — сказал Аргента, наконец, захлопывая книгу. — Я оставлю тут учебник, на закладках — мои пометки. Почитай, пожалуйста, о технологиях Миламира. Я думаю, тебе там будет проще всех. В твоём мире Миламир был бы образцом мира стимпанк.

Как я уже упоминала раньше, ни Аргента, ни Силенка, хоть оба и заходили ко мне каждый день, о событиях в Дайтерри не говорили, в откровения не пускались. И в этот раз мой Патрон держался немного отстраненно, как будто и не было той вспышки гнева в присутствии ангела.

— На этот раз на практику с вами пойдет один из Патронов группы, — добавил Аргента небрежно. — Решили так на заседании. Ну, пойду. Вижу, тебе уже пора принимать лекарства.

В палату уже в который раз заглянула молоденькая медсестричка, и, попрощавшись, Аргента ушел.

По медицинским законам этого мира я имела право сама выбирать тех, кому позволено будет знать мой диагноз, состояние и назначения. Я решила, что о кошмарах не должен знать даже Аргента. Потому медсестра и заглядывала в палату — ждала, пока уйдет мой Патрон, чтобы рассказать мне о результатах и дать таблетки, если все будет в порядке.

— Доктор поручил передать вам, что анализы хорошие, и вы можете начинать прием, — сказала она, передавая мне флакон. — Здесь двадцать таблеток. Курс лечения составляет двадцать дней. Постарайтесь к окончанию курса прийти сюда, чтобы снова сдать анализы и получить, если нужно, еще таблеток.

Всего двадцать? Ну, почему не сто?

— А почему сразу не дать мне таблеток, например, на лунный месяц? — спросила я.

Но она только пожала плечами.

— Мое дело — сообщить Вам решение, сарра. Назначение делает доктор, не я.

Вздыхая, я поблагодарила девушку. Она ушла, и я уселась на кровать, сжимая в руках флакон и думая о том, что будет дальше. Могла бы я всю жизнь провести на таблетках?

Теоретически — чисто теоретически, да-да — могла бы. Обращаться к нашим врачам на Земле я боялась. Даже этих таблеток я боялась, потому как знала из Интернета, что все лекарства, которые влияют на психику, могут в конечном итоге свести с ума.

Только вот что для меня хуже: сойти с ума от таблеток или в один прекрасный день захлебнуться во сне просто потому, что дурацкий организм примет призрачное утопление за настоящее?

Налив в стаканчик воды из крана — в палате была своя ванная комната — я вытряхнула в ладонь шестиугольную таблетку желтого цвета. Надеюсь, поможет. Я кинула таблетку в рот, проглотила и запила водой.

Флакончик обосновался пока в моей тумбочке. Таблетки надлежало принимать раз в день, так что особых трудностей с этим, как я думала, не будет. Мне могла бы их каждый день приносить медсестра, но я попросила доктора отдать мне флакон сразу. Через несколько дней меня все равно выпишут, какая разница, когда он ко мне попадет. Я почему-то думала, что за лекарство нужно будет заплатить, но проблема решилась сама — Школа выделяла деньги на лечение пострадавших в прыжках учеников, так что стоимость лекарства будет вычтена из тех средств.

Оставшиеся дни прошли как обычно, за исключением того, что спала я теперь как убитая. Это меня радовало. Я почти убедила себя в том, что могу жить и без снов, и только навязчивая мысль о том, что кошмары вернуться, как только я перестану пить таблетки, не давала мне покоя.

В день выписки за мной пришли Аргента и тетушка Рапшлек. Она сердечно обняла меня и сказала, что рада. Только теперь мне придется сменить одежду, так как после болезни я немного сбросила вес, и вещи будут сидеть некрасиво. Мы обязательно сходим с ней на рынок, как только я окончательно приду в норму.

Но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Аргента заблаговременно предупредил меня о том, что придется сегодня вечером ехать во дворец, так что я не удивилась, увидев на своей кровати почищенный и выглаженный серый костюм. Правда, облачившись в него, я увидела, что, и правда, похудела. Заверив тетушку, что от ее пирожков с кагце я скоро снова наберу сброшенные килограммы, и покупать новую одежду не придется, я подвернула пояс юбки, чтобы она не сползала и быстро перешила пуговицы на пиджаке. Уж шить-то я умела, благо выросла в городке, где иголку с ниткой могла держать в руке любая девчонка.

— Там будут все Патроны группы, в том числе и той девушки, что отчислилась, — сказал Аргента, когда мы уселись за столом поужинать перед выходом. Сам он выглядел отлично, как всегда. Уложен, причесан, одет с иголочки. — Лакс будет председателем, Сибиг — секретарем. Силенка, Яр, их Патрон. Приглашены еще несколько наблюдателей со стороны, но даже я не знаю, кто такие. Ангелы тоже обещали прислать кого-то из своих на совет, но, если мы разберемся сами, обойдется без их участия.

Он вздохнул.

— Ну, и, возможно, придет Ининджер. Хотя он очень занят сейчас, и я надеюсь, что он просто не успеет. Иначе...

Я помолчала, допивая последние капли молока из кружки.

— Ты ведь расскажешь мне по пути, в чем там дело?

Он пожал плечами.

— Это запрещено. Не могу. Ты же заметила, что я не обсуждал это с тобой в больнице.

Патронам запрещается общаться с Протеже на такие темы. Хотя, признаю, речь идет о моем статусе.

Мы покончили с ужином и поспешили на выход. До дворца по негласному уговору решено было пройти пешком. Я была не против — доктора рекомендовали мне в первые пару недель помногу двигаться, ходить, делать гимнастику, чтобы мышцы и нервы окончательно срослись. Прогулка пошла бы только на пользу.

Мы вышли в прохладный вечерний воздух и направились ко дворцу. На улицах было достаточно многолюдно, и поговорить все равно бы не удалось, потому я молчала и думала о своем. Мой Патрон тоже, и, могла поклясться, его размышления вовсе были не радужными. Лицо Аргенты хмурилось, брови топорщились от раздумий, плечи то и дело поднимались и опускались от беззвучных вздохов. Я старалась не обращать на это внимания, разглядывала дома, мимо которых мы проходили, случайных прохожих и шестилапых собак на поводках. Я не хотела испытывать сочувствия. Не хотела.

Только не к человеку, который вовлек меня в самую рискованную авантюру в жизни.

В малом зале, где Владыка принимал по особо важным государственным делам, был поставлен длинный стол, напротив него — другой. Сбоку от возвышения, на котором стоял белый трон, был установлен ряд мягких стульев. На столах стояли тарелочки с бутербродами, коробочки с водой, лежали салфетки. В вазах у окна резко воняли белые, похожие на пионы, цветы дэлакони.

За одним столом уже собрались мои одноклассники и Силенка. Пустующие стулья ждали меня и Силеяра. Я увидела ухмыляющегося Керра, напуганного атлета Малгмара, притихшую Лидиллу, безымянную девушку. За вторым столом расположились Патроны.

Место Мастера правления занял Лакс в белой одежде с забранными назад волосами. Он выглядел сосредоточенным и, казалось, едва заметил мое появление.

Стулья пока пустовали, но я предположила, что их займут те самые сторонние наблюдатели, о которых говорил Аргента.

Поприветствовав всех присутствующих, я рассталась с Аргентой и уселась рядом с Силенкой, которая выглядела так, словно увидела призрака. Губы ее почти слились с бледным лицом, глаза испуганно перескакивали с Лакса на Сибига, чья лысина блестела сегодня особенно внушительно, голос, когда она поздоровалась в ответ, дрожал.

По другую руку от меня оказалась Лидилла. Наклонившись поближе, она выразила радость по поводу моего выздоровления.

— Не знаю, как тебе, но мне ужасно страшно, — сказала она шепотом, стараясь, чтобы не услышала Силенка. — Что с нами будут делать — ума не приложу.

— Я тоже, — сказала я в ответ. Кивнула на бутерброды. — Но раз позаботились о еде, значит, убивать не будут.

Мы тихонько рассмеялись, но не потому, что я сказала что-то смешное — просто давали о себе знать нервы.

Пока ждали остальных, Лидилла рассказала мне, что сегодня у них уже были занятия. Сарра Риангмар негодовала по поводу затянувшейся рабочей недели, Санна и Рубинио обсуждали планы на будущее, а вот Керр и Перла, кажется, готовы расстаться.

Я бросила взгляд на красноглазого Казанову, тот подмигнул мне в ответ. Не знаю, почему, но новость меня порадовала.

Мы поболтали о девичьем еще немного, а потом в зал вошел запыхавшийся Яр, и разговоры прекратились как по мановению волшебной палочки.

Я не увидела, а, скорее, почувствовала, как сжалась при виде брата Силенка. Всклобоченная шевелюра, налитое кровью лицо — Яр громко поприветствовал Лакса, потом Патронов и прошествовал на свое место рядом с сестрой. Усевшись на стул, он наложил себе бутербродов, открыл коробку с водой и откинулся на спинку, демонстрируя полнейшее безразличие к происходящему. Я почти ожидала, что он задерет на стол ноги и начнет ковыряться в зубах.

Силенка рядом со мной уже готова была расплакаться. Она случайно задела покрытой холодным потом рукой мою руку, и я инстинктивно отдернула свою, испугавшись этого холода. Движение мое было слишком явным и резким, и я сразу же пожалела о нем, но Силенка уже его заметила и поняла. Выпрямившись на стуле, она устремила взгляд прямо перед собой и сложила руки на коленях.

Сибиг призвал к молчанию, и извиниться я не успела. По крайней мере, так я себе объяснила то, что промолчала, хотя внутренний голос ехидно заметил, что времени было предостаточно. Но я не стала его слушать. Я стала слушать Лакса.

— Уважаемые Патроны, Протеже, наблюдатели, — заговорил он, оглядывая нас всех с высоты трона. Взгляд его скользнул по мне, не останавливаясь. — Уже вечер, всем хочется отдохнуть, потому давайте сегодня решим все вопросы и сделаем все выводы. Итак, рассматривается проступок. Напомню. Шесть стандартных дней назад в Закрытом мире Дайтерри при совершении ритуала вызова дождя группа дайт по неясным пока причинам напала на группу Закрытого мира нашей Школы. Один ученик погиб — пришлось вмешаться старшей расе. Один получил тяжелые ранения. Силами Патронов сопровождения была обеспечена своевременная доставка группы в Белый мир. Нам предстоит разобраться, что случилось.

— И кого за это наказать, — тихо, но достаточно отчетливо добавил Яр.

Лакс замолчал и перевел взгляд на говорившего. Патроны вели себя так, словно ничего не было, но наблюдатели заинтересованно вытянули шеи. Силенка тоже сидела рядом со мной как изваяние. Я постаралась последовать ее примеру.

— Да, безусловно, — сказал Лакс, выдержав паузу. — Наказать кое-кого придется. Итак, сарры, все вы читали официальную версию. На малом заседании мы с вами обсуждали случившееся, но сегодня в зале находится ученица, которая может рассказать нам о нападении кое-что еще. Стилгмар Аргентджен. Я надеюсь, после ее рассказа мы решим все вопросы и закроем, наконец, обсуждение.

Мне пришлось подняться. Сердце стучало как бешеное, пока я шла к пространству между столами. Аргента объяснил мне, что разговаривать я должна буду с Лаксом.

«В конце концов, ему придется принимать решение. Смотри на него и говори с ним. Мы не обидимся», — сказал он еще в больнице.

Так что я встала перед троном и заговорила.

Рассказывала я медленно, вспоминая и переживая все те ужасные моменты: вот ударила молния, вот я лежу под дайт, а они хлещут меня ветками по лицу, вот я перевернулась на спину и пытаюсь отползти, а они бьют меня по спине. Я не старалась вызвать сочувствие или ужас в слушателях, я просто вспоминала. Дойдя до момента удара по спине, я на пару секунд замолчала.

— И потом я потеряла сознание.

— В жизни не поверю, что дайт вот так просто могли напасть, — сказал Яр опять тихо, но четко. — Я их знаю как облупленных. Ритуал дождя должен сопровождаться тишиной.

Наверняка кто-то из вас ахнул или охнул, когда ударила молния.

Лакс смотрел на меня. Он и ухом не повел, когда заговорил Яр, несмотря на то, что невозмутимый Сибиг тут же сделал замечание нарушителю спокойствия. Он смотрел на меня, я смотрела на него. Я молчала, молчал и он, хотя за спиной уже разворачивалась целая перепалка. Яр посоветовал Сибигу не лезть не в свое дело, влезла склочная с виду — как оказалось, и по характеру — Патрон Яра и Силенки Прештла, которая приказала «мальчику» помолчать, пока председатель думает. Яр ответил, вмешался Аргента, заговорили другие Патроны...

А я смотрела в глаза Лакса и чувствовала, как зеленая бездна утягивает меня на дно, как засасывает подобно воронке водоворота мои чувства, мысли, саму мою душу...

Никогда еще я не была так близка к воспоминанию о том, что же случилось в Снежном мире. Никогда еще я так отчетливо не понимала, что знаю. Знаю эту проклятую зеленую бездну, этот взгляд словно в никуда — но точно в сердце, эти сжатые в одну линию губы. Я не могла позволить себе обнаружить свою слабость. Сделав усилие, я опустила голову и сказала, что больше ничего о случившемся не знаю.

— Я думаю, — Лакс прервал кого-то на полуслове, не отводя от меня взгляда — и я чувствовала этот взгляд на своем лице, — мы услышали все, что должны были услышать. Ученики группы Закрытых миров, подтверждаете ли вы слова Стилгмар?

— Да, — громко и резко сказал Керр.

— Да, — сказала Лидилла.

— Так и было, — пробасил Малгмар.

— Да, — сказала безымянная девушка.

— Отлично. Ты свободна, Протеже Аргенты. Можешь занять свое место. Прошу приступить к обсуждению.

Я опустилась на свое место и уставилась в одну точку. Что говорил дальше Лакс, я не слышала. Лидилла подбадривающее улыбнулась мне, налила воды, сунула в безвольную руку бутерброд.

— Давай-ка, перекуси, — тихонько шепнула она. — На тебе лица нет.

Я послушно сунула закуску в рот, запила ароматной водой, хотя есть не хотелось. Но жевание помогло мне отвлечься, и, как следствие, немного прийти в себя. Я стала понимать слова поднявшегося со своего места Яра, и то, что я слышала, повергло меня в изумление.

Яр утверждал, что находился на расстоянии пары махов крыльями от деревни. Были проблемы со связью, и Силенка не смогла сразу связаться с птицей. В голосе звучала такая небрежность, что мне захотелось его пристукнуть. Как будто случившееся со мной — с нами! — было такой мелочью, о которой и не стоило беспокоиться.

— Я повторяю, что, если бы я прибыл туда раньше, я бы смог дать этому поступку объяснение. При всем уважении, я все-таки не могу принять всерьез версию Стилгмар Аргентджен, ибо, опять же при всем уважении, знаю о дайт гораздо больше нее.

Силенка молчала. Лакс молчал. Патроны негромко переговаривались, но до нас не доносилось ничего членораздельного.

— Я надеюсь, что будет принята во внимание смерть моей подопечной, — подал голос полный мужчина с унылым выражением лица — судя по всему, Патрон ушедшей из Школы девушки. — После воскрешения она, как вы знаете, отказалась учиться. Мне задают вопросы...

— Не уверен, что могу придумать для вас другое объяснение, — сказал Яр, пожимая

плечами. — Дайт не нападают без причины. Пусть вопросы задают ученикам, которые нарушили правила.

Это нам, что ли? Я и Лидилла переглянулись. Мне казалось, Лакс говорил чуть ли не об отстранении Яра от работы в мирах, а тут, оказывается, решено было свалить всю вину на нас?

— Я вот одного не понимаю, — заговорил Аргента голосом, в котором сквозила неприязнь, и мы посмотрели на него. — Мы обсуждаем причины нападения или придумываем, как скрыть грешки некоторых Патронов?

— Я прошу без эмоций, — отреагировал Лакс, но Аргента продолжил, словно и не слыша его:

— Моя Протеже получила опыт, который, думаю, приятным не назовешь. Еще одна девушка погибла. Почему один Патрон не контролировал ситуацию? Почему второй Патрон не страховал первого? Нарушаются протоколы безопасности, о чем вообще речь?

Вокруг загомонили. Я заметила, как переговариваются, явно взволнованно, наблюдатели. Силенка выглядела оцепеневшей. Лидилла от волнения кусала губы. Лакс молчал, предоставив Яру право самому ответить на укол моего Патрона.

— Напали они не просто так, — снова заговорил Яр, поворачиваясь к трону. — И неважно, что случилось, нам важно понять, почему эти деревья повернулись к нам спиной. Здесь речь идет не о судьбе пары учеников, здесь речь идет о судьбе целого мира.

— По-моему, ты просто меняешь тему, — сказал Аргента. — И что значит «неважно, что случилось»?

— Это значит, что ученики сами виноваты в происшедшем. И слова твоей Протеже, Аргента, подтверждают сказанное. Напали сначала на нее. Не толпой на всех сразу, а именно на нее и Протеже Гмиотта. Я бы на твоём месте провел бы с девушкой воспитательную беседу.

— Я прошу успокоиться, — попытался урезонить спорщиков Лакс, но они его не слушали.

Зато все слушали их. Я сжала руки в кулаки, глядя прямо перед собой. Как же запросто Яр обвинил учеников в том, чего они не совершали, и все потому, что нужно было скрыть свои промахи. Пусть даже и ложью. Глядя в глаза Лаксу, глядя в глаза сестре, глядя в глаза всем остальным.

И я не могла ничего сказать, потому что слышала то, чего не должна была услышать. Иначе я бы просто подставила Лакса и Силенку. Я убеждала себя в том, что уж они бы точно воспользовались такой возможностью и сдали бы меня с потрохами, но, черт, я не могла.

Я налила воды в стакан и отпила, пытаясь скрыть свои мысли, в первую очередь, от себя самой.

— На твоём месте, Аргента, я бы вообще не заводил разговора на эту тему, — сказал Яр, и Силенка рядом со мной ахнула. — Иначе придется припомнить кое-какие обстоятельства...

— А ты припомни, — почти оскалил красивое лицо Аргента. — Ну, давай, припомни. Только сначала приди в себя и протрезвей.

Мне показалось на секунду, что Яр сейчас бросится на него, но тут, к счастью, вмешался Лакс. Он не кричал, но голос его загремел над спорщиками так, что перекрыл и их голоса, и бормотание скандализированных наблюдателей, и возмущение Патронов.

— Еще одно подобное замечание, и разбирательство будет проведено без вас.

Они утихли.

— Отлично. — Лакс обвел глазами присутствующих. — Я предлагаю взять перерыв и дождаться Ининджера. Он попросил не выносить решения без него.

Он поднялся и первым покинул зал.

Все участники действия высыпали на балкон через высокие двери позади трона. С нами не было только наблюдателей — они должны были встретить Ининджера на улице и проводить его сюда, когда он явится. Кажется, им помимо простого присутствия на заседании отводилась еще и роль вспомогательного персонала. Во всяком случае, я видела, как, оставшись в зале, они принялись убирать со столов пустые коробки из-под воды и менять их на новые.

К Лаксу подошла Силенка. Взяв жениха за руку, она отвела его прочь от Патронов, упредив намерение Яра и Аргенты вовлечь его в свой спор. Пришлось им вернуться к остальным. Все сгрудились в углу, оживленно переговариваясь. Патрон погибшей и воскресшей девушки стал что-то объяснять Яру, Аргента, как ни в чем не бывало, обменивался шутками с хмурым Сибигом.

Я примкнула к своим одноклассникам. Все мы были немного ошарашены тем, какой оборот приняли события. Керр горячим шепотом клялся, что на первых заседаниях Яр вел себя тише воды, ниже травы. Правда, говорил, что опоздал из-за неполадок, но так, чтобы открыто обвинить во всем учеников — нет, «прорвало» брата Силенки только сегодня.

— Мне кажется, он почувствовал, что пахнет жареным, вот и все, — сказал Малгмар, угрюмо поглядывая в сторону Патронов. — Скорее всего, он знал о том, что без Ининджера не обойтись. Я слышал от своего Патрона, что с ним шутки плохи, и если уж он взялся за дело, то доведет его до конца. Когда он отказался от поста Первого советника, многие вздохнули с облегчением, поверьте.

— С Ининджером или без, не хотел бы я, чтобы на меня повесили такой проступок, — сказал Керр. — Стил, мы сделаем все, чтобы тебя не наказали, но если дело дойдет до общего выговора, ты уж извини.

Я кивнула.

Я и не ожидала поддержки до последней капли крови. Я вообще ее не ожидала. Керр поступал благородно, но он не сможет противостоять Ининджеру. Никто не сможет. Я опустила плечи, чувствуя, как меня начинает грызть глухое отчаяние. Яр прямо указал на меня. Потому Аргента и вмешался — он почувствовал угрозу, даже раньше, чем почувствовала ее я, и попытался открытой агрессией заставить Яра выйти из себя. Но, кажется, моего Патрона раскусили. Во всяком случае, Яр вел себя так, словно он — не один из тех, кому надлежало держать ответ перед Советом и наблюдателями, а какой-нибудь сторонний эксперт, приглашенный исключительно для того, чтобы высказать мнение.

— Я благодарна вам, ребята, — сказала я, хотя изъявил желание вступить за меня только Керр. — Как бы то ни было.

Двери распахнулись, и один из наблюдателей доложил Лаксу, что Ининджер прибыл. Как по команде все направились в зал, занимать места. Аргента остановил меня, подождал, пока остальные пройдут мимо. Глядя мне в глаза, он заговорил, тихо и внушительно:

— Ининджер прибыл из Дайтерри. Возможно, он знает что-то, чего не знаем мы. Будь откровенна с ним, насколько возможно. Он слеп, а потому хорошо чувствует ложь.

Я кивнула.

— Поняла.

— Ну, молодец. Тогда вперед.

Мы вошли в зал и разошлись по своим местам. Я едва успела присесть, как быстрым четким шагом в зал прошествовал Ининджер. Наблюдая уверенные движения Патрона моего Патрона, я в который раз была вынуждена напомнить себе, что он ничего не видит. Ининджер направился прямо к трону, поднялся по ступеням и уселся по левую руку от Лакса с выражением лица, которое показалось мне не предвещающим ничего хорошего.

— Я прошу внимания, — заговорил Лакс, и все утихли.

Ининджер заговорил, и первые же его слова оправдали мое предчувствие. Темные глаза смотрели прямо перед собой, но мне казалось, Ининджер не вспоминает — он пророчествует. И пророчество это касается меня.

— Патроны и Протеже! Я буквально только что вернулся из мира, где и произошел проступок, о котором вы тут говорите. Нам следует понять, что, каким бы ни был итог прыжка, главное здесь — не судьба отдельных учеников или Патронов. Мы рискуем потерять — и потерять надолго — мир с редкой цивилизацией, мир, который уже пошел нам навстречу. Ангелы доверили принять решение нам, так что только от нашей беспристрастности и щепетильности зависит сейчас будущее Дайтерри.

Я опустила голову. Кажется, и от Ининджера нечего ждать справедливости. Он практически точь-в-точь воспроизвел слова Яра, сказанные некоторое время назад. Смерть одного человека и тяжелое ранение у другого ничего не значат сами по себе, когда речь идет об интересах целого мира. Я вынуждала себя признать правоту его слов, но ведь я, в отличие от девушки, которая отказалась учиться дальше, помнила все до последнего момента. И это были не самые лучшие воспоминания.

— И потому, дабы не принимать поспешных решений относительно Дайтерри, я вернулся туда сразу же, как узнал о том, что Протеже Аргенты Ининджерджена пошла на поправку. — Ининджер выдержал паузу, хотя все взгляды и так были направлены на него. — И моя версия подтвердилась. В нападении дайт виноват один из учеников.

Вслед за его словами поднялся гул. Мне показалось, будто меня ударило чем-то тяжелым, в голове зашумело, мысли заплясали. Я поймала себя на том, что зачем-то взяла в руки коробку с водой, хотя пить вовсе не хотелось.

— Вот дела, — услышала я растерянный голос Лидиллы. — Вот дела, ничего не скажешь.

Отставив коробку в сторону, я сложила руки на коленях и попыталась привести мысли в порядок. Это не обязательно должна быть я. Это не обязательно должна быть я.

— Прошу тишины! — голос Ининджера заполнил помещение, и голоса постепенно затихли. — К счастью, дайт не отказались говорить со мной после того, как я заверил их в том, что нарушитель будет жестоко наказан. Прошу внимательно выслушать то, что я сейчас скажу. Дайт не назвали причину, по которой они напали на группу — это связано с таинством ритуала. Но они согласились указать мне виновного.

Я затаила дыхание.

— Дайт напали на двоих. Обе девушки светловолосы, обе были в белых туниках. Стилгмар Аргентджен, прошу выйти сюда.

Руки затряслись так, то пришлось сжать их в кулаки. Где-то вдалеке остался успокаивающий шепот Силенки, сочувствующий взгляд Керра. На негнущихся ногах я вышла из-за стола и встала на уже знакомое мне место перед троном. Лакс снова смотрел на меня, и я готова была поклясться, что он затаил дыхание.

— Я здесь, — сказала я.

— Хорошо. — Ининджер кивнул. — Расскажи, пожалуйста, что случилось в Дайтерри с момента начала ритуала вызова дождя.

Я пересказала то, что говорила недавно всем остальным. Ининджер откинулся на спинку и слушал, и я готова была поклясться, что слушал он не только мои слова, но и интонацию, с которой я их произносила. Он пытался определить в моих словах ложь. Но ее там не было. Ее просто не могло там быть.

— Я потеряла сознание, и дальше ничего не помню, — закончила я рассказ.

— Спасибо, Стилгмар. Поскольку побеседовать со второй пострадавшей у нас возможности нет, я вношу в Совет просьбу. Стилгмар Аргенджен, с согласия своего Патрона и с одобрения Совета должна будет вернуться со мной в мир Дайтерри.

— Я против, — тут же подал голос Аргента, но Ининджер взмахом руки попросил его замолчать.

— Протеже. — И это было сказано моему Патрону. — Я понимаю, что речь идет об обучении, и что эта ученица для тебя очень важна в силу ряда причин. Но появилась возможность оставить мир Дайтерри доступным для перемещений. И это интересы трона и Мастера правления, которые превыше твоих, моих, чьих-либо интересов.

— Моя Протеже не пойдет в мир Дайтерри, — сказал Аргента.

Ининджер открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но тут я поняла, что имел в виду Аргента.

— Мне запретил возвращаться в мир Дайтерри ангел.

Наступила тишина, которую обычно называют мертвой. Я глядела только на Ининджера, а его лицо оставалось спокойным, и я сама начала немного успокаиваться. Уверившись в том, что прерывать меня не собираются, я продолжила:

— Ангел попросил меня не возвращаться туда после того, как исцелил мои раны.

— Кто лечил ее? Корт? — спросил Ининджер Лакса.

Тот покачал головой.

— Фей Дайре.

— Он у нас?

— Его сейчас нет в Белом мире, — подала голос Силенка. — И я не думаю, что он так просто согласится вернуть однажды взятое обещание.

— Тогда вопрос с моей Протеже закрыт, — вставил свои пять копеек Аргента. — Ей запрещено возвращаться в мир Дайтерри. Все вы знаете, чем грозит нарушение данного ангелу слова.

Похоже, все и правда знали. Все, кроме меня.

— Нам необходимо уговорить Фею Дайре, — сказал Ининджер. — Потому как Стилгмар — наша единственная надежда.

— Пытайтесь со второй девушкой, — сказал Аргента.

— По правилам Школы вы не имеете права давить на учеников, отказавшихся от обучения, — тут же заговорил Патрон Гмиотта. — Мои бывшая ученица больше не имеет права перемещаться в другие миры. Она может обратиться к Мастеру права, и, думаю, он подтвердит мои слова.

— Я не хочу возвращаться в мир Дайтерри, — сказала я.

Но меня никто не слушал. Патроны погрузились в обсуждение прыжков, Протеже, Школы и того, кто кому и что имеет право приказывать. Я поняла мало — да и не пыталась

понять. Заставить ангела изменить свое решение не может никто. Ангелы не подчиняются людям, и если Фей откажется освободить меня от данного ему обещания, мир Дайтерри просто закроют. На лицах Патронов и наблюдателей была написана озабоченность, и только Яр, с которым я случайно встретилась взглядом, похоже, ликовал. Его слова подтвердились. Виноваты были ученики.

Я повернула голову и посмотрела на своих одноклассников. Лидилла откровенно радовалась тому, что это случилось не с ней, Керр выглядел беспомощным, даже развел руками, поймав мой взгляд. А что они могли? Против Ининджера идти было совершенно бесполезно.

— Предлагаю дождаться полнолуния. Фей Дайре никогда не пропускает время Обращения, а потому точно будет здесь, — сказала Силенка. — И я попробую поговорить с ним.

Теперь, когда угроза больше не висела над ее братом, она выглядела гораздо увереннее. Я сжала зубы. Добрая, светлая, приветливая? Да она такая же, как и все. Неудивительно, что я не смогла сразу же почувствовать к ней приязнь. Главное — спрятать собственные грешки. Остальное — неважно.

Я была уверена, что ангел не просто так взял с меня такое обещание. И я от всей души надеялась, что Фей откажется, и Ининджеру и его любимчикам придется остаться ни с чем.

— Надеюсь на тебя, — тепло улыбнувшись Силенке, вымолвил Ининджер. — Уверен, Фей Дайре поймет необходимость такого шага и возьмет со Стилгмар другую клятву.

Раздражение мое достигло апогея.

— Разрешите, я вернусь на свое место? — спросила я.

Ининджер перевел на меня взгляд.

— Раз уж моя судьба решается без меня, я думаю, мне можно вернуться на свое место, — сказала я, глядя в его мертвые глаза.

Я не пыталась скрывать чувства. Они вели себя, говорили и смотрели на меня так, будто я — пустое место, пешка, которой, в случае чего, можно и пожертвовать.

— Решается не твоя судьба, Стилгмар, — сказал Ининджер, пытаясь — я видела на его лице следы прилагаемых усилий — говорить мягко. — Решается судьба мира.

— Моя судьба не имеет никакого отношения к судьбе чужого мне мира, — сказала я резко. — Вы можете меня отчислить хоть сейчас. Я с удовольствием вернусь домой, мне есть, чем там заняться. Но раз уж я здесь и я учусь, я прошу только одного. Дайте мне шанс проникнуться уважением к миру, которому я отдаю часть своей жизни. Я уже чуть не умерла здесь, поверьте, я не так часто сталкиваюсь в своем мире со смертью. И если уж мне предстоит возвратиться в мир, который меня чуть не убил, позвольте мне самой сделать этот выбор.

Я помолчала.

— Я помогу вам с одним условием.

Ининджер приподнял бровь.

— Ты не можешь выдвигать условия Мастеру правления.

— Пусть говорит, — неожиданно поддержал меня Лакс. — Я слушаю тебя, Стилгмар.

— Мое условие такое: после возвращения из мира Дайтерри — при любом раскладе — я прошу своего Патрона вернуть меня в Солнечный мир. Навсегда. Я знаю, что это возможно.

Лакс задумался. Я знала, что больше всего на свете он хочет избавиться от моего

присутствия, как напоминания о том, что я сделала в Снежном мире. Я знала, что подвожу Аргенту, судьба которого теперь и так висела на волоске — ведь, если подтвердится моя вина, накажут не только меня, но и его, как Патрона, как учителя, как опекуна. Но я знала, что я ни в чем не виновата. Аргента найдет себе другого ученика, а мне... Мне уже осточертели эти Патроны, Протеже, миры и Ворота.

Я не собиралась учиться в этой чертовой Школе. Меня трясло от злости и обиды. Если бы Аргента прямо сейчас вывел меня во двор и приставил дуло пистолета к виску, я бы с радостью приняла смерть в этом мире — только чтобы навсегда вернуться домой.

В тот момент я готова была на все.

— Я согласен, — сказал Лакс, и легкость, с которой он это сказал, неожиданно задела меня до глубины души. — В это полнолуние мы постараемся побывать в Дайтерри, так что вернуться ты не сможешь при любом раскладе. Но на следующее твой Патрон тебя вернет. В связи с этим и у меня есть одно условие. Чем бы ни закончилось путешествие, до окончания срока ты будешь учиться в Школе.

Я кивнула. Еще месяц, а потом я вернусь домой.

— Согласна.

— И я даю тебе время передумать. Если в какой-то момент до наступления полнолуния ты решишь остаться — никто не будет против.

Уж ему-то это было нужно меньше всего. Но я не стала ни словом, ни жестом выдавать свои истинные чувства. Я снова кивнула.

— Согласна.

— Теперь можешь идти на свое место.

Я уселась. Глаза Керра ярко светились, когда он повернулся ко мне. Лидилла улыбалась, Малгмар демонстративно почесал ухо, демонстрируя одобрение.

— Ты молодец! Я дважды уверен в том, что виновата эта девчонка, а не ты, — сказал Керр.

— И я тоже, — добавила Лидилла.

— И я, — пробасил Малгмар. — Хотя мне жаль и ту девушку.

— Протеже! — раздался голос Ининджера. — Заседание не окончено. Прошу тишины!

Мы сконфуженно замолчали.

— Таким образом, согласно общему мнению, решение по миру Дайтерри будет принято после полнолуния. Остался последний вопрос, но по нему мы уже приняли решение, — продолжил Ининджер, и голос его звучал все тверже. — Силеяр Прештладжен, прошу выйти сюда.

Яр явно не ожидал такого, развалившись на стуле и доедая бутерброд. С трудом приняв пристойный вид, он поднялся из-за стола, вышел вперед и встал перед троном, бросив на сестру растерянный взгляд, который уловила и я.

— За нарушение правил безопасности при работе в других мирах, нарушение правил безопасности при перемещении в Закрытые миры, — заговорил Ининджер, и лица Патронов напротив словно окаменели. — За нарушение правил безопасности при работе в Дайтерри, а именно, пронос через Ворота и употребление алкогольных напитков, оставление в опасности группы и Патрона сопровождения во время ритуалов повышенной опасности в Закрытом мире ты, Силеяр Прештладжен, лишаешься звания Патрона на два стандартных года. Тебе запрещено перемещаться в другие миры в течение года, а по истечению этого срока — только в сопровождении Патрона.

— С решением согласен, — сказал Лакс.

— Возражений нет, — сверля меня взглядом, высказалась Патрон Прешгла.

Яр некоторое время стоял без движения. Я не могла видеть его лица, но видела руки — опущенные по бокам, они беспрестанно сжимались и разжимались. Он медленно закипал. Я видела умоляющий взгляд Силенки, видела, как беззвучно шевелятся ее губы, но Яр не смотрел на сестру, он смотрел на Лакса, подписавшего ему такой суровый приговор. И вот он взорвался.

— Да пошли вы куда подальше со своим Советом и Патронами! — сказал он голосом, превратившимся в рычание от выплеснувшейся наружу злости. — Ты, Ининджер, разве ты не знаешь, что за ледники в этом мире? Нам нужны эти ресурсы, нам нужен этот минерал! Потому вы и держитесь за этот мир, за эту чертову колонию деревьев, которые не знают, что происходит у них под носом! Потому я и пью — чтобы просто не думать, чтобы просто не знать!

Он повернулся к нам, вонзив в меня ошалевший взгляд.

— Да, я не сразу ответил на сигнал, я слишком тогда напился. Но ритуалы дайт никогда не заканчивались побоищем! Никогда! Вы просто не понимаете, что там происходит! Вы просто закрываете на это глаза!

— Уведите его, — бросил Лакс неизвестно откуда взявшимся стражникам.

Сразу несколько вооруженных людей ворвались в зал, подскочили к Яру и скрутили его. Он пинался и кричал.

— Да, давайте, заломите мне руки, как преступнику! А в чем мое преступление? В чем? В том, что выпил немного перед работой? Самим не смешно? Не смешно, Силенка Сестренка моя правильная, тебе не смешно?

Он вдруг обмяк и перестал сопротивляться. Яра подхватили под руки и потащили прочь. По лицу его катились слезы, но мне не было его жалко.

— Ты мне больше не сестра, Силенка! — закричал он уже у выхода. — Ты предала меня! Ты предала нашу семью ради трона! Ты мне больше не сестра!

Двери захлопнулись.

Все сидели как истуканы. Ининджер опустил голову, словно не в силах был смотреть на происходящее. Силенка, не скрываясь, плакала. Наблюдатели переглядывались, не зная, что делать.

— Заседание окончено, — наконец, устало объявил Лакс, и все зашевелились.

Я дождалась, пока из-за стола выйдут остальные, потом поднялась и направилась к выходу, стараясь не встречаться взглядом с Аргентой и другими Патронами. Лакс и Ининджер покинули зал через ведущую на балкон дверь.

Уже у входа, обернувшись, я увидела, что Силенка осталась в зале одна, закрыв лицо руками и оплакивая брата.

ГЛАВА 12

Конечно же, все уже знали, что я решила покинуть Школу, но если те, кто был на заседании, еще как-то пытались понять и принять мой поступок, то другие находили в этом повод для недоумения и даже раздражения. Особенно воодушевилась красавица Бель. Она то и дело отпускала в мой адрес язвительные замечания, демонстративно фыркала, проходя мимо, в общем, вела себя как типичная злая красавица из какого-нибудь дешевого любовного романчика. Я понимала, что, в сущности, все эти реверансы в мою сторону — порождение скверного характера и ничего общего с моим поступком не имеют, но все равно

злилась.

В Школе меня теперь сторонились. Ходили слухи, один страннее другого, кто-то даже открыто называл меня убийцей — и неважно, что девушку воскресили. Звучало и имя Аргенты, припоминалось его темное прошлое и Протеже, имена которых канули в Лету. Я стала известной — но эта известность меня не просто не радовала, она мучила меня, заставляла отводить глаза и делать вид, что не слышу шепотка за спиной.

Дансти была слишком слабохарактерна, чтобы противостоять сплетникам, и я уже в первый день с грустью отметила, что она меня сторонится. Я понимала, что другого и быть не могло. Она учится на своем направлении, я — на своем, и когда пройдет очередная неделя теоретического курса, наши пути снова разойдутся. Нет смысла наживать себе врагов в своей же собственной группе.

Даже среди преподавателей нашлись те, кто позволял себе открыто выражать неодобрение, и в перерывах между уроками Бель еще раз, специально для меня, повторяла их слова.

— Зачем тебе список литературы, Стилгмар? — спрашивала она, копируя вздернутые брови сарры Риангмар Оннджен. — Эти знания тебе уже не пригодятся.

— Вот повезло тебе, Стилгмар! — восклицала Бель на следующий день после урока истории. — Это Межвременье — такая муть, а тебе уже не нужно забивать этим мозги. Будет время для подготовки к прощальной вечеринке перед полнолунием!

Казалось, из преподавателей только Лаксу было наплевать на мое решение, но именно его равнодушие задевало меня сильнее и ранило больше, чем уколы Бель или плохо скрытое раздражение сарры Риангмар.

Несмотря на то, что я выбила себе обратный билет до дома, чувства облегчения я не испытывала. Мне так же приходилось заниматься, я так же чувствовала себя обязанной учиться и учить. Я узнала о том, что миры, в которых обитают теплокровные кислорододышащие существа, подчинены расе белокрылых — так официально назывались на их родном языке ангелы. А я-то думала, что, наоборот, это ангелы подчиняются людям.

Ангелы являлись членами Вселенского совета, в котором принимали участие и другие старшие галактические расы, вот только о том, что это за «другие» на первом курсе узнать мне было не суждено. А значит, и вообще, если только я не передумаю и не останусь.

Конечно, я не передумаю. Но у меня и без того было достаточно вопросов, которые требовали решения до того, как я вернусь домой.

Что делать с кошмарами? — главный из них.

Велико было желание пойти в больницу и попросить доктора выписать еще таблеток. Но сколько «еще»? Сто? Тысячу? И что будет, если через некоторое время таблетки перестанут мне помогать, или если доктор скажет, что не может выписать мне рецепт? Или если возникнут те самые побочные эффекты, о которых я даже боялась думать?

В конце концов, после следующего прыжка мне все равно надлежало явиться на прием. Я отметила в календаре дату — сразу после возвращения из Миламира, но до визита в Дайтерри, если он, конечно, будет. Хотелось бы иметь хоть какую-то уверенность в расписании, но я даже в завтрашнем дне отныне уверена не была. Одно хотя бы было хорошо — пока таблетки работали, кошмары не возвращались, и ночами я спала как убитая.

Учиться я стала лучше. Лакс даже однажды похвалил меня за быстрый и правильный ответ на занятии по истории, и я расцвела как дурочка от его слов, что не преминула озвучить в перерыве между лекциями Бель.

— Смотрите-ка, наша Стилгмар начала складывать два и два. Ну, пора бы уже, пора. Только зачем тебе это, Стилгмар? Будешь в своем мире рассказывать о Межвременье?

Я едва дождалась конца третьего дня. Группы уходили на практику, и значит, не будет больше ни презрительных взглядов в спину, ни язвительных комментариев вслед. Пустая Школа и пять человек в аудитории — это ли не мечта?

Однако руководство Школы в лице нынешнего Мастера образования Онны решило, что предоставлять целое здание для нужд одной группы первокурсников — слишком затратно, и потому уже в первый день нашего отдельного от остальных обучения группу перекинули в библиотеку неподалеку от дворца.

Это было роскошное здание в десять этажей высотой, построенное, как мы уже знали, на средства Героя сразу после победы в войне. Главный корпус украшал прозрачный купол, три примыкающих к нему башни венчали шпили, на которых развевались белоснежные полотнища — флаги Белого мира, Марканта и нынешней правящей династии.

Нас определили в главный корпус, в один их читальных залов секции Перемещений, что на третьем этаже. Сюда разрешалось входить только ученикам Школы, так что случайные читатели нам помешать не могли. В этом величественном здании я еще не бывала, так что, шагая за остальными по заставленным книжными полками коридорам, не могла не оглядываться по сторонам.

— В библиотеке у вас появится возможность напрямую обращаться к источникам, о которых я буду рассказывать, — вещал идущий во главе нашей небольшой процессии Сибиг — он на этой неделе вел психологию. — Имейте в виду, что по библиотеке можно передвигаться, только имея при себе карточку ученика. Иначе в секцию вас просто не пустят.

Мы убедились, что захватили с собой эти самые карточки — квадратные кусочки из напоминающего пластик материала с нанесенными на них именем ученика, именем Патрона и специализацией.

— В некоторые секции вас пустят только при наличии соответствующей специализации, — продолжал Сибиг. — Доступ на некоторые этажи открыт только ученикам старших курсов или преподавателям. Вы туда можете попасть только при наличии письменного разрешения своего Патрона и соответствующего преподавателя.

Прямо Особая секция в Хогвартсе. Только где же мне найти мантию-невидимку для своих темных делишек?

Я вошла вслед за остальными в широкое светлое помещение читального зала и на секунду остановилась, замороженная его красотой.

Здесь не было книжных шкафов — книгохранилище находилось в смежном зале, но на стенах висели картины, на столах стояли лампы с зелеными абажурами, а окна украшали причудливо расшитые занавески из мягкой бархатистой ткани. Еще перед входом нас попросили переобуться в специальные бесшумные тапочки, тоже зеленого цвета, и теперь, переступив порог, мы просто утонули в мягком ковре цвета весенней травы.

— Добро пожаловать! — услышала я слева от себя голос. Из-за задрапированного зеленым стола нам навстречу поднялась полная женщина. — Рада приветствовать вас в третьем читальном зале нашей библиотеки. Прошу, сдайте Патрону карточки, чтобы я могла внести вас в картотеку.

Сибиг подал знак, и мы принялись рассаживаться за столом. Со мной рядом уселся Керр, напротив — Лидилла, Малгмар и безымянная девушка. Я так и не могла запомнить ее

имени. Обменявшись любезностями со смотрительницей зала, к нам примкнул и преподаватель.

Мы послушно раскрыли книги и углубились в изучение психологии матриархального общества.

В Миламире все было, не как у людей. Правила всем женщины. Они добивались внимания мужчин, они добывали деньги и еду, они занимали первые посты в государстве. В моде были битвы до смерти за обладание кавалером, ради чего раз в тамошний год устраивался большой турнир. Он длился около семидесяти тамошних дней, и как раз к его началу мы должны были попасть. Естественно, не случайно — расписание практик в Школе было давно отработано таким образом, чтобы ученики могли поприсутствовать на знаковых мероприятиях и увидеть то, чего не увидели бы в любое другое время.

После турнира оставшиеся в живых претендентки заключали со своим трофеем союз, имеющий силу аккурат до следующего турнира. За это время женщины успевали зачать, выносить и родить детей, так что к началу новой битвы за любовь они снова могли сидеть в седле.

В этом мире женщины созревали быстрее мужчин, и рождались они чаще, и были крепче, и меньше умирали в младенчестве. Мальчики рождались редко и по одному, девочки же чаще всего были двойняшками и тройняшками. Женщина, ставшая матерью мальчика, нередко отказывалась от дальнейшего участия в турнире — и только при наличии младенца мужского пола она имела на это право.

Считалось хорошим знаком родить после первого турнира мальчика. Такие женщины быстрее продвигались по службе, чаще добивались привилегий, и вообще считались талантливее остальных. Чтобы девочка достигла половой зрелости и могла иметь детей, в Миламире ей нужно было дожить до тринадцатилетия. Мальчики созревали к двадцати годам, но жили они дольше, и потому могли стать отцами несколько десятков раз, тогда как женщина при условии постоянного везения на турнире, обычно вынашивала семь-десять детей и к сорока годам уже не имела возможности зачать. Таких женщин называли «щеани», они жили общинами и помогали растить детей более молодым.

После заседания Аргента встретился со мной только раз, в доме тетушки Раштлек. Уже с порога, не стесняясь в выражениях, мой Патрон заявил, что я скоро буду исключена из Школы, так что он уже сейчас начинает искать мне замену. Сказать, что Аргента был зол — значит, ничего не сказать. Я поднялась к себе в комнату, все еще полная смятенных мыслей, но уже буквально несколько минут спустя тетушка Раштлек постучала в дверь и сообщила, что Патрон хочет прогуляться со мной по саду.

Я не могла отказать.

Мы вышли в тот самый сад, где я впервые встретила Дансти и Бель, и где пролилась на каменные плиты у скамейки моя кровь в тот вечер, когда Лакс назвал меня Одной.

Я ступала в ногу с Аргентой, который, похоже, вознамерился здесь со мной объясниться. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Лакс дал тебе возможность передумать, — сказал Патрон, едва мы ступили на дорожку, ведущую вглубь. — Я прошу тебя этого не делать.

Вот так. Никаких больше шуточек насчет серого, никаких комплиментов с легкой улыбкой на лице. Все легкомыслие Аргенты как рукой сняли, когда дело коснулось его самого.

— Я не передумаю, — сказала я, хотя внутри все при этих словах сжалось.

— Ты выставила меня дураком, — сказал он, почти перебив меня. — Я надеялся на другое отношение.

Я закусила губу.

— Аргента, я не собиралась здесь учиться, — вымолвила я, стараясь быть спокойной. — Ты заставил меня. Мне интересно здесь, но участие в таких бойнях — это слишком. Я могла умереть! На первой же практике! Нет, я на такое не согласна.

— Я думаю, что это ты нарушила правила в Дайтерри, — сказал он, и я ахнула от резкости его слов.

— Это неправда, — начала я, но Аргента остановился посреди дорожки, вынуждая меня последовать его примеру, повернулся ко мне лицом и заговорил:

— Я не был бы так уверен еще пару дней назад. Но не сегодня. Думаю, что ты сделала это специально. А для подстраховки еще и попросила об одолжении Совет. Мне просто интересно, что именно ты сделала, чтобы заставить дайт настолько спятить.

— Я не делала ничего! — Он отмахнулся от меня. — Аргента, я никогда бы...

— Не подставила меня? Так ты это и сделала на заседании. Если окажется, что виновна ты, я лично настою на том, чтобы тебя до отправки домой поселили лет на двадцать в какой-нибудь захолустный мирок без цивилизации.

Я хлопала глазами, не зная, что сказать. Аргента засмеялся, жестко и резко.

— А ты думала, тебя просто отчислят? Стилгмар, если бы все было так легко. Если окажется, что на твоей совести убийство человека — тебя накажут. Если окажется, что на твоей совести срыв исследований в одном из миров — тебя накажут. Если окажется, что...

— Да поняла я! — не выдержала я. — Меня накажут в любом случае, так? Может, мне тогда следует подать запрос на отчисление уже сейчас?

— Раньше надо было думать, — с нескрываемым злорадством сказал Аргента. Заложив руки за спину, он усмехнулся. — Ты обязалась помочь. Ты сама сделала выбор — твои слова, не мои.

— И что же за наказание мне грозит?

Он пожал плечами.

— Как я уже сказал. Я буду настаивать на паре десятков лет в каком-нибудь подышающем мирке.

Он не спеша двинулся дальше, а я еще долго стояла на месте, задыхаясь от злости и сдерживаемых слез.

Из-за того, что я пропустила первый день общих занятий, мне приходилось заниматься дополнительно, после того, как все остальные уже собирались и уходили по домам. Мне понравилось оставаться в зале одной. Лампы на столе загорались, как только темнело, накрывая зал легким зеленым флером таинственности. Смотрительница включала какой-то прибор, и из скрытых в стенах динамиков неслись звуки пения неизвестных мне птиц. Как-то я даже слушала уже знакомую мне балладу о любви, написанную Ининджером — но в птичьем исполнении.

На второй день я уже прихватила с собой из дома тетушки Раштлек коробку с ароматизированной водой и пакет печенья, и смогла заморить червячка, не отрываясь от процесса. Что бы там ни говорил обо мне Аргента — а я уверена, он говорил — тетушка оставалась неизменно приветливой и доброжелательной. Она все так же пекла для меня пирожки с кагцве, оставляла на столе ужин, если я возвращалась в ее отсутствие, все так же справлялась о делах и подсказывала, как одеться.

А я с каждым днем все больше впадала в уныние.

В последний день занятий, после того, как все наставления были даны, и все книги благополучно вернулись на библиотечные полки, я засиделась в зале допоздна. Как будто пыталась продлить этот день, как будто ждала, что случится что-то из ряда вон выходящее — например, в зал войдет Лакс и скажет, что готов помочь мне с разгадкой кошмаров, а потом проводит меня до Ворот.

Но, конечно, этого не случилось. Я вернула на полку сборник атласов Миламира, попрощалась со смотрительницей и направилась домой.

— А к тебе пришли, — сказала, выходя из кухни на мой голос, тетушка Рашплек. — Давай-ка переодевайся и спускайся, поужинаете.

— Кто пришел?

Но Силенка уже выглянула в дверь, приветливо мне улыбаясь.

— Здравствуй, Стилгмар. Не торопись, я подожду. Сарра Рашплек впустила меня, я надеюсь, ты не против моего визита?

Кудряшку я не видела с самого заседания, но по ее лакированным манерам соскучиться не успела.

Что ей здесь нужно?

Пробормотав какие-то ничего не значащие любезности, я поднялась к себе. В голове крутилась куча вопросов, но я знала, что даже половину не смогу ей задать. Если она пришла, чтобы поговорить насчет моей просьбы в Совете, может даже не пытаться. Да и поздно уже. Надо было раньше изображать из себя добрую подругу. До того, как из меня попытались сделать девочку для битья.

Переодевшись в домашний костюм, я спустилась вниз и прошла в кухню. Тетушка приготовила суп и пюре из овощей. Накрыто было на двоих, и я поняла, что это будет ужин за закрытыми дверями: только я и Силенка. Ну что, возможно, я и смогу быть откровенной.

— Приятного аппетита, — сказала тетушка, когда я поблагодарила ее за заботу. — Я оставлю вас. Я поужинала до прихода сарры Силенки, а вам нужно поговорить.

Пока Силенка смущенно извинялась за причиненные неудобства, я взяла ложку и начала есть, попутно разглядывая незваную гостью. Несмотря на приветливость и любезность, чувствовалась в ней какая-то скрытая нервозность: в том, как подергивался при улыбке уголок рта, в том, как вздохнула она перед тем, как тоже приступить к ужину, в том, как опустили ее плечи, когда тетушка Рашплек, наконец, вышла и закрыла за собой дверь.

Силенку что-то угнетало, и почему-то я исполнилась уверенности в том, что после нашего разговора и я не обрадуюсь.

— Стилгмар, извини еще раз за то, что пришла без предупреждения и без приглашения, — сказала она, откладывая ложку в сторону. Кажется, мысли лишили кудряшку аппетита, во всяком случае, больше к еде она не притронулась. Отпив глоток молока из стакана, она продолжила. — Я понимаю, что тебе мое присутствие может быть неприятным из-за того, что случилось... на том заседании.

Я молча ела, но Силенке, казалось, и не нужно было мое участие. Слова лились из нее неудержимым потоком.

— Я подала запрос на отстранение от работы в мире Дайтерри. Мы заканчиваем исследования в этом году, чтобы не подвести Ининджера, и все. Группы я там курировать больше уже не буду. После того, что случилось там с вами по вине Яра... По нашей с ним вине... Я не смогу там больше работать. Более того, после завершения разбирательства по

этому миру я снимаю с себя звание Патрона.

Я отвлеклась от еды и посмотрела на нее. Пальцы Силенки сжимали стакан с молоком так сильно, что, казалось, тонкое стекло вот-вот лопнет.

— Почему ты так решила?

Она не говорила ни слова, просто опустила глаза в тарелку и молчала.

— Силенка, зачем ты пришла? — спросила я прямо.

— Я пришла поговорить с тобой, — сказала она, быстро поднимая взгляд. — Стилгмар, когда мы были в Дайтерри, ты задавала вопросы...

Я похолодела, осознав, что за вопросы Силенка имеет в виду.

— Это было неожиданно... и очень странно. Никто из первокурсников слыхом не слыхивал о Снежном мире. Мы храним эту информацию в большой тайне, а тут на первой же практике ты начинаешь расспрашивать о том, о чем ученики узнают не раньше третьего курса.

Теперь настала моя очередь опустить глаза и молчать. Я все еще не понимала, к чему ведет Силенка, но понимала, что трогательная вступительная речь была не более чем прелюдией к основному разговору.

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросила я.

— Я хочу знать, откуда тебе стало известно о Снежном мире. Вопрос очень серьезный, даже более чем ты себе можешь представить. Особенно теперь, когда речь идет о...

Он замолчала.

— Ты спрашиваешь меня как Патрон? — Я посмотрела ей в глаза.

Как же велико было желание бросить в лицо Силенке слова о том, что это ее ненаглядный женишок разбудил во мне воспоминания о мире, который, оказывается, заперт от всех на семь замков. Усилием воли я сдержалась и отвела взгляд.

— Я вовсе не обязана тебе рассказывать, правда?

— Правда.

— И не буду. Но я ничего не нарушала, чтобы узнать об этом мире. Он просто...

Я замялась.

— Являлся тебе в снах?

ГЛАВА 13

— Если ты все знаешь, зачем спрашиваешь?

Силенка, казалось, была удивлена моей реакцией.

— Ты очень странно реагируешь на расспросы. Я тебя чем-то обидела?

Я мотнула головой, отведя взгляд.

Ничем. Конечно, ничем. Вот только я, в отличие от всего Белого мира, не испытываю к тебе дружеских чувств просто потому, что ты улыбаешься и разговариваешь так, словно питаешься только медом и бабочками.

Конечно, я этого не сказала. Вздохнув, я заговорила о другом.

— Так о чем серьезном идет речь? Мои сны о Снежном мире имеют какое-то значение?

Силенка заколебалась, но потом все же решилась.

— Ну, хорошо, я расскажу тебе. Тем более что ты все равно обязана знать. Дело в том, что ты не первый человек, потерявший память после прыжка в Снежный мир.

Она замолчала, и у меня появилось время обмозговать сказанное. Вот так дела. А я-то думала, что все связано с моей смертью. Ведь та девушка потеряла память именно после воскрешения. Оказывается, дела тут темнее темного.

— Этот мир — Нулевой, я уже говорила, в чем его отличие от остальных Закрытых миров. Но Снежный мир оказался опаснее, чем мы думали. Последняя отправленная туда группа вернулась сегодня днем ни с чем. Они просто забыли обо всем, что случилось после прыжка.

Силенка вздохнула.

— Мы не смогли добиться от них ничего внятного. Они помнили момент вхождения в Ворота. Помнили прыжок обратно. Но что происходило в Снежном мире, почему они вернулись сегодня, а не через три дня, как было запланировано — не помнили.

Мысль о том, что я такая не одна, одновременно утешала и пугала. Утешала — потому что проблему такого масштаба непременно будут решать, а значит, есть шанс и мне вернуть себе воспоминания. Раз за это уже взялись всем миром, вполне может стать так, что вопрос решат до моего отбытия домой. До того, как Патрон поставит меня перед Воротами и выстрелом разнесет мне голову, да, но я старалась пока об этом не думать. Пугала же потому что... Просто пугала. А что, если дальше будет только хуже? Ведь не зря же Силенка постоянно одергивала себя, стараясь не рассказать лишнего о том, что волновало, как я теперь понимала, не только меня и ее, а весь Белый мир.

— Я вообще не помню, что прыгала в Снежный мир, — сказала я, тщательно подбирая слова. — Просто в один прекрасный день я стала видеть кошмары. Сны о мире, в котором полно снега. Они были настолько реалистичны, что я испугалась. Не помню, откуда я взяла название, может быть, в кошмаре его кто-то и произнес. Потому я и решила спросить у тебя.

Кажется, мне удалось обойти острые углы. Силенка, казалось, поверила моему рассказу, во всяком случае, вопросов больше не задала.

— Я хотела бы, чтобы после возвращения ты пришла ко мне, Стилгмар, — сказала она, бросая взгляд на хронометр и поднимаясь. — Под руководством Ининджера создана группа, которая занимается исследованием этой массовой потери памяти. В Снежном мире творится что-то неладное, это точно. Если ты придешь и расскажешь о том, что помнишь, мы будем тебе очень благодарны. Но, конечно, я прошу тебя об этом никому не говорить. Эта информация, как я уже сказала, закрыта.

— Но у меня есть только обрывки снов, — сказала я, пожимая плечами. — К тому же, после практики я наверняка возвращаюсь в Дайтерри, а потом у меня снова начинаются занятия.

Силенка посмотрела на меня, и в глазах ее я заметила сожаление.

— Да, я помню об этом. Мне очень жаль, что так вышло. Я поговорила с Мастером образования, так что тебя отпустят в назначенное время. Это не моя прихоть, Стилгмар, поверь. Дело идет о безопасности мира, так что мы должны использовать малейшую зацепку. Вот адрес, по которому ты найдешь меня. О времени я предупрежу заранее.

Положив на стол бумажный квадратик с координатами, Силенка двинулась к выходу. Я поднялась следом, чтобы ее проводить, все еще находясь во власти сказанного. Стоит ли рассказать ей о таблетках? А о том, что мои сны однажды перешли грань между фантазией и реальностью и стали почти явью? А о том, что ее жених знает о происходящем гораздо больше меня? Ведь Лакс не потерял память. Интересно, а знает ли он, что Силенка ко мне наведалась? У меня было столько вопросов, что голова шла кругом.

Наверняка, знает. Наверняка, изображает из себя самого умного, а когда я появлюсь, сделает вид, что ничего и не было.

Скорее бы полнолуние и обратиться отсюда. Скорее бы.

Я закрыла за Силенкой дверь, поднялась к себе и, раздевшись, легла спать, хотя было еще совсем не поздно. Уснула я сразу и снов, как обычно, не видела.

Будильник затренькал, когда еще не рассвело. Я с трудом разлепила веки, пробуждаясь от навязанного таблетками сна. Вставать было очень тяжело — действие лекарства еще не кончилось. Я сверилась с тетрадью, куда вчера записала становящиеся уже привычными наставления. Брюки из ткани, похожей на замшу, ботинки из натуральной кожи, сменные рубашки. Остальное нам выдадут в Миламире, и мне не очень нравилось, что среди этого остального будет пара кремневых пистолетов и нож.

Тетушка Раштлек заботливо собрала мне в дорогу пирожки с кагце и коробку фруктового сока. К Воротам мы должны добраться только под вечер, так что еда на этот раз лишней не будет. Я сложила все в дорожную сумку, туда же бросила тетрадь, и вышла из дома в прохладную ночь.

Уже знакомый желтый автобус ждал во дворе Школы. Я уселась на то же место, что и в прошлый раз, положила в кармашек сиденья сок и пакет с пирожками, сумку запихнула под ноги, развернула плед.

— Ох-хо, мне бы такую хозяйку, — почувствовав запах пирожков, восхитилась Лидилла. — Опять сарра Раштлек напекла?

— Обещаю поделиться, — с улыбкой сказала я.

— Так-так, чем делитесь? — Керр влез в салон, как обычно, с широкой ухмылкой на лице. — О, можно не рассказывать. Стил, подвинься.

Он уселся рядом со мной, подмигнул, принялся раскладывать вещи. Кажется, разрыв отношений с Перлой никак не сказался на душевном равновесии моего одноклассника. Во всяком случае, он тут же предложил Лидилле помассажировать спину, пока мы будем ехать, и с преувеличенной заботой подоткнул под меня плед.

Наконец, собрались все. Водитель пересчитал нас, погасил в салоне верхний свет, и мы тронулись. Красные глаза Керра светились в темноте, как раскаленные угли. Он попытался вовлечь Малгмара и меня в разговор, но я клевала носом и отвечала невпопад. Мне ужасно хотелось спать, так что вскоре я уснула, прислонившись головой к плечу болтливого одноклассника.

Мне снились сны.

Сначала я не понимала, что это сон. Поездка продолжалась, Керр копошился рядом, тоже укладываясь спать, Малгмар выводил носом рулады, все казалось обычным. Только потом я поняла, что лежу чем-то холодном, а вокруг меня — решетка, спереди, сзади, со всех сторон. Железные прутья флуоресцировали во тьме и казались толстыми и прочными. Я протянула руку, пытаясь нащупать Керра рядом с собой, но оказалось, что он далеко, за решеткой, и я не могу до него дотянуться. Включился свет, и я увидела, что лежу на каменном полу в клетке, похожей на тюремную камеру, какими я их видела в фильмах. Я попыталась подняться, но не смогла — ноги и руки были закованы железной цепью, оканчивающейся массивным вмурованным в пол кольцом. Я могла только стать на четвереньки у кольца, цепь не позволяла мне даже сдвинуться с места.

— Керр! — позвала я, оглядываясь. — Малгмар!

Я слышала, как быстро-быстро говорят вокруг какие-то люди, как вдалеке кто-то плачет тонким голосом, как звенят цепи еще тысяч пленников. Вдоль стены, насколько хватало зрения, тянулись такие же, как моя, клетки. В них, прикованные цепями, так же, как и я, находились люди.

Что это? Тюрьма? Почему я здесь? И почему меня преследует стойкое ощущение того, что я не в Снежном мире, а где-то еще?

— Керр!

Но он не слышал меня. Повернувшись на спину, Керр укрылся пледом с головой, и мне почему-то стало страшно оттого, что я не вижу больше его лица.

— Керр! Проснись же!

— Стилгмар! — я услышала рядом с собой голос, и, повернув голову, увидела в соседней камере Фея, того ангела, что вылечил меня несколько дней назад. Его крылья были оборваны, окровавленные ости торчали из-за спины, грязные перья валялись тут и там на полу камеры. — Стилгмар, что ты здесь делаешь? Что ты здесь делаешь?

Неожиданно пол камеры подо мной обвалился, и я полетела вниз, в холодную бездну. Цепи разодрали кожу, соскальзывая с рук и ног, я закувыркалась в воздухе, задыхаясь и пытаюсь укрыться от ударившего в лицо ледяного ветра. Тысяча голосов разом прокричала мое имя, вокруг завывала снежная буря, и я открыла глаза, чувствуя, как колотится сердце, и как сжимает мою руку взволнованный Керр.

— Плохой сон? — прошептал он.

Я едва сумела кивнуть. Бездумно уткнувшись лбом в его такое реальное теперь плечо, я хватала ртом воздух, стараясь не разрыдаться. Отдышаться удалось не сразу, в легких словно все заледенело. Не сразу я поняла, что Керр гладит меня по спине, но сейчас я не отстранилась. Мне было нужно тепло, чтобы прийти в себя.

Подняв голову, я увидела, что Керр внимательно смотрит на меня своими темно-вишневыми глазами, и поняла, что он ждет объяснений.

— Что было? Я кричала? Говорила?

Вместо ответа он осторожно коснулся пальцами моей ладони. Опустив голову, я увидела, что на запястье вспухает красным отметина в виде широкого браслета. На второй руке было то же самое. Я не сомневалась, что и на ногах найду такие же следы. Постепенно пришла и стала нарастать боль — боль от сорванных резким движением оков.

— И давно у тебя такое?

Я молча откинулась на спинку кресла. Хорошо, я могла допустить, что организм способен охладить содержимое желудка до такой степени, что оно покажется мне ледяной водой из озера, но это?

Действие принятой накануне таблетки закончилось, и сны снова пришли. Это было единственное объяснение происшедшему, и это было лучшим подтверждением тому, что таблетки мне необходимы. Я поднесла руки поближе и рассмотрела отметины. Меня вдруг затрясло под теплым пледом, захотелось расплакаться, прижаться к чьей-нибудь крепкой груди и рассказать все, что у меня на душе... Но это было невозможно.

— В моем мире это называется «идивэр», — сказал Керр тихо, глядя прямо перед собой. — Сон вне сна. Говорят, можно наслать такой идивэр, который заставит жертву умереть от причиненных во сне ран. Или из-за болезни. Или свести счеты с жизнью, тоже во сне. Я в это не верю, но теперь начинаю сомневаться...

Я закрыла глаза, не желая наткнуться взглядом на его взгляд.

— У нас это называют психосоматикой, — сказала я тоже тихо. — Когда душевное потрясение отражается на теле. Ничего общего с магией, просто реакция организма.

— Хорошенькая же «просто реакция».

Керр явно был настроен поговорить на эту тему, но у меня не было желания пускаться в

рассуждения. Тем более, делать его своим наперсником. Я притворилась, что снова заснула, и лежала с закрытыми глазами так долго, что он поверил.

Наконец, проснулись остальные. Малгмар принялся обсуждать с водителем возможность остановки по требованию, Лидилла и Керр затеяли игру в вопросы и ответы по Миламиру, и я решила, что можно и мне открыть глаза. Мое предложение подкрепиться было встречено с восторгом. Я разделила на всех пирожки, Лидилла предложила бутерброды, Малгмар достал съедобные листья какого-то растения, напоминающие по вкусу хлеб и сыр одновременно. Водитель остановился, мы вышли из автобуса размять ноги. Я опустила рукава рубашки так, чтобы не было видно следов, и старалась лишний раз не поднимать рук, но взгляд Керра все равно следовал за моими запястьями, как приклеенный.

Наконец, мы вернулись в автобус. Было тепло и светло, спать никто не хотел, мы сложили пледы и уселись на сиденья, болтая обо всем и ни о чем.

На этот раз с нами в другой мир должна была пойти Патрон Керра Камбри — высокий худой гермафродит с выраженной женской внешностью, уроженка какого-то водного мира и эксперт сразу по нескольким обитаемым мирам. Я уже была знакома к Камбри, видела ее на заседании, и именно она давала нам последние наставления перед практикой, напоминала правила безопасности при перемещении и принципы поведения в матриархальном государстве. Со мной она вела себя подчеркнуто вежливо. Только когда все ушли, Камбри подозвала меня к себе и сказала то, что я и ожидала услышать:

— Поскольку ты покидаешь Школу, Стилгмар, тебе не обязательно активно участвовать в деятельности группы. Если хочешь, можешь провести все время в резиденции, я тебе все равно поставлю зачет.

— Спасибо, но я бы хотела побывать на турнире, — сказала я, и ей не оставалось ничего другого, как согласиться.

Пока мы ехали, Керр снова попытался вызвать меня на разговор, на этот раз о дайт. Ему явно не давали покоя высказанные в больнице мысли, и он с удовольствием озвучил их остальным, как только поймал заинтересованные взгляды.

— Вот увидите, я окажусь прав. Дайтерри — мирок гнилой, это я точно говорю. Не верю я, что Стил чихнула, и дайт решили в отместку за этот чих перебить кучу людей, с которыми — заметьте! — у них уже о-очень долгое время хорошие отношения. Потому туда и идут сразу Лакс и Ининджер. Наверняка, чтобы убедиться. А Стил и ее Патрона тащат за собой для отвода глаз, чтобы не поднимать панику. Представляю, что будет, если все узнают, что в одном из миров завелся Враг.

— Ни Ининджер, ни Владыка не подвергнут опасности жизнь жителя Белого мира. Это против всех законов, — резонно заметил Малгмар.

— А чего им подвергать? Стил — уже списанный корабль...

— Эй! — возмутилась я, но он продолжил:

— Ну, да, списанный, потеря невелика. А Аргента... Аргента и сам с душком, это все знают.

— Я, например, не знаю, — сказала я.

Керр засмеялся и покровительственно похлопал меня по руке. Таким он мне нравился меньше, чем когда говорил об идивэре, и руку я стряхнула. Он, впрочем, и не обратил внимания.

— Ну, конечно, милая. Все делают вид, что не знают, сделаем и мы. Тем более, это даже вычеркнули из летописей войны. Так вот, что касается Аргенты, так там тоже все ясно.

— Глупости какие, — нахмурившись, сказала Лидилла. — Я, например, никогда не верила в эти сплетни о Патроне Стилгмар. Тем более, это не он был, а его Протеже.

— Скажи мне, кто твой Протеже, и я скажу, кто ты, — заметил Керр.

Они замолчали.

— У меня такое впечатление, что я — невидимка, — сказала я, вклинившись, наконец, в паузу. — Может, расскажете мне об Аргенте?

Керр покосился на водителя, который явно прислушивался к нашей болтовне.

— Давай в Миламире, а? Я приду к вам с Лидиллой в комнату ночью... — наклонившись ко мне, зашептал он.

— Ой, да ну тебя, — оттолкнув Керра, я отвернулась к окну и больше в их разговор не влезала.

Лидилла перевела беседу на другую тему, видимо, тоже понимая, что то, о чем мы говорим, пахнет скандалом. Они принялись обсуждать Миламир, я же глядела в окно и думала о секретах своего Патрона.

А за окном тянулся однообразный пейзаж. Равнина, знакомая мне по поездке к Воротам в мир дайт, сменилась холмами. Дорога петляла, уходила то вверх, то вниз, делала крюки, извиваясь как змея. Чахлые кустарники изредка сменялись небольшими рощицами, те снова уступали место кустарниками, и так до бесконечности. Ни селений, ни городов, ни домиков у дороги. На редкость пустынная местность.

Я почти уже снова задремала, но заставила себя протереть глаза и взбодриться, когда автобус выехал на один особенно высокий холм, за которым раскинулся большой город. Насколько я знала, сразу за городом мы свернем в сторону Ворот, а там до них останется рукой подать.

На этот раз нас никто не встречал — Ворота открывались слишком близко к городу, и привлекать внимания не стоило. Мы пешком добрались до стоянки наемных паровых экипажей, заплатили водителю — дебелий женщине с хмурым выражением лица, забрались внутрь и поехали по адресу, который назвала Камри. Наши мужчины держались, как и подобает — скромно, но с достоинством. Повозка подъехала к двухэтажному особняку в центре города вовремя — не успели мы выйти, как стал накрапывать дождь. Мы взяли вещи и гуськом двинулись вслед за Камри, по каменной лестнице с коваными перилами, через общую дверь и на второй этаж, который, как мы уже знали, был выкуплен специально для таких случаев. На этаж вели железные двери. Камри взялась за висящий рядом молоточек и постучала.

Нам открыла величественная женщина, в улыбке которой тепла было не больше, чем в дожде за окном.

— Прибыли. Проходите.

Она пропустила нас, заперла дверь и только потом заговорила:

— Так, мужчины — номера второй и четвертый, девушки — третий, пятый и седьмой. Камри, вы разместитесь в шестом. Мой номер — первый, и прошу без надобности туда не соваться. Идемте.

Мы остановились у комнаты в дальнем конце коридора, где находилась, как я сразу же увидела, кладовая. Нам выдали чистое постельное белье и полотенца, столовые приборы и щетки для волос.

— Душ — умеренно. Вода здесь нагревается долго, электричества нет. Еда готовится на плите, плита топится дровами и углем. Завтра девушки пойдут со мной в карьер, покажу, где

набирать уголь. Потом — сами. Продукты покупаю я, так что об аллергиях и выкрутасах вроде вегетарианства говорите мне сейчас.

Да уж, это совсем не было похоже на перемещение в Дайтерри. Я даже заскучала по Силенке и ее улыбке. Там нас встретили, как долгожданных гостей. Тут же, казалось, мы попали в казарму. Только муштры не хватает.

— Стираем сами. Утюги покажу. Готовим сами, по очереди или как хотите. Завтра — открытие турнира, так что до обеда нам надо будет многое успеть, иначе потом из города просто не выехать. Вы уже распределились? Контракты у меня, мне нужно только внести имена.

Камнри, которая, казалось, даже немного растерялась от такого напора, кивнула и поспешила сообщить:

— Да, конечно. Малгмар по контракту принадлежит Лидилле, Керридар...

— Ынке, — сказала безымянная доселе девушка, и я на этот раз постаралась запомнить ее имя.

— Керридар принадлежит Ынке.

— Отлично, идите ко мне, Камнри, поможете вписать имена. Остальные — идите, осваивайтесь. Сегодня для вас ужин я приготовила. Как вы уже знаете, ритуала приема пищи в этой стране нет, так что никого не жду. Захотите — поедите.

Они с Камнри скрылись в номере. Конечно, цифры на двери стояли далеко не арабские и даже не римские, но мы не растерялись и, простым пересчетом дверей распределили свои комнаты.

Правда, войдя внутрь, я поняла, что ошиблась, и это не комнаты. Это были целые квартиры. Комната с кроватью, уборная, комната с обеденным столом и стульями. У порога обнаружили мягкие тапочки, и я с удовольствием сняла обувь. Ноги благодарно заныли, оказавшись на свободе. На столах в кухне и спальне стояли лампы. Я зажгла одну, подпалив фитилек местным подобием спички, прошлась по своему временному жилищу. Убранство было минимальным, но все выглядело чистым. Я застелила постель, сняла мятую дорожную одежду и переделалась в домашние брюки и рубашку. Начистила ботинки кремом из стоящей тут же баночки.

Мягкие манжеты рукавов все же немного натерли, и отметины на запястьях стали побаливать. Я помыла руки и ноги холодной водой с жидким пахучим мылом, причесалась и решила немного отдохнуть. Есть пока не хотелось.

Положив на тумбочку у кровати пистолеты, я принялась их разглядывать. Надеюсь, мне никогда не придется ими воспользоваться. В книжках достаточно подробно описывался процесс зарядки и стрельбы из такого пистолета, но я оружие в руках никогда в жизни не держала, а уж огнестрельное, тем более. В потертой металлической лядунке лежали боеприпасы. Открыв ее, я увидела аккуратно вставленные в специальные углубления пули, насыпанный в ящичек темный серый порошок. Здесь были даже медные прутья для прочистки затравочного отверстия. Господи, и как только они с этим управляются?

Я повозилась с пистолетами еще немного. Неожиданно они меня заинтересовали. Красивые, ладные, сделанные из дерева и металла. Где бы я еще такие увидела? Я попробовала зарядить один, как помнила по учебнику, но на середине бросила. Завтра турнир, уверена, Патроны нам все покажут. А может, я просто испугалась, что выстрелю, и пистолет разорвется у меня в руке.

В дверь постучали. Я всунула ноги в тапочки, спрыгнула с кровати, крикнула:

«Войдите». Конечно же, это был Керр. Он перешагнул через порог, но не стал проходить дальше.

— Ты не идешь ужинать? Мне одному не хочется, а Лидилла и Малгмар уже поели.

Я пригладила волосы, выглянула в коридор. Что-что, а зеркало бы тут точно не помешало. Но я не заметила ни одного ни в коридоре, ни в комнатах. Может, зеркала здесь редкость?

— А где они ужинали?

Керр ухмыльнулся, глядя на меня.

— В номере Лидиллы, конечно. Кажется, у них там все серьезно.

— Чему я очень рада, — сказала я, подходя к нему. — Керр, вот только давай без шуточек, а? У меня и так на душе невесело.

— Ладно-ладно. — Он примирительно поднял руки. — Я просто хотел поднять тебе настроение. Мы поужинаем здесь?

Я посмотрела на иссиня-черный мир за стеклами, перевела взгляд на дрожащее пламя в лампе. Дождь рассыпчато плескался в окно, словно салютовал нашему прибытию. Мне не хотелось оставаться одной. Я кивнула.

— Давай.

— Отлично, я сейчас буду.

Он принес блюда на свой вкус — пучок зеленой травы в какой-то жирной подливке, корнеплоды с мясом, кислый прозрачный напиток, который надо было сначала поджечь, а потом пить. Я достала приборы — круглые ложки, вилки с зубчиками, торчащими в разные стороны. Мы ели, думая каждый о своем, пока, наконец, не смели все с тарелок подчистую.

Я собрала тарелки в стопку, чтобы помыть. От напитка чуть закружилась голова, захотелось спать, а мне еще нужно было принять таблетки.

— Стил, ты точно не хочешь, чтобы я остался? — спросил Керр, ухмыляясь уже от двери. — Мы могли бы и позавтракать вместе.

— Ой, уйди уже, а, — сказала я, но без злости. — Керр, и откуда в тебе столько любви? У тебя же вроде есть здесь девушка.

— Ну, в моем мире у меня несколько жен, и я здесь скучаю без них. Вот и пытаюсь заполнить эту пустоту, — сказал он. — До моей планеты можно долететь только на космическом корабле, а он приходит в Белый мир раз в десять лет.

— А Ворота? Разве из Белого мира в твой нет Ворот?

Он пожал плечами.

— Нет, конечно, нет. Червоточины открываются далеко не во все миры обитаемой Вселенной. Я прибыл сюда стандартный год назад, так что еще девять лет должен буду провести в этом мире. Через четыре года корабль, который меня привез, долетит до моей планеты. Он погрузит все необходимое и полетит назад — привезет груз и нового ученика для Школы.

— А что ты будешь делать на своей планете, если на ней нет Ворот? — удивилась я.

Он помолчал, глядя на меня со странным выражением лица. Словно пытался угадать, что мной движет: любопытство, желание уколоть, незнание?

— Стил, разве ты еще не поняла? Из Белого мира никто не возвращается домой. Никто и никогда. Ты своим возвращением создашь прецедент. Если, конечно, не найдется способ тебя здесь удержать. — Он помолчал, как будто хотел спросить что-то еще, но потом мотнул головой и попрощался. — Ладно, до завтра.

— До завтра, — сказала я, и он закрыл за собою дверь.

ГЛАВА 14

— Так, скоро открытие турнира, так что, давайте-ка, собирайтесь, — сказала Патрон сопровождения, когда мы покончили с завтраком. — Мужчины сегодня из дома не выходят и в окна не высовываются, если, конечно, не хотят стать Трофеями в турнире. Все правила вы знаете. Сегодня — день подачи заявок, а это значит, Лидилла?

— Это значит, что в этот день любой, даже связанный контрактом, мужчина может стать Трофеем, — закончила та.

Патрон кивнула.

— Завтра вы сможете спокойно пойти с нами. Но не сегодня. Сегодня из дому ни на шаг. Что касается женщин. Напомни мне, что происходит в первый день, Стилгмар.

Это было проще простого.

— Выбранный жеребьевкой из числа самых старых мужчин Распорядитель бросает копьё в мишень, на которой написаны цифры от трех до семи, — сказала я. — Цифры указывают, сколько женщин сможет по итогам турнира претендовать на одного мужчину. Далее Распорядитель бросает еще одно копьё в мишень, раскрашенную черным и красным цветами. Если копьё попадает в красное — значит, битвы делятся до первой крови. Если в черное — до смерти.

Она жестом остановила меня.

— Какие права имеют на турнире мужчины, Ынке?

Девушка закусила губу.

— Никаких.

— Верно. Как мужчина может влиять на исход битвы за него?

— Никак.

— Именно.

— Что станет с Распорядителем после турнира, Керр?

— Его похоронят живьем вместе с трупами погибших женщин. Если турнир до первой крови — то просто убьют. Если в турнире нет смерти — значит, после него нет жизни, — процитировал Керр слова из учебника.

— Да, местные богини любят кровь, — кивнула Патрон. — А потому не нарывайтесь на неприятности, ведите себя прилично — и мы даже побываем на мужском стриптизе в конце третьего дня.

Судя по выражениям наших лиц, воодушевление от этих слов испытала только Лидилла. Меня и дома стриптиз не привлекал, а мужчины, конечно, предпочли бы женский, вот только в этом, перевернутом с ног на голову мире такое удовольствие могло стоить им жизни.

Вернувшись к себе, я разложила на тумбочке выданные утром украшения для турнира. Серебристая — а может, даже и серебряная — цепочка на шею, богато вышитый шейный платок из мягкой ткани, перчатки из мягкой кожи, длинный плотный кушак с кисточками на концах. Я погладила рубашку, оделась, причесалась. В полном «боевом» облачении я наверняка смотрелась впечатляюще, только без зеркала оценить свой вид не могла. Лидилла пожаловалась мне еще за завтраком, что, попросив зеркало — ведь надо же было привести себя в порядок с утра — получила от Патрона Камнри такую отповедь, что повторять просьбу перед турниром вряд ли решится. Я тоже не стала лезть на рожон. При прыжке у меня снова изменились волосы — теперь они стали короче и темнее, и потому наводить

прическу было особенно не из чего. Я пригладила их руками, поправила кушак и вышла в коридор, дожидаться остальных.

— Так, надень-ка сразу пояс, — сказала, увидев меня, Патрон. — Пистолеты ты должна носить естественно, как будто родилась с ними. И лядунку не забудь.

Обвесившись украшениями и оружием, я стала напоминать этакую стимпанк-модель из моего мира. Кушак переливался золотистыми нитями, лядунка брякала при каждом шаге, пистолеты поблескивали, выглядывая из кобуры — да, сказала я себе, — прямо женская версия Роланда из Гилеада.

Наконец, вышли остальные. Патрон Камнри, до ужаса напоминающая в мужской одежде мужчину, собрала нас у своего номера и еще раз проинструктировала.

— Не заглядывайтесь на мужчин и не хватайтесь лишний раз за пистолеты. Держитесь друг друга. Толчея будет, что надо, будьте готовы. Если потеряетесь, возвращайтесь сюда, это все же лучше, чем бродить неизвестно где до окончания церемонии.

— А нам что делать? — подал голос Керр. Оказывается, он все время стоял сзади. — Здесь даже журналов с девочками нет.

— Ешьте, пейте, спите, — ответила ему Патрон Камнри. — Этим в Миламире мужчины и занимаются.

Мы разноцветной яркой стаей спустились вниз и вышли из дома. Улицы уже были забиты повозками, экипажами, людьми. Все стремились пораньше выбраться на турнирную площадь за городом, занять на трибунах места получше, приглядеть мужчину посимпатичнее. Женщины были расфуфырены на здешний лад не хуже нас. А мужчины... Я не стеснялась своего открытого от удивления рта, да и как тут было не удивляться!

Красные, зеленые, белые, фиолетовые волосы. Выкрашенные в невообразимые цвета соски обнаженных грудей, проколотые уши, губы, вплетенные в волосы драгоценные камни. Каждый второй шел с обнаженным торсом. Каждый второй позволял погладить себя по спине, коснуться бугрящихся бицепсов, провести пальцами по груди. Каждый второй ухмылялся в ответ на заинтересованные взгляды и нагло смотрел в глаза.

— Какая гадость, — прошептала мне на ухо Лидилла. — У нас себя так ведут продажные женщины.

— У нас тоже, — поддержала я.

Мы вышли на проезжую часть одной из широких улиц, перекрытую специально для того, чтобы все желающие могли беспрепятственно попасть к месту проведения турнира. Казалось, весь город высыпал наружу. Женщины окружали понравившихся мужчин — иногда заявки делались еще до прибытия на место. Я видела, что многие мужчины уже выманили у своих будущих партнеров шейные платки — это значило, что женщина претендует на этого мужчину и готова за него сражаться. Мужчин было много — но женщин намного больше, и каждый из них, как я поняла, надеялся получить хотя бы пару платков еще до начала официального турнира.

Чем больше претенденток — тем больше потенциальных партнеров и тем больше детей на следующий год. Я заметила вплетенные в волосы некоторых мужчин маленькие куколки — обозначения детей мужского пола. Чем больше таких куколок у мужчины, тем более он привлекателен для женщины, ведь, только родив мальчика, она имела право отказаться от участия в следующем турнире, каждый из которых мог быть смертельным.

— Эй, а ты красивая, — услышала я голос одного из мужчин, обращенный к Лидилле. — Не хочешь побороться за меня?

Я посмотрела на нахала. Высокий, тощий как щепка, с раскрашенными темно-красной краской волосами и длинной цепочкой в нижней губе. Господи, наверняка мнит себя неотразимым. Он отделился от кучки таких же тощих и высоких и последовал за нами в надежде получить свой первый за турнир платок.

— Нет, — отрезала Лидилла.

Но мужчина догнал нас и пошел рядом, то и дело обнажая в улыбке ряд белоснежных зубов.

— Я отец четырех мальчиков, а мне нет еще и двадцати. Ты подаришь мне свой красивый платок?

— Я сказала: нет, — сквозь зубы процедила Лидилла, хотя я видела, что такое поведение дается ей нелегко.

— У тебя красивые глаза. Необычный разрез глаз для таркитанки, ты откуда-то с юга? Так подаришь мне платок? Поверь, я хороший парень, ты не пожалеешь.

Он попытался коснуться ее плеча, но наткнулся на взгляд ледяных глаз и отдернул руку.

— Не вынуждай меня, — сказала Лидилла с таким холодом в голосе, что кавалер все-таки понял, что он ей не приглянулся.

Вздыхнув, мужчина отстал от нас. Я даже не осознавала до этого момента, насколько напряжена. Слава Богу, я не красавица в своем мире, и на меня мужчины внимания так часто не обращают. Не представляю, что сделала бы я на ее месте.

Мы остановились перед пешеходным мостом, настолько забитым людьми, что это казалось просто нереальным.

— Умница, — похвалила Лидиллу Патрон Камнри. — Но этот еще неопытный. От мужчин постарше так просто в день заявки не отвяжешься. Предлагаю зайти в трактир, выпить сидра, потрепаться с другими и узнать местные новости. Нам места в партере не нужны.

Мы свернули в боковую улочку, которая оказалась тупиком. В тупике был установлен большой шатер, возле которого ровными рядами стояли круглые столики. Несмотря на прохладную погоду и хмурое небо, свободных мест почти не осталось.

Усадив нас, Патрон Камнри ушла за напитками, мы же, развесив уши, вслушивались в непривычно внушительное жужжание женских голосов. В трактире — не знаю, почему клеш перевел так местное название — болтали, выпивали, смеялись, спорили и просто проводили время только женщины. Все они были одеты так же, как и мы — рубашки, брюки, платки, кушаки. Бряцающие при каждом движении лядунки, перекинутые для удобства за спину. Лица некоторых были изуродованы шрамами. Я узнала из болтовни за соседними столами, что последние четыре турнира проводились до первой крови. Наверняка в этом году конкуренция будет жесткая. Я представила кучу обозленных женщин, многие из которых уже в третий или четвертый раз остались после турнира без партнеров, а значит, и без детей, и вздрогнула. Хорошо, хоть и взрослых мужчин год от года прибавляется. Я попыталась вспомнить цифры, но не смогла. Патрон Камнри вернулась с кружками, и стало не до этого.

Мы выпили сидра и поболтали о том о сем. Выдавать себя было ни к чему, а потому беседы ограничились мужчинами, турниром и стриптизом. Я поделилась услышанной сплетней, и Патрон Камнри закусил губу.

— Наверняка сказать нельзя, но уверена — в этом году будут сражаться до смерти. — Она поморщилась. — Иначе в следующем году им просто придется вынести на поле черную мишень. Женщин уже столько, что скоро новорожденных девочек станут убивать.

Странно было обсуждать такие вещи с гермафродитом, живущим на планете, где брака как такового не существует, и люди раз в жизни просто воспроизводят сами себя, чтобы поддержать популяцию.

Когда мы, наконец, добрались до трибун, стало очевидно, что придется стоять. Турнирное поле размером с земное футбольное было хорошо видно и отсюда, и мы остались там, где пришлось. Все места были заняты желающими поглазеть и поучаствовать, а поскольку мы относились только к первой категории, лезть вперед было незачем.

Позади трибун были установлены всевозможные палатки и шатры — с напитками, для желающих поесть, для кормления детей, палатки-уборные, лекарские палатки — подготовился торговый люд к празднику основательно. Были даже палатки для сна — на тот случай, если кто-то напьется крепленого и решит передохнуть.

На краю поля перед трибунами стояли пышные шатры — для мужчин. Там, скрывшись от любопытных глаз, будущие отцы семейств готовились к дефиле. Нам пришлось немного подождать, прежде чем суматоха на трибунах улеглась, и в центр поля вышла высокая старая женщина в черных узких брюках и черно-красной, расшитой золотистыми нитями рубашке. На трибунах сначала поднялся гул, а потом наступила тишина. Женщина поднесла к губам какой-то предмет и дунула в него. Раздался звонкий свист, и по краю трибун поехал движимый паром громкоговоритель на колесиках, внутри которого встроенный проигрыватель начал воспроизводить запись.

— Начинается турнир! Начинается турнир! — понесся по полю усиленный громкоговорителем голос. — Все ли контракты сданы? Все ли мужчины готовы? Начинается турнир! Начинается турнир! Все ли Трофеи здесь? Все ли претенденты на месте?

Когда громкоговоритель сделал полный круг и, вернувшись на свое место, замолчал, из центральной палатки, раздвинув тонкой рукой складки плотной ткани, вышел статный мужчина в розовой одежде. Его приветствие заглушил дикий толпы — это был, как я тут же узнала от соседки, Неярь Перунка — безусловный фаворит турнира. В косы Перунки было вплетено двенадцать кукол — столько было мальчиков среди детей, родившихся от двенадцати союзов.

— За него будут биться самые сильные и смелые! Смотри, сколько у него в руке платков, смотри!

Я не знала дергающей меня за рукав женщины, но послушно подпрыгивала на месте и вопила вслед за ней. Даже Патрон Камбри не осталась безучастной. Глаза ее светились настоящим восторгом, губы улыбались.

— Неярь! Неярь! — скандировала толпа.

Мужчина и женщина встретились на середине поля и некоторое время постояли молча, позволяя толпе выплеснуть свой восторг. Затем снова раздался звук свистка.

— Мы готовы! — весело прокричал Неярь, и трибуны снова взревели.

Один за другим из шатров стали выходить разодетые мужчины. Это были люди уже в годах — те, которые участвовали в турнире в последний раз, мужчины с десятками контрактов за спиной. Они были величественны и полны достоинства, их встречали приветственными криками и уважительным свистом. Практически все они вышли на поле с платками в руках, и даже среди них были те, кто держал в руке два, а то и три платка. Мужчины улыбались трибунам, женщины рукоплескали.

Я постаралась посчитать, сколько мужчин выйдет сегодня на поле. Этих оказалось около сотни. Следующими на поле высыпали мужчины в зрелом возрасте — но их оказалось

не намного больше, еще пара сотен — и всего триста или чуть больше для целой страны. Я знала из учебника, что мужчины в Миламире — штучный товар, что они постепенно вымирают, несмотря на усилия женской половины здешнего человечества, но, увидев такое своими глазами, испытала легкое потрясение. Вышедшие покинули поле, и из шатров стали выходить молодые, красивые, сильные — мужчины в самом расцвете сил. Я окинула глазами беснующуюся многотысячную толпу — насколько она выросла за прошедшие четыре турнира? Вдвое? И это несмотря на то, что женщинам после сорока запрещалось рожать детей и участвовать в турнирах. Многие из молодых мужчин держали в руках по целой охапке платков — плохой знак для претенденток, отличный знак для Трофеев. Я не увидела нашего нахала — мы стояли слишком далеко, но неосознанно схватилась за свой шейный платок. Какое счастье, что я живу в мире, где не надо убивать за возможность родить ребенка.

Молодежи было много, и я вздохнула с облегчением. Мужчины все шли и шли, и мне стало казаться, что демографические проблемы в этом мире несколько преувеличены. Я даже помахала какому-то из мужчин в ответ, правда, не запомнила, как он выглядел.

Наконец, дошла очередь до тех, кто посещал турнир в первый раз. Это были совсем юнцы, охапки платков в их руках были неизмеримо меньше, чем у более опытных мужчин. Женщины сдержанно приветствовали новое поколение — к этим еще предстояло присмотреться, этих еще предстояло оценить.

Дождавшись, пока юноши вернутся в свои шатры, женщина в расшитой рубашке снова поднесла к губам свисток.

— Распорядитель! — провозгласил Неярь.

Из центрального, самого скромного по виду шатра вышел пожилой мужчина в белой одежде. Толпа притихла — после турнира жизнь этого мужчины оборвется в знак уважения к богиням-покровительницам. Наверняка среди участниц турнира были его дети и бывшие жены.

Мужчина и женщина обменялись приветствиями и стали спиной к шатрам. Откуда-то из-за трибун несколько рослых женщин вынесли два копья и две больших мишени — одна со знаками по периметру, вторая — раскрашенная в красно-черную клетку. По трибунам пронесся вздох — вот он, момент истины, момент, определяющий, жить после турнира проигравшим или умереть.

Мишени установили под аккомпанемент почти полной тишины. Женщина и Неярь взяли каждый по копью, ткнули друг друга в грудь до крови, принесли первую жертву богиням. Настало время Распорядителя.

Первым протянул копьё Неярь. Прицелившись, Распорядитель сильным движением швырнул его в первую мишень. Копье ударило ее в бок, едва не свалив. Я не видела знаков, да и не понимала их, и потому о том, сколько будет у каждого Трофея хозяек, узнала из вопля толпы.

— Пять! Пять! Пять! — закричали, затопали, запрыгали вокруг.

Мужчины, имеющие по пять платков, покинули палатки — их турнир окончился, даже не начавшись. Их было не так много, но трибуны немного освободились — и нас подвинули вперед, почти к самому краю поля. Я попыталась вернуться в толпу, но желающих побороться было больше, чем просто зевак, и мне не позволили. Мы с Лидиллой оказались почти у шатров. Я даже ощутила удушливый аромат мужского парфюма, донесшийся из них.

Распорядитель взялся за второе копьё, и тут толпа на самом деле заморожено притихла

— смерть или кровь, жизнь или смерть? Копье взлетело в воздух, и толпа ахнула, увидев, что оно взрыло землю у самой мишени.

Его подхватили и снова вернули Распорядителю. Тот сделал шаг ближе, задрал руку и каким-то неловким движением швырнул копье в мишень. Воздух засвистел, трибуны снова ахнули, но теперь в голосах женщин звучало не разочарование, а страх, и я поняла, что копье попало в черную зону. Как и предсказывала Камри, турнир в этом году должен был быть смертельным.

Распорядитель поклонился толпе — его миссия была окончена. Он принес смерть и себе, и еще тысяче молодых претенденток, многие из которых умрут, так и не познав радости материнства. Его подхватили под руки и увели прочь те же рослые женщины, что ранее установили мишени.

Неярь поднял руку, призывая к молчанию. Толпа все еще приходила в себя от увиденного, и потому оно воцарилось не сразу.

— Пять на Трофей! Смертельный турнир открыт! Приглашаем всех на поле! — прокричал он.

С трибун почти посыпались женщины, и меня сразу же оторвала от остальных людская волна. Я едва не врезалась в палатку, попыталась сопротивляться, но это было бесполезно — их были сотни, я была одна. Мужчины высыпали навстречу женщинам, подставляли руки и торсы, смеясь, обмахивались платками, стреляли глазами, улыбались. Меня почти расплющило об одного из ярко раскрашенных мальчиков-юнцов, и только чудом я успела вывернуться из его объятий.

Почему-то предположив, что самое безопасное место — позади шатров, я попыталась туда пробиться. Это оказалось совсем нелегко, в толчее мне пару раз отдавили ногу, а чей-то неосторожный локоть заехал в глаз, но я все-таки выбралась на относительно свободное пространство, где и остановилась, пытаясь отдышаться.

Лидиллы и Патрона Камри не было видно. Мне пришлось бы подождать, пока напор толпы, текущей по полю к палаткам, не ослабеет, поэтому я постаралась свернуть в сторону от основной массы женщин и остановилась у края поля. Как только людской поток схлынет, я пойду искать своих.

— Разберут же всех красивых, — раздался рядом со мной мужской голос, и я увидела рядом с собой раскрашенного зеленым мужчину. — Чего ты ждешь?

— А ты чего здесь стоишь? — спросила я, удивленная и тем, что он один, и тем, что он заговорил со мной без кокетства.

Он показал мне пять платков. Насмешливые синие глаза обшаривали меня с ног до головы, и мне стало не по себе от его взгляда.

— С меня уже хватит, — сказал мужчина, лениво наклоняя голову вперед. — Хотя, — он усмехнулся, и я похолодела от недоброго предчувствия, — знаешь, что...

Я не знала, как это произошло. Только что я стояла на расстоянии пары шагов от мужчины, и тут же он оказался слишком близко. Притянул меня к себе и впился губами в мои губы, а когда я, наконец, сумела пнуть его ногой и высвободиться, прохладный ветер сразу же защекотал мне шею.

— Что ты делаешь! — закричала я. — Отдай!

Мужчина поднял мой шейный платок над головой и засмеялся.

— Кажется, я снова участвую в турнире, — его глаза дразнили меня, а я словно оцепенела, не веря в то, что только что произошло. — Заявка! У меня заявка!

Меня тут же окружили три женщины. Одна из них держала в руке свиток бумаги, вторая резким голосом потребовала мои документы. Машинально я достала из кармана брюк свое удостоверение и протянула ей. Меня занесли в список участников, и наконец, я узнала имя человека, из-за которого, по правилам здешнего мира, я должна была подвергнуть свою жизнь опасности.

— Арксель Перунка, за вас будет биться Донна Илгм.

Мне показалось, лицо мужчины окаменело при звуке этого имени. Он вздрогнул и отвернулся, но тут же снова повернулся ко мне лицом, буквально сверля меня своими синими глазами.

— Но он сам меня поцеловал! — сказала я, яростно глядя на него. — Верни мне шейный платок, ты!

— Ты что же, не знаешь правил? — спросил этот разукрашенный гад, криво ухмыляясь. — Какой-то мужчина сумел тебя поцеловать и даже завладеть твоим платком без разрешения? Да что ты за женщина такая после этого?

Вокруг раздался смех.

— Может, пойдешь и поплачешь в уголке рядом с Распорядителем? — спросил, выступая вперед, красавец Неярь. — Может, ты отказываешься бороться за мужчину, который сам тебя выбрал, и нам следует отрезать ему руки? Может, мы организуем для тебя специальный турнир, чтобы ты могла побороться со стариками до первой слезы?

Людей вокруг нас было уже слишком много. Женщины, мужчины — все они смеялись и указывали на меня пальцами. Я готова была заплакать, и я не собиралась здесь умирать! Неожиданно откуда-то возникла Патрон Камнри, протолкалась через толпу, схватила меня за руку, мгновенно оценивая ситуацию.

— Простите мою дочь, — обратилась она к стоящим вокруг женщинам. Взглянув на Арксея, она вдруг словно подобралась, став похожей на гибкую кошку перед прыжком. — Простите ее, это ее первый турнир, она немного растерялась, правда, Донна?

Ее рука сжала мою так, что хрустнули кости.

— Правда, — выдавила я.

— Моя дочь придет к тебе с визитом завтра днем, — сказала она Аркселю, запнувшись на слове «тебе». Да что с ней творится? — Будем рады познакомиться поближе с остальными претендентками.

— Так, давайте-ка, расходимся, — сразу же стали разгонять зевак окружавшие меня женщины. — Нечего тут смотреть, нечего.

— Хочу, чтобы девушка сражалась завтра, — посмотрев на Неяря, капризно сказал Арксель.

— Невозможно. Только дня через два, — покачал головой тот. — Ты не в том возрасте, братец, да и не позволят мне.

Брат? Ах, ну да, его же тоже зовут Перунка.

— Девушка будет сражаться тогда, когда до нее по жребию дойдет очередь, — вмешалась та женщина, что открывала турнир. — А теперь идите. И научите уже свою дочь хорошим манерам, — сказала она моему Патрону. — Стыдно слушать, честное слово.

Я позволила своей «матери» потащить себя прочь. Едва мы добрались до дома, где нас уже ждали все остальные, Патрон Камнри вызвала меня к себе. Я не успела даже переодеться.

В ее квартирке-номере все было так же, как и в моей. Жестом указав мне на стул в

кухне, Патрон закрыла входную дверь и опустила на стул напротив.

— А теперь давай начистоту, — сказала она. — У тебя есть какие-либо объяснения тому, что в этом мире делает младший сын Владыки?

ГЛАВА 15

Мы уплетали жареные бобы, пили уже знакомый мне напиток и говорили. После бобов предлагалось попробовать грудку местной птицы и пряный хлеб. Готовили Малгмар и Керр, и приготовили они, надо сказать, на славу. Бобы были очень нежными, мясо — сочным, хлеб — пышным и вкусным. Вот только разговор был неприятным, что немного все же портило мне аппетит.

Воспоминания о поцелуе накатывали на меня подобно лавине — неожиданно. Я то бледнела, то краснела, то утыкалась в тарелку, то вдруг начинала переключаться с место на место приборы. Зачем он это сделал? Почему просто не нашел меня в толпе и не попросил о встрече, почему не связался с Патроном Камри иным способом?

Мы сидели в ее комнате, ужинали и говорили. Точнее, говорила она, а я слушала, изредка покрываясь пятнами смущения — когда губы вдруг снова и снова ощущали прикосновение других губ.

— Миламирцы верят в богинь, давших начало всему живому. Согласно их вере мужчины — прямые потомки животных, тогда как женщины сотворены из частей тела богинь, давным-давно разорванных ветром времени на мелкие кусочки. Мужчины почитаемы и любимы, но их надо контролировать, ибо животное — всегда животное, как бы хорошо оно не было цивилизовано. Как думаешь, какое место в их вере заняла бы Червоточина?

Я пожалала плечами. Черт, никак не отвыкну отвечать жестами, хотя прекрасно знаю, что для Патрона Камри пожатие плечами ничего не значит, неуверенность ее вид выражает иначе.

— Не знаю. Трудно представить даже место Червоточины в моей вере, что уж говорить о другой.

— Как ты думаешь, сколько женщин знает о Червоточинах? — Она помолчала. — Ни одной. Все те, с которыми мы пытались говорить на эту тему, были впоследствии уничтожены. Миламир открыт давно, очень давно, и множество открытых с ним одновременно миров уже переведены в другие классы. Но здешние женщины неспособны принять правду. Как бы мы ни пытались, с чего бы ни начинали. Первых наших послов просто убивали — мужчин, женщин — всех. Весть о том, что богини вовсе не творцы мира — смертельное оскорбление для миламирца. Мы готовы были опустить руки и закрыть мир насовсем, объявив его непригодным для прыжков, но несколько лет назад Дэлакон выдвинул предложение, и мы его приняли. Начали с мужчин, а не с женщин.

Она издала смешок, я из солидарности — тоже.

— Лакс был первым, кому удалось вступить в открытый контакт. Неярь Перунка создал для него легенду, сделал его своим братом, вернувшимся из дальней поездки. С разрешения Совета Неярю кое-что изменили — и теперь у него рождаются только мальчики. Мы получили поддержку мужчин планеты — мужчины планеты получили надежду.

— В учебнике этого нет.

— И не будет еще несколько стандартных лет. Вспомни правила перемещения в другие миры.

— Запрет на высокие технологии, — догадалась я.

— Запрет на высокие технологии, — подтвердила она. — Если правило нарушить

однажды, появятся желающие нарушить его снов. Допустить этого нельзя.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — спросила я. — Я же сказала, что не знаю, почему Лакс появился в этом мире и что ему от нас нужно.

И тут я поняла все сама. В соответствии с кодексом мужского поведения Лакс обязан был сегодня появиться на турнире. В соответствии с кодексом мужского поведения он должен был принимать платки и раздавать поцелуи — ведь женщинам предстояло сражаться за него не на жизнь, а на смерть. До окончания турнира мужчины обязаны были появляться на публике, принимать подарки и надевать самые лучшие наряды, встречаться с претендентками и вплетать в волосы кукол. Ночью самых популярных мужчин охраняли, днем перед их домами специально приставленные женщины держали посты. Если Лакс стал тут «братом» Неяря, наверняка ему ни войти, ни выйти из дома до конца турнира.

— Нас пустят к нему только как претендентку и ее мать, — сказала Патрон, словно прочитав мои мысли. — Мы пойдем рано утром, Стилгмар. Тебе советую приготовить какое-нибудь угощение, я позабочусь о подарках. Я боюсь, дело Лакстерна касается тебя напрямую, — добавила она с проницательностью мудрого Патрона. — Иначе бы он не стал так торопить события, настаивая на том, чтобы ты сражалась завтра. Видимо, здесь что-то срочное.

Уже совсем поздно вечером ко мне заглянули Лидилла и Керр. Они бы зашли раньше, но сначала я говорила с Патроном, а потом закрылась и приняла ванну, не отвечая на стук в дверь. Я как раз заправила углями тяжелый чугунный утюг и гладила к завтрашнему дню одну из рубашек. Пистолеты были начищены, обувь отполирована. На столике у окна лежало мое удостоверение, на развороте которого стояла печать турнира и имя Аркселя Перунки. Увидев его, Керр переменялся в лице. Он подскочил к столику, схватил удостоверение и, словно не веря, вчитался в имя.

— Так это правда, Стил? Но зачем? Ты что, вдруг научилась держать оружие? Что за Арксель Перунка? Почему ты решила участвовать в Турнире? Ты лишилась... — Он осекся, увидев выражение моего лица.

— Ты нас очень напугала, — сказала Лидилла. — Ты что, собираешься участвовать в турнире, Стилгмар? Но это же опасно!

— Да знаю я! — не выдержала я, отставляя в сторону утюг и поворачиваясь к ним. — И не собираюсь я ни в чем участвовать, так просто... получилось.

Керр потряс перед моим носом удостоверением.

— Получилось, Стил? Получилось? — Он, казалось, с трудом сдерживался. — Когда нечаянно наступишь кому-то на ногу — это получилось. Когда уронишь на кого-то стакан молока — это получилось, Стил. Зачем ты ввязываешься в такие авантюры? Тебе нравится быть в центре внимания?

— Да причем тут центр внимания? — Я не понимала, почему он так злится.

— Притом, что у нас вторая практика, и ты второй раз встречаешь в какие-то неприятности, — сказал Керр, швыряя бумагу на стол. В глазах его полыхала ярость. — Тебе так понравилось торчать на заседаниях Совета? Мне нет, знаешь ли. Мне и одного раза хватило.

На языке вертелись резкие слова, но я не позволила себе сделать глупость и рассказать Лидилле и Керру о том, что «какой-то» Арксель — это сын Мастера правления. Патрон Камнри просила молчать до выяснения обстоятельств. Сжав зубы, я промолчала.

— Вы пришли воззвать к моей совести? — вместо этого спросила я. — Прошу все

вопросы задать своему Патрону, Керр. Поверь, твоей репутации мой поступок не повредит. И твоей тоже, Лидилла.

— Я вовсе не имела в этого в виду... — заговорила Лидилла. — Но, Стилгмар, я не собираюсь покидать Школу, как ты. Я хочу учиться, доучиться и работать по специальности. Для меня очень важна каждая практика, важен каждый мир. Я тебя понимаю. Тебе нечего терять...

— Да причем тут это, — вмешался Керр, расхаживая по комнате туда-сюда. — Стил, если тебя убьют на турнире, тебя придется воскрешать. Если тебя придется воскрешать, придется Мастеру правления дергать архангелов. К слову, эти ребята не подчиняются Владыке, они просто делают добрые дела, потому что такова их природа, но дело здесь даже не в этом. Лидди, ты же знаешь, что за время сейчас в Белом мире.

Лидилла закусила губу.

— Скоро полнолуние.

— Именно. Мы прибываем в Белый мир как раз в полнолуние.

— И что? — спросила я.

— В полнолуние все ангелы заняты оборотнями, Стил. Это давняя история, я тебе ее как-нибудь расскажу, но сейчас знай только, что если где-то будет умирать оборотень, а здесь и сейчас станет плохо человеку, как ты думаешь, кого они будут спасать? Им плевать на людей, когда страдают их любимые домашние животные.

— Керр! — возмутилась Лидилла.

— Ну, что Керр? Короче говоря, Стил, если ты тут помрешь, я не даю гарантии, что тебя оживят. Ты вернешься в свой мир... — Он замолчал так резко, что, казалось, даже дышать перестал. — Это твоя идея, да? Ты хочешь так вернуться в свой мир?

Он покачал головой.

— А ты хитрее, чем я думал.

Я догладила рубашку, пока утюг не остыл, и повесила ее на спинку стула под взглядами Керра и Лидиллы. Потом повернулась к ним.

— Слушайте, ребята, я вам даю честное слово, что делаю это не потому, что мне все равно и не потому, что я собираюсь так вернуться в свой мир. Обещаю завтра вам все рассказать. А теперь — спокойной ночи.

Лидилла подошла ко мне и заглянула в глаза. На лице ее читалась тревога.

— Я... я верю тебе, Стилгмар, — сказала она, изучая мое лицо. — Надеюсь только, в этот раз не получится так же, как с миром дайт.

— Я обещаю тебе, — сказала я твердо.

— Стил, ты не врешь? — Керр приблизился и заглянул мне в глаза. — Я не хочу терять свою потенциальную восьмую жену из-за какой-то глупости.

Я даже не улыбнулась его шутке, но внутри стало легче.

— Обещаю и тебе тоже.

На следующее утро, едва первое из солнц этого мира поднялось над горизонтом, мы с Патроном Камнри отправились в дом Неяря Перунки. Я встала еще затемно, чтобы приготовить угощение — специальное сладкое блюдо, которое я должна была преподнести Лаксу в качестве демонстрации своей любви.

Я долго думала, как приготовить земные кексы из неземных продуктов, но ничего не придумала — слишком все было тут другое, и по вкусу, и по консистенции. Патрон Камнри достала откуда-то местную поваренную книгу, и вдвоем с ней мы соорудили десерт — что-

то, похожее по виду на большой комок слизи с украшениями из мертвых червей. На вкус это, по заверениям Патрона, напоминало беломирскую карамель, но пробовать я не рискнула, предоставив право дегустации своему «любимому».

Уложив лакомство и подарки, я подпоясалась тем же кушаком, что был на мне вчера — его я должна была сама повязать Лаксу на пояс в знак того, что готова отдать за него жизнь. Вот и готова к сватовству. Боже, думала ли я когда-нибудь... Нет. Точно не думала. О таком — точно нет.

Я шагала за Патроном Камнри и чувствовала, как с каждым шагом все сильнее дрожат от волнения колени.

Роскошный четырехэтажный особняк, в котором проживали братья Перунка, был темен и казался пустым. Кованая ограда предостерегающе оцетинилась острыми железными прутьями. В свете утреннего солнца она казалась почти черной. Патрон Камнри уверенно отыскала калитку и, открыв ее, ступила на ведущую к дому дорожку. И только тут я увидела стоящих у самых дверей женщин с копьями. Похоже, автор учебника по культурологии Миламира не шутил, когда писал о вооруженной до зубов охране мужчин в период турнира. Это после семидесятидневного кровопролития им позволялось свободно гулять по городу, обниматься с чужими женщинами и навещать своих детей от прошлых союзов. Массовая истерия турнира была не просто опасна для мужчин — обезумевшая толпа женщин часто сносила все на своем пути в попытке добраться до чужого Трофея. Дети, рожденные не в срок — то есть, зачатые в течение семидесяти «чистых» дней турнира, считались незаконными, однако это не мешало им в будущем становиться гражданами страны и обретать соответствующие права и обязанности. Другое дело, что отцы таких детей не считали себя обязанными заботиться о них — но... это действительно другое дело.

Когда мы подошли к двери, нас сопровождали уже шестеро. Копья нацелились в спину мне и моему Патрону безмолвно и внушительно.

— Я — претендентка, — провозгласила я, показывая свое удостоверение с печатью. — Мне назначено.

Стоящая у двери высокая красивая женщина аккуратно поднесла удостоверение к лицу, достала из кармана образец печати и неторопливо сверила оттиски. Патрон Камнри подала свое удостоверение для проверки другой женщине, еще две аккуратно и методично перерыли содержимое корзинки с едой и подарком

— Арксель Перунка ждет тебя, — сказала мне высокая женщина, возвращая удостоверение. Хмурое и настороженное выражение на ее лице сохранилось. — Второй этаж, там его апартаменты. Прошу вести себя согласно кодексу турнира.

— Я прослежу за этим, — сказала Патрон. — Уверю вас, мы приличные женщины. Все будет по правилам.

Женщина хлопала меня по плечу и отступила в сторону, открывая проход.

За дверью начинался узкий, освещенный газовыми фонарями коридор с дверями по обе стороны. Я остановилась в нерешительности, но Камнри мягко подтолкнула меня вперед.

— Давай же, спеши к любимому.

Я стрельнула в нее взглядом через плечо, но промолчала, опасаясь, что нас могут подслушивать. Любимый, надо же. Я пошла впереди, периодически чувствуя, как вспыхивают щеки от нехоты навалившихся воспоминаний о поцелуе. Для Лакса он не значил ничего, как я теперь понимала. Но что он значил для меня? Несмотря на то, что я всю ночь себя убеждала в том, что и для меня это касание губ — просто еще одно интересное

приключение в чужом мире — что-то внутри отказывалось принимать такое объяснение. Более того, посреди ночи, уже засыпая, я вдруг открыла глаза, ощущая, как дико бьется в груди сердце. Мысль, которая заставила меня покрыться холодным потом, была проста.

Это не был наш первый поцелуй. Лакс уже целовал меня, и целовал не где-нибудь, а в Снежном мире, о котором он даже не хочет теперь вспоминать. Как он там сказал: «Врагом ты мне не была, но и другом я тебя не называл». Мы были вместе в том мире? Мы были влюблены друг в друга, были парой?

Голова шла кругом от таких мыслей, но я чувствовала, что я на верном пути. Зря он это сделал вчера, очень зря. Пробудив во мне воспоминания, Лакс заставил меня посмотреть по-другому на все свои слова и поступки. Ненависть, уверенность в том, что я его предала, отказ говорить о прошлом. Он не просто ненавидел меня, он ненавидел то, что вынужден помнить о нашей близости, тогда как я так легко о ней забыла.

Но я не забыла о ней. Я помнила ощущение его губ на своих губах, помнила, как эти губы произносили мое имя — теперь помнила. Черт возьми, я должна заставить его поговорить со мной об этом. Он должен рассказать мне о том, что было в Снежном мире. Ради того, что было между нами в прошлом.

Ради того, что уже не вернуть, ведь он женится на Силенке, а я через несколько десятков дней возвращаюсь домой...

Мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж и словно оказались в другом доме. Широкий светлый холл, открытые двери и залитые солнцем комнаты. Повсюду в горшках и кадучках стояли растения, на окнах цвели диковинные цветы, в клетках, развешанных вдоль стен, залиvisto чирикали птицы. Мне показалось, я попала в какой-то цветочный магазин. От ароматов даже закружилась голова. Посмотрев на Патрона, я увидела, что и она изумлена увиденным.

— Л... Арксель! — позвала я.

Он выглянул откуда-то справа, помахал рукой.

— О, вы уже пришли. Проходите сюда, я жду вас.

На лице Арксея сегодня не было раскраски, и сердце мое дрогнуло, заметив неуловимое сходство здешнего обличья и настоящей внешности сына Владыки. Если бы он не был вчера загримирован, я бы его точно узнала. Он-то, как понимаю, меня узнал сразу.

Мы остановились на пороге комнаты, которая, по-видимому, была гостиной. В центре стоял чайный столик на гнутых ножках, вокруг были разложены подушки. В углу, на громоздкой угольной плите фыркало здешнее подобие чайника. Кажется, Лакс нас и вправду ждал.

— Усаживайтесь на подушки.

Я уже направилась было к центру комнаты, но остановилась. Что делать с корзинкой?

— Э-э... Арксель, — я протянула ему корзинку, чувствуя, как пылают краской уши. — Это вроде как тебе.

Его насмешливый взгляд остановился на завернутой в полотенце стряпне.

— Десерт выглядит так, как я думаю?

— Именно, — сказала я, и, не удержавшись, улыбнулась.

Лакс тоже. Впервые я видела, как он улыбается, искренне и свободно.

Неужели он оттаял? Неужели больше не ненавидит меня?

Глупые мысли лезли в голову, и все никак не желали остановиться. Господи, он на меня плохо действует. Всего один поцелуй, и я превратилась в размазню.

— Давайте сюда. Кушак не забудь.

Я поспешно стащила с себя кушак и подала ему. Лакс перевязался им с почти комичной серьезностью. Я отвернулась от него и вслед за Патроном Камри подошла к подушкам. Выбрав безопасное место в отдалении, я уселась, скрестив по-турецки ноги и не отрывая взгляда от узоров на столешнице. Лакс принес и поставил перед нами глиняные кружки с крепким терпким напитком, называемым аркнуб — от местного «арк», глаз. Если напиток оставить в чашке чуть дольше, он отстоится, кусочки трав осядут на дно, и заглянувшему в кружку покажется, что он заглядывает в чей-то глаз — вот полированная черная поверхность зрачка, вот темная радужная оболочка, а вот травинки-реснички по кругу.

— Я продержу вас недолго, — сказал Лакс, и я, подняв от кружки взгляд, вдруг поняла, что обращается он к Патрону Камри, а не к нам обоим. — Столько, сколько требуется по этикету, не больше.

Что? Я заморгала от удивления. Мне послышалось?

— Как я объясню все ученикам? — спросила Патрон Камри, как обычно, верно и быстро оценив ситуацию.

— Ее вызвали в мир Дайтерри. Ворота туда закрываются быстрее, чем мы думали. Если в течение ближайшего времени мы не вернемся туда, они захлопнутся. Это то, что я говорю вам. Ученикам сообщите минимум, к вашему возвращению у нас будет официальная версия.

— Погодите, — сказала я, чувствуя, как волосы встают дыбом от сказанного Лаксом. Все происходило слишком быстро. Только что мы готовились пить горький чай, и вот уже я узнаю, что отправляюсь в другой мир, да еще не когда-нибудь, а уже сегодня. — Но я не могу возвратиться в Дайтерри, мне запретил ангел...

Он повернулся ко мне и пристально поглядел мне в глаза. Взгляд этот был холоднее льда.

— Стилгмар, если ты думаешь, что я шел сюда только чтобы услышать эти слова, ты ошибаешься. В тот же день, как вы прыгнули в Миламир, нам пришло известие об ангеле Фейрандайре. Вопрос с твоим обещанием решен, хоть и не так, как того хотелось бы.

От недоброго предчувствия у меня заledenело сердце. Яркость солнечного утра померкла, даже аркнуб не казался уже терпким. Патрон Камри, казалось, была ошарашена известием не меньше меня. Она отставила чашку в сторону и смотрела на Лакса, на лице ее читался неприкрытый страх.

— Фей разрешил мне вернуться в Дайтерри? — спросила я, задрожав в ожидании ответа.

Лакс сжал губы. На лице его видна была борьба.

— Не совсем так. Дело касается кое-чего, о чем тебе пока знать не стоит.

Они с Патроном Камри обменялись многозначительными взглядами.

— Сожалею, что мне приходится сообщать такие известия, но, боюсь, что все так, как мы и предполагали.

— В курсе только старшие Патроны или все? — спросила она, очевидно, понимая, что он имел в виду.

— Все. Мы отзываем все группы из всех миров. На всякий случай, просто чтобы не было... — он запнулся. — Жертв.

— Лакс, что с Феем? — спросила я.

— Я не хочу говорить об этом прямо здесь и прямо сейчас.

— Ты уже сказал много, — сказала я, пытаюсь заглянуть в его глаза. — Скажи мне. Это

ведь важно, не так ли?

Он отвел взгляд, сделал глоток аркнуба, снова посмотрел на меня.

— Ну, хорошо. Ангелы принесли нам известие о Фейрандайре. Тебе еще предстоит многое о них узнать, Стилгмар, но кое-что я скажу тебе прямо сейчас. Ангелы и архангелы чувствуют друг друга в любом месте любого мира. Чувствуют не мысли и эмоции друг друга, просто присутствие. Так вот Фейрандайре и несколько других ангелов с этих «радаров» исчезли. Просто испарились, как будто их больше нет ни в одном из миров. Как будто они умерли.

— Но ангелы же не умирают, — сказала я.

— Умирают, — сказала Патрон Камнри. — Если обрезать им крылья, они умирают. Становятся смертными, как мы.

Я вспомнила сон, в котором Фей спрашивал меня, что я здесь делаю, вспомнила сломанные крылья и грязно-белые перья, валяющиеся на истоптанном тысячей ног полу. Что-то с ними случилось. Что-то, о чем я могла бы узнать из снов.

Что-то, что может убить его, меня и целые миры вокруг.

Я смотрела в темно-карий глаз аркнуба и чувствовала, как Вселенная сжимается вокруг меня. Неужели мои кошмары стали чем-то большим, чем просто воспоминания о прошлом? Неужели Фей, мой ангел-спаситель, на самом деле попал в беду?

— Этого не может быть.

— Стилгмар, я бы рад согласиться с тобой, но обстоятельства таковы. Силенка сказала мне, что ты знаешь о Снежном мире, так что я говорю с тобой начистоту. — Лакс посмотрел на Патрона Камнри, и она кивнула. — Думаю, уже пора.

— Меня освободили от обещания, потому что ангел... умер?

Мне тяжело далось это слово, но именно так, по всей видимости, в Белом мире и считали.

— Да, — сказал Лакс. — Я был бы рад, если бы ангелы умели ошибаться. Но они не могут. Если бы была хоть какая-то надежда...

— Но он может быть там, где они его не почувствуют. Неужели они чувствуют прямо все-все миры? — настаивала я, наверное, слишком горячо, ибо взгляд Лакса вдруг наполнился подозрением, да и Патрон Камнри снова подобралась, как в тот раз на турнире.

— Ты что-то знаешь об этом? Стилгмар, если тебе хоть что-то известно...

Рассказать или не рассказать?

— Нет, — мотнула я головой, опуская взгляд. — Я просто... предположила.

Да и что я могла на самом деле сказать? Что видела сон? Что проснулась с отпечатками кандалов на руках и ногах? Что почему-то верю в то, что Фей жив и попал в беду? Они бы посчитали меня комедианткой, и оказались бы правыми.

Патрон Камнри покинула нас, допив аркнуб и обсудив с Лаксом какие-то свои, сугубо профессиональные вопросы, в которые я, погрузившись в раздумья, и не вникала. Меня больше интересовало предстоящее путешествие в мир Дайтерри.

В голове всплыл и недавний визит Силенки, и ее слова о том, что мне по возвращении надо будет обязательно увидеться с ней насчет Снежного мира. Чем я могла помочь? Как мои воспоминания и кошмары могли предотвратить случившееся?

Я чувствовала, что события в Дайтерри и Снежном мире взаимосвязаны, но моих обрывочных знаний об этих мирах не хватало для того, чтобы составить картинку. А рассказывать мне, что да как, кажется, никто не собирался. Лакс уж точно, иначе бы после

возвращения он не вернулся бы к прерванному чаепитию.

— Как ты нашел меня? — спросила я. — Был один шанс на миллион, что я окажусь возле твоей палатки. И что с остальными претендентками? Если ты пропадешь завтра, поднимется шум. Ты ведь вроде как брат несравненного Перунки.

Он поднял глаза от кружки и внимательно посмотрел на меня.

— Столько вопросов, Стилгмар. И ни одного по делу. Силенка хорошо о тебе отзывалась, но, видимо, на этот раз ощущения ее обманули.

Я вспыхнула. А я-то думала, все издевки в прошлом.

— Ты так и будешь оскорблять меня, Лакс? — Я со стуком поставила кружку на столик и поднялась. — Может, уже хватит? Я же сказала тебе, что не помню того, что было. Или ты решил выдать мне двойную дозу ненависти на дорожку? Я задала вопрос. Он меня интересует. Если не хочешь отвечать, так и скажи. Без издевок. Без сарказма.

— Не хочу.

Он улыбнулся краем губ и тоже поднялся. Я сжала губы, готовясь к еще одной порции издевок или гневной отповеди, но его слова меня удивили.

— Ты права, Стилгмар.

Этого я меньше всего ожидала услышать. Я даже приоткрыла рот от неожиданности. Лакс же отвернулся от меня и подошел к окну, напряженно, собранно, словно пытаюсь заставить себя принять какое-то важное решение.

— Ты права, извини, я веду себя как идиот, — сказал он, глядя на залитую солнцем улицу перед домом. Я заметила, как его пальцы впились в узкий край подоконника, и отвела глаза, чувствуя себя так, будто увидела что-то очень личное. — Это все из-за Снежного мира, о котором ты не помнишь, все верно. Мне тоже надо забыть об этом и сделать вид, что ничего и не было.

— Лакс, ты должен мне рассказать, — тихо сказала я.

Он обернулся ко мне, и я отшатнулась. Глаза Лакса, синие в здешнем его обличье, светились. Он шагнул вперед, и я неосознанно попятилась, испуганная светом его глаз.

— Я могу тебе рассказать. Ты предала нас, ты обрекла на смерть сотню людей. Ты сделала так, чтобы тебя посчитали мертвой, но ты не учла, что кое-кто из раненых может выжить и рассказать о тебе. — Он говорил совершенно спокойно, но каждая фраза била меня как кнутом, заставляя делать шаг назад. Еще шаг. И так до тех пор, пока я не уперлась в стену возле двери. — Я веду себя, как идиот, позволяя эмоциям брать над собой верх. Но пока я каждый день живу с осознанием твоего предательства, ты спокойно спишь, спокойно ешь и заводишь друзей.

Пару мгновений он находился совсем близко. Мое сердце колотилось где-то в горле, и я почти ждала, что он сделает еще движение и... Но Лакс отступил, развернулся и отошел прочь.

— Я обещаю тебе держать свои эмоции под контролем. По крайней мере, пока ты здесь. Но я помню, Стилгмар. И ты помни о том, что я помню.

— Жди меня здесь, — приказал Лакс, выходя из комнаты. — На улице стоят претендентки. Мне придется их принять. Не выходи отсюда ни под каким предлогом.

Он закрыл за собой двери и оставил меня одну. Только после этого я позволила себе поднять руку и вытереть скатившуюся по щеке слезу.

ГЛАВА 16

Я заварила себе еще аркнуба и уселась с ним на небольшой диванчик у стены. Просто

необходимо было успокоиться и прийти в себя после слов, брошенных Лаксом мне в лицо.

Предательство, смерть, ненависть — все это мне уже было знакомо. Я постаралась вернуться в тот день в больнице и воскресить в памяти интонации его голоса, так отчетливо дрогнувшего в тот момент, когда я спросила, а уверен ли он в своих словах. В тот момент мне казалось, я слышу в нем сомнение, но сейчас, оглядываясь назад, я уже не была так уверена в том, что оно там действительно было. Я не хотела мириться с тем, что произошло в Снежном мире. Даже если там и вправду было предательство. Я не могла такого совершить, это ошибка.

Только смогу ли я с этой ошибкой жить, вернувшись в свой мир?

Смогу ли я засыпать и просыпаться каждый день с мыслью о том, что, возможно, стала причиной чьей-то смерти? Таблетки, конечно, помогут мне обойтись без кошмаров...

Я застыла. Таблетки! Ведь я оставила флакон с лекарством в резиденции! Таблетки остались в моей комнате, на тумбочке возле кровати. Кто-то из Патронов обязательно зайдет ко мне — просто, чтобы проверить, что все в целости и сохранности. Что они сделают, если найдут флакон? Что мне теперь делать?

Я на цыпочках подкралась к двери, прижала к ней ухо. В коридоре слышны были голоса девушек, кто-то заливисто смеялся, кто-то серьезно задавал вопросы. Похоже, Лакс развлекается вовсю. Мысли в моей голове лихорадочно заметались.

Если я лишусь таблеток, уже этой ночью меня настигнет очередной кошмар из серии «все хотят тебя убить, предательница!». Ощущение ледяной воды в желудке я помнила очень хорошо, и освежать память новым утоплением мне не хотелось. Выдержу ли я эту ночь? А может, утону по-настоящему, захлебнувшись водой из сна?

Я отошла от двери и уселась на диванчик, сжимая на коленях руки. Надеюсь, Лакс еще недолго будет играть роль радушного хозяина, иначе я просто сойду с ума от мыслей. И все же придется подумать, ибо вернуться в Белый мир за лекарством я смогу не сегодня и точно не завтра. Сколько мы пробудем в Дайтерри? День, два?

Господи, но ведь резиденция всего в паре кварталов пути отсюда! Мне понадобится всего полчаса, чтобы добраться туда и обратно. Я просто возьму таблетки и приду.

Правда, это «просто» немного портили правила посещения женихов претендентками, о которых я все же еще не успела позабыть. Один визит в день знакомства и один — в день битвы за Трофей, чтобы жених не привязывался к той, которая, возможно, не доживет до конца турнира. В годы смертельных турниров правила обычно соблюдались очень жестко, и я была уверена, что, если выйду, то обратно точно не вернусь.

Но ведь нам с Лаксом не обязательно встречаться в его доме. Мы можем увидеться у Ворот, тем более, от резиденции до них вообще рукой подать.

Я устала на дверь, кусая губы. Давай же, Лакс, хватит охаживать местных красавиц. Все равно на турнире биться за тебя никому из них не придется. Интересно, правда, как объяснит Неярь Перунка внезапное исчезновение своего «брата»? Хотя наверняка он все продумал и просчитал заранее.

Я подошла к окну и стала рассматривать идущих по улице женщин. Уже к вечеру в стране их станет на несколько десятков меньше. Во время турниров до первой крови в день ухитрялись проводить до пятидесяти боев. Смертельные бои длились дольше, но тоже собирали свой кровавый урожай. За семь десятков дней турнира погибало в разные годы от тысячи до трех тысяч женщин. Их рабочие места тут же отдавались другим — чего-чего, а неустроенной рабочей силы в стране было с избытком. В течение следующего года

счастливые жены беременели и рожали детей. Матерям мальчиков везло — они получали после родов постоянные рабочие места и сохраняли их за собой почти до конца жизни. Тем же, кто произвел на свет девочек, приходилось до начала следующего турнира перебиваться временными заработками. Мужчины не имели права работать, так что в их обязанности вменялось сидеть с кучей детей своей нынешней жены от предыдущих союзов и лелеять мечты о новом турнире.

— Тебя видно с улицы, претендентка.

Я подпрыгнула, услышав голос красавчика Неяря позади себя. Обернувшись, я увидела его: стоит, прижавшись спиной к дверям, и улыбается так, что, казалось, скулы сводит. Он вошел так бесшумно, что напугал меня.

— Ты ведь тоже из другого мира, правда? — спросил он, быстро приблизившись и разглядывая меня любопытными глазами. Куколки в волосах танцевали при каждом движении головы. — Я сразу это понял, сразу, как только увидел.

Я настороженно следила за его перемещениями.

— Что тебе нужно?

Он отскочил от меня, широко улыбаясь. С этой же улыбкой он объявлял днем раньше о том, что турнир будет смертельным.

— Да ничего, мне просто интересно. Так ты из мира Арксея... Донна?

Я словно впервые услышала свое здешнее имя. Донна... а почему Донна? Почему не переделанное «Стилгмар»? Почему Патрон Камри назвала меня именем, слишком напоминающим то имя, которым в Снежном мире меня называл Лакс?

Одна, говорил он. «Ты помнишь меня, Одна?»

Нет, как-то неправильно звучит. Не Одна меня там звали, совершенно точно. Буквы были те, но звучало это не так, звучало это как-то вроде...

Одн-на.

Я, должно быть, издала какой-то звук, ибо Неярь посмотрел на меня с выражением лица, которое во всех обитаемых мирах, как видно, означало одно и то же. «Ну и странная же ты».

— А? Что, прости? — Из головы и в самом деле вылетел его вопрос. — Ты что-то спросил?

— Я спросил, не из мира ли ты Арксея, Донна?

— Да. То есть, нет. — Я смутилась под его взглядом. — Я из другого мира, но не из мира... Арксея.

Он ждал продолжения, но я замолчала. Что «брату» Лакса здесь было нужно? Подтверждение того, что кроме Лакса в Миламире есть и другие пришельцы? Или он просто зашел поболтать из чистого любопытства? Я так не думала, по крайней мере, взгляд его был уж слишком испытующим. Неярь смотрел на меня так, будто оценивал. Мне стало неприятно, и я тряхнула головой, не желая больше быть объектом разглядывания.

— Ну, да, вижу. Ты ведешь себя не так, как вела себя та, другая.

Другая? Я прикусила язык, чтобы не спросить. Наверняка речь о Силенке. Кого еще Лакс мог сюда приводить? Я с горечью огляделась вокруг, понимая, что могла бы и раньше обратить на это внимание. Цветы, подушки на полу, светлые шторы, птицы — в убранстве апартаментов чувствовалась женская рука, и это, конечно же, была Силенка. Лакс приводил ее сюда, может, даже эти апартаменты были их любовным гнездышком. Неудивительно, что младший сын Владыки так много времени проводил вдали от дома — у него в каждом мире

был дом. Укромный уголок, где он и Силенка могли отдохнуть от остальных и побыть вдвоем.

— Нет, ты точно другая, — засмеялся Неярь. — Странная какая-то. Но мне нравишься.

Скажи, в тебя тоже вделали эту металлическую штуку вроде маячка?

Я машинально коснулась рукой шеи, и он это заметил и ухмыльнулся.

— Я бы тоже хотел иметь такую. Разрешишь посмотреть?

Он сделал шаг ко мне, но я резко отступила, едва удержавшись от того, чтобы заслониться рукой. Он остановился и с недоумением посмотрел на меня.

— Не разрешу, — сказала я.

— Ну, хорошо, я и не настаивал, — сказал Неярь, отворачиваясь от меня и направляясь к плите. Он закинул в нее угля из стоящего рядом ведерка и аккуратно прикрыл поддувало заслонкой, чтобы пламя разгорелось. — Если ты не против, я посижу с тобой. Мне нужно поговорить с Аркселем, а в моей комнате ожидания толпятся претендентки.

Он посмотрел на меня, будто ожидая согласия. Что я могла сказать? Это его дом.

— Как угодно.

Неярь поставил на огонь чайник, я уселась на диванчик и задумалась о своем, теребя ткань рукавов выходной рубашки. В голову лезли всякие глупости вроде смерти от утопления во время одного из кошмаров и букв имени — Одн-на, — которые явно значили больше, чем просто буквы, если и здесь я была названа ими же.

Лакс распахнул двери так неожиданно, что мы вздрогнули, и Неярь едва не уронил чашку горячего аркнуба себе на колени.

— В чем дело? Почему у дверей куча женщин, Ней?

— Ты проводил своих претенденток? — вместо ответа спросил тот.

Лакс широкими шагами пересек комнату и выглянул в окно. Повернувшись к Неярю, он уставился на него, игнорируя меня.

— Ней, я еще раз задаю вопрос. В чем дело? Что за двойное кольцо стражи перед окнами?

Неярь отставил чашку и улыбнулся, не разжимая губ. Мною овладело плохое предчувствие. Ох, не зря этот красавчик так интересовался мною, не зря. Наверняка знает, что происходит, и наверняка в происходящем виноват именно он.

— В целях безопасности самого популярного мужчины Миламира, конечно же, — сказал он. — Арксель... то есть, прости, Лакстерн, ты же не думаешь, что я из-за тебя подставлю под удар свою репутацию?

Лакс развернулся к нему лицом. Глаза его ничего не выражали, но я знала откуда-то, что он взбешен. Он отошел от окна и встал напротив Неяря, невозмутимо отпившего из чашки глоток аркнуба.

— Я думал, мы решили эту проблему.

— Я тоже так думал, но посмотрел на девушку и передумал. — Он протянул руку и погладил меня по плечу.

Я не успела рта открыть, как Лакс подскочил и за руку сдернул меня с дивана. Я едва удержалась на ногах, когда он почти отшвырнул меня себе за спину.

— Если ты хоть пальцем...

— Не-не-не! — Неярь скривился как от лимона. — Ну, что я тебе, баба какая-нибудь? Но, Лакстерн. Послушай. Сегодня ты уходишь, а после турнира у меня появляются проблемы. Где гарантии? Где мои гарантии счастливой безбедной жизни до твоего

возвращения? Я хочу такую же вещь, как у девушки, или завтра она отправится на турнир. Я сдам тебя как миленького, братишка. Ты уж поверь. Мне в этой стране еще жить и стареть, а ты, возможно, и не вернешься никогда.

— Мы говорили о детях мужского пола и большой денежной компенсации, — сказал Лакс. — Оставить тебе что-либо из своего мира я не могу. Пока не могу, и ты знаешь, почему.

— Значит, пока побудете здесь.

— Ты меняешь решения с непостижимой быстротой. — Я думала, он взорвется, но, к моему удивлению, голос Лакса звучал спокойно. — Что именно ты хочешь получить?

— Возможность отслеживать людей на расстоянии. Возможность управлять ими на расстоянии. Не все претендентки красивы и молоды, как мне хотелось бы. Я мог бы призывать тех, кто мне нравится, и заставлять остальных проходить мимо, как сделал ты.

— О чем он говорит?

— Я расскажу тебе, — бросил мне Лакс через плечо. И уже Неярю: — Я рад бы помочь тебе, но это невозможно, Ней. Мы договорились с тобой сразу. Я прихожу за девушкой, мы с ней уходим. Тебе остаются деньги и дети-мальчики до конца жизни.

— Ты скрыл от меня некоторые преимущества сделки, — хмыкнул Ней. — И теперь, когда я о них знаю... Ну, ты же понимаешь, что справиться с целой толпой стражей не сможешь. Выбора-то нет.

Воцарилось молчание. Я не могла видеть лица Лакса — я стояла у него за спиной, но судя по ширящейся ухмылке на лице Неяря, события оборачивались не в нашу пользу.

— Это исключено, — сказал, наконец, Лакс.

— Я так и думал.

Прежде, чем мы сообразили, что происходит, Неярь подскочил к окну и распахнул его. Его высокий визгливый голос разнесся, казалось, по всей улице.

— На помощь, люди! Мой брат и его претендентка хотя скрыться! На помощь!

Я застыла на месте соляным столпом, но Лакс схватил меня за руку и потащил за собой.

— Бежим!

Мы практически вылетели из комнаты, но было поздно — я уже слышала топот ног стражей на лестнице. Лакс остановился всего на мгновение, потом дернул меня в конец коридора, к дальней комнате. Вслед нам донесся легкий беззаботный смех Неяря, который тут же сменился воплем, видимо, адресованным стражам:

— Там! Они там, там!

Мы оказались в комнате. Она была почти пуста, если не считать пары деревянных стульев у окна и шкафа с открытыми дверцами у стены. Лакс закрыл двери, защелкнул замок — но его хватит на пару минут, мы на втором этаже, и бежать некуда. Когда в дверь ударили, я ахнула и отступила к окну. Лакс — за мной, его глаза сканировали помещение.

— Что делать?

— Я сотру им память, — быстро сказал он, не отпуская моей руки и не отрывая взгляда от двери. — Во всяком случае, попробую, ведь они должны взбеситься оттого, что я захлопнул дверь прямо перед их носами.

Как будто подтверждая его слова, из-за двери донесся злобный рев. От следующего удара замок хрустнул, полетели щепки. Казалось, будто в дверь с разбегу ударил буйвол. Господи, сколько же их там собралось?

— Будь готова к тому, что прибор не работает. Не кричи и не выдавай себя, поняла?

Веди себя как миламирка, даже если покажется, что лучше сказать правду.

— Но что с нами будет?

— Не знаю. — Он посмотрел на меня, и едва ли не впервые в его взгляде я увидела страх. — Нас могут отправить на турнир, а могут казнить сразу. Все зависит от милости Главной женщины. Она здесь вершит суд...

Снаружи раздался вопль, в дверь еще раз ударили, и она проломилась. Я ахнула, рефлекторно отступая назад. Лакс освободил свою руку из моей хватки и достал из кармана одежды небольшой приборчик, похожий на земной мобильный телефон. Экран светился неярким желтым светом.

— Когда я скажу, закрой глаза. Если нам удастся сбежать, беги в...

Дверь затрещала под напором нескольких тяжелых тел. Женщинам уже не нужен был стимул, они готовы были сокрушить нас и без дополнительного подстегивания. Двери упали внутрь, взметнулась туча пыли, мы отскочили. Женщины ввалились в комнату, кашляя, размахивая длинными ножами и вращая налитыми кровью глазами, и тогда Лакс навел на них свой приборчик и скомандовал:

— Давай.

Я закрыла глаза. Раздался легкий хлопок, и звуки резко стихли. Лакс снова схватил меня за руку и потащил за собой. Открыв глаза, я увидела, что женщины в дверях застыли на месте, словно кто-то выдернул из розетки шнур от их питания. Мы почти проскочили мимо, но тут одна из стражей, крупная и рослая, резко взмахнув рукой, сбила меня с ног. Я упала на пол, больно ударившись коленями, но Лакс уже тоже остановился, наткнувшись на стену стражей вперед нас. Мы оказались в ловушке. Позади нас раздался голос одной из женщин:

— Ты слишком самонадеян, мужик! — она выплюнула это слово с таким презрением, что даже я залилась краской.

Часть женщин бестолково топталась на месте и, кажется, не понимала, что происходит, но остальные уставили короткие ножи нам в бока и глядели на нас строго и серьезно. Меня и Лакса разлучили, заключив каждого в кольцо. В широком коридоре места хватило для всех.

— Ведите их к Главной, — скомандовала та, что сбила меня с ног. — И смотрите в оба. Мужик опасен.

Она оглядела меня с ног до головы меня осуждающим взглядом.

— Ну, а ты-то. Вчера на турнире вела себя как слюнявое ничтожество, а сейчас и вовсе закон нарушаешь. Тоже мне, женщина.

— Мне жаль, что так вышло, брат, — выдохнул наблюдающий за всем этим с порога комнаты Неяр. Он выглядел испуганным, но в меру, как человек, который вынужден поступить по совести, но боится этого. Он повернулся к стражам. — Она совсем затуманила моему брату мозги. Но это понятно — мне-то богини дали силу быть отцом мужчин, а все его женщины доселе были бесплодны.

Женщины зацокали языками, видимо, сочувствуя своим товаркам. Те, которым Лакс стер память, явно не понимали, где они и что делают, и пытались уйти, толкая остальных. На лицах их была написана просто детская растерянность. Неяр тоже заметил их, и в глазах его блеснул недобрый огонек.

— У него в кармане иноземная поделка, которая может убить. Заберите ее и выбросите, если не хотите потерять память, как эти, — он махнул рукой куда-то в сторону. — Боюсь, эти несчастные потеряют память о сегодняшнем дне навсегда.

Лакса грубо и быстро обыскали. Я заметила, что ножи в некоторых местах вдавились в его тело слишком сильно, и на ткани одежды проступила кровь. Но он не дернулся и не издал ни звука, позволяя женским рукам шарить по своему телу. Прибор был извлечен из кармана и тут же растоптан ногой одной из женщин.

— Ты лишен чести, Неярь, — сказал Лакс, глядя в глаза своему «брату».

— А ты — жизни. Прощай.

Нас потащили вниз, постоянно понукая окриками и тычками. Я чувствовала себя участницей современной театральной постановки или какого-нибудь шпионского боевика. Попытка бегства, попытка шантажа, а теперь что? Плен и казнь? И даже Патрон Камнри уже не вмешается, ибо группа наверняка на пути к Воротам и вот-вот покинет этот мир навсегда. А что может сделать, оставшись одна, Патрон сопровождения?

Мы вышли на улицу, где нас ждали еще стражи. Похоже, Неярь позаботился о своей безопасности, как следует — по крайней мере, двадцать вооруженных женщин находились в саду и у машины за оградой.

— Я что-нибудь придумаю, Стилгмар, — сказал Лакс на гальбэ. — Не падай духом, мы выберемся.

— Еще одно слово на этой тарабарщине, и я тебе кровь пушу! — рявкнула одна из женщин.

Пришлось замолчать. Под взглядами и выкриками уличных прохожих, которые откуда-то уже все знали, нас довели до автомобиля с паровым двигателем, усадили и пристегнули цепью за ноги и за руки к специальным поручням в салоне. Женщины действовали ловко, почти деловито. Кажется, им приходилось это делать далеко не в первый раз.

Зеваки окружили машину, выкрикивая ругательства и скабрёзности в наш адрес. Я опустила голову, пытаясь скрыть пылающие щеки. Лакс же сидел прямо, словно шест проглотил. С рывком машина тронулась и покатила по улице.

— Главная будет в восторге, — сказала одна из усевшихся с нами рядом — для спокойствия — женщин. Всего их в салоне рядом с нами оказалось трое: две по бокам, одна — лицом к нам. — Ты, деточка, уже сегодня побываешь на турнире, поверь мне. Ну, а ты, мужик, скорее всего, будешь отдан сестрам Главной на потеху. Конец великой любви.

Она откинула голову и хрипло расхохоталась.

— Переоденут они тебя в девочку и заставят развлекать гостей. Но ты, милая, — она повернула ко мне голову, — уже этого не увидишь, не переживай.

Я не знала, о чем они говорят. Я ни на кого не претендовала, значит, я не могла за кого-то бороться в этом турнире. Лакса-то дисквалифицировали, если так можно сказать. Что со мной сделают? Мне нужно будет сражаться? Убивать?

Я постаралась не выказать своего страха. Выпятив подбородок, я уставилась прямо перед собой, в лицо женщине, сидящей напротив.

— Ну-ну, смотри, смотри, милая. Вспомнишь меня перед смертью, тебе мелочь — а мне все приятно будет, что тебе радость доставила.

Она засмеялась, обнажив желтые клыки.

— Не провоцируй их, — тихо сказал Лакс.

— Все верно, не провоцируй, — поддержала та, что сидела рядом с ним. — Главная — женщина добрая, но мы ж всегда можем сказать, что вы сопротивлялись и даже кровь нам пустили.

Она чиркнула себя своим же ножом по руке, оставив приличных размеров порез.

Потекла кровь, женщина поймала мой взгляд и снова засмеялась.

— Вот видишь, уже так и есть.

Я опустила голову. Женщины негромко переговаривались, но я и Лакс молчали всю дорогу до высокого дома, в котором находился зал слушаний, или, как его здесь называли, «Трибуна».

Солнце уже поднялось достаточно высоко, и мне захотелось есть и пить, ведь с утра кроме пары кружек аркнуба во рту ничего не было. Но, похоже, придется потерпеть.

Нас выволокли из машины, снова взяли в оцетинившееся ножами кольцо и повели через выложенную камнем площадку ко входу.

ГЛАВА 17

Я стояла, упершись связанными ногами в песок, и смотрела в глаза женщины, которая должна была стать моей убийцей. Я видела, как играют мышцы ее тренированных рук, обтянутых короткими рукавами церемониального костюма, смотрела в сверкающие возбуждением и весельем глаза и думала о том, что не готова распрощаться с жизнью.

Совсем не готова.

Вчера мы говорили с Главной женщиной. Стражи почти волоком затащили нас в просторное помещение, чем-то напомнившее мне земной зал суда. На стенах висели круглые щиты с изображением стоящих на задних лапах животных — то ли слишком длинноногие львы, то ли лани с гривами вокруг морд, не знаю. Длинные ряды скамеек были обращены к пустой трибуне, над которой висел еще один, самый большой щит с гербом государства. Выход по правую сторону от нее охраняли две женщины с исключительно свирепыми лицами.

Нас протащили мимо скамеек и довольно грубо поставили спиной к ним, лицом к большому щиту. Одна из женщин о чем-то быстро пошептала с теми, кто охранял вход, и вернулась к нам.

— Главная придет через мгновение, — сказала она, заложив руки за спину и встав передо мной. — Выпрямитесь! Не смотрите ей в глаза! Отвечайте честно и правдиво на вопросы и давайте полные ответы!

Я опустила голову, чтобы никто не мог прочитать на моем лице испуга. Я помнила о Главной из учебника, и помнила о том, вопросы какого рода она решает. Смерть или жизнь. Вот ее компетенция. Просто и однозначно. Смерть или жизнь, и я практически на сто процентов была уверена в том, что нам с Лаксом уготовано первое.

— Держись, я что-нибудь придумаю, — сказал он снова, и женщина, объяснявшая нам правила поведения, рявкнула на него так, что я вздрогнула:

— Я же запретила тебе говорить!

Я услышала, как она быстро подошла к нему, и не смогла удержаться от быстрого взгляда. Схватив лицо Лакса за подбородок, женщина заставила его посмотреть себе в глаза. Снизу вверх, ибо она была даже выше него, метра два земных ростом.

— Ты что, не слышал меня, мужик? Я сказала тебе еще на улице! Не разговаривать! Не открывать рта! Ясно тебе? Ясно? — загремела она, встряхивая его при каждом слове. — Не заставляй меня затыкать тебе рот!

Лакс ничего не ответил, когда она его отпустила, я же почувствовала, как липкий страх прокрадывается под одежду и заставляет меня ежиться. Со мной никогда в жизни не обращались подобным образом. Никто и никогда не позволял себе разговаривать со мной подобным тоном. Мне захотелось сжаться в комок и заползти под одну из скамеек.

Обхватить колени руками и сидеть так, пока этот сон не растает, и я не проснусь.

Вот только где я должна проснуться?

Женщины ухмылялись, глядя на меня. Должно быть, я выглядела смешно, но справиться с собой и изобразить невозмутимость мне было не под силу. Это в книжках героиня легко смотрит опасности в лицо и бросается язвительными словечками. У меня же словно язык прилип к небу. К счастью, вскоре раздались громкие шаги, и через несколько секунд из двери справа появилась женщина, которая в этой стране вершила людские судьбы.

Звали ее Мерра, и она занимала пост главы государства, проще говоря, была Главной в вопросах политики, суда, финансов и образования, заведовала турнирными делами и решала споры. Практически неограниченная власть, если учитывать, что Главная избиралась из числа женщин, у которых не могло быть детей, и правила до самой глубокой старости, то есть, до тех пор, пока сохраняла ясность ума. Ей не нужно было кормить семью и думать о завтрашнем дне своих отпрысков. Она могла целиком и полностью посвящать себя делам государства, что обычно и делала. Мы могли прийти к ней ночью — ее бы вызвали и ночью, потому что работа такая, а к работе здесь относились очень почтительно.

Мерра была высокая, выше меня, как и все таркитанки — представительницы преобладающий в государстве народности. Ее умные и строгие глаза оглядели нас обоих и замерли на лице Лакса.

— Хм! — сказала она. — Красивый мужчина. Жаль, очень жаль.

Взойдя на трибуну, Главная со скучающим видом раскрыла перед собой лежащую на трибуне книгу, взяла в руку стило и сделала на страницах книги запись об обращении. Как и все работники умственного труда, Мерра в конце года должна была отчитываться за свою работу. Простые работники несли отчеты начальникам. Мерра докладывала о своей работе напрямую любимому народу.

Подняв глаза, она снова посмотрела на Лакса, и на этот раз мне взгляд не понравился. Он стал деловым, и в этой деловитости не было никакого сочувствия.

— Итак, значит, попытка побега. И куда же вы собирались бежать? — Мерра говорила резким хриловатым голосом, и, казалось, выдирает из горла половину слов. — Насколько мне успели доложить, у Аркселся Перунки кроме тебя еще пять претендентов. Как же так вышло? Куда вы собрались податься в дни турнира?

Я молчала.

— За границу, — сказал, наконец, Лакс, но Главная оборвала его взмахом руки.

— Я не у тебя спрашиваю, а у женщины. Куда ты собралась увести нашего мужчину, Донна? Разве ты не знаешь, что бывает с теми, кто нарушает правила турнира?

Я подняла голову и посмотрела на нее. Строки учебника всплыли в голове с необычайной ясностью, и я процитировала их почти наизусть:

— Нарушивший правила турнира объявляется изгоем. Он лишается права на кров, права на заработок и права на честное имя. Лишенный всего, он изгоняется из своего дома на север страны, где до конца жизни добывает себе пропитание охотой и собирательством.

— И жизнь его очень скоро заканчивается, поверь мне, — подвела итог моим словам Мерра. — Я вижу, ты очень хорошо знаешь о наказании. Что же заставило тебя пойти на риск?

Я опустила голову.

— Я не знаю.

— Не знаешь? — В голосе Главной прозвучало изумление, и женщины вокруг меня

тихонько хмыкнули. — Ты не знаешь, зачем нарушила закон государства, в котором проживаешь?

Но я просто не могла сказать «из-за любви». Это была неправда, но даже ради нашего спасения я не могла сказать это слово. Не могла, не могла!

— Ну, мне кажется, здесь все предельно ясно, — сказала Главная, не услышав от меня ответа. — Твой брат, Неярь Перунка, настаивал на правосудии, так что, думаю, у меня нет причин для помилования.

Она выпрямилась и уставилась своими пронзительными глазами прямо в лицо Лакса. Мне казалось, или на губах Мерры мелькнула улыбка? Я покосилась на Лакса, но он, как и подобает мужчине здешнего мира, держался скромно и больше уже не открывал рта.

— Или ты хочешь меня о чем-то попросить? Я всегда готова пойти навстречу интересам меньшинства. В нашей стране права мужчины, как ты знаешь, охраняются так же ревностно, как и права женщины.

— Мне не о чем просить, — сказал он неожиданно мягко. — Ведь ты же не отпустишь нас восвояси.

— Это не обсуждается, — Мерра дернула плечом. — Однако я готова смягчить условия изгнания для девушки, если ты пойдешь мне навстречу.

— Это не обсуждается.

Я увидела, как гнев начинает искажать черты лица Мерры. Зачем он злит ее? Ведь его жизни, как я понимаю, ничего не угрожает? Я видела по взглядам и жестам Главной, что Лакса она изгонять не очень-то и готова. Я ее понимала — в стране, где мало мужчин, будут хвататься за любой шанс. Если бы Лакс сказал, что готов раскаяться, его бы, возможно, опустили после нескольких месяцев исправительных работ где-нибудь на поле. Рабочие руки во время турнира значили очень много. Нужно было уносить трупы, засыпать кровь песком, чистить и полировать оружие, следить за порядком в палатках. Иногда на такую работу брали и мужчин.

Он что, хочет, чтобы его изгнали вместе со мной? Мысль была совершенно глупой. Уж Лаксу бы радоваться, что я окажусь за километры от него.

— Ну, тогда закончим с этим. Убейте их обоих.

Убить? Убить?! Мои мысли разом оборвались.

Меня и Лакса скрутили в два счета. Холодное лезвие ножа уперлось мне в горло так быстро, что я не успела даже вздохнуть. Руки оказались за спиной, ударом под колени меня заставили опуститься на пол. Я попыталась вырваться, но не смогла, я попыталась закричать — и испустила только испуганный полузадушенный стон.

— Пожалуйста, нет!

Закрыв глаза, я ждала удара. Его не было, и я позволила себе разжать веки и посмотреть на стоящую перед нами Мерру. Она в свою очередь смотрела на меня и улыбалась. Я почувствовала, как по лицу текут слезы ненависти и унижения, но ничего не смогла с собой поделать. Она не собиралась нас убивать. Она ждала, что кто-то из нас сдастся, решит умолять, просить, выпрашивать для себя милостыню. Сдалась я.

Лакс так и стоял на коленях прижатым к горлу ножом. Почему он молчит? Почему он был готов позволить этим иномиркам так просто оборвать наши жизни? Он не боится смерти? Он знал, что так и будет?

Мерра дождалась, пока я сморгну с глаз слезы и смогу воспринимать сказанное. Наклонившись ко мне, она буквально вонзила в меня свой взгляд.

— Кажется, тебе хочется о чем-то попросить, Донна?

Взгляд Лакса кричал «молчи!», но я уже кивала и поднималась на ноги, беспрестанно повторяя: «Да, да, я хочу сказать. Пожалуйста. Я... Хочу сказать».

— Ну, я слушаю тебя. Говори же.

Я споткнулась на первом же слове. Набралась смелости, набрала воздуха в грудь и заговорила:

— Вы не должны нас убивать. Мы не беглецы. Мы — посланцы из другого мира.

Если она чего-то ожидала, то не этого. Несколько мгновений Главная смотрела на меня, словно не до конца понимая услышанное, потом развернулась и отошла прочь. Я заметила, что плечи ее трясутся, и поняла, что это — от смеха.

— Зачем ты это сделала? — еле слышно спросил Лакс, и на этот раз ему никто не запретил говорить. — Ведь я же тебя просил.

— Я хотела нас спасти, — сказала я.

— Ты сделала только хуже, — сказал он, отворачиваясь от меня. — Теперь нам не удастся спастись.

Мерра развернулась, на ее лице играла улыбка. Казалось, она несказанно рада такому повороту событий, но видела по ее глазам, что радость эта напускная, и она почти не скрывает раздражения.

— Так ты поддерживаешь позицию своей подруги, Арксель Перунка? Из другого мира, говорите? А выглядите прямо как мы.

Она подала знак женщинам, и нас снова схватили. Улыбка пропала с лица Мерры так быстро, будто ее выключили.

— Доказательства. Мне нужны доказательства, или сейчас вы точно умрете.

Лакс упрямо сжал губы. Слова сорвались с моих губ как по волшебству.

— Я знаю все языки вашего мира.

Она широко ухмыльнулась и приподняла брови почти земным жестом.

— Прямо-таки все? Ты уверена?

— Да, я уверена.

— И когда же ты успела их выучить?

— Я не учила их. В моем теле есть приспособление, которое позволяет понимать любой язык. Я сейчас разговариваю с тобой на моем родном языке, Мерра. Только это приспособление помогает нам с тобой понимать друг друга.

Взгляд ее стал изучающим.

— И где же это приспособление?

— Ну, конечно, ха-ха-ха, — Я ухитрилась выдавить из себя смех. — Я покажу и расскажу все только после того, как у меня будут гарантии.

Главная повернулась к Лаксу.

— Она говорит правду? У нее и правда есть такой прибор?

Он нехотя подтвердил. Мерра вернулась за трибуну и что-то долго писала в своей книге записей. Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, и ждали. Женщины отпустили нас по знаку, и отошли прочь, не спуская с нас глаз.

— Ты сделала глупость, — сказал мне Лакс. — Ты нарушила правила.

— Они бы убили нас.

— Нет. Они бы нас не убили, поверь мне. Мерра слишком умна...

Я бросилана нее взгляд, и увидела, что она внимательно прислушивается к разговору,

который мы ведем.

— Мерра слишком умна, чтобы убить мужчину и женщину, не разобравшись в причинах. Да и ты сама только что процитировала ей учебник. А теперь я не знаю, что будет.

— В ваших интересах доказать мне, что вы говорите правду, — громко сказала Главная, откладывая стило. — И тогда будет то, что должно быть.

Она знаком подозвала одну из женщин. После короткого тихого разговора та вышла за дверь и почти сразу вернулась с парой стражей.

— Одна из них прибыла с южного побережья океана, вторая — родилась в глухой деревушке на востоке, в горах. Заговори с каждой на их родном языке, и я поверю в твои слова, — сказала Мерра.

Я покачала головой. Спыхватилась.

— Это невозможно.

— Хорошо, — сказала Главная спокойно, — убейте их.

— Погодите! — вскричала я, когда стражи метнулись ко мне. — Я не могу заговорить с ними на их родном языке, потому что его не знаю. Но если они заговорят со мной, я смогу им ответить.

Стражи остановились рядом, не спуская с меня глаз. Мерра томительно долго раздумывала, потом царственно махнула рукой.

— Хорошо. Давай. Ленна. Скажи ей что-нибудь.

— Ты умрешь завтра, — заговорила одна из женщин по знаку. — Мне тебя жаль, но завтра ты умрешь.

— Я так не думаю, — сказала я, и в глазах ее полыхнуло удивление. — Но за жалость спасибо.

Мерра повернулась к говорившей, ожидая реакции.

— Она поняла тебя? Она говорила на твоём языке? Отвечай!

— На моем, — сказала женщина. Выглядела она немного напуганной. — Похоже, эта девушка тоже из горной деревни. Она говорит со мной на языке моего народа так, как будто родилась там.

Мерра посмотрела на меня и ухмыльнулась. Кажется, она не была впечатлена моими знаниями.

— Вполне возможно, что это так и есть. Теперь второй опыт. Алли.

— Ты вызываешь во мне отвращение, — сказала та из женщин, что родилась на юге океана. Уж она-то была уверена, что я ее не пойму, это точно. — Ненавижу горцев. Грязные, пыльные, вы только и умеете, что воровать наших мужчин.

— А почему ты уверена, что я родилась в горах? — ответила я на ее же языке. — Я же сказала: я из другого мира.

Теперь Мерра, похоже, начала верить. Женщины начали негромко переговариваться, обсуждая происшедшее, но Главная вдруг рубанула рукой воздух и загремела:

— Тихо!

Воцарилась тишина.

— Скажи мне, Донна, мужчина тоже умеет переводить?

Меня охватило недоброе предчувствие от интонации ее голоса. Я заколебалась.

— Ну, так что? Он умеет?

— Умеет, — сказала я.

Мерра засмеялась и хлопнула себя по лицу раскрытыми ладонями, выражая искреннюю радость. Она отошла к трибуне и снова записала что-то в свою книгу. Потом посмотрела на меня, на Лакса, на женщин.

— Я вынуждена тебя наказать, хоть ты и из другого мира, — сказала она. — Закон есть закон, и ты это должна понимать. Заберите ее.

Глаза Лакса вспыхнули, но женщины предусмотрительно схватили его, когда он попытался двинуться с места.

Мерра продолжала:

— Завтра девушка выйдет на показательное метание копья. Когда ее убьют, тело принесете мне. Мне нужен этот прибор, и я собираюсь его оставить себе. Парня — в мои покои. Красивый мужчина — услада глаз, красивый мужчина-толмач — бесценная находка.

— Я сделаю что-нибудь, — сказал Лакс, когда меня потащили прочь. — Стил, не отчаивайся, я что-нибудь сделаю, я обещаю!

Но мне было не до его обещаний.

Меня швырнули в темную камеру где-то под зданием. Решетка, каменные стены, покрытые какой-то склизкой гадостью, соломенная подстилка под ногами. Женщины особо не церемонились со мной, но и не толкали без нужды — завтра я умру, к чему лишние издевательства? Я же словно окаменела. Не сопротивлялась, не кричала, не плакала. Упав на соломенную подстилку, я услышала за собой скрип задвигаемой двери и, обернувшись, увидела, как уходит прочь источник света — факел, который одна из встретивших нас здесь женщин держала в руках.

— Чуть позже я выведу тебя на прогулку. Ты ела сегодня? — сказала та, что осталась со мной рядом в темноте.

— Нет, — сказала я, усаживаясь на холодный пол. — Я с самого утра не ела. Буду очень признательна, если вы дадите мне немного еды.

— Не ела? Вот и хорошо, а то растолстеешь до завтра. — Женщина захохотала, а я спрятала лицо в ладонях, боясь, что сейчас расплачусь. — Если надо куда — в углу соломы побольше накидано, ты не стесняйся.

— А спать где? — зло спросила я. — На полу?

— На полу, где же еще. Думала, я тебе кровать из покоев Главной притащу? — И она снова захохотала.

Я уселась в углу, прижавшись спиной к холодной стене, и постаралась привести мысли в порядок. Но они металась в голове, как горошины в кипящем супе, и все никак не желали обрести ясность. Обхватив голову руками, я уткнулась лицом в колени и закрыла глаза. Понизу тянуло холодом, но усталость и стресс сделали свое дело, и я даже задремала.

Проснувшись я от голоса Лакса. Открыв глаза, я не сразу поняла, что произошло и где я нахожусь. Холодный воздух забрался под рубашку, и я почувствовала, что просто заледенела.

— Донна, — повторил голос еще раз, и я поняла, что это мне не приснилось.

Глаза немного привыкли к темноте, и я увидела в дверях камеры силуэт. Лакс стоял, прижавшись к решетке и пытаясь отыскать меня в темноте глазами. Неровный отсвет факела заплескал на его лице, и я увидела, что он взволнован.

— Ла... Арксель?

— Да, это я, — сказал он, быстро приблизившись и присев рядом с тем местом, где сидела у стены я. Протянув руку через прутья решетки, он попытался нащупать мою ладонь, но я не позволила — она была холодной и мокрой от слез. Кажется, я плакала во время

своего короткого забытья. — Где ты?

— Я здесь, — сказала я, но с места не сдвинулась. — Как ты попал сюда? Тебя тоже...

— Нет, нет, — перебил он. — Я договорился с Меррой о свидании с тобой. Пообещал ей... кое-какие привилегии, если она позволит мне увидеть тебя перед казнью. Сослался на любовь и все такое.

Хорошо, что было темно. Я бы не вынесла, если бы он увидел сейчас выражение моего лица. Он пошел ради меня на одолжение женщине, которая готова была его убить. Я знала, какого рода одолжение это было — ведь не дура же и заметила взгляд, которым окинула Лакса Мерра еще в зале.

В носу защипало от слез, и я всхлипнула, но тут же закрыла рот рукой, не желая, чтобы он слышал.

— Я надеялся, что нас вместе отправят в изгнание, и тогда у нас была бы возможность дойти на севере до Ворот в Б-ц, — сказал Лакс. — Ты ведь правильно все сказала, наказание для нас — изгнание, а не смерть. Я потому и просил тебя молчать. Мы могли бы быть изгнаны прямо к Воротам.

Я уткнулась лицом в колени, и слезы потекли рекой.

— Я все испортила, — сказала я шепотом. — Я... Я испугалась, и... я подумала, что она нас убьет... Я не послушалась тебя. Как мне теперь выбраться отсюда? Как? О Господи, мне так страшно, завтра я пойду на турнир, а я даже не умею сражаться...

— Стилгмар. Стилгмар, послушай меня. — Он тоже заговорил шепотом, быстро, как будто боялся передумать и не сказать того, что уже говорит. — Я не позволил бы убить тебя. Мы... все будет хорошо, я тебе обещаю. Только верь мне. Я обещаю тебе. Только не отчаивайся.

Он повторил это снова, настойчиво, словно убеждая в этом себя и меня. Но я не верила ему.

Конечно, не позволит. Я умру — и значит, он потеряет возможность потащить меня в Дайтерри, и значит, его милая Силенка лишится возможности использовать меня как подопытного кролика в своих изысканиях по мирам, это значит, что Белый мир потеряет человека, в которого они уже вложили силы и средства, это значит...

Я отшатнулась от него.

— Я поняла тебя, Лакс.

Я сказала это или проскрежетала?

— Мерра ждет тебя, мужик, — спокойной сказала подошедшая к нам женщина с факелом, и, бросив на меня прощальный взгляд, Лакс ушел за ней.

Шаги стихли, я свернулась на подстилке калачиком и, стуча от холода зубами, принялась думать.

Я хотела вернуться домой. Я должна умереть, чтобы вернуться домой.

Но смогу ли я? Справлюсь ли я? Сделаю ли я то, что должна сделать?

Я словно погрузилась в кошмар, из которого не было выхода ни во сне, ни в реальности. Ночь я провела без сна, не смыкая глаз, плясь воспаленным взглядом в темноту, разбавленную топотом маленьких лапок каких-то здешних грызунов и кашлем стоящей у двери стражи.

Мне было больно. Больно оттого, что моя жизнь не принадлежала мне. Больно оттого, что меня хотели спасти — но не потому, что любили меня или жалели, а потому что не выжали из меня все необходимое, не осушили меня до капли, не заставили довести до конца

начатые дела. Судьба Дайтерри зависела от меня. А что такое судьба человека перед судьбой целого мира?

Что такое чувства для того, кто лишен всего, кроме ненависти?

Я смотрела в глаза стоящей передо мной женщины и старалась не отводить взгляда. Зрители на трибунах кричали, требуя крови.

Лучший воин страны отвела руку с копьем за спину и выпустила его прямо в меня. Ее глаза ничего не выражали. Она меня уже не видела. Она видела перед собой только мишень, и мое сердце было ее центром.

Копье пронзило воздух, вонзилось в меня точно в назначенном месте и исторгло из моей груди вопль дикой боли.

А потом я умерла.

ЧАСТЬ 2. Одн-на. ГЛАВА 18

Момент смерти был подобен вспышке черного света перед глазами. Она ослепила меня, лишила разума и надежды, отняла мечты и желание жить. Я хотела закричать, но больше не могла, я захотела схватиться руками за рану, сделавшую меня мертвой, но у меня больше не было рук, не было тела, меня больше не было. Это длилось всего мгновение, за которым последовало ощущение падения — и тишина.

Ее вскоре нарушили звуки: такой узнаваемый шелест ветра в верхушках деревьев, шепот листвы под лапками каких-то мелких зверушек, тихий свист моего собственного сбившегося дыхания.

Я лежала в свежесвыпавшем снегу, лицом вниз. Ушла зимой, вернулась зимой — все, как и обещал Аргента. Хоть в этом он меня не обманул. Щеки кололи холодные мокрые иголки, под пальцами намерзло, но я не сразу заставила себя подняться на ноги. Еще слишком живо было чувство смерти. Еще болело пронзенное метким ударом копья сердце. Я еще была там — в Миламире, где Лакс обещал прийти и спасти меня, но не пришел.

Я уперлась руками в землю и встала сначала на колени, потом на ноги. Куда меня занесло? Вокруг шумел кронами зимний лес, далеко вверху вздымались к небу гордыми вершинами горы. Кажется, я вернулась на лыжную базу. Я оглядела себя, отмечая постройкой оказавшейся на мне при перемещении одежды. Теплый свитер, теплые джинсы — джинсы! — зимние ботинки, куртка. Порывшись в кармане куртки, я наткнулась на пару варежек, которые тут же надела. Одежда была земной. Растения казались земными. Неужели я все-таки вернулась домой?

Вот только куда именно вернулась? Я не помнила на карте базы никаких кроме нее самой опознавательных знаков. Но база находилась под горой, а значит, мне нужно спускаться вниз. Наткнувшись на лыжную тропу, я смогу идти вдоль нее до самого здания. Авось, повезет с внутренним компасом, и он куда-нибудь меня выведет, пока не наступила ночь.

Я определила по высоте солнца, что день еще только начался. Лес тянулся в обе стороны, но в восточном направлении, как мне показалось, он был реже. Я решила пойти туда. Снег под ногами приятно хрустел, ветер путался в верхушках деревьев и почти не мешал идти, лишь изредка забрасывая в лицо пару снежинок с ветвей.

Уже через час я поняла, что, скорее всего, ошиблась с направлением, но возвращаться не стала — слишком далеко уже ушла, да и первая усталость подкрадывалась. Лес тянулся и тянулся, не собираясь заканчиваться, а я уже подумывала о еде и воде. В карманах ничего полезного не нашлось, да и что я могла бы сделать, например, с ножом или линзой? Солнце

светило неярко, а жевать ветки я пока морально была не готова. Я старалась не думать о том, что могла оказаться где-нибудь в ЯНАО или в диких лесах Аляски. Иначе мое путешествие окончится уже с наступлением первой ночи.

К вечеру стало холодать. Я бодрилась, распевала песни и разговаривала сама с собой на всех известных мне языках, но к концу дня, когда солнце начало потихоньку уходить за горизонт, поняла, что устала. Пора было думать о ночлеге, а у меня во рту за весь день не было ни крошки. Те еловые шишки, которые я на всякий случай собрала с деревьев, оказались пустыми, и я только зря тащила их с собой полдня. Наверняка, семена уже вылушили шустрые белки или еще какие-нибудь животные. То, что мне пока ни одно из них не попало в глаза, ничего не значило. Я смотрела каналы о дикой природе и знала, что настоящая жизнь в лесу начинается с приходом ночи.

И до нее оставалось все меньше времени. Я решила озаботиться ночлегом, едой и водой до того, как совсем стемнеет. Выбрав место между двух поваленных деревьев, я определила его в качестве шалаша. Натаскав лапника, накидала его так, чтобы создалась иллюзия крыши над головой. Лапник должен был защитить меня и от ветра, и от снега, если тот пойдет ночью. Выглядела конструкция жалко, но выживать меня никто не учил, так что на лучшее рассчитывать не приходилось. Я устелила пол внутри тем же лапником и присела отдохнуть. Голова кружилась от голода, но больше — от жажды, ведь та пригоршня снега, которую я запихнула в рот пару часов назад, настоящей водой считаться не могла. Я знала, что есть снег — себе дороже, ведь на его согревание организм будет расходовать такое нужное мне тепло. Нужно было растопить снег, но у меня не было ни огня, ни котелка.

Я вспомнила об ужине в резиденции и вздохнула. Те мерзкие жирные водоросли как раз бы подошли. А той гадостью со вкусом затхлой воды я бы их как раз запила. Что имеем — не храним, потеряем — плачем.

Хорошо было сидеть, привалившись к стволу дерева, но ночь наступала, и я заставила себя подняться, чтобы подготовиться к ее приходу.

Внутри шалаша было сухо. Я могла бы развести костер, если бы у меня были трут, огниво и солнце, но я не думала, что мне придется провести в лесу больше нескольких часов, и потому оказалась не готова. Я отыскивала сухих веток и хотела было развести костер, но снег был плотный, а копать яму голыми руками я не могла — они уже болели от холода и отказывались слушаться. Порыскав вокруг, я нашла несколько сухих грибов, но есть их не рискнула, хотя очень хотелось впиться зубами в мякоть. Засунув в рот хвою, я заставила себя ее пожевать. Противно, но все же лучше, чем ничего. Где-то я читала, что хвоя очень питательна, а может, и сама уже придумала, в любом случае, я пыталась приспособиться и не собиралась сдаваться.

Я верила в то, что выживу, ровно до тех пор, пока солнце не скрылось за горизонтом. Когда последние его лучи упали на землю, она преобразилась.

Я уже забралась в шалаш и закрыла выход лапником, но неожиданно задувший ветер пробрался в мое укрытие и залез под куртку так легко, словно укрытия и не было. Резко похолодало. В два счета я промерзла до кончиков пальцев, зубы стали стучать, тело затрясло мелкой дрожью. Я свернулась у дерева, притянув колени к груди. Съежившись в комок, я ругалась вслух и про себя.

Вернулась домой, правда?

Счастлива, да?

Я запросто могу не пережить эту ночь, и тогда все мое путешествие, включая смерть,

будет просто временем, потраченным зря. Может быть, стоило идти дальше. Лыжная тропа и база могли оказаться в какой-нибудь паре сотен метров от моего ночлега, скрытые деревьями и темнотой. Наверняка, я уже почти пришла. Надо только собраться с силами и сделать еще один, финальный рывок.

Я же почти решила выбираться из шалаша и идти дальше, когда услышала снаружи дикий волчий вой. Животное запело сначала на высокой ноте, потом ниже, ниже — и вот, наконец, звук, от которого у меня дыбом встали волосы, разнесся по лесу на многие километры вокруг. Я замерла и затаила дыхание. Что это? Разве волки так воют?

К следующему вою присоединились сразу два или три голоса. Они слились в унисон, переливаясь и затихая, а потом снова становясь громче, до тех пор, пока раскатистым крещендо не прокатились по лесу. Я обхватила голову руками, в животе от страха все оборвалось. Что делать? Что мне теперь делать? Из шалаша лучше не высовываться, по крайней мере, пока. Возможно, животные обойдут меня стороной, особенно, если ветер не поменяется, и не донесет до них мой запах.

Вой раздался еще раз, ближе и дольше, и я поняла, что моя теория не оправдалась. Но почему они идут сюда? Либо я ничего не понимала в направлении ветра, либо ничего не понимала в волках. Одно из двух, а может, и оба сразу — и вот я уже готова была сорваться с места и бежать, куда глядят глаза, несмотря на ветер и холод.

Следующие несколько часов — по крайней мере, мне это время показалось часами — волки бродили вокруг, периодически перекликаясь и рыча. Я не чувствовала себя в безопасности, даже когда вой удалялся. Мне казалось, что животные просто затихли и выжидают, ждут, пока я потеряю осторожность и выйду из укрытия. Но я не могла выйти. К тому моменту, как вой снова стал приближаться, я замерзла так, что едва могла шевелиться. Дыхание не согревало рук, даже когда я зарывалась лицом в ладони. Я засунула обе руки в одну варежку, но с ботинками так, конечно же, сделать не могла. А в них, похоже, холод пробрался основательно. Да и куртка совсем не сохраняла тепла, и под порывами ветра мое тело вскоре выстудило до последней его капли.

Вой раздался совсем рядом. Я услышала, как возле шалаша зашуршало, а потом животное осторожно попыталось расковырять лапник, которым я закрыла выход. Ткнулось в него мордой, недовольно заворчало, встретившись нежной кожей носа с иголками, отступило, снова попробовало. Я увидела, как волчья морда медленно показывается между иголками. Мне показалось, что она размером с дом.

Не выдержав, я пискнула. Волк отскочил назад, как будто испугавшись, но потом снова приблизился. Я поняла, что меня обнаружили, так что скрываться больше было незачем.

— Пошел прочь!

Я прицелилась и со всей силы лягнула замерзшей ногой, но волку по морде не попала. Вместо этого я оттолкнула ветку, закрывающую выход, и весь лапник обвалился на землю, впуская внутрь снег, ветер и холод. Горящие в темноте глаза волка не показались мне приятным дополнением к вышперечисленному. Я завопила и попыталась отползти, правда, сама не понимая, куда, ведь я и так сидела, прижавшись спиной к одному из поваленных деревьев.

Волк щелкнул зубами и отпрыгнул в сторону. За ним я увидела еще пару волков, только поменьше. Она смотрели на меня и не двигались с места, как будто чего-то ждали. Или кого-то?

Я застыла на одном месте, глядя на них вытаращенными от ужаса глазами. Волки не

вели себя так в тех фильмах о них, которые я смотрела. В кино они нападали, рвали, грызли и пожирали трепещущую плоть. Я едва смогла отвести взгляд от горящих желтым глаз того волка, что нашел меня первым. Полная луна на небосклоне казалась одного цвета с этими глазами, но я не сразу поняла, что это значит.

Полнолуние. Желтоглазые волки, стоящие у моего шалаша и глядящие на меня так, словно ждут какого-то знака или слова.

Возможно, это будут мои последние слова, но я должна попытаться.

— Оборотни? — спросила я у того волка, что стоял ближе. — Вы оборотни?

Прошло несколько мгновений, потом он мотнул головой и издал короткий низкий звук. Как по сигналу волки разошлись в стороны, открывая моему взгляду стоящего позади них человека с такими же желтыми «лунными» глазами. Я увидела охотничью шапку, теплую куртку, ружье через плечо. Охотник? Охотник, охотящийся в одной команде с волками? Одним движением он скользнул по снегу к шалашу и наклонился, разглядывая меня с диким любопытством.

— Они не оборотень, — сказал человек, и я увидела, что в глазах его пляшут огни. — Оборотень — я.

У Эрдана — так звали оборотня, оказались при себе санки. Обычно они использовались для перевозки добычи, но на этот раз, к моему счастью, охота не увенчалась успехом, и потому он милостиво предложил их мне. У оборотня оказалась вода и пара кусков сушеного мяса в кармане пахнущей волками куртки.

Я съела мясо и едва не умерла от счастья.

После нескольких глотков воды я снова воскресла.

— Трудно говорить, когда луна, — сказал Эрдан, когда я, ожив и прибодрившись, забросала его вопросами. — Деревня скоро. Довезти.

И вот он уже вез меня по заснеженному лесу в деревню. Санки бежали быстро, я едва успевала уворачиваться от изредка попадающихся на пути низкорастущих веток. Волки трусили рядом, поглядывая на меня своими светящимися глазами и изредка, как будто играючи, щелкая зубами. Я верила, что они не хотят меня цапнуть, но все же старалась смотреть по сторонам. Хищники есть хищники. Кто знает, что у них на уме.

Лес, казалось, никогда не кончится, но неожиданно мы выбрались на пригорок, и я увидела внизу огоньки человеческого жилья. Несколько десятков домов вдоль одной длинной улицы — очень знакомая застройка. Я бы даже сказала, типичная российская деревенька, если бы не была уже на сто процентов уверена в том, что деревенька эта вовсе не российская.

Имя Эрдана, оборотни, разумные волки — да, это совершенно точно не Россия, и даже не мой мир. Мне оставалось пока только гадать, что не так, и почему и куда в очередной раз забросила меня судьба. Мы скатились с пригорка, и Эрдан замедлил ход.

— Скоро придет, — сказал он мне, и я кивнула в знак того, что поняла. — Твоя идти. Моя жена. Ведьма.

Я едва не рассмеялась, но побоялась обидеть его, и потому притворилась, что закашлялась. Конечно. Если бы мой муж привез из леса девушку, я бы тоже не обрадовалась. И к тому же, кто знает, может, он имел в виду самую настоящую ведьму? Я в этих мирах уже ничему не удивлялась.

Мы остановились в начале улицы, и я слезла с санок. Ноги не очень хотели слушаться — несмотря на то, что жажду и голод я кое-как утолила, холод никуда не делся, и ощущала я

себя так, словно промерзла до мозга костей. Потопав и похлопав, я постаралась расшевелить кровообращение. Эрдан терпеливо ждал, хотя я видела, что ожидание это не по нраву. Наверняка ему нужно было возвращаться на охоту и добывать для своей семьи пропитание. Я постаралась его не задерживать.

— Все, я готова. — Пальцев ног я не чувствовала, но до домов уже было рукой подать. Как-нибудь доплетусь. — Идем.

И мы пошли.

Эрдан завел меня в дом где-то на середине улицы. Обычная такая деревянная избушка из русских сказок. Над крышей курился дымок, и мои кости заныли по-настоящему в предчувствии живительного тепла. За дверью оказалась широкая комната с кроватью, столом у окна и парой стульев. У стены — плита, у другой стены — шкаф с книгами и еще один, закрытый. У кровати — ширма. Из-за стола навстречу нам поднялся темноволосый небритый мужчина, и, к счастью, в его глазах не плясала луна.

— Эрдан? Что-то случилось?

Он увидел меня и замолчал. Темные глаза обежали мой силуэт сверху донизу, но это был не взгляд мужчины на женщину, скорее, он оценивал меня, как... профессионал?

— Эрдан нашел меня в лесу, — заговорила я, памятуя о том, что оборотню тяжело подбирать слова. — Он спас меня от смерти. Я не знаю, почему он привел меня именно сюда, но...

— О, так он вас правильно привел, сударыня, я — доктор, а вот — мой дом! — мужчина приветливо улыбнулся и широким жестом обвел помещение. — Проходите.

Я сделала шаг вперед, одновременно отметив, что мой спаситель, пряча глаза от яркого света, пятится к двери. Обернувшись, я только и успела увидеть, как она захлопнулась.

— Эрдану тяжело находиться в помещениях во время охоты. А меня он вообще не любит — я пахну лекарствами, сами понимаете, — пожал мужчина плечами. — Ну, проходите. Я поставлю чайник.

Он вдруг спохватился, и, прыжком преодолев разделяющее нас пространство, схватил и затряс мою руку в рукопожатии.

— Трайн. Рад знакомству. Инфи великий, так вы совсем холодная. Ну-ка, идемте.

Он почти вытряхнул меня из куртки, и, не обращая внимания на протесты, стянул с ног ботинки и носки. Пальцы ног были совсем белыми, и, осмотрев их, Трайн зацокал языком.

— Глубокое обморожение. Сколько вы провели в лесу?

— Почти целый день, — сказала я, щелкая зубами.

— Хорошо, что волки вас нашли... это ведь они? Иногда эти ребята показывают себя настоящими молодцами.

Он нагрел воду на плите, налил ее в деревянный тазик и заставил меня опустить туда ноги. К одной из кроватей была приделана стойка для капельниц. Доктор усадил меня и воткнул в вену иглу, одновременно осмотрев мои руки и лицо на предмет обморожений.

— Я буду вливать в сосуды теплую жидкость. Она согреет тело изнутри, а я пока погрею его снаружи. Вы хотите есть?

Я хотела.

Вскоре меня накормили бульоном с травами, овощным рагу и киселем. Трайн не задавал вопросов, он даже не переспросил, как меня зовут, когда я не назвала ему имени. А я не знала, как назваться в этом мире, чтобы не выдать себя. От тепла клонило в сон, но я боялась спросить, можно ли мне здесь остаться: все-таки мужчина, все-таки, живущий один,

все-таки, деревня. Так и сидела, клюя носом в ожидании и неизвестности. Отгородив меня ширмой, Трайн зашел еще только дважды — убрать тазик, когда убедился, что ноги вернулись к жизни, и снять капельницу.

— Я советую вам раздеться и лечь спать, — сказал он уже из-за ширмы, когда я все-таки робко поинтересовалась, как долго смогу остаться здесь. — Завтра я дам весть о вас в город. Не сомневаюсь, за вами придут. У нас, к сожалению, телеграфа нет, и потому приходится каждый раз бежать туда. Но мои сыновья хорошо ходят на лыжах. Быстро дойдут.

Уверенности в себе мне его слова не добавили. Я вообще не представляла себе, чем займусь завтра и куда мне теперь идти. Я даже не знала, как называется этот мир, и какое место он занимает в классификации миров. Я вообще ничего о своем местонахождении не знала.

— Вряд ли меня кто-то ищет, — сказала я, с удовольствием снимая джинсы и забираясь под теплое одеяло. Господи, как же это было хорошо! — Я не отсюда. Не из этих мест...

— И не из этого мира? — Он вслушался в мое молчание, потом засмеялся. — Я сразу же разгадал, вот видите. Вы не первая, кто приходит к нам оттуда. Да и волки наши иногда ходят в запретные земли. Говорят, там есть места, в которых нет снега, это правда?

— Правда, — сказала я, закрывая глаза. — Только я там очень давно не была.

— Путешествие?

Я поколебалась.

— Наверное, да. Да, можно и так сказать.

— Вы лучше отдохайте, путешественница. Завтра поговорим. Вам надо прийти в себя после встряски...

Дальше я не слышала. Закрыв глаза, я почти упала в пропасть сна, и на этот раз кошмары меня настигли.

Я видела площадь, залитую солнечным светом. Стоял теплый летний день, и вокруг пахло цветами и только что прошедшим дождем. Я видела идущий четким шагом по площади строй солдат, каждый из которых был точной копией своего соседа. Красный верх, белый низ. Ружье наперевес и серьезный взгляд прямо перед собой. Солдаты печатали шаги, и они звонкой дробью отдавались в окружающем нас пространстве.

Я стояла на балконе своего дома и смотрела, как колонна за колонной марширует по площади, и мое сердце наполнялось ощущением реальности происходящего. Я чувствовала теплый металл перил под руками, ощущала, как ветерок колышет мои волосы, вдыхала запах сирени.

— Ты рада тому, что вернулась, дочка?

Повернув голову, я увидела своего отца. Я знала, что это — мой отец, но в моем сне он был еще одной точной копией марширующих по площади солдат, и это меня испугало. Я смотрела на него и видела все тот же серьезный взгляд, все тот же красный верх, все тот же белый низ.

— Я долго тебя ждал, — сказал солдат, и, подняв руку, попытался коснуться меня.

Я отшатнулась.

— Не веришь? Посмотри же, мы все тебя ждали.

Я опустила взгляд ниже, и увидела у себя под ногами кучу игрушечных солдатиков. Все они были на одно лицо, и все они были копиями моего отца и тех солдат, что сейчас замерли, развернувшись к нашему дому лицом. Солдатики были живые, они бегали вокруг меня и что-то выкрикивали писклявыми голосами.

— На месте... стой! — сказал мой отец.

Игрушечные солдатики тут же замерли, уставив на меня свои игрушечные ружья. Я подняла голову и увидела, что он смотрит на меня.

— Видишь? И я, и все мы ждали тебя, дорогая.

Отец улыбнулся мне и тоже поднял ружье.

Когда он выстрелил мне в грудь, я закричала и проснулась.

— Тихо, тихо, — я почувствовала, как рука Трайна легла мне на лоб, и схватилась за нее, как за спасительную соломинку и прижалась к нему, почти не понимая, что делаю. — Тебе приснился кошмар, тебе просто приснился кошмар.

Но он был таким реальным. Настоящим. Я уткнулась Трайну в плечо, но тут же опомнилась и отстранилась, покраснев под внимательным взглядом.

— Я... — Я задыхалась и все не никак могла прийти в себя. Трайн озабоченно всматривался в мое лицо своими темно-серыми глазами, готовый по первому слову прийти на помощь. — Я кричала? Говорила что-нибудь?

— Точно, — кивнул он. — Кричала так, что стены тряслись.

Я уже немного пришла в себя после сна, и поняла, что в доме определенно горит или ночник, или свеча. Тени прятались в углах, но их было мало, и они не пугали меня. Господи, все вернулось. Эти ужасные кошмары вернулись и снова будут мен мучить!

— Я пишу работу, если не возражаешь, — заметив мой метнувшийся за ширму взгляд, пояснил Трайн. — Тебе не мешает свет?

— Нет. — Я сглотнула, отпуская, наконец, его руку. Не могу же я держаться за нее всю ночь. — Спасибо. Спасибо, что разбудили.

— Я просто побоялся, что ты распугаешь всех волков в окрестном лесу, — сверкнул он улыбкой. — Давай-ка, отдыхай. Утро еще не скоро. Я буду здесь всю ночь, и оставлю ночник, когда лягу спать. Если будет совсем страшно — кричи, договорились?

— Договорились.

Я послушно закрыла глаза и поворочалась, пытаюсь улечься поудобнее. Мне что-то мешало, что-то кололо меня в бок. Я поднялась на постели и пошарила рукой под одеялом.

Через пару секунд я уже смотрела на свою ладонь, в которой, серьезно глядя на меня, лежал игрушечный оловянный солдатик.

ГЛАВА 19

К середине ночи у меня поднялась температура. Организм, не привыкший к долгому пребыванию на холоде, решил, что с него хватит. Я сначала крепилась, но потом сдалась и пожаловалась Трайну. Кашель и боль в груди подсказали ему, что у меня началось воспаление легких. Он настоял на том, чтобы я улеглась в постель, поставил мне еще одну капельницу и сделал укол.

— Попробуй поспать, утром станет лучше.

Меня знобило, зубы отбивали во рту барабанную дробь. Свернувшись калачиком под теплыми одеялами, я в одно мгновение замерзала, а в следующее обливалась потом от жары. На Земле я болела редко, и это возникшее в чужом мире ощущение собственной беспомощности перед кучкой крохотных бактерий пугало и доводило до бешенства одновременно.

Я заснула только под утро сном без сновидений и проснулась уже к обеду.

Отработав ночную смену, Трайн ушел отдыхать — вторая половина дома, с отдельным входом, использовалась им в качестве жилья. В дневное время за мной должны были

присматривать две девушки — невестки Трайна, жены его сыновей-оборотней. Они обе по иронии судьбы были акушерками — только одна помогала рождаться человеческим детям, а вторая — детям оборотней. Девушки помогли мне совершить утренний туалет, принесли музыкальный ящик, чтобы развлечь меня музыкой. Они вставили в отверстие небольшой коробки перфорированную ленту, немного покрутили ручку, и по избушке полилась мелодия.

Красивым голосом исполнительница запела о любви к мужчине-оборотню, который однажды ушел на охоту в темный лес и не вернулся. Страдала девушка, страдала скрипка, мелодия заползала под рубашку, которую одолжила мне на время одна из девушек, и щипала за сердце.

Пахнет дом одинокий сосной,
Милый мой.
Ты ушел на охоту весной,
Милый мой.
Скрылся твой силуэт за горой,
Ты ушел, не простившись со мной,
И однажды под маленькой полной луной
Ты забыл дорогу домой.

— В деревне сейчас никого, — сказала мне одна из девушек, когда я спросила ее, сколько в поселке людей. — Пока полнолуние не кончится, притворщики будут охотиться в лесу, а людей здесь кроме нас человек пять-шесть, не больше.

Что-то шевельнулось во мне при слове «притворщики», но я не могла понять, почему.

— А вообще нас здесь около двух сотен, — продолжила она. — В городах притворщики не селятся, там свои законы. Мы же тут живем рука об руку с природой.

Похоже было на то, что рассказывает она об этом не впервые, но я удержалась от расспросов, решив узнать обо всем поподробнее у Трайна. К тому же, голова болела так, будто ее зажали железным обручем. Я не могла нормально думать и нормально оценивать происходящее. Даже о будущем думать не могла, хотя очевидно было, что после выздоровления мне придется уйти и из дома доктора, и, скорее всего, из деревни. Оборотнем я не была, и становиться им точно не хотела, а здесь, похоже, разрешено было жить только им и членам их семей.

К обеду, когда от третьей или четвертой капельницы мне немного полегчало, появились сыновья Трайна — два красивых высоких парня моего возраста. Они, как и обещал мне их отец, намеревались подать в городе весточку о том, что я нашлась. Парни собирались в город на лыжах. Их улыбчивые бородатые лица румянились от мороза, кудри блестели на солнце и даже в ярко-желтых глазах, казалось, отражается снег. Отправив своих жен передохнуть, они вошли в дом, сняли шубы и шапки, и принялись разжигать плиту, чтобы вскипятить на ней воду с приправами.

— Боря, — представился один, когда я заставила себя подняться им навстречу и все-таки выползла из-за ширмы.

— Вася, — сказал другой.

Я уставилась на них широко раскрытыми глазами. Земные имена! Но этого просто не может быть! Я готова была уже закричать: «Я своя, я русская!», и только один вопрос остановил меня на полпути к большой ошибке.

— Это ведь сокращения, правда? — спросила я. — А как звучат полные имена?

— Олвасяр и Борязур, — сказал Вася. — Но нас так даже отец раза два в жизни называл так что вы не смущайтесь.

Плечи мои опустились. Да, глупо было надеяться. Хотя встретила же я Лакса в одном и в другом мире. Я вдруг особенно остро ощутила свою тоску по дому, по родителям, по нашим, родным Васям и Борям. Как же все это было далеко. Как же это все оказалось недостижимо.

— Так кого будем разыскивать? — спросил Вася, усаживаясь за стол. Он приготовил бумагу и ручку, похожую на железное перо. — Вы помните, откуда прибыли и как к нам попали? Отец сказал, вы не даже назвали ему своего имени.

Я уселась напротив — стоять было тяжело, — положила локти на стол и закусила губу. Пока Боря по-хозяйски закидывал дрова в небольшую печку у стены, я раздумывала. Я не могла назваться здесь Ниной, потому что я здесь ей не была. Но и с именем Стилгмар я больше не хотела иметь ничего общего. Белый мир остался в прошлом, и возвращаться туда я не намеревалась. Я вспомнила свои сны и поняла, что знаю, какое имя мне определено судьбой.

— Одн-на, — сказала я. — Меня зовут Одн-на.

Не выказав никакого удивления, Вася записал это на листке. Не поднимая головы, он продолжил:

— Я опишу ваши приметы. Вы попали сюда через запретные земли, правда? Жена Эрдана уже разнесла эту новость по поселку. Из какого мира прибыли, знаете? Цифры звезды, планеты?

Я покачала головой. О цифрах я не знала. Даже в справочнике по мирам, который мы читали в Школе, их не было. Название звезды, количество планет и название самой планеты на языке ее жителей. Закрытых миров было не так много, усложнять особо было нечего.

— Мы используем для определения планет цифры. Просто называем их по номерам. Наша планета, например... — и он назвал без запинки длинную серию цифр. — Ну, хорошо. Запишу, что не помните. Истинное имя?

Я тоже не имела понятия о том, что это такое.

Прислушивающийся к разговору Боря крикнул.

— Не повезло. Ну, да ладно, у нас бывали и более безнадежные. Отец за десять звездокругов уже уйму пришельцев отыскал.

— Звездокруг? — переспросила я.

— Оборот планеты вокруг звезды. Две тысячи сто дней. Еще есть большой и малый лунокруги. У нас две луны, и каждая ходит по кругу вокруг нас. Большая луна ходит по кругу в сто двадцать шесть дней, маленькая — в двадцать девять. Маленькая луна светит притворщикам, под нее подстраивается наш цикл.

Интересно. Боря улыбнулся, при слове «притворщики», и в этой улыбке было мало человеческого. Интересно и страшно. Сижу за столом, болтаю с оборотнями во время полнолуния. Если бы кто-то сказал мне о таком еще пару месяцев назад, я бы посчитала этого человека чокнутым.

Вася заверил, что к вечеру сообщение окажется во всех окрестных городах.

— До мелких деревень информация сразу не дойдет, но вам все равно пока лучше побыть здесь. Отец сказал, вы серьезно замерзли в пути. Мы каждый день бегаем в город после охоты, если что-то разузнаем, обязательно вам расскажем. Будем надеяться.

Они предложили мне выпить с ними горячей воды с приправами, но я отказалась. Меня

мутило, в груди как будто засел колючий еж. Оставшись одна, я улеглась и, спрятавшись за ширмой, заснула. Сны были полны тумана и горячего пепла, и, проснувшись, я о них почти не помнила.

К вечеру мне стало хуже. Температура еще поднялась, губы потрескались, я почти не могла говорить. Трайн сказал, что воспаление захватило второе легкое, а следующие несколько дней мне вообще нельзя подниматься с постели.

— Ты проведешь здесь столько, сколько надо, — сказал он почти со злостью, когда я стала извиняться за то, что причиняю неудобства. — Я доктор, а не случайный прохожий, и советую тебе это запомнить.

Я была ошарашена такой реакцией на свои слова, но спорить не стала. Да и не до того мне было. Следующие несколько дней я провела в состоянии, близком к бреду. Я видела стаи волков, бегущие ко мне, чтобы разорвать на части, видела толпы игрушечных солдатиков, окружающие меня со всех сторон, видела бородатых людей с окровавленными лицами, видела Лакса, протягивающего руку через прутья моей клетки...

Я снова и снова видела себя в тот последний день в Миламире. Я смотрела в глаза женщины, которая должна была убить меня первым ударом копья — просто, чтобы доказать свое мастерство. Я чувствовала, как вонзается в меня железо, как пробивает насквозь мою грудь, как резко и больно прокалывает мое сердце.

И каждый раз, когда кошмар, казалось, уже был готов поглотить меня, я ощущала прикосновение прохладного полотенца ко лбу и слышала твердый мужской голос.

— Успокойся, Одн-на, успокойся. Ты в безопасности, ты среди друзей.

— Трайн, — шептала я, хватая его за руку, хотя с губ просилось другое имя. — Трайн.

— Да, это я. Тебе уже лучше, спи.

И я засыпала, не отпуская его руки.

Я не была единственной пациенткой Трайна. Много раз я видела, как посреди ночи за ширмой вдруг вспыхивает пламя ночника, и слышала, как быстрые взволнованные голоса начинают что-то объяснять. Один из притворщиков нарвался на собственный капкан. Кто-то обварился кипятком из кружки. Ребенку попала в глаз сосновая щепка.

В деревне было двести человек, и Трайн нес ответственность за жизнь каждого из них. Он всегда был собран, бодр и готов ко всему. Настоящий профессионал.

— Ты ведь тоже оборотень... притворщик, правда? — спросила я как-то в один из моментов просветления. — Твои дети сказали, что ты уже десять звездочков встречаешь здесь таких, как я. В моем мире это почти шестьдесят лет, старость. Но ты не выглядишь на шестьдесят.

Он покачал головой — в этом мире этот жест означал то же, что и в моем.

— Ну, конечно, я не оборотень. Я — человек, врачи у нас только люди, иначе в полнолуние вся планета оставалась бы без докторов. А что касается возраста... все зависит от того, как молода твоя душа.

Я приподняла брови, ожидая ответа, но он больше ничего не сказал. Сделав мне укол, он посидел со мной рядом еще немного и ушел писать свою работу. Скрип пера действовал на меня успокаивающе, и я заснула.

Я увидела горящее тело, подвешенное на крюке над огнем, слышала, как смеются вокруг меня какие-то люди, но не могла сдвинуться с места, прикованная к чему-то цепями. Все дни бреда этот сон повторялся с точностью до момента, и каждый раз я просыпалась в поту и с красным от жара лицом.

Трайн задавал вопросы. Я молчала и просто просила его побыть со мной, пока я не засну. Я не боялась его просить. Я знала, что он останется со мной, сколько надо. Откуда-то знала.

Трайн уже потом сказал мне, что я была в беспмятстве шесть дней. За это время полнолуние схлынуло, и деревня наполнилась животными и людьми. Днем я слышала на улице лай собак и ржание лошадей, вечерами — скрип санных полозьев и песни. Женщины и мужчины возвращались в дома, вспоминали о делах и проблемах, наносили визиты.

Были и желающие посмотреть на меня. Пришельцы в деревне объявлялись нечасто, но благодаря жене Эрдана моя история обросла такими подробностями, о которых я и не мечтала. По ее рассказу выходило, что я лежала полумертвая в самом центре запретных земель, и что Эрдану пришлось подвергнуться опасности, чтобы вытащить меня оттуда.

Трайн уговаривал меня не отказываться от угощения, которое приносили гости, но их было слишком много, и каждый желал не только выслушать мою историю, но и поделиться своей. Так я узнала о том, что жена Трайна погибла во время охоты, нарвавшись на медведя в лесу, о том, что у Бори на заднем дворе стоит настоящий механический снегоход, и о том, что мой игрушечный солдатик — самая необычная вещь, которую когда-либо видели в деревне.

В конце концов, я подарила солдатика Васиной жене. Девушки ухаживали за мной во времена моего беспмятства, кормили меня с ложечки и вытирали пот со лба. Если за все это они хотят только солдатика — пусть так и будет. От этого напоминания о ночном кошмаре я избавилась с удовольствием.

Окончательно выздоровев, я поняла, что пора задуматься о будущем. Братья каждый вечер заходили ко мне в гости — узнать, как дела, и поведать новости. Весть обо мне дошла уже до самых дальних уголков Пригорья, но, похоже, никому я здесь не была нужна.

— У нас были такие пришельцы, — сказал Боря, в который раз предлагая мне горячей воды с приправами. — Казалось, совсем дело гиблое, а потом раз — и находятся жены и мужья.

— У меня нет мужа, — сказала я, в который раз отказываясь от угощения. — Не успела завести, путешествуя по мирам.

— После того, как ты выздоровеешь, тебе придется уйти отсюда, — сказал, отпивая воду, Вася. Он почему-то уже считал меня своей подружкой, давал советы, беззастенчиво отвечивал комплименты и замечания по поводу внешности, забирал принесенную сердобольными селянами еду — вся в меня просто не влезала. — Деревенька у нас маленькая, отец — мужчина одинокий. Поползут слухи.

Боря, судя по взгляду, не одобрял фамильярности брата, но согласился с ним.

— Это точно. Деревня маленькая, желающих почесать языком много. Я предлагаю тебе поехать с нами в город завтра и поискать там место. Первое время сможешь пожить у сестры моей жены, она держит галантерейный магазинчик. Может, возьмет тебя к себе. Тебе ведь некуда идти.

Мне действительно было некуда идти. Совершенно очевидно, этот мир — не мой. Я уже умела складывать два и два, так что предполагала и возможность оказаться в Снежном мире — уж слишком казались знакомыми и эти деревья, и эти бородатые люди-оборотни. Я не готова была принимать на веру реальность, внушаемую мне кошмарами, но все сходилось, и с каждым днем этого сходства становилось все больше.

Я сказала братьям, что подумаю, и весь вечер честно провела в раздумьях.

— Трайн, — спросила я, когда он послушал мое дыхание и сделал укол, — скажи мне, только честно, сколько еще времени я могу здесь находиться?

Он опустил руку со шприцем и молча отошел прочь. Вернув шприц на место — в металлическую коробку на столе, уселся на стул и посмотрел на меня. Через комнату я не могла видеть выражение его глаз, но то, что я прочла на лице, мне не понравилось.

— Как только я сочту тебя окончательно здоровой, я не смогу держать тебя здесь, — сказал он.

— И как скоро ты намерен счесть меня здоровой?

Трайн, казалось, задумался.

— Я думаю, дня через три ты уже сможешь уйти.

Это было совсем скоро.

Я кивнула и улеглась обратно в постель. Отгородившись ширмой, я уставилась в потолок и задумалась. Мне, наверное, и в самом деле было лучше поехать в город с братьями, но что я там буду делать? Неужели останусь в этом мире до конца своих дней? Как мне теперь попасть домой?

От вопросов голова шла кругом, и я не сразу поняла, что Трайн разговаривает со мной.

— Прости, что?

— Я говорю, что тебе уже можно выходить из дома. Если хочешь, завтра мы можем съездить в лес, поискать то место, где ты очнулась.

— Думаешь, это поможет? Меня никто здесь не ищет, — сказала я почти грустно. — Да я и не помню, куда в конце концов забрела.

— Пока погода ясная, предлагаю сходить, — настоял он. — Я возьму кого-нибудь из волков Эрдана, и мы пойдем. Если метель занесет следы, найти их станет невозможно. Поверь, Одн-на, я знаю, о чем говорю. Место прыжка есть место прыжка.

Я сказала ему сначала, что попала в этот мир, просто нечаянно упав на лыжной трассе. Но ведь дело было совсем не так. Я не прыгнула через Ворота — я умерла и оказалась здесь. Что в этом случае может для меня измениться? Да ничего. Если Аргента мне не лгал насчет области низкого давления, которая якобы притягивает всех обратно в Белый мир, скоро я вернусь туда. Придется ждать? Я не хотела ждать так долго — год или два по времени Белого мира, чтобы вновь оказаться там, откуда меня и так обещали изгнать. Я хотела вернуться домой, домой, черт возьми!

— Трайн, — позвала я.

— Да.

— Я... солгала тебе насчет своего прыжка, извини.

Он молчал так долго, что я решила было, что он ушел или занят.

— В чем именно?

Я не знаю, почему я решила ему довериться. Возможно, потому что это он держал меня за руку, когда меня рвало от высокой температуры. Возможно, потому что он был рядом, когда мне было плохо — а со мной уже так долго никто не был рядом.

— Трайн, я не пришла в этот мир через запретные земли, или как вы там это называете. Я попала сюда после своей смерти в одном из миров.

Он не успел ничего ответить. Дверь в дом распахнулась так резко, что едва не вылетела с петель. Я подскочила на кровати, услышав голос Васи — он прерывался от волнения.

— Одн-на! — закричал он. — Одн-на, ты спишь?

Я отодвинула ширму. Лицо парня было красным от мороза, глаза горели от

возбуждения. Вася размахивал листком бумаги, на котором что-то было написано.

— Пой, Одн-на, пой! У тебя настоящий праздник!

— Во-первых, прекрати кри... — начал Трайн, но сын оборвал его:

— Отец, — заговорил он возбужденно, — отец. Мы нашли ее! Сейчас из города прибежал волк с вестями.

Боря подал бумагу Трайну, тот почти вырвал ее из его рук. Пробежав ее глазами, он изменился в лице и посмотрел на меня взглядом, в котором ясно читалось разочарование.

— Одн-на, я же говорил, что все будет хорошо, — Вася подскочил ко мне и схватил меня за руки, широко улыбаясь. — Готовься к встрече! Причесывай волосы, умывай лицо! Сюда едет твоя мама!

ГЛАВА 20

Женщина, обнимающая меня за плечи, называла меня своей дочерью. Она склонилась ко мне на грудь свою темноволосую голову и безудержно рыдала, а я гладила ее по спине и говорила, что все будет хорошо. Я не знала, что именно будет хорошо, и не знала, почему я говорю это совершенно незнакомой женщине, но, по крайней мере, я делала правильные вещи.

Трайн оставил нас одних, и теперь в комнате, кроме треска угля в печи, слышались только всхлипы. Нас было трое, и из этих троих только я, похоже, не понимала, что происходит.

— Я рада, что ты решилась подать о себе весть, Одн-на, — сказала женщина, пришедшая с моей матерью. Ее серые глаза смотрели на меня приветливо и ласково. — Мы искали тебя почти лунокруг, и почти потеряли надежду.

— Вы искали меня?

При этих словах плачущая женщина подняла голову и посмотрела мне прямо в лицо.

— Дочка, неужели ты думала, что мы не пытались спасти тебя?

— Спасти?

Я ничего не понимала.

— Одн-на, тебе необходимо как можно быстрее вернуться с нами в деревню и рассказать, все, как было, — сказала сероглазая женщина. — Ты помнишь, кто утащил тебя в запретные земли?

Я мотнула головой.

— Я... мне кажется, вы ошибаетесь. Я... вы ведь знаете, что я прибыла из другого мира, да?

— Знаем, — кивнули они обе.

Моя мать отстранилась и посмотрела мне в глаза взглядом, в котором только слепой не увидел бы любви. Ее губы растянулись в улыбке, когда она протянула руку и нащупала мои пальцы.

— Детка, все из нашей семьи умеют переходить. Ты еще с детского возраста это умела, как и другие. Милая, все хорошо, мы понимаем, что ты можешь ничего не помнить о происшедшем.

Я помолчала. Сероглазая женщина смотрела на меня испытующим взглядом, мама, похоже, ждала каких-то слов.

— Расскажи нам, что ты знаешь, — ободряюще посоветовала мать.

Я вздохнула. Рассказывать было почти нечего.

— Я прибыла из мира, который называется Земля. Я родилась и выросла там, и мои

родители, — я посмотрела на женщину рядом, — извините, но мои родители тоже живут там. Меня зовут Нина, и я не ваша дочь.

К моему удивлению, они обе совершенно спокойно отнеслись к моему признанию. Склонив голову набок, сероглазая женщина сказала:

— Значит, ты не помнишь. Я же говорила тебе, Онелада, если бы мы с тобой не начали следить за вестями, мы бы и не узнали о том, что Одр-на жива. — Она повернулась ко мне. — Меня зовут Ли-ра. Через черту после «и». Это — твоя мать. Онел-ада. Через черту после «л». Тебе это о чем-нибудь говорит? А наша деревня...

Колокольный звон в голове заглушил ее остальные слова. Я услышала имя, которое уже знала, и слова, сказанные так давно — казалось, вечность назад, всплыли в голове так четко, словно их произносили здесь и сейчас. Я словно перенеслась в другое время и другое место, увидела совсем близко бутылочно-зеленые глаза Лакса и услышала его насмешливый голос, задающий мне бессмысленные, как тогда казалось, вопросы.

— Да брось. Неужели ты не помнишь Лиру? Снежный мир? Терна?

— Кого?

— Меня. Меня и себя, Однна.

И другие его слова, которые я должна была вспомнить раньше.

«Только в Снежном мире аниморфов называют Притворщиками — потому что они родом оттуда».

Я схватилась рукой за сердце, понимая, что схожу с ума. Лакс говорил о Ли-ре. Лакс говорил обо мне, называя мое имя, называя это имя. Я посмотрела на сероглазую женщину, сидящую напротив меня, и только сейчас поняла, что по моему лицу текут слезы.

— Ли-ра, — сказала я. — Моя бедная Ли-ра.

Она протянула ко мне руки, и я упала в ее объятия, плача как маленький ребенок.

Я вспомнила ее. Своего лучшего друга, женщину, которая была рядом с моей матерью, когда она произвела меня на свет. Я помнила ее теплые руки, помнила, как она учила меня доить коров, помнила, как еще в начале бесконечной зимы, джящейся в этом мире почти целую человеческую жизнь, мы с ней бегали на лыжах к запретным лесам, где собирали хвою и дрова для печи. Ее мужа и дочь убили в ту же ночь, что и меня. Я видела их в своих кошмарах, видела его тело, объятые пламенем, и тело девочки, окутанное кровавой пеленой. Вся семья Ли-ры погибла в ту ночь. Я знала это. Я это видела.

— Я помню только тебя, Ли-ра, — сказала я, вытирая слезы рукавом рубашки. — Но как такое может быть? Почему я считаю, что мои родители живут на другой планете?

— Это все из-за того, что ты была на краю смерти, — сказала грустно моя мать. — Прости нас, детка. Мы не могли помочь тебе. Не могли.

Она, казалось, совсем не обиделась из-за того, что я ее не помню. Так же ласково улыбалась, так же ласково гладила меня по волосам, пока я плакала.

— Я очень счастлива, что нашла тебя, доченька. Ты вспомнишь все, я в этом уверена. Ли-ра поможет тебе.

В этом я была уверена. Мои обрывочные воспоминания говорили о том, что Ли-ра может все, или почти все. И я знала совершенно точно, что ей под силу воскресить мою память, чтобы я смогла, наконец, разобраться во всей той чертовщине, что творится со мной.

— Ты поедешь с нами, — сказала Ли-ра. — Я хотела бы забрать тебя как можно скорее. В деревне переполох из-за вести о тебе. Все тебя очень ждут.

— Сколько времени прошло с того момента, как я...

— Пропала? Почти маленький лунокруг.

Почти двадцать девять дней? Но этого не могло быть, Лакс говорил о годах, отделяющих мою смерть от моего же появления в Белом мире.

Я уставилась прямо перед собой, медленно осознавая, что происходит. Ли-ра, Терн и Одн-на. Снежный мир. Я — в Снежном мире. Нулевой мир, где теоретически — чисто теоретически — может таиться враг. Но я не чувствовала опасности для себя, по крайней мере, пока. И я не намеревалась считать этих людей врагами, я просто не могла назвать врагом человека, который только что плакал у меня на груди. Они верили мне, они любили меня. Они ждали меня.

— Я поеду с вами, — сказала я. — Вещей у меня нет, но мне хотелось бы попрощаться с Трайном и Эрданом. Они спасли мне жизнь.

— Эрд-ан, — произнесла мать по слогам, чтобы я поняла. — Трайн-ар. Детка, у нас нет простых имен. Ты помнишь, почему мы делим имя на две части?

Я мотнула головой. Они с Ли-рой переглянулись, и моя мама сказала:

— Первая часть — изменяемая. Вторая — нет. Это часть истинного имени, и во всех мирах ты должна хранить ее, чтобы не потерять себя, если заблудишься на пути домой. В любом мире тебя узнают только по истинному имени, дочка.

Одн-на. Дон-На. Ни-На.

Неужели, правда? Выходит, я совсем ничего о себе не знаю? Если мое истинное имя — Одн-на, то в земном имени его часть есть. Но как его узнали на Земле? И почему Патрон Камри назвала меня Донной в Миламире, когда придумывала мне имя, а Аргента ограничился почти прозвищем — Стилгмар, Первая?

— Мы расскажем тебе все о твоей жизни, чтобы ты скорее ее вспомнила, милая, — сказала мама, видя, что я нахожусь в полной растерянности. — Но нам пора. Если мы хотим до темноты вернуться в деревню, нам нужно спешить. Прощайся с друзьями, мы тебя ждем.

Я переоделась в то, что было на мне в самый первый день. Куртка, ботинки, джинсы, варежки. Зимнее небо уже хмурилось, готовясь к ночи, поднимался ветер. У дверей стоял снегоход — громоздкий, с высокой трубой и печкой. Очевидно, он работал на угле.

Я спустилась с крыльца и пошла в сторону домов Эрдана и Трайна.

— Я не буду пока запускать, — крикнула мне вслед Ли-ра. — Только давай побыстрее, время уже к ночи.

Кивнув, я двинулась по пустой улице бегом.

Дом Эрдана — ах, да, Эрд-ана — находился совсем рядом. Я постучала в дверь, но никто не открыл мне, хотя в окнах я видела тени. Ну, что же, я хотя бы попыталась. На половине Трайна — Трайн-ара — горел свет, и, когда я робко стукнула в окно рукой в варежке, он сразу же открыл дверь. Мой наряд ему все сразу сказал. Накинув на плечи куртку, Трайн спустился с крылечка и подошел ко мне: выражение лица серьезное, губы сжаты, и только в глазах затаилась какая-то печаль.

— Уезжаешь и зашла попрощаться? — спросил он. — Я очень рад.

— Спасибо тебе, — сказала я, отчего-то смутившись. — Ты был так добр ко мне.

Глаза Трайна не отрывались от моего лица, он, казалось, что-то искал в моем взгляде, но не находил. Мне стало неловко, и я отвела глаза.

— Я надеюсь, у тебя все будет хорошо. Ты умница, справишься.

Понимая, что он имел в виду кошмары, я кивнула. Мы замолчали. Что еще сказать, я не знала, но как сказать «прощай» человеку, который стал за эти дни моей спасительной

соломинкой, я не знала. Наконец, неуклюже сняв варежку, я протянула руку для рукопожатия.

— Ну, прощай. Вряд ли я когда-то сюда вернусь.

Он осторожно пожал мои пальцы, светлая грусть осветила его лицо. Я почувствовала себя глупо — почему я не обниму человека, имя которого повторяла ночь за ночью в бреду? Почему не скажу ему, что буду скучать, что я привязалась к нему и хотела бы когда-нибудь еще с ним увидеться? Я ждала, что это сделает он, и по глазам я видела, что он этого хотел, но почему-то не сделал.

— Тебе не нужно возвращаться, — сказал Трайн без улыбки. — Наши судьбы связаны, Одн-на, и мы обязательно встретимся. Удачной дороги.

Отняв руку, он поднялся по ступеням и без единого слова затворил за собой дверь.

Вот так прощание. Немного ошарашенная тоном и словами Трайна, я вернулась к своим. Они уже сидели в снегоходе. Это было поистине уродливое сооружение, но лучше он, чем волчья упряжка. Ли-ра открыла топку и закинула в нее угля из металлического ведерка. Снегоход зафыркал и заурчал, потом резко бахнул и завелся, выбросив в небо струю черного дыма.

Мы с мамой уселись на обитое мехом сиденье позади, Ли-ра заняла место у руля. В последний раз бросив взгляд на окна докторского дома, я отвернулась. Прощай, Трайн. Я буду по тебе скучать.

Ли-ра дала газу, и снегоход, взревев, поехал по деревенской улице к окраине. Собаки залаяли нам вслед. Покинув пределы деревеньки, мы поднялись на пригорок и углубились по проторенной лыжами тропе в самую его чашу.

Мы ехали долго. Приходилось подниматься по снежным заносам и опускаться в овраги. Лыжня была ровная, но двигаться быстро снегоход все равно не мог — Ли-ра боялась быстрой езды и осторожничала. Мама держала меня за руку и улыбалась от счастья. Я тоже изредка улыбалась ей.

В груди теснились разные чувства, от грусти до радости. Теперь, когда я поняла, где нахожусь, многое стало на свои места. И слова Ли-ры о смерти, и слова мамы об истинном имени — все начинало обретать смысл. Головоломка хоть чуточку начала складываться, и я все реже и реже задумывалась о том, что у меня не все в порядке с головой.

Ветер бил в лицо, и было не до разговоров. Я опустила голову и смотрела в спину Ли-ре, храбро управляющей нашим хлипким средством передвижения.

Ли-ра, Ли-ра, стучало в голове. Она наверняка знает о Лаксе-Терне. Она наверняка расскажет мне о том, что случилось в ночь, когда меня утопили в озере. Я узнаю, почему мне снятся эти ужасные кошмары и почему Лакс... Лакс, которого я никогда больше не увижу... почему он ненавидит меня.

Я сжала зубы, чтобы справиться с болью, неожиданно пронзившей грудь.

Лакс называл меня предательницей, которая обрекла на смерть людей. Но Ли-ра и моя мать сказали, что я не была ею.

Лакс почти клялся в том, что так и было, говорил, что знает об этом наверняка. Но Ли-ра и моя мать сказали, что я ни в чем не виновата.

Аргента и иже с ним говорили о том, что в Снежном мире живет враг, но пока этот мир встретил меня лучше и обошелся со мной ласковее, чем Белый с его сборищем помешанных на Воротах Патронов и Протеже. Я понимала, что в Школу мне не вернуться, но на мгновение испытала желание встретить кого-то оттуда, чтобы просто заглянуть ему в глаза и

сказать: смотрите, ваш враг — это мой друг. Смотрите, ваш враг остается рядом со мной, когда мне плохо, и не дает меня в обиду.

Мы взобрались на пригорок, за которым открылся вид на деревню, расположившуюся на берегу озера. При виде его у меня потемнело в глазах, и только рука матери мне не позволила провалиться в пучину истерического безумия.

Это было то самое озеро.

Это была та самая деревня.

Мне казалось, что я попала в один из собственных кошмаров. Может быть, я сплю, и все это мне снится? Я ущипнула себя за руку и ойкнула от настоящей боли. Нет, не может быть. Я и в самом деле попала в место из своих снов, а значит, все это — правда.

Получается, я здесь не просто побывала, я здесь родилась и выросла?

В голове жужжал растревоженный улей мыслей. Я — инопланетянка? Но такого просто не могло быть на самом деле. Я четко помнила свое детство на планете Земля. У меня были воспоминания о детском саду, школе, жирной девочке, которую мы гоняли всем классом на переменках, я помнила экзамены в университет и парня по имени Стас, который пытался флиртовать со мной на вступительном экзамене. Я сдавала кровь в день донора и бегала стометровку медленнее всех на курсе. Как это может быть ложью? Как такое количество воспоминаний о мире, в котором я даже не родилась...

Нет. Не верю. Не могу поверить.

Но я же помню Ли-ру. Помню, как зарывалась лицом в ее пышные темные волосы, когда она меня обнимала, помню, как мы с ней ходили в хлев, смотреть на новорожденного теленка...

Мне нужны были ответы, и чем скорее, тем лучше.

Снегоход запыхтел и покатился с пригорка вниз. Эта деревня была больше той, где жил Трайн, и в ней даже были радиальные улицы. С двух сторон деревню окружали горы, с третьей к домам подступала зеркальная гладь озера. Я старалась не смотреть в его сторону — меня пробирала дрожь.

Я увидела, что нас встречают. Из домов на звук снегохода высыпали люди, много людей, тепло и нарядно одетых. Приветствуя их, Ли-ра подняла вверх руку, ей ответили тем же. Люди переговаривались меж собой, но приветственных криков было не слышно. Мы подъехали ближе, и я увидела, почему. На лицах женщин и мужчин, идущих нам навстречу, не было радости и любви. Бородатые лица мужчин выражали настороженность и опаску, прячущиеся за ними женщины скрывали в глубине глаз страх. Эти чувства не относились к Ли-ре или моей матери, они относились ко мне.

Мама сжала мою руку и выпрямилась.

— Ар-ка их настропала, — сказала она сквозь зубы, ее красивое лицо стало серьезным и почти хмурым. — Детка, ты помнишь Ар-ку?

— Нет, — качнула я головой. — А должна?

— Она была твоей лучшей подружкой до того самого дня... — мама запнулась, в глазах ее вспыхнула боль. — Громче всех кричала о твоём предательстве. Сильнее всех возненавидела тебя после того, как...

Снегоход остановился перед группой людей, заполонивших улицу. Дальше пути не было. Дорога упиралась в ноги высокого бородатого мужчины, чье лицо даже близко не показалось мне знакомым. Он выступил вперед, глядя прямо на меня и взмахнул рукой, приказывая гомону позади затихнуть.

— Ты привезла ее, Ли-ра, — сказал он, когда наступила тишина. — Ты привезла дочь Онел-ады, Одн-ну, которая была брошена нами в ледяные воды озера Атт после справедливого суда.

Ли-ра заглушила мотор, но со снегохода не слезла. В голосе ее звучал вызов.

— Ты знаешь, что суд был несправедлив к моей названной дочери, Клиф. Ты знаешь, что твоя жена, оправившись от ран, рассказала, что на самом деле произошло в ту ночь. Ты знаешь, что твой сын настоял на том, чтобы ее бросили в озеро живьем, именно потому что он тоже не верил в ее преступление. Да, я привезла ее домой.

— Я все это знаю, Ли-ра.

— И мы все знаем, что Одн-на умерла! — выкрикнула из-за спины Клифа девушка в подбитом мехом плаще. Голос ее звучал визгливо и зло, как у шавки, выскочившей из подворотни, чтобы обляять проезжающую машину. Она выступила вперед, ее красивое лицо было искажено негодованием. — Откуда она взялась в запретных лесах? Где она была все это время? По-моему, это настоящее колдовство!

Позади нее снова загомонили. Похоже, все отсталые цивилизации похожи одна на одну — верят в колдовство и готовы свалить на него все, что угодно.

— То, что твой жених ушел к моей дочери — это не колдовство, Ар-ка, — заговорила с гневом в голосе моя мать. Позади девушки раздались смешки. — Это счастливый для него случай. А вот то, что ты вдруг стала называть самозванкой ту, которую недавно так горько оплакивала — быть может, это, действительно, происки тьмы. Клиф, почему ты позволяешь девчонке говорить от твоего имени, тебе что, зашили рот?

— Да замолчи уже, Ар-ка! — крикнул тот, словно опомнившись. Борода Клифа затрепетала на ветру, глаза налились кровью. — Так. Значит, слушайте. Одн-на была одной из нас и умерла одной из нас. Моя жена не будет врать, ее слово — закон и вера. Одн-на — не предательница отныне. Попытки она перенесла стойко, так что позора на ней никакого. Я так сказал. Проезжайте. Расступитесь!

— Я не верю в это, не верю! — закричала Ар-ка, но все уже расступались, открывая путь, и голос ее потонул в гуле приветственных возгласов.

— Рада тебя видеть, Одн-на!

— Рад возвращению!

— Я не сомневался в тебе!

— Заходи на чай, Одн-на! — и все в таком духе.

Ли-ра надавила на газ, и снегоход, снова взревев, тронулся с места. Жители провожали нас взглядами, и только Ар-ка все кидалась обвинениями нам вслед. Я не понимала, почему ее не заставят замолчать, но, похоже, на это были свои, не известные мне причины. Мы проехали по главной улице и свернули на одну из радиальных. Почти у самого края деревни, на улице, упирающейся в крутой склон горы, стоял дом — обычная бревенчатая избушка, вроде тех, что я видела в деревне Трайна. К нему Ли-ра и подвезла нас.

— Приехали.

Я и мать слезли со снегохода. Ли-ра заглушила мотор — в реве двигателя разговаривать было очень тяжело. Глаза ее улыбались, когда она смотрела на меня сквозь синий полумрак наступающей ночи.

— Я найду завтра. Уже вечер, мне нужно разобраться с делами. Я надеюсь, ты хорошо выспишься, Одн-на. Завтра я подумаю над тем, как вернуть тебе память.

Она протянула руку, и я обняла ее.

— Все будет хорошо. Верь мне, слышишь? — прошептала она мне на ухо.

Отстранившись, я затрясла головой. Я верила Ли-ре.

— До завтра, Ли-ра, — сказала моя мать, и она, кивнув, помчалась с ревом и дымом обратно.

Мы с мамой поднялись по лесенке к двери. Дом приветливо мерцал лампадками у окон. Мама отперла замок, отворила дверь и пригласила меня в дом.

— Добро пожаловать, детка!

Я ступила через порог, отряхивая с обуви снег. Пока мама зажигала лампы, я сняла ботинки и заперла дверь. Внутри было... привычно. Я прошлась по комнатам, отмечая про себя, что все это выглядит очень знакомым. В передней стояли печь, стол и кухонный шкаф. В задней комнате находились две кровати, платяной шкаф и стол с уже знакомым мне музыкальным ящиком.

— Хочешь есть? — спросила мама из передней. — Я разогрею суп, пока ты осваиваешься.

— Да, хочу, — откликнулась я.

— Сними эту одежду и переоденься. Ее нужно постирать.

Стянув с себя куртку, я повесила ее на крючок и прошла в комнату. Платяной шкаф выглядел внушительно, и я даже не сразу решилась его открыть. А открыв, ахнула. Шерстяные юбки, брюки и свитера, теплые гамаши и водолазки, джинсы и рубашки из плотной ткани — чего тут только не было. Я вытащила пару брюк и сразу же убрала их назад, увидев, что они серого цвета.

Ненавижу серый. Теперь ненавижу.

К счастью, серого было совсем мало. Я надела бордовый джемпер с короткими рукавами и джинсы. Все сидело как влитое. Похоже, я не успела похудеть или поправиться за время своего отсутствия. Взяв пару чистых носков — естественно, теплых, я уселась на кровать и стала их надевать. У кровати стоял стул, на который можно было складывать одежду.

— Идем, детка! — позвала мама из передней, и я подпрыгнула от неожиданности.

— Да, иду.

Я направилась к столу, на котором уже дымились тарелки с горячим супом, но вдруг громкий стук в дверь едва не довел нас с мамой до инфаркта.

— Инфи Великий, — ахнула мама, выглядывая в подернутое темно-синей тканью ночи окно. — Кого это там принесло, на ночь глядя?

Сердце мое екнуло, когда я услышала голос, звавший меня по имени.

ГЛАВА 21

Да, это был он. В облаке пара, ворвавшегося в дверь с улицы, передо мной появился человек, которого я знала как Лакса, младшего сына Владыки Марканта. Да, безусловно, он выглядел здесь иначе, но эта бутылочная зелень глаз, эти тонкие, словно вырезанные на пластилиновой маске черты лица, остались прежними. Мне показалось, что он в этом мире немного старше, но, возможно, только показалось. У меня затряслись руки и ноги, и пришлось сесть на табуретку, чтобы скрыть эту дрожь.

Мать была удивлена приходу Лакса не меньше меня, но, как я сразу же узнала, по другой причине.

— Терн! — сказала она, — я и не знала, что ты уже вернулся. Прости, я бы обязательно тебя известила о том, что Одн-на нашлась.

Он в два шага преодолел разделяющее нас пространство, и, наклонившись, заключил меня в объятия. Я словно окаменела в его руках, а Лакс обнимал меня так долго, как только мог, и все повторял:

— Прости меня, прости, прости.

Я увидела, как моя мать смахивает слезы с глаз, я услышала, как сбилось в груди Лакса доселе ровное сердцебиение, но я не чувствовала ничего и не верила в его извинения. За что он просит прощения? За то, что оставил меня умирать на турнире чужого мира? Или за то, что утверждал, что я предала его и всю его деревню и «обрекла на смерть» людей?

Я аккуратно высвободилась из его объятий и отстранилась, упершись рукой в его грудь.

— Я не вспомнила, что произошло, — сказала я, глядя Лаксу в глаза. — Я не помню своей жизни и смерти в этом мире. И тебя я тоже не помню.

Я опустила руку и отошла. Меня ждал горячий суп, и я не намеревалась в этом мире играть по правилам Лакса. Я теперь не студентка, я никому ничем не обязана. И со своими «прости» он может катиться к черту. Мне не нужны его извинения. Я бы вообще хотела забыть о том, что случилось. В обоих мирах. И в Снежном. И в Белом.

Я хотела вернуться домой и забыть обо всем.

Я села за стол и взяла в руки ложку, но вдруг заметила, что рука снова дрожит. Подняв глаза, я увидела, что и Онел-ада, и Лакс за мной наблюдают.

— В чем дело?

Но они стояли молча и не двигались. Застыли, как статуи в музее восковых фигур — молчаливые, холодные, но такие похожие на живых людей. Я вдруг ощутила жуткий холод, и поняла, что стою босыми ногами на краю проруби, а вокруг меня воет ветер. Руки мои были связаны, ноги — скованы цепью, уходящей концом к огромному камню, лежащему на краю проруби.

Нет. Я же не сплю. Я не сплю!

Кухня и дом исчезли. Остались только я, моя мать и Лакс. Он приблизился, его зеленые глаза горели огнем в ночном мраке.

— Ты убила мою дочь, дрянь! — выкрикнул он. — Ты убила мою дочь и меня! Как моя жена останется без нас, как Ли-ра без нас останется?

Он схватил камень и подошел к проруби, не отрывая от меня взгляда. Я силилась сдвинуться с места, но ноги примерзли ко льду и отказывались повиноваться.

— Мама! — закричала я. — Мама!

Лакс швырнул камень, и он упал в воду. Меня дернуло за ноги со страшной силой, я упала, ударившись лицом об лед и расквасив нос. Цепь поволокла меня в воду. Я не успела больше закричать — оказалась с головой в ледяной проруби. Холодная вода обожгла кожу, забила в легкие и сковала судорогой ноги.

— Будь проклята во веки веков! — закричала моя мать откуда-то сверху, и, подняв голову, я увидела сквозь ледяную толщу ее искаженное злобой красивое лицо. — Одн-на! Одн-на!

— Одн-на!

Я открыла глаза, и поняла, что лежу на кровати, а Онел-ада с испуганным лицом трясет меня за плечо. Во взгляде ее плескалась тревога.

— Детка, что случилось? Деточка моя, ты чего, ты чего?

Я повернулась на бок, и меня вырвало ледяной водой прямо на пол. Боже мой, все вернулось! Я вскочила и, зажимая рот рукой, побежала на улицу. Мама понеслась следом. Я

выскочила на крыльцо прямо в носках, и, отбежав от дома на пару шагов, исторгла из себя еще порцию холодной воды. В пищевод как будто засунули сосульку. Было страшно больно и холодно, по лицу потоком потекли слезы.

Онел-ада подбежала ко мне, попыталась сунуть мои ноги в ботинки, пока я вытирала с лица слезы и воду.

— Одн-на, надень, надень, пожалуйста, я тебя прошу.

Я отмахнулась от нее рукой, когда меня снова затошнило. Это было ужасно. Я чувствовала себя так, словно меня вывернули наизнанку, а потом побрызгали ледяной водой, чтобы привести нервы в боевую готовность. Я ощущала прикосновения Онел-ады как уколы иголок. Она все пыталась приобнять меня, и я, не выдержав, крикнула:

— Да перестань ты меня трогать!

— Детка, прости...

Но меня уже несло. Боль, страх, одиночество, неизвестность — все смешалось в кучу и влилось в истерический припадок.

— Я не твоя детка! Уясни это себе, я не твоя! — закричала я ей в лицо. — Моя мама живет на планете Земля, и ее зовут Тамара! Моего отца зовут Иван! А меня зовут Нина, Нина, а не какая-то Одн-на!

Я закрыла лицо руками и зарыдала, опустившись на колени прямо в ледяной снег. Это чужой мир! Это чужие мне люди! Что я здесь делаю, почему я здесь?! Как я могу представить, что ничего не произошло и просто жить дальше? Как я могу забыть о своем детстве, о своем доме, о своих родителях, которые, возможно, уже сбились с ног, разыскивая меня!

— Оставь меня в покое, — сказала я, когда Онел-ада попыталась снова робко меня коснуться. — Ты не моя мать, уходи.

— Одн-на, — сказала она, и в ее голосе тоже были слезы. — Одн-на, не говори так, я прошу тебя, не говори. Ты моя доченька, ты моя девочка, я же тебя люблю...

— Я не помню тебя, извини, — сказала я, не желая смотреть на нее. — Дай мне побыть одной. Я не уйду, обещаю, но мне надо побыть одной.

— Хотя бы оденься, — начала она, но я развернулась к ней и закричала:

— Да оставь уже меня в покое!

Я закрыла лицо руками и не убирала их до тех пор, пока не услышала, как за плачущей Онел-адой захлопнулась дверь.

Мне было все равно, страдает она или нет. Я пыталась. Я честно пыталась прижиться здесь, но не могу. Да и как я могла? Кошмары вернулись, и вместе с ними вернулся страх, вернулась боль. Я не могла быть порождением этого мира, и мне не нужны были воспоминания, чтобы это понять. Но мне нужна была память. Память о том, что случилось со мной в те несколько дней, когда меня обвинили в предательстве и попытались утопить на озере Атт.

Я вспомнила, как однажды чуть не утонула в этом озере. Мы с Ли-рой пошли купаться, и я, еще совсем голопузая девчонка, полезла искать камыши у обрывистого берега. Нога соскользнула с камней, и я упала в глубокую воду, не успев даже сказать «ах». Нахлебавшись воды и вдоволь набарахтавшись, я, наконец, выбралась на берег, где меня ждала трясущаяся от страха Ли-ра. Плавать я с тех пор так и не научилась, а воды боялась, как огня.

Я вспомнила, как папа научил меня плавать. Неподалеку от пригорода, в котором мы жили, протекала река, и однажды, когда мне уже исполнилось тринадцать, отец решил, что

пора мне научиться плавать. Я не сразу сообразила, как держаться на воде, но когда освоила эту науку, могла не вылезать из реки часами. Родители всегда отпускали меня на реку без опасений.

Воспоминания и об одном, и о другом происшествии были ясны и чисты. Я могла рассказать, как была одета Ли-ра в тот день, и показать место, где отец впервые отпустил меня в «самостоятельное» плавание. Так что же из этого правда, а что — ложь? Я задержала дыхание, а потом несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы мысли прояснились. А что, если оба комплекта воспоминаний — мои? Могла ли я расти одновременно и в том, и в другом мире, периодически перескакивая из одного в другой, но не зная об этом? Прожить какое-то время здесь, а потом вернуться на Землю, не потеряв ни секунды времени?

Могли ли такое быть? Могла ли я быть такой?

Я набрала в ладони снега и задумчиво отправила его в рот. Пальцы уже леденели, носки превратились в сосульки. Все-таки ночь — не самое подходящее время для прогулок по воспоминаниям. Но мысль уже засела в моей голове, и не желала оттуда выбираться.

Мне нужно было поговорить с Ли-рой. Она точно все объяснит, она многое знает.

Я поднялась с колен, отряхнулась и вернулась в дом. Онел-ада тихо сидела за столом у окна, и я поняла, что все это время она мной наблюдала. Раздражение охватило меня, но тут же прошло, когда я увидела на ее лице следы рыданий. Я обидела ее. Несмотря на то, что я не помнила о ней, она считала меня своей дочерью. Я поступила некрасиво.

Подойдя ближе, я сжала за спиной мокрые руки.

— Прости. Прости, я... я не знаю, что на меня нашло. Я сорвалась.

Она кивнула, стараясь не встречаться со мной глазами.

— Я понимаю. Ты не помнишь меня, я это уже поняла. Просто, доченька, если бы ты знала, как я счастлива оттого, что ты вернулась...

— Я замерзла, — сказала я быстро, видя, что Онел-ада снова готова разразиться рыданиями. — Пойду переоденусь.

— Я поменяла тебе постель, — сказала она мне вслед. — Ложись. Еще вся ночь впереди.

Послушавшись ее совета, я переоделась в сухое и улеглась на чистую постель. На самом деле. Впереди вся ночь, а завтра я узнаю у Ли-ры, что со мной не так, и как это исправить.

Наутро поднялась метель. О прогулках можно было забыть, и я приготовилась провести весь день со своей-чужой молчаливой после вчерашнего матерью, когда в дом постучали. Это была Ли-ра. С нее буквально кучами слетал снег, лицо от ветра и холода было красное, и, раздевшись, она сразу же присела к печке, греться. Онел-ада поставила на огонь чайник и заварила неременной воды с приправами всем троим. Мы уселись за стол и стали угощать Лиру вареньем и хлебом, попутно расспрашивая о делах. Конечно, от нее не ускользнуло то, что мы с Онел-адой ведем себя совсем не так, как вчера. Сегодня мать пыталась держаться более отстраненно, даже отчужденно. Я же, мучимая чувством вины за ночную истерику, не отставала от нее. Никогда не умела извиняться, и на этот раз не сумела придумать ничего лучше.

Ли-ра пила воду с приправами и говорила о погоде и деревенских сплетнях. К ней уже с утра наведалься жена Клифа, та самая, которая подтвердила мою невиновность. Она уже почти оправилась от ранения, полученного при нападении, но все еще ходила к Ли-ре за обезболивающими травками. Забрав лекарственный отвар для больной ноги, мать Терна расспросила обо мне. Ли-ра сказала, что до момента, как ко мне вернется память, мне стоит

держаться особняком и ни с кем особенно не разговаривать. Несмотря на то, что у Клифа и его жены в деревне железный авторитет, есть кое-кто, кому может оказаться на руку моя потеря памяти.

— Я уверена, Ар-ка пускает слухи, — сказала она, глядя на Онел-аду. — Говорит, что Одн-на — порождение запретных земель, что я создала ее колдовством, чтобы погубить деревню...

— Чтобы вернуть Терна, — высказалась язвительно моя мать, и они с Ли-рой обменялись понимающими улыбками, а я вспыхнула, вдруг вспомнив ее слова там, у въезда в деревню.

Жених Ар-ки перебежал к ее дочери... Жених моей лучшей подруги перебежал ко мне — какой еще повод нужен, чтобы заронить в сердце одной женщины смертельную ненависть к другой?

— Ну, конечно. Как только он вернется, она начнет брызгать слюной еще сильнее. Если только...

Она посмотрела на меня; я внимательно слушала.

— Одн-на, дорогая моя. Что ты помнишь о Терне?

Я постаралась быть как можно более правдивой и как можно менее эмоциональной. Вовсе ни к чему им знать о том, что я и Лакс... я и Терн не только встречались в одном мире, но и целовались в другом, пусть даже это и был ненастоящий поцелуй.

— Почти ничего. Я знаю, что мы с ним были близки, и что потом он меня возненавидел, — сказала я осторожно. Пожалуй, все.

Ли-ра покусала губы в задумчивости. Посмотрев на мою мать взглядом, в котором отражался вопрос, она снова перевела глаза на меня. В них светилась грусть.

— Он был женихом Ар-ки, — сказала она то, что я уже знала. — Их обручили еще в детстве, и ни у кого не было возражений: он — сын старейшины Клифа, она — дочь деревенского кузнеца. Красивая девушка и красивый парень, оба из хороших семей, десятками лет живущих бок о бок. Терн уехал учиться в город, когда ему было двенадцать больших лунокругов, а когда вернулся, ему на глаза попала ты.

Она пожала плечами, как бы говоря: так повелела судьба.

— Я не знаю, как вы впервые встретились во взрослом возрасте. В детстве ни ты его, ни он тебя не интересовали. На празднике, посвященном возвращению Терна, он объявил всем, что его свадьба с Ар-кой состоится в конце звездокруга, а потом вдруг вы приходите на день рождения Клифа рука об руку и заявляете, что теперь вы пара. Ар-ка была опозорена — это конечно. Если бы не нападение джорнаков буквально через несколько дней после праздника, Клиф непременно отослал бы сына куда-нибудь подальше, выбить дурь. Да и твоя мать была не в восторге.

— Терн — хороший мальчик, — сказала Онел-ада, когда я перевела на нее взгляд. — Но он не твоего поля ягода, дев... Одн-на. Совсем не твоего.

— Когда джорнаки напали и выяснилось, что ты помогала им... — Ли-ра замолчала. — Терн был первым, кто отказался от тебя. Его мать могла умереть от полученных ран. Он оставил ее почти на смертном одре, чтобы побывать на твоей казни. Он возненавидел тебя так сильно, что всем стало понятно, как же сильно он тебя любил... Держись от него подальше, Одн-на. Пока не вспомнишь, что именно случилось — держись от него подальше. Терна пока нет в деревне, но Ар-ка не зря так бесится. После того, как ты... умерла, она взяла его под свое крылышко и убедила в том, что отношения с тобой были всего лишь

ошибкой. У них скоро вторая помолвка, а тут появилась ты. Ар-ка не даст тебе жизни.

Я помолчала, осмысливая услышанное. Вопрос, который я задала себе вчера, вертелся на языке, но я не решалась его задать.

— Ли-ра... — Она ласково посмотрела на меня. — Ли-ра, послушай. Почему я помню так хорошо жизнь на Земле? Почему я помню так хорошо некоторые моменты из жизни здесь? Разве я могла прожить две жизни одновременно? Я чувствую, что схожу с ума от вопросов, на которые у меня нет ответов.

Ли-ра кивнула, как будто ждала моих вопросов. Протянув руку, она накрыла ею мою.

— Конечно, милая. Я тебя понимаю. Я и сама была бы в растерянности после того, что пережила ты. Онел-ада сказала, ты видишь кошмары?

Я метнула осуждающий взгляд в сторону матери. Почему она рассказала Ли-ре о кошмаре? Кто давал ей право?

— Не вини ее, она просто о тебе заботится и очень тебя любит, — сказала Ли-ра, проследив за моим взглядом. — Одн-на, ты ведь слышала, что я говорила тебе о твоём истинном имени. Ты говорила, что в другом мире тебя звали по-другому. Как?

— Нина, — сказала я. — Нина Ивановна.

— Ты заметила, что буквы истинного имени сохранены в твоём другом имени? — спросила Ли-ра, и, когда я кивнула, продолжила. — Ты заметила, что наша природа, наши животные и наши тела очень похожи с твоими?

Я кивнула.

— Не спрашивай, откуда я это знаю. Ты не первая, кто задается вопросами, и не первая, кто получает ответы. Мы живем в единении с природой уже долгое время. Мы почти не пользуемся техникой, мы дружим с притворщиками, мы живем в лесах и добываем себе пропитание охотой и рыбалкой. Твоя цивилизация должна быть примерно такой. Или была такой несколько сотен или тысяч лет назад. Или будет такой, когда поймет, как на самом деле лучше относиться к природе и миру. На самом деле, милая, существует несколько десятков тысяч миров, которые отличаются друг от друга лишь... каплей воды в море. Солнечным лучом в небе. Парой лишних гласных в имени. Такие миры у нас называются мирами-братьями, и в каждом таком мире у каждого из нас есть двойник.

— Параллельные миры, — сказала я, понимая, что вопросов пока только прибавилось.

Ли-ра снова кивнула.

— Да. Мы знаем о них давно. Мы не путешествуем по мирам через кротовые норы между мирами, мы переходим от одного двойника к другому. Как надеваем новый костюм, понимаешь? Ты родилась в этом мире, и в сотне других миров родились твои двойники. Бывает так, что дети, сами того не понимая, начинают переходить — туда, сюда, снова туда — просто потому что умеют и им интересно. Так было с тобой, так было с Терном. Ты жила и тут, и там, и потому помнишь и этот мир, и тот мир, где тебе нравилось бывать больше всего.

— Но что сейчас происходит со мной в моем мире? — сказала я. — Если я тут, то кто там? Если я перешла через Ворота, или, как вы говорите, кротовую нору, то где я сейчас?

Ли-ра заколебалась, глядя на меня.

— Как ты попала в этот мир, Одн-на?

— Я умерла в другом мире, — сказала я просто.

Ли-ра пожала плечами.

— Значит, твой костюм для Земли пришел в негодность.

— Но я ведь могу туда вернуться?

Она кивнула.

— Конечно. Через кротовую нору, как делают те, у кого нет двойников. Двойники смертны, так же, как и мы. Потеряв двойника, ты можешь вернуться в мир только с помощью кротовой норы. Если закроется дверь, можно попробовать влезть в окно... только вот не во всех мирах есть такие окна. В некоторые миры без двойников не попасть.

— Но если я сейчас здесь...

— В том мире ты не пропадешь, Одн-на, — сказала Ли-ра, понимая, о чем я хочу спросить. — В нашем мире время движется по другой оси. Именно потому ты помнишь Землю отдельно, а нас... не помнишь, — со вздохом закончила она. — Ты возвращаешься в другой мир отсюда точно в момент перехода. Это как прокол иглой. Если ты сунешь иглу в только что проколотую в ткани дырку, ты вернешься точно туда, откуда пришла.

Мы помолчали, каждая думая о своем. Для меня многое встало на свои места, но это еще предстояло осознать и принять, а принимать и осознавать такое было очень нелегко. Но наконец-то рядом со мной появился человек, который может ответить на мои вопросы прямо и честно. Я все узнаю. Все образуется.

Я улыбнулась Ли-ре. Ее я помнила, ее я любила.

— А когда ты мне восстановишь память?

Она засмеялась.

— Не так быстро, Одн-на. Травка уже настаивается, но мне нужно будет еще пару дней подождать, чтобы снадобье было готово. Потом и начнем.

— Ты знахарка? — спросила я, и тут же поняла, что знаю ответ.

Ли-ра была не знахаркой. Травницей, которая собирала для других лекарственные травы и плоды деревьев и иногда делала отвары и настои для лечения. В деревне имелся и свой доктор, но они с Ли-рой занимались каждый своим делом и не конфликтовали.

— Я вспомнила, уже вспомнила, — махнула я рукой, когда она попыталась заговорить. — Я должна буду прийти к тебе?

— Да. И завтра вечером тебе тоже нужно будет ко мне заглянуть. Я дам тебе кое-что от кошмаров. Нам нужна чистая и ясная голова для того, чтобы лекарство подействовало правильно. А теперь иди, Одн-на. Мы с твоей матерью посплетничаем всласть.

Они с Онел-адой принялись обсуждать какие-то роды и чью-то отелившуюся не вовремя корову, и я с удовольствием ушла к себе. Закрыв двери в комнату, я забралась на кровать и, заведя музыкальный ящик, поставила первую попавшуюся пленку. Низким баритоном мужчина запел о снежных долинах и близкой весне, а я, улегшись на спину, закинула руки за голову и стала смотреть в потолок.

ГЛАВА 22

На этот раз я ясно помнила момент засыпания, и потому сразу поняла, что оказалась в той кошмарной реальности, от которой вот-вот должна была избавиться. Стояла ночь, повсюду лежал глубокий снег, над головой выл ветер. Мужчина в темной одежде вел меня за руку через лес. Мне было холодно, но не страшно, ведь я его знала и чувствовала даже во сне, что он не причинит мне вреда. В безлunii зимней ночи деревья казались странными и сюрреалистичными, как нахмурившиеся великаны из жутковатых скандинавских сказок, которые я так любила в детстве.

Мы двигались все дальше в чащу, пока, наконец, не остановились на пригорке, с которого была видна деревня. Я с удивлением поняла, что это та деревня, где живет Трайн.

Мужчина в темной одежде двинулся вниз, не отпуская моей руки. Мы с ним дошли почти до деревенской окраины, когда навстречу нам высыпали огромной серой стаей волки.

Животные отнюдь не были настроены миролюбиво. Я видела оскаленные пасти, белые клыки, влажные розовые языки, с которых на нетронутый снег стекала вязкая слюна. Стая узким потоком лилась по деревенской улице, в конце которой и находились мы.

Мой спутник без единого слова остановился. Я сжала его руку, и он обернулся, но в этом сне я не видела его лица и могла только догадываться о том, кто он такой.

— Мне страшно, — сказала я тихо.

— Они не чувствуют запаха твоей крови, — сказал мужчина голосом Фея, ангела, спасшего мне жизнь. — Они не знают, кто ты.

— А кто я? — спросила я мужчину.

Он вдруг развернулся ко мне лицом, резко выдергивая руку из моей хватки. В воздухе, пронзительно взвизгнув, просвистела стрела. Она вонзилась мужчине в грудь, когда он прыгнул вперед, чтобы заслонить меня от неминуемой смерти. Я увидела, как кончик стрелы, пронзив его насквозь, вышел наружу с другой стороны и устоялся на меня.

Я отступила на шаг, прижимая руку к груди, когда мужчина без единого звука упал на землю у моих ног.

Я вскрикнула, когда волки, завыв, ринулись вперед.

Я хотела бежать, но мужчина схватил меня за край плаща движением, стоящим ему немалых усилий. Лицо его было искажено болью и смертью, но глаза сияли синим пламенем, разгоняющим мрак вокруг. На этот раз я узнала его, и это был Фей. Его светлые волосы теребил ветер, с губ сорвалось последнее дыхание. Я наклонилась ниже, чтобы услышать, что он скажет.

— Не позволяй никому узнать цвет своей крови, — сказал он. — Не позволяй.

Разжав руку, Фей упал на снег. Рот его искривила улыбка, когда он слышал волчий рык. Синие глаза сверкнули в последний раз нестерпимым сиянием и потухли.

— Беги, Стигмар.

Я отпрыгнула в сторону, когда вожак, щелкнув зубами, бросился на нас. Я понеслась прочь, то и дело оглядываясь, с сердцем, колотящимся от страха и быстрого бега. Но волкам не была нужна моя жизнь. Они окружили плотной стаей лежащего на земле синеглазого мужчины и готовились пировать.

Я проснулась, все еще слыша его веселый смех.

Стояло утро, солнце заливало пустую комнату. Я знала, что Онел-ада собиралась с утра на озеро — постирать одежду, и поэтому не удивилась, а даже обрадовалась ее отсутствию. Кто знает, чем мог бы закончиться этот сон. Кто знает, чем могла бы обернуться для меня в реальности эта встреча с волками.

Сердце колотилось в груди, как бешеное, в горле пересохло. Я поднялась и заставила себя добрести до ведра с холодной водой, стоящего в передней. Выпив немного, умылась и провела руками по волосам. Что значил этот очередной кошмар? Кто этот мужчина в темном, и почему он пытался предупредить меня? Это тоже часть воспоминаний? Это тоже не просто сон, а послание, написанное погребенной во тьме частью меня, частью, которая сегодня или завтра вырвется на свободу?

Наложив себе каши из горшка, я принялась за завтрак. Ложиться спать не было смысла — я чувствовала себя совершенно бодрой, несмотря на кошмар. Тем более, все это скоро кончится. Тем более, что я скоро вспомню все до мелочей.

По спине пробежали мурашки, когда я подумала о том, что завтра эти кошмары и эти обрывки воспоминаний станут не просто снами. Он станут моим прошлым, частью моей жизни, частью моей судьбы. Готова ли я принять это? Готова ли я принять себя, как человека, родившегося не на Земле, а в местах, о которых я могла бы никогда в жизни и не услышать, если бы не лыжная база, Школа Протеже, миламирский турнир, окончившийся моей смертью — второй моей смертью в обитаемых мирах?

Пока матери не было, я решила навести в доме порядок. Убрала постель, завела музыкальный ящик, натаскала воды из колодца, поставила вариться куриный бульон, чтобы к обеду сделать наваристый суп. Подметая пол, я даже напевала, и только поймав себя на том, что пою земную песню, осеклась.

Скрипнула дверь. Решив, что это Онел-ада, я нацепила на себя подобие улыбки и обернулась, но это оказалась не она. Мальчика лет десяти, стоящего на пороге, я не знала, но он, похоже, очень хорошо знал меня. Его озорное, раскрасневшееся от мороза лицо озарила легкая улыбка, он вошел внутрь и приветливо махнул мне рукой.

— Одн-на, привет! А где тетя Онел-ада?

— Ушла к озеру, — сказала я, отбрасывая с запотевшего лица волосы. — Привет.

— Мама послала за тобой, — сказал мальчик. — Ты сможешь пойти или придешь попозже, когда тетя Онел-ада вернется?

— Мама? — переспросила я.

Мальчик улыбнулся еще шире.

— Да! Она сегодня совсем хорошо себя чувствует, и очень хочет видеть тебя. Мы все по тебе скучали.

В мозгу ничего не мелькнуло: ни имени, ни смутных образов, ни мыслей. Я смотрела на мальчика и совершенно определенно понимала, что вижу его впервые.

— Я приду, — пробормотала я, понимая, что он ждет от меня ответа. — Передай маме, я приду, как только придет... тетя Онел-ада.

— А можно я побуду с тобой? — спросил он. — У нас все готовятся к приезду Терна, и в доме скучно.

Я вспыхнула при упоминании этого имени, и тут же все поняла. Терн. Мама, которой лучше. Ну, конечно. Речь идет о жене Клифа и о матери Терна — о женщине, которая одним своим словом сняла с меня все обвинения.

— Конечно, — сказала я. — Заходи.

Пока мальчик раздевался и скидывал валенки, я поставила на печь чайник и выкопала из дальнего угла шкафа вазочку с печеньем. Кажется, мой гость уже бывал здесь. Он забрался на стул и стал разглядывать меня своими блестящими глазами. Я закончила подметать, вытерла пыль со шкафов и уселась напротив. Похоже, мальчик чувствовал себя здесь как дома. Он уже опустошил половину вазы с печеньями и теперь, налив нам обоим воды с приправами, с удовольствием принялся за вторую половину.

— Отец сказал, Терн приедет вечером. Мама сегодня плакала весь день, да еще и Ар-ка заявила, — мальчик скорчил гримасу. — Все упрасивала маму прийти к ней в гости. Не люблю ее. У нее нос картошкой.

Я фыркнула, наливая нам воды с приправами. Ар-ка, значит. Заявилась. Сразу же, как узнала, что приедет ее ненаглядный Терн — и мне тут не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, чем вызвано такое внимание. Наверняка все дело в том, что я вернулась в деревню, да еще и в белых одеждах невинной жертвы. Я сказала себе, что это меня

совершенно не волнует.

— Я ждал, что ты придешь к нам вчера, — продолжал мальчик. — Маме, правда, вчера было не очень хорошо. Но Ли-ра ее вылечит, это уж как пить дать.

Хлопнула дверь, и в облаках пара появилась Онел-ада с тазиком свежестиранного белья в руках. Она увидела кипящий на огне бульон, оценила чистый пол и отсутствие пыли и перевела взгляд на меня.

— Ты уже встала, — начала она, но тут увидела одежду и обувь, стоящие у порога, и замолчала.

— Фелик, — сказала она. — Ты чего это с утра пораньше? Разве маме не нужна твоя помощь по дому?

— Здравствуйте, тетя Онел-ада, — бодро произнес мальчик. — Я пришел за Одн-ной. Мама хотела с ней повидаться. Одн-на у нас раньше часто бывала, и мы уже скучаем без нее.

— А может, она и не хочет к вам приходить, — заворчала моя мать, снимая с вешалки веревку с прищепками. — Может, ей уже надоел один болтливый озорной мальчишка, который сидит сейчас на стуле и доедает печенье, а оно, между прочим, было заготовлено не про его честь.

Говорила она совершенно серьезно, но Фелик прыснул, подавился печеньем, и мне срочно пришлось оказывать ему первую помощь. Когда мальчик, наконец, откашлялся, он подмигнул мне и, засунув, последнее печенье в рот, поднялся.

— Ну, знаете, раз мне тут не рады, я, пожалуй, пойду. Одн-на, идем. Ты добрая, я тебя забираю с собой.

— Не отдам, — сказала моя мать. — Это моя дочка, так что не отдам.

Глаза ее смеялись, а на мои вдруг навернулись непрошеные слезы. Я уже и забыла, когда в последний раз со мной и обо мне говорили вот так — по-доброму, без насмешек. Как дома.

— Ну, иди, — сказала Онел-ада, кивая мне. — Давайте пообедаем — и иди. Только надолго не задерживайся. Сегодня нам надо будет наколоть дров для печи, и после обеда мне будет нужна твоя помощь.

Я накрошила в бульон картошки, забросила горстку злака, похожего на рис, и вскоре вкусный суп был готов. Набитый печеньем живот Фелика, как оказалось, обладает способностью растягиваться до бесконечности. Он съел миску супа и обглодал птичье крылышко со здоровым аппетитом голодного человека. Я только удивлялась.

Наконец, мы выбрались из-за стола. Зимнее солнце уже клонилось к закату, а я еще собиралась помочь Онел-аде с дровами. Нужно было поторопиться.

Да, несмотря на слова Ли-ры о том, что мне нужно поменьше говорить и видаться с другими людьми, я все же решила пойти в дом Фелика и встретиться с его матерью. Терн был здесь вовсе ни при чем, хотя ехидный внутренний голос все же не преминул отвесить по этому поводу пару весьма циничных замечаний. Но я честно шла не из-за Терна. Я шла, потому что хотела заглянуть в глаза женщине, которая заставила меня сделать то, что все вокруг сочли предательством. Я просто хотела понять.

В неизменном облаке пара мы ввалились в переднюю большого двухэтажного дома.

— Мама! — крикнул Фелик, стаскивая с ног валенки. — Мама, я привел Одн-ну! Я молодец? Скажите мне: я — молодец?

— Молодец, молодец! — донесся откуда-то издалека смеющийся голос, и вскоре из комнаты, стуча палкой для ходьбы, нам навстречу вышла женщина.

Ее волосы были заплетены в косы, спускающиеся почти до пят. Тонкая фигурка казалась хрупкой, как у девочки-подростка. Большие светлые глаза, окруженные фиолетовыми кругами, казались огромными на узком некрасивом лице. Увидев меня, женщина застыла на месте. На ее лице медленно расцвела улыбка, но была она наполнена такой болью, что мне казалось, сейчас она не выдержит и зарыдает.

— Одн-на, — сказала женщина. — Одн-на, это и в самом деле ты. Подойди же ко мне, дай я тебя обниму.

Я сняла обувь, стянула с головы шапку, которую тут же утащил на вешалку проворный Фелик. Расстегивая на ходу пуговицы пальто, я подошла к женщине и протянула руки для объятия.

Она осторожно обняла меня и почти сразу же высвободилась — по-видимому, ей все еще было больно.

— Прости меня. Я не могла сказать им всю правду, а потом было уже поздно. Прости.

Я видела, что ей тяжело стоять, но не знала, что делать. Не знала, что сказать. Я молчала и смотрела на мать Терна, не в силах оторвать от нее взгляда. Я не узнала ее, но я узнала этот голос. Я узнала голос, ведь я уже слышала его и помнила это слегка дребезжащее «р», звучащее как фальшивая нота в гамме расстроенного пианино.

Может быть, передо мной стояла здесь и сейчас мать Терна, но эту женщину я знала под другим именем и в другом месте.

Мы расстались с ней совсем недавно в Миламире, где она называла меня Донной, а себя — Патроном Камнри.

ЧАСТЬ 3. Погружение в прошлое. ГЛАВА 23

Мне почти не потребовалось ничего говорить. Пан-анри, или Пана, как все называли здесь жену Клифа и мать Терна, сама все рассказала. Отправив Фелика наверх, в свою комнату, она усадила меня за стол и предложила воды вместо неизменного чая с приправами. Кажется, она и правда меня знала.

— Я поняла, кто ты, только в Миламире, — сказала она. — Узнала и сразу же сообщила сыну, что ты жива. Но он уже знал... Ведь знал, правда?

Я отпила холодной воды из стоящего передо мной стакана и кивнула. Взгляд Камнри... то есть Паны был еще пронизательней, чем взгляд Ли-ры. Она смотрела на меня и видела не просто застрявшую, черт знает, где девчонку с запутанной судьбой, она видела мой страх и мою растерянность, чувствовала мое смущение и мою злость, знала о том, о чем пока не знала даже я сама.

— Да. Знал, — сказала я. — Он узнал меня еще в Белом мире, но я, к сожалению...

— Ничего не помнила? — Она сжала губы и осторожно положила свою тонкую руку мне на запястье. — Одн-на, я искала тебя по всем мирам, а нашла там, где меньше всего ожидала найти. Я хочу, чтобы ты знала — я просто не могла выдать себя там. И Терн тоже не мог, иначе бы его ждало страшное наказание. Ты ведь знаешь, что этот мир — Нулевой?

Я кивнула.

— Снежный мир всегда будет Нулевым, — сказала Пана, улыбнувшись уголком губ. — Мы здесь живем в гармонии с природой и прыгаем по мирам без Ворот и гидов. Владыке Лентерну никогда не позволят открыть нас. Слишком много вложено в Школы, обучение, всю эту атрибутику якобы элитарности Патронов и прочих официальных лиц. Здесь давно знают и о Герое, и о великой войне, и уж конечно, здесь нет никаких врагов.

— Но почему тогда вы все обитаете там? — спросила я. — Лакс... То есть, Терн, вы...

— Ты, — поправила она.

— Хорошо, ты. Куча переселенцев из других миров, которая зачем-то сконцентрировалась в одном. Зачем?

— Есть миры, в которые без Ворот не попасть, — пожалала она плечами. — Да и платит Лентерн хорошо, особенно тем, кто держит язык за зубами и делает то, что скажут. Только по этой причине. Но для прыжков не требуется специального обучения, это все выдумки. Ты же прыгнула и выжила, и не сошла с ума, и стала здесь сама собой...

— Еще не стала, — сказала я.

Пана вздохнула, ее глаза наполнились слезами боли, когда она потянулась за стаканом с водой. Я поспешно подала его ей.

— Это вопрос времени, — сказала она, отпив воды. — Одн-на, я вернулась сюда не сразу, потому что не могла. За то время, пока тебя не было в Белом мире, много всего произошло, и мне пришлось принимать в этих событиях участие в качестве Патрона. В Снежном мире больше не проводятся исследования — все, кто отсюда возвращается, теряет память о перемещении. Жена Дэлакона погибла во время полнолуния — на нее напал оборотень, и во дворце вот уже полгода как официально объявлен траур.

— Полгода?

Пана кивнула.

— Да, Одн-на. В Белом мире прошло уже восемь месяцев с тех пор, как ты погибла и вернулась сюда. Аргента был огорчен твоей смертью настолько, что пока отошел от дел. Сразу после инцидента Силенка организовала конференцию во дворце, но выяснить им ничего не удалось.

— А что со Школой? Что с Воротами в Дайтерри? Наша группа выбралась из Миламира?

Господи, эти названия звучали для меня как чужие.

— Мы провели практику и вернулись в Белый мир, как положено, только без тебя.

— А... Но погоди, ведь Лакс говорил...

Пана отвела глаза. Я замерла, по спине пробежали мурашки.

— Нет, — сказала я, чувствуя, как колотится в груди сердце. — Нет, этого не может быть.

— Одн-на, послушай.

Я вскочила так резко, что рукой почти ударила ее по лицу.

События вертелись перед моим мысленным взором, как в калейдоскопе. Я понимала и одновременно не хотела понимать, что имела в виду Камнри, я не могла поверить в чудовищный обман — поистине чудовищный, раз он повлек за собой мою смерть, но по всему выходило, что все было именно так.

— Ты хочешь сказать, что весь этот спектакль с Дайтерри и необходимостью срочного возвращения в миры был разыгран только для меня?

— Ты должна была вернуться сюда, пока кошмары тебя не убили. Фей и вправду исчез, и ангелы больше его не чувствуют. Но ты бы не пошла с нами в Снежный мир, понимаешь? Ты бы не смогла перейти без осознания того, кто ты есть на самом деле. Если бы ты умерла здесь, ты бы умерла везде, а мы не могли...

Я взмахом руки прервала ее. С меня хватит сказочек. С меня хватит этих больных глаз, этих тонких рук и этого искусанного рта, произносящего слова, которые я не хотела слышать. Натягивая на ноги валенки и застегивая пальто, я не отрывала глаз от Паны, и в

моем взгляде — я это знала — кипела ненависть.

— Значит, Лакс специально послал меня на смерть? Придумал сказочку, которая должна была напугать меня настолько, что я потеряю дар здравомыслия, бросил меня в клетку, отправил на турнир!

— Ты несправедлива к нему, — спокойно сказала она. — Ты не даешь мне объяснить, ты...

— Да! — закричала я, сорвавшись. — Да, я несправедлива, конечно! В первый раз вы меня утопили! Во второй — сделали из меня мишень для упражнений! Ты знаешь, каково это — умирать в чужом мире, Камнри? Умирать, не зная о том, где воскреснешь... И воскреснешь ли вообще?! Он обещал мне! Он говорил, что спасет меня!

Пана поднялась со стула и сделала ко мне шаг, но я не хотела видеть ее. Не хотела ее сочувствия. Не хотела делить с ней свою боль и смерть.

Я обернулась к выходу, когда открылась дверь. Человека, который переступил через порог, я узнала сразу. Это был Терн, и он на мгновение застыл на месте, увидев меня. Но мне было все равно, что и как. Я задыхалась, мне нужно было уйти отсюда, из этого места, единственного места в этом мире, которое было пропитано ложью и предательством — и все только потому, что населяли его люди, жившие в Белом мире.

Но Терн не пустил меня. Он перегородил мне дорогу и не дал выйти. Я попыталась оттолкнуть его, но он схватил меня за руку. Я попыталась ударить его — но он схватил другую.

Я разрыдалась от обиды и бессилия, и тогда он притянул меня к себе и обхватил руками, прижимая к своей груди, и ощущение правильности происходящего — я и он рядом, его руки, его сердце, бьющееся сильно и ровно у моего уха — вдруг стало таким сильным, что на мгновение я забыла о том, что хотела уйти и позволила себе просто сдаться.

Пусть даже на одно короткое мгновение.

— Ненавижу! — прошептала, но не пытаюсь вырваться и не веря даже самой себе. — Ненавижу!

— Я знаю, — сказал он. — Я все знаю.

Он долго меня не отпускал.

ГЛАВА 24

Не знаю, как долго мы так стояли. В голове моей металась мысль о том, что сказала Пана, и сердце болело болью, которую я не могла заглушить даже прикосновением к Терну, даже ощущением нежности его рук, глядящих меня по волосам, даже стуком его сердца у его уха.

Он знал о том, что я его не предала? Он знал это уже там, в Миламире, и все равно вел себя так, словно я — его злейший враг? Не давая мне шанса для оправдания, лишая меня возможности заслужить прощение, не позволяя себе простить меня даже после слов матери... Нет, я не верила в это, я не могла заставить себя в это поверить, и все же....

В этом мире он знал... любил меня. Но в остальных, получается, ненавидел? Но за что? Что еще я ему успела сделать, какое зло успела причинить?

Скорее бы Ли-ра вернула мне память, и тогда...

Как сквозь туман я слышала слова Паны.

— Терн. — И после паузы: — Терн, я прошу тебя.

Его руки соскользнули с моих волос и упали безжизненными плетями. Терн отстранился и посмотрел на меня сверху вниз, в глазах его стояло сожаление.

— Извини, я должен был тебе все рассказать.

Я оттолкнула его. Что на меня нашло? С чего вдруг я падаю в его объятия и рыдаю, как девчонка?

— Мне не нужно сочувствие. Мне хватило б правды.

Я застегнула пальто под его изучающим взглядом и все-таки не удержалась — обернулась, чтобы посмотреть на Пана. Она сидела за столом, сжимая фиолетовыми от напряжения пальцами стакан с водой. Взгляд ее испуганных глаз был направлен не на меня. На сына.

— Я провожу тебя, — сказал Терн.

— Не надо, — сказала я холодно. — Не утруждай себя.

Смягчилась, понимая, что злюсь на него напрасно — это на себя мне надо было злиться, на свою глупость и доверчивость.

— Да и мать тебя давно не видела. Я пойду. До свидания. Завтра я буду все помнить... тогда и поговорим.

На этот раз Терн не стал меня останавливать. Молча освободил дорогу, придержал для меня дверь. Я спустилась по ступеням крыльца, пересекла улицу и направилась в сторону дома. На деревню опускались сумерки, а нам с матерью еще предстояли дела. Надо было поспешить.

Слезы высохли, и в душе воцарилась пустота. Я бросила взгляд налево, туда, где в закатных лучах солнца пламенела гладь озера, и содрогнулась. Уже совсем скоро я буду помнить, кто я, что я и почему я стала предательницей. Но я не забуду то, что сказала мне Пана. Даже если она окажется моим лучшим другом, а Терн — моим возлюбленным, смогу ли я простить им всю эту ложь? Смогу ли я найти в себе силы, чтобы жить здесь, рядом с ними, и не думать о том, что случилось в другом мире... в другой жизни?

Меня окликнули, но голоса я сразу не узнала, а потому не обернулась, продолжая шагать по протоптанной в снегу дорожке к улице, на которой стоял мой дом. Голос позвал еще раз, и теперь в нем звучало раздражение.

— Эй! Ты не слышишь или просто делаешь вид, Одн-на?

Я тряхнула головой, сбрасывая с себя флер воспоминаний и мыслей, остановилась и обернулась. Я не сразу узнала в элегантно одетой девушке Ар-ку, а узнав, удивилась. Что ей было от меня нужно? Судя по тому, как злилась и бесилась она во время моего возвращения в деревню, дружеских объятий и уверений в вечной преданности мне ждать не стоит.

— Привет, — сказала я. — Я не слышала, извини, задумалась.

Она нагнала меня и встала напротив, окидывая сверху вниз взглядом, в котором было что угодно, кроме теплоты. Я молча ждала, что она скажет.

— Ну, откуда идешь? — спросила Ар-ка. — От Терна, не так ли?

Я отвела глаза, пытаясь скрыть боль, безусловно, отразившуюся на моем лице, но она, очевидно, восприняла этот жест по-другому. Сделав шаг ближе, Ар-ка схватила меня за руку и заставила посмотреть ей в глаза.

— Да не скрывайся ты, Одн-на. Неужели ты думаешь, я ожидала чего-то другого? — Голос ее зазвенел, повышаясь с каждым словом. — Неужели ты думаешь, я не жду, что ты попробуешь вернуть своего жениха, как только он появится в деревне?

— Я ничего такого не думала... — пробормотала я.

— Одн-на, ну мне ли не знать свою лучшую подругу, — сказала Ар-ка, ехидно улыбнувшись. — Ох, да, прости, бывшую лучшую подругу.

За этим она меня догнала? Чтобы излить душу? Мне сейчас точно было не до откровенных бесед, и потому попыталась высвободить руку и продолжить путь. Но не тут-то было — Ар-ка вцепилась в меня так, что я поняла — без грубости освободиться не получится.

— Я хочу тебя предупредить, Одн-на, — заговорила она сквозь зубы, чеканя каждое сказанное слово. — Он теперь — мой. Понимаешь, мой? Терн вернулся ко мне почти сразу после твоей смерти. Он понял, что совершил ошибку, когда связался с тобой. Он понял, что ему нужна я, а не ты.

Это меня разозлило. Не слова о том, что Терн теперь — жених Ар-ки, а ее реплика, которая ясно говорила — после моей смерти он сразу же вернулся к своей бывшей невесте. У меня язык зачесался сказать Ар-ке, что, к сведению, ее обожаемый Терн уже обручен с девушкой умнее, красивее и добрее, чем она, но я поняла, что это будет выглядеть по-дурацки, и промолчала.

— Тебе нечего сказать? Ты что, уже, пыталась отбить его? Может, пообещала ему горы золотые или холмы серебряные? — не унималась Ар-ка.

— Слушай, отпусти, — попыталась освободиться я снова, но она дернула меня за рукав и заставила стоять на месте.

— Ненавижу тебя, Одн-на! Ты испортила мою свадьбу, ты опозорила меня перед всей деревней! Ты предательница! Может, Пана и прикрыла тебя, но это ничего не значит. Ты предала меня, ты предала нашу дружбу, ты предала мою к тебе любовь! Ты мне была, как сестра! — закричала Ар-ка со слезами в голосе.

— Прости, — сказала я, но она уже разошлась.

Обеими руками толкнув меня в грудь, Ар-ка повалила меня на снег. В ее глазах стояла ярость, я ясно видела, что она борется с желанием наброситься на меня и поколотить, но что-то ее удержало.

— Ненавижу тебя! Еще раз подойдешь к Терну — утоплю в озере по-настоящему! — сказала она, склонившись надо мной.

Развернувшись, Ар-ка побежала прочь, словно испугавшись, что ее застанут за избиением своей бывшей подруги. Я немного полежала на спине, глядя в темнеющее небо, потом все же заставила себя подняться и отряхнуться. К счастью, на улице никого не было.

Мать встретила меня у дверей дома.

— Ты быстро, — сказала она. — Я как раз вышла колоть дрова.

Она внимательно взгляделась в выражение моего лица, явно хранящего следы рыданий, но ничего не спросила. Я была ей благодарна. Схватив из передней топор, я направилась в ближайший лесок за дровами.

Мы закончили, когда уже стемнело. Две женщины — это всего лишь две женщины, как ни крути. Несмотря на то, что лесок был совсем рядом, за раз мы не могли унести больше одного дерева. А нужно было еще обрубить сучья, наколоть поленьев нужного размера и сложить их в поленницу, расположившуюся за домом. С меня ручьем тек пот, но мысли о Терне ушли на второй план, и я была этому рада.

Помывшись и переодевшись, я сказала матери, что мне надо сходить к Ли-ре. Она сказала, что ей нужна ясная голова, да и мне не мешало бы уже поспать спокойно. Последний кошмар отличался от всех других, но я не хотела копаться в его значении и думать о том, каким образом связаны Фей и то, что происходит со мной в Снежном мире. Я уже настолько запуталась, что мечтала только о том, чтобы все скорее закончилось. Да еще и

эта тоска по дому...

В последнее время я все чаще задумывалась о родителях, своих «настоящих» земных родителях, которые даже и не знают, в какую авантюру ввязалась их умница-дочка. Мне хотелось увидеть маму, хоть одним глазком взглянуть на Вовку, поболтать по телефону с приятельницами, послушать, о чем говорят парни на лекциях. Мне не хватало Интернета, телефона, прогнозов погоды и каналов о природе. Я хотела забраться в пенную ванну, включить радио на волне джазовой музыки и просто полежать в теплой воде, слушая шепот саксофона и теплый глубокий голос какой-нибудь темнокожей джазовой певицы.

Когда меня выбросит из этого мира в Белый? Если мой земной двойник погиб в Миламире, значит ли это, что закон «низкого давления», о котором так давно говорил Аргента, теперь не действует, и что я могу находиться здесь столько, сколько захочу? Говорил ли он правду? Знал ли он правду?

В доме Ли-ры горел свет, и я поднялась на крыльцо, уже занеся руку для стука, как дверь открылась. Увидев меня, Ли-ра заулыбалась, отступила в сторону, позволяя пройти. Захлопнув за мной дверь, она заключила меня в объятия, коснувшись поцелуем щеки.

— Ну, как же давно ты здесь не была, девочка, — сказала она, глядя на меня, глаза ее светились. — Заходи, располагайся. Я уже все приготовила, но ты же не уйдешь от меня сразу?

Я помимо воли ответила улыбкой на ее улыбку, смахивая непрошеные слезы. Может быть, на душе у меня и паршиво, но она-то в этом не виновата. Я стащила пальто, повесила его на крючок у двери и, стянув с ног обувь, прошла в переднюю. Убранство дома меня поразило. Печь и стол с двумя стульями — вот и все, что было в кухне. На низкой скамейке в углу — котелок, пара кастрюль, две миски и целый ряд стеклянных флакончиков вроде тех, в которых у нас выпускают антибиотики. Небольшой шкафчик с одеждой и кровать смотрелись сиротливо в пустой спальне. Никаких музыкальных ящиков, никаких вышитых на ткани картин, никаких рисунков на стенах. Казалось, в этом доме никогда не было ни девочки, ни мужчины. Только Ли-ра. Только одна она — всегда, вовеки, на всю жизнь.

Я остановилась на пороге спальни, ощущая, как бежит по спине холодок. Я помнила эту комнату. Я ее точно помнила. Вот здесь стояла кровать дочки Ли-ры... как же ее звали... я отчетливо увидела своим внутренним взором эту высокую девочку, почти девушку. Она любила длинные платья и затейливые прически. Она звала меня «Од» и упрасивала меня взять ее в качестве подружки на свадьбу. Она вышивала для меня подарок — рушник с двумя целующимися голубками.

— Од, — сказала я чуть слышно.

В пустой комнате это короткое слово прозвучало, как выстрел. Я сделала шаг вперед и остановилась, понимая, что не смогу. Не заставлю себя ступить туда, где больше нет жизни. Где только боль матери, потерявшей ребенка и страдания жены, потерявшей любимого мужа.

— Ли-ра, — сказала я, почувствовав на своем плече ее руку. Обернувшись, я увидела, что она стоит рядом, сжав губы и глядя прямо перед собой. — Ли-ра, где же?.. Где же?

— Их больше нет в этом мире, — сказала она, устремив на меня взгляд своих миндалевидных глаз. — И в этом мире они больше не появятся. Никогда. Мы оплачем их с тобой, милая Одн-на, когда ты все вспомнишь. Ты ведь так ее любила.

— Так любила, — повторила я. — Ли-ра, что же тогда случилось? Сколько же смертей, сколько же горя принесла нам та ночь?

Она провела кончиками пальцев по моему лицу, словно стараясь успокоить.

— Много. Ты все вспомнишь, я тебе обещаю. Это будет непростой путь, но ты вспомнишь.

— Во сне? — спросила я.

Она покачала головой.

— Идем, — Ли-ра пошла в переднюю, я — за ней. На печи уже стоял котелок, в котором булькало источающее невероятный аромат рагу. — Будешь есть? Я еще не ужинала, так что...

Я не отказалась. Пока еда разогревалась, Ли-ра добралась до флакончиков, достала один, наполненный зеленоватой, похожей на болотную жижу гелеобразной субстанцией и подала мне.

— Это снотворный отвар, — сказала она. — Ты закроешь глаза вечером, откроешь — утром. Очень помогает, когда нужно выспаться. Выпить нужно будет прямо перед тем, как ляжешь спать.

Мы поели почти в молчании, думая каждая о своем и не решаясь нарушить ход мыслей другого. Я думала о девочке в белом, которую видела в снах то сожженной, то просто окровавленной. Я думала о мужчине, которого я знала и которого убили вместе с этой девочкой. Как Ли-ра могла оставаться такой спокойной, потеряв двух любимых людей?

Я поняла, как, почти сразу. Мне достаточно было всего лишь вспомнить свою собственную смерть и задуматься о том, что было бы со мной, если бы я умерла здесь.

— Ли-ра, — сказала я. — Ты родом не из этого мира?

Она посмотрела на меня. Улыбка, грустная и одновременно пустая, скользнула по ее губам.

— Я пришла сюда задолго до рождения твоей матери, — сказала она. — И уйду после твоей смерти. Мой муж и моя дочь умерли в других мирах задолго до того, как я переступила порог этого мира. Те, что погибли здесь, были последними... Я пришла сюда за ними.

Я молчала, не зная, что сказать. Ли-ра отвернулась от меня и уставилась в зашторенное окно.

— Мы много жизней прожили в других мирах. Я, мой муж и моя девочка. Она была моей дочерью в реальностях, о которых ты никогда не узнаешь... в мирах, о которых я не смогу тебе рассказать. Я живу дольше них — я существо мира с очень медленным течением времени. У нас очень высокоразвитый интеллект, мы умеем чувствовать своих близких на расстоянии ближайшей звезды. После того, как мой муж умер в том мире, где я его встретила и полюбила, я пошла за ним по мирам. Я искала его и находила, мы жили и шли по жизни вместе. А потом он умирал, и я шла дальше... потому что мои часы были его годами, а мои годы были его жизнями. Дальше этого мира я уйти не смогу. Я не чувствую его больше. Он пропал из поля моего зрения. Я не чувствую его, не слышу его сердцебиения и не знаю, остался ли где-то еще его двойник.

Я посмотрела на Ли-ру, и сердце мое пропустило удар. Этого не могло быть, но все это я уже слышала. Я уже знала о существах, которые могут чувствовать других себе подобных на расстоянии галактик.

— Как давно ты родилась, Ли-ра? — спросила я.

Она посмотрела на меня и склонила голову набок.

— Очень давно. Века здешнего времени... возможно, тысячи лет.

— Ты чувствуешь других таких же, как и ты? — спросила я, ощущая, как колотится мое

сердце.

— Да, — сказала она. — Я чувствую их, вижу их, когда закрываю глаза. Вижу их свет, вижу, где они находятся, знаю, что они живы.

Я протянула руку и коснулась ее руки, и по моему лицу вновь побежали слезы. Я смотрела на Ли-ру и понимала, что я знаю о ней больше, чем она сама.

Потому что передо мной сидел за столом самый настоящий ангел.

Я проснулась утром с первой мыслью о том, что сегодня я верну себе свое потерянное прошлое.

Я надела красивое шерстяное платье из тех, что отыскиались в моем шкафу, повязала волосы лентой и, надев пальто, выскользнула вслед за матерью в метельное утро. Мы столкнулись лицом к лицу с Терном практически сразу. Он выглядел запыхавшимся, и я поняла, что Терн бежал. Куда? Неужели ко мне?

— Одн-на, — сказал он, ухватив меня руку. — Одн-на, ты еще не ходила к Ли-ре? Скажи мне, ты еще не ходила?

— Нет, — сказала я, отведя взгляд и сразу же выдернув руку из его руки. — Как раз иду.

Ветер ударил в спину, и я едва не упала. Меня подхватили одновременно Онел-ада и Терн, и я дернулась, как от удара электрошоком, от его прикосновения.

— Не трогай меня!

— Одн-на, послушай меня, — заговорил он, но я опустила лицо вниз и, подхватив мать под руку, поспешила прочь. — Одн-на, мама рассказала мне о вашем разговоре. Ты должна со мной поговорить. Ты вспомнишь все, ты знаешь?

— Да.

— Одн-на, послушай же! — он снова попытался ухватить меня за руку, и на этот раз я остановилась, обернулась и посмотрела на него сквозь снег и ветер.

— Чего тебе? Ты хочешь меня отговорить? Или хочешь сообщить мне, что ты снова с Ар-кой? Не переживай по этому поводу. Во-первых, она мне сказала. Во-вторых, у меня нет желания тебя возвращать.

Мое сердце возмутилось при этих словах, но я сказала ему замолчать.

— У меня тоже. Онел-ада, я прошу, дайте мне поговорить с вашей дочерью, пока не стало слишком поздно, — сказал он спокойно, и только тогда я поняла, что все серьезно.

Что Лакс — не мальчик, который прибежал вдруг на самом драматическом моменте действия романа признаваться мне в любви и просить прощения. Но его слова «у меня тоже», его интонация, безразличие в голосе, с которым он это произнес... отчего-то они ударили меня. Заставили замереть и поднять глаза. Посмотреть на него. Ожидать его слов.

— Ты первым отказался от моей дочери, когда ее обвинили, — сказала моя мать. — Как я могу отказать тебе?

В ее голосе звенела тысяча острых льдин, и я поняла, что она не просто была против наших отношений с Терном. Она его ненавидела. От всей души, от всего материнского сердца. И он тоже почувствовал эту ненависть, опустил голову, уходя от взгляда Онел-ады, и повел меня прочь, не оборачиваясь.

— Ты узнаешь о том, что случилось на озере, — сказал он, когда мы отошли подальше. — Ты узнаешь о том, как мы встретились... О нападении джорнаков. О том, как ты оказалась казнена на озере Атт. Я хочу предупредить тебя. Пощади Ли-ру. Не рассказывай ей о том, кто был настоящим предателем. Ты успела рассказать моей матери. Но больше никто не знает.

Я посмотрела в его глаза, зеленые, словно наполненные морской водой, и кивнула.

— Это был ее муж?

Терн кивнул в ответ.

— Да. Он был убит там же. Моя мать хотела поговорить с тобой вчера об этом.

Он замолчал, и некоторое время мы просто стояли друг напротив друга. Его пальцы, сжимающие мою руку, казались такими знакомыми, такими надежными, и снова, в который раз, я не смогла отделаться от ощущения, что это все — правильно, что я и Терн — не я и Лакс, а именно я и Терн — действительно знали друг друга и доверяли друг другу.

— Терн, — не выдержала я. — Если ты знаешь, что предала вас не я, то почему ты не сказал мне? И почему...

Но он тут же отпустил мою руку.

— Иди, Од-на. Тебя ждут. — И, развернувшись, пошел прочь, оставив меня так быстро, что я ничего не успела понять.

— Очень хорошо, что вы пришли вдвоем, — сказала Ли-ра, надевая теплый свитер. — Погода не очень благоволит, но настой нельзя передерживать, так что мы пойдем сейчас.

— Куда пойдем? — спросила моя мать. — Только не говори, что на озеро.

Я вцепилась в пуговицу пальто так, что она впилась в ладонь. Но Ли-ра молча кивнула, и я поняла, что Онел-ада угадала. Мы пойдем на озеро. На то самое озеро, где меня убили, столкнув в холодную воду и выкрикивая при этом проклятия. Я почувствовала, как леденеет у меня на сердце.

— Это обязательно?

Ли-ра повернулась ко мне, ее лицо выражало сочувствие. Она подошла и погладила меня по рукаву пальто, глядя своими ангельскими глазами, казалось, в самую душу.

— Это нужно. Все должно начаться там, где закончилось. Только так, и никак иначе.

— Ты должна быть сильной, доченька, — сказала Онел-ада. — Ты должна быть сильной.

Я видела в их глазах только участие и любовь. Они не могли причинить мне вреда, им я верила до последнего вздоха. Я смиренно кивнула и отступила к порогу, дожидаться Ли-ру.

Онахватила с собой какой-то заранее заготовленный сверток, а мне подала уже знакомый мне флакон, только теперь с ядовито-оранжевой жидкостью внутри.

— Он должен будет очистить твой разум, — сказала она. — Когда ты согласишься в лицо прошлому, твой разум воспротивится, не захочет принимать его. Ты слишком многое забыла и слишком долго не помнила. Тебе проще жить так, зная только одну сторону жизни. Лекарство поможет тебе принять и другую ее сторону.

— Выпить сейчас?

— Да.

Я поднесла флакончик к губам и задержала дыхание.

— Вкус гадостный, — предупредила Ли-ра.

Я кивнула и залпом опрокинула содержимое флакончика в рот. Едкая кислая жидкость обожгла рот и проделала путь по моему пищеводу вниз, к желудку. Я поморщилась, скривилась, закашлялась.

— Вот, выпей, — Ли-ра подала мне воды в стакане, и я осушила его парой глотков.

Стало легче.

— Ли-ра, все твои отвары такая гадость, или это специально для меня?

Она улыбнулась, похлопала меня по плечу и посмотрела на Онел-аду, застегивая

пуговицы своей поношенной шубы. Та, судя по виду, тоже нервничала.

— Идемте, — сказала Ли-ра, и мы одна за другой покинули ее дом.

Метель превратилась в обычный снегопад. Ветер почти стих, снег падал крупными снежинками с пасмурного высокого неба. Идти стало легче, видеть мы могли больше. Пройдя до конца одной из радиальных улиц и встретив кучу любопытных соседей, мы добрались, наконец, до той окраины деревни, которая упиралась в озеро.

Я боялась смотреть на берег, боялась упереться взглядом в запорошенную снегом гладь озера. Меня даже ноги не хотели туда нести. Дрожали, подгибались, спотыкались.

— Ты же у нас храбрая, Одн-на, — сказала Ли-ра, и я постаралась выпрямиться и зашагать бодрее.

Мы ступили на лед, и мое сердце ухнуло куда-то вниз. Вот оно, это место.

Бородатые лица, высунутые языки.

Вот то самое место, куда меня пригнали той ночью, когда я лишилась жизни.

Темное небо, падающий сверху, совсем как сейчас, снег, отблески фонарей, запах дыма и смерти.

— Я не могу, — сказала я, останавливаясь.

Онел-ада и Ли-ра взяли меня под руки и повели за собой. Я закрыла глаза, но стало еще хуже. Образы вставали перед глазами, один ярче другого.

Терн, указывающий на меня. Терн, идущий за толпой, выкрикивающей мое имя.

Муж Ли-ры, лежащий на снегу без признаков жизни.

Я сама, в белом платье, бегущая по льду. Дыхание, разрывающее легкие и замерзающее в груди ледяным комком.

Открыв глаза, я увидела, что мы уже на середине озера. Ли-ра остановилась и жестом попросила остановиться нас. Ее глаза были темны, как лед перед нами. Я поняла, почему мы встали — дальше по льду было идти опасно, он шел трещинами и мог расколоться прямо под ногами.

— Подождите здесь, — сказала Ли-ра.

Сделав пару шагов вперед, она достала из-за пазухи сверток, который захватила из дома.

Развернула его, аккуратно положила на лед. Лед задымился, как будто закипел, зашипел, затрещал и стал оседать в воду. Вскоре перед нами были идеальных размеров круглая прорубь, в которую я даже не стала смотреть — захолонуло сердце.

Ли-ра повернулась ко мне, ее лицо было серьезно.

— Одн-на. То, что ты увидишь перед собой — твое прошлое. Прими его таким, какое оно есть. Прими и живи с ним в мире.

Я кивнула, не зная, что сказать.

— Подойди к краю.

— Что? — меня обуял ужас. — Ли-ра, я не...

— Подойди к краю. Я с тобой.

Я не могла заставить себя сделать и шага. Темная бездна передо мной была страшнее копья, летящего мне прямо в сердце. Я не могла пойти туда, просто не могла.

— Одн-на.

«Нина, — запел вдруг ветер. — Нина, Нина, Нина...»

— Что это?

— Это твое прошлое. Начало действовать лекарство, и нам нельзя терять ни минуты. Ну, давай же.

Она протянула мне руку, и я оторвала ногу от земли и сделала шаг. И еще шаг. Ли-ра держала меня крепко, она подвела меня к самому краю проруби и заставила посмотреть в ее бездонное око.

— Одн-на.

Нина, Нина, Нина...

— Смотри, Одн-на. Смотри.

Я смотрела и видела перед собой отражение своего испуганного лица, и рядом с ним — лица Лиры, глядящей прямо и строго. Но вот мое отражение качнулось и зарябило. Стремительная рябь, как от брошенного камешка, пробежала по воде, размывая наши отражения и смешивая лица...

Вот я, вот Ли-ра.

Вот я, вот Ли-ра.

Вот я, вот девушка рядом со мной, так похожая и не похожая на меня.

Но это же я! Это же я, это же Нина, это она глядит на меня сейчас так строго и серьезно.

Мир вокруг потемнел, как будто резко настала ночь. Я услышала, как хлопает надо мной крыльями какая-то большая птица, а потом земля ушла из-под ног, и я полетела в бездну, полную запахов, звуков и незнакомых лиц.

Я вернулась в свое прошлое.

ГЛАВА 25

Круг первый

Неудивительно, что я не услышала звука шагов позади себя. Я торопилась вернуться домой — на улице уже стемнело, подул холодный ветер, а я все еще возилась с убитым оленем, никак не желая признаться даже себе, что замерзла и проголодалась. Погода в тот день благоволила, и я незаметно для себя забралась в ту часть леса, в которую раньше не забиралась, оказавшись почти на другой стороне озера Атт.

Здесь я и натолкнулась на оленьи следы.

Это красавец зря забрел так близко к деревне — я хотела есть, я хотела заработать, я его убила одним выстрелом из ружья. Но жадность сыграла со мной злую шутку — даже сняв с оленя шкуру, утащить одна я его не сумею. Хотелось плакать. Если разыграется буря, тушу просто заметет. Соорудить волокушу из лапника до темноты я просто не успевала.

Я все же срубила несколько еловых ветвей и, связав их веревкой, попыталась уложить оленя сверху, но он был очень тяжелым. Бивший в лицо все усиливающийся ветер выбивал из глаз слез. Чертыхаясь, я предприняла еще одну попытку, не удержала равновесия и хлопнулась на пятую точку. Раздавшийся позади легкий смех заставил меня подпрыгнуть.

— Приветствую!

Смех оборвался, и крепкая рука протянулась ко мне, чтобы помочь подняться. Я ухватилась за нее и встала на ноги. Взглянув на лицо человека, который так кстати появился в этом уголке леса, я едва удержала вскрик. Темные волосы, зеленые, как болотная тина глаза, ямочки на мягких, как у девушки, щеках.

— Терн! — услышала я свой голос, и он был полон удивления. — Ты ли это!

Отпустив мою руку, он улыбнулся и склонился в шутливом поклоне.

— Да, моя дражайшая Одн-на, это я. Позволь спросить, что занесло тебя в такую глушь? Неужели это ты подстрелила это прекрасное животное?

Пока он говорил, я его разглядывала, не стесняясь и не отводя взгляда, если он

встречался с его взглядом. Терна, сына Клифа, я знала всю жизнь. Еще совсем детьми мы втроем: я, моя лучшая подруга Ар-ка и он таскали плоды зимних каштанов из соседского сада и пробирались в теплицу Ли-ры, чтобы сорвать, рискуя получить подзатыльники, свежую редиску.

Он и Ар-ка были помолвлены. Они потешались над своим обручением с тех пор, как научились говорить, обращаясь друг к другу не иначе как «жених» и «невеста». Я же была для Терна «дражайшая Одн-на», потому что однажды при ссоре сказала ему, что если он не будет меня уважать, я просто-напросто отговорю Арку от замужества. В детстве Терн был гадким утенком — долговязый, тощий, с острым носом и длинными руками, которые вечно ему мешали. Почти десять больших лунокругов назад отец, Клиф, отправил его в город, учиться. Арка плакала неделю, да и мне тоже было грустно. Что он здесь делает? Разве его учеба закончилась? И — ба! — как же он изменился за это время!

Передо мной стоял не носатый подросток, но почти мужчина, привлекательный мужчина, в глазах которого искрился смех и взгляд которого, уверена, разобьет не одно женское сердце.

— Да, — сказала я, кивая и чувствуя, как мое собственное сердце отчего-то дрогнуло. — Этого оленя подстрелила я.

— И теперь не можешь его унести?

Я посмотрела на него с раздражением.

— Какой ты понятливый!

Терн засмеялся, наклонился и попробовал приподнять оленя за ногу. Присвистнул.

— Ну, ничего не скажешь, трофей вызывает уважение. Придется тебе помочь, что делать.

— Очень мило с твоей стороны, — сказала я. — Так ты-то откуда здесь взялся?

Терн посмотрел в сторону заката.

— Отец написал мне, — сказал он. — Говорят, тут в последнее время беспокойно. Это так?

Я поймала на себе его внимательный взгляд и хотела пожать плечами, но неожиданно поняла, что скрывать уже незачем.

Нам, конечно же, ничего толком не говорили. Мужчины каждый вечер ходили к Клифу на собрание, много курили, много говорили о городах и кочевниках, которые в этом звездокруге словно сошли с ума. Большой лунокруг назад, когда началась зима и ударили первые морозы, стало ясно, что придется затянуть пояса. Урожаи не успели вызреть, их пришлось снять недозрелыми. Ли-ра пересадила часть овощей к себе в теплицу на освободившееся место. Кормов было вдоволь, а собак в случае чего можно будет покормить миногой, но что есть людям, которые просто не успели ничем запастись?

Ар-ка говорила, что у оружейника Ли-белы в этот лунокруг работы было, хоть отбавляй. Многие из тех, кто раньше промышлял только рыбалкой, в этом году были вынуждены прибегнуть к охоте — просто потому что вода промерзла, и рыба ушла на глубину. Отец Арки сам не вылезал из кузницы целыми днями. Клепал, плавил, ковал. Два старших брата Ар-ки находились при отце с утра до ночи, забыв и о посиделках в местном баре за рюмкой водки и о гуляньях с девушками до полуночи.

Но мы чувствовали, что оружейнику металл нужен не только для охотничьих ружей и пуль. Надвигалось еще что-то, чего раньше не было. Зима приходила и уходила несколько раз на моей памяти, и она никогда не была мягкой и быстротечной. В воздухе висела еще

какая-то угроза, и вскоре мы с Ар-кой узнали, какая.

Мы сидели у нее дома, вышивали, когда в переднюю ввалился незнакомый мужчина в окровавленной одежде.

— Джорнаки, — только и выдохнул он — и упал на колени от усталости.

Отец Ар-ки выпроводил нас из комнаты, но мы все равно смогли подслушать большую часть разговора. С севера по запретному лесу идет большое войско кочевников. Несколько племен, объединившись в одно, решили этой зимой напасть на самые зажиточные деревни, убить людей, занять их дома, присвоить их скот и припасы, и так пережить эту суровую зиму.

В этот же вечер у Клифа собралась вся деревня. Кто-то называл принесенную весть ложью, кто-то считал, что джорнаки — племя, с которыми у нас были стычки и раньше, пугливы и нам достаточно будет просто встать на их пути и сделать пару выстрелов, чтобы повернуть вспять.

Но Клифа не зря выбрали старейшиной деревни.

— Если у них есть войско, значит, у них есть план и цель, — сказал он. — Нам нужно оружие. Нам нужно убежище для женщин и детей, нам нужно убежище для скота.

— Попробуй-ка построить убежище в вечной мерзлоте, — возмутился кто-то в толпе, но его оборвали.

— Как быстро они идут?

— В течение следующего большого лунокруга они придут к нам, — сказал Клиф. — Им удалось захватить несколько деревень, и пока джорнаки засели там. Но их слишком много. Они сожрут то, что оставили им местные, и пойдут дальше. Думаю, наши дома тоже будут для них лишь временным пристанищем. Они проглотят припасы, перережут скот и пойдут дальше, если мы их не остановим.

— Города помогут нам.

— В городе есть городская стена. У нас нет. Они закроют ворота и выдержат осаду. Мы нет.

— Нам надо уйти в город!

Клиф оглядел притихшую после выкрика толпу. В глазах многих загорелась надежда. Вот он — выход. Перегнать скот в город, перебраться туда самим, пересидеть, переждать.

— Я никого не держу, — сказал Клиф. — Идите. Моя жена и мои дети останемся и будем сражаться.

— И погибнете? — тот же голос.

Клиф нашел говорившего взглядом и заговорил, обращаясь прямо к нему.

— Джорнаки — тупое, примитивное племя. Мы продумаем тактику. Разработаем стратегию. Мы хитростью заставим их обойти деревню.

— Засыплете дома снегом? — засмеялись в толпе.

— Даже так, — серьезно кивнул Клиф. — Здесь жили мои предки, предки моих предков и их предки. Мой дом — моя крепость. Я обязан его защищать. Мы отгоним джорнаков от деревни и заставим их пойти напрямую к городу. А там — пусть спасут вас городские стены.

Весь этот разговор промелькнул у меня в голове, когда я посмотрела на Терна, думая о том, что ему сказать.

— Знаю, — сказала я наконец. — Мы тут подслушали пару разговоров. Детей и подростков хотят отправить в город, но мы останемся. Я хорошо стреляю. Ар-ка решила остаться, чтобы помогать отцу.

— Кто-то из деревни ушел?

Я пожалала плечами.

— Многие увели своих жен и детей почти сразу же. Но вернулись ни с чем. Горожане закрыли ворота и выставили на стенах солдат.

— Отличное решение, — сказал Терн с усмешкой.

Поглядев на небо, он вздохнул.

— Давай займемся оленем, темнеет.

Вдвоем оказалось гораздо проще связать лапник и устроить на нем тяжелую оленью тушу. Я привязала лапник к санкам, надела лыжи, и, взявшись на веревку вдвоем, мы потащили добычу через темнеющий лес в направлении деревни.

Я думала, Терн будет рассказывать и делиться впечатлениями, но он молчал. Я не читала писем, которыми обменивалась с ним Ар-ка, но она просто соловьем заливалась, расписывая на все лады успехи ее обожаемого жениха. Меня это иногда бесило, но я уговаривала себя относиться к ее радости снисходительно — влюблена же, ждет же. Любопытство меня не жгло — я уверена была, что она скрывает от меня разве что нежности, которыми обмениваются обычные жених и невеста. Хотя в день отъезда Терна я этих нежностей не заметила, да и вообще вели они себя, скорее, как хорошие друзья. Терн говорил о скорой свадьбе так, как другие говорят о скором отеле любимой коровы. Неизбежность, приятная, но не настолько, чтобы прыгать от радости и считать дни. А вот Ар-ка считала. Она как-то пришла ко мне домой заплаканная, и все выпытывала у меня, что я думаю насчет их с Терном отношений.

— Мне тут один парень предлагает встречаться. Практически ходит за мной по пятам, — сказала она. — Я ему, конечно, отказала, но теперь постоянно о нем думаю. Даже снится мне стал. Одн-на, как ты думаешь, Терн меня любит? Он не откажется от меня, когда вернется?

Я гладила ее по голове и уверяла, что не откажется.

Но почему тогда он ни разу не спросил меня о том, как поживает его невеста?

Я поглядывала на него искоса, шагая рядом по заснеженной опушке. Лыжи казались продолжением стройных ног — он держался уверенно и естественно. Болтающаяся за спиной котомка, судя по виду, была пуста. Интересно, давно ли он ел? Я, кстати, и сама забыла о чувстве голода, злясь на себя из-за оленя, но теперь он нахлынуло волной, заставив желудок заурчать, а рот — наполниться слюной.

— Погоди-ка, — попросила я, останавливаясь.

В моей котомке лежали хлеб и кусок вяленого мяса — достаточно, чтобы утолить первые позывы голода. Я достала хлеб и взглядом предложила Терну. Он мотнул головой, и я неожиданно разозлилась. Могла бы ведь вообще не предлагать. Наверняка он голоден не меньше меня, так почему отказывается?

— Ты правда не хочешь? До деревни еще далеко.

— Правда.

Я красноречиво посмотрела на плоский мешок за его спиной.

— Ты давно ел?

Он резко повернулся ко мне, и в глазах его неожиданно полыхнула ярость. Я даже отшатнулась.

— Слушай, Одн-на, не надо проявлять вежливость и заботиться обо мне, ясно? Я же сказал тебе, что не хочу есть.

Я несколько минут молча смотрела на него, потом так же молча откусила кусочек хлеба и положила в рот полоску мяса. Есть расхотелось. Захотелось сказать ему, чтобы катился к Инфи на кулички, забрать оленя и самой дотащить его до дома. И только беглый взгляд на неотвратимо чернеющее небо заставил меня, сжав кулаки, сдержаться. Одна я не справлюсь. Он нужен мне.

— Пойдем, — засунув почти нетронутую краюху хлеба и мясо обратно в котомку, я взялась за веревку и потянула.

Мы шли так несколько кажущихся часами минут. Почти совсем стемнело, но я уже знала эти места — бывала здесь, когда ходила на охоту раньше — и потому не волновалась по поводу возвращения. Конечно, мама будет переживать, но еще больше она будет переживать, если я вернусь домой без еды. Ловушки для бобров я только поставила, до прихода миноги времени еще много, а есть нужно было сейчас. Да и денег, вырученных за оленью шкуру, хватит на новую одежду и рыболовные снасти. В этом году мама впервые признала, что ее пальто пришло в негодность. Мне очень хотелось купить ей новое. Может, получится.

Терн споткнулся, и чуть не упал, заставив меня остановиться и с испугом посмотреть на него. Я вдруг заметила и темные круги под его глазами, и почти восковую бледность лица, и затрудненное дыхание.

— С тобой все нормально?

Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет. Не нормально. Одн-на, прости меня за то, что я выпендривался перед тобой. Если ты еще не передумала, дай мне, пожалуйста, кусочек этого замечательного вяленого мяса.

Пока Терн ел, я задумчиво поглаживала морду мертвого оленя и думала. Он не зря шел через лес, окольными путями, сделав большой крюк через горы. Эти места мы знали, как свои пять пальцев, и за два года Терн уж точно не смог бы забыть, что через озеро до деревни — самая короткая дорога.

— Ты специально прошел кружным путем? — спросила я.

Дожевывая мясо, Терн кивнул.

— Да. Там, в котомке — мои записи для отца. Он попросил меня кое-что проверить перед возвращением.

— Понятно, — я не стала переспрашивать, понимая, что это «кое-что» наверняка связано с планом Клифа и касается джорнаков.

Хотелось спросить его, почему он не интересуется здоровьем своей обожаемой Ар-ки, но что-то удержало меня от вопросов. Да, передо мной был все тот же товарищ детских игр Терн, но все же что-то в нем неуловимо изменилось. Дело не во внешности и вдруг появившейся в облике мужественности, нет, здесь было что-то другое. Или это другое было во мне? Мне не хотелось говорить об Ар-ке здесь и сейчас. Мне не хотелось, чтобы образ моей подруги вставал между нами, чтобы мы хоть немного побыли просто вдвоем... Инфи великий, о чем я думаю? Я что, сошла с ума?

— Если ты поел, нам лучше идти, — сказала я неожиданно сухо даже для себя самой.

Терн стряхнул с рук крошки и молча кивнул. Взявшись за веревку со своей стороны, он потянул за нее, и мы двинулись дальше.

Взобравшись на пригорок, за которым начинался спуск к деревне, я все-таки услышала имя Ар-ки, сорвавшееся с его губ. Но это был не тот контекст, которого я ждала.

— Ар-ка писала мне, что у тебя умер отец, — сказал Терн.

Я повернула голову. Он смотрел вперед, навстречу усилившемуся на возвышении ветру, и эмоций на его лице я разглядеть не смогла.

— Да, почти сразу после твоего отъезда, — сказала я.

— Мне очень жаль.

— Да, мне тоже.

Отца задрал на охоте белый медведь. Его искали несколько дней, пока, наконец, совершенно случайно не наткнулись на его замерзшие останки почти на другом конце Леса на Холме. Мама говорила, что медведь просто разорвал его пополам. Она не позволила мне на него посмотреть, когда его принесли попрощаться, не позволила мне и проводить его в последний путь. Живительное пламя Инфи приняло его в свои объятия уже давно, но я до сих пор не могла представить себе отца мертвым. Для меня он куда-то ушел... надолго ушел, но обязательно вернется, когда сможет.

Мы, не сговариваясь, остановились на самом краю. Оглядели ровные ряды домов, встречающих нас ласковым желтым светом окон, гладь озера, осколком зеркала блестящую чуть левее.

— Ну, вот ты и дома, — сказала я, не зная, зачем.

Терн повернулся ко мне. Его темные в ночи глаза искали что-то в выражении моего лица, и, кажется, нашли. Я не поняла, что происходит, а он уже сжал мою голову в своих ладонях и мягко дотронулся губами до моих губ.

Это был не дружеский поцелуй, но и не поцелуй парня, который хочет встречаться с девушкой. Мне показалось, я ощущаю горечь на губах, но все же я не смогла отстраниться до тех пор, пока он сам этого не сделал.

Отшатнувшись, я испуганно огляделась, словно вокруг не было этой шумящей ветреной пустоты, а мы не стояли на склоне совсем одни.

— Зачем ты это сделал? — спросила я.

— Уже совсем ночь, — сказал он, — нам нужно поспешить, или твоя мама снарядит за тобой спасательный отряд.

Круг второй

Первое мое воспоминание о Ли-ре — самое смутное и самое теплое — относится к моему самому раннему детству. Мне было года два, я лежала у себя в кровати, и вдруг оказалась у нее на руках, визжа, как поросенок, которого дернули за хвост.

— Ну, хватит, хватит, Одн-на! — говорила Ли-ра, стягивая с меня мокрые штанишки. — Ты просто перешла, со всеми бывает, со всеми.

Она подняла голову и крикнула куда-то вглубь дома:

— Онел-ада! Девочка перешла в первый раз, все нормально!

Я помню волосы своей матери, темные, длинные и шелковистые. Я зарывалась в них руками и представляла себе, что это мои волосы, что я — красавица из сказки, и что волосы могут спрятать меня от притворщиков, которые бродят вокруг каждое полнолуние. После того эпизода с Ли-рой я начала вспоминать и другую мать. Ее кудрявые волосы вовсе не были похожи на шелковистые локоны Онел-ады, а в голосе чаще звучало раздражение, чем ласка.

— Присмотри уже за ней, ты ведь старший! — говорила она светловолосому мальчику, стоящему у кровати, на которой лежала я. — Мне некогда, у меня белье не глаженное лежит.

Мальчику не очень хотелось смотреть за мной, но он терпеливо сидел рядом, иногда

подолгу, глядя, как я раскладываю снова и снова картинки с буквами в ряд или строю башню из кубиков.

— Как тебя зовут? — спросила я однажды.

Он серьезно посмотрел на меня и шмыгнул носом.

— Вовик.

— А я — Одн-на, — сказала я.

— Ты не Одна, ты Нина, — сказал Вовик.

— Нет, — запротестовала я. — Я не Нина.

— А вот и нет.

— А вот и да!

Я размахнулась и ударила мальчика кубиком по голове. В ответ он вцепился мне в руку и больно ущипнул. Я заревела, прибежала злая мама и рассадил нас с Вовиком по углам. Я кричала изо всех сил, что я Одн-на, до тех пор, пока мама не шлепнула меня по попе, чтобы я поплакала, по ее словам, «за дело». Я ревела и говорила ей, что у меня есть другая мама, с которой я хочу жить, называла ее злой и говорила, что я не ее дочка. Махнув рукой, мама ушла в кухню, готовить обед.

Когда мне исполнилось два звездокруга, Ли-ра объяснила мне, что меня зовут и Нина, и Одн-на. Я живу одновременно в нескольких мирах, у меня несколько мам и несколько пап, и все они меня любят. Просто не все знают про то, что есть несколько миров.

— Ты родилась по-настоящему только здесь, — сказала Ли-ра. — Твоя душа принадлежит Инфи — нашему богу, властителю всех имеющихся душ. Твоя душа может переходить из одного тела в другое. Как солнечный луч достает до самого дальнего уголка нашего мира, так и твоя душа может в мгновение перенестись в самый дальний уголок бесконечности.

— Но почему тогда я живу всего лишь в одном теле? — спросила я. — Мне не нравится та мама. Хотя Вовик хороший, когда не пытается отнять у меня кукол.

— Этот мир выбрала твоя душа, — сказала Ли-ра. — Возможно, она выберет какой-то другой. Возможно, нет. Все зависит от Инфи. Ты можешь прожить несколько жизней, а можешь всего две. На все воля Инфи.

— Получается, кто-то останется без души? — спросила я с удивлением.

Ли-ра засмеялась.

— Кто-то из них еще не родился. Кто-то уже умер в момент твоего рождения. Нести ответственность за чужую жизнь тяжело, милая. Посмотрим, как ты справишься с одной жизнью. Может быть, Инфи решит, что ты достойна, и даст тебе еще одну.

Но время шло, и больше я ни в кого не переходила. Свыкшись с Ниной, я перестала обижаться, когда меня называли по имени, даже подружилась с Вовиком, который уже совсем скоро вырос и стал Владимиром Ивановичем. Он закончил педагогический институт в тот год, когда я распрощалась со школой — и позже хорошим другом моего парня, Саши. Того самого, из-за которого я впервые и прыгнула через Червоточину.

А вот с мамой у меня не очень сложилось. Несмотря на то, что я попила из нее кровушки, пока не поняла, что со мной не так, меня она любила. А вот я... я была холоднее, чем должна была быть. Плача, несколько раз я признавалась Ли-ре в том, что не могу ответить любовью на любовь женщины, которая меня так же родила и воспитывала, как Онел-ада. Но Онел-ада была моя, по-настоящему моя. В моем сердце она занимала особое место. Кроме нее там жили только Ли-ра, Ар-ка и Терн, а на остальных у меня был отведен

маленький уголок в чулане, куда почти не проникал свет. Мы было стыдно, но с собой поделаться я ничего не могла.

После возвращения Терна, после его поцелуя все стало еще запутаннее и тяжелее.

В тот вечер Ар-ка пришла ко мне, светясь от счастья. Назавтра Пана устраивает прием по случаю возвращения сына. Небольшое торжество только для своих, и, конечно же, без нас с Онел-адой обойтись было нельзя. Ар-ка налила себе воды с приправами, взяла с тарелки свежую булочку и приняла объяснять нам с мамой, во сколько нужно будет прийти и как она рада тому, что ее ненаглядный жених вернулся.

Где-то на середине разговора о том, что праздник, кажется, будет последним в этот лунокруг из-за джорнаков, я поняла, что меня тяготит присутствие моей лучшей подруги. Поцелуй Терна жег губы. Возвратившись домой, я остановилась перед дверями и умыла снегом горящее лицо, но холод не смог погасить пожар, пылающий внутри. Я чувствовала себя предательницей. Сколько лет мы были неразлучны: я, Ар-ка и Терн, а теперь вдруг я позволила себе то, о чем никогда даже не задумывалась. Это глупо и нечестно. Во всем виноват Терн. С чего бы вдруг он стал целовать меня?

А может, он тоже хотел этого?

«Я не хотела, — сказала я себе, и повторила это еще сто раз ночью, когда лежала в кровати, не смыкая глаз. — Я не хотела, и этому не бывать».

Я с трудом поборолась в себе желание извиниться и лечь спать. Ар-ка приходила в таком восторженном настроении не раз, и я всегда сидела с ней, сколько требовалось, я всегда искренне радовалась ее счастью и желала ей только добра. Этот проклятый поцелуй.

Инфи великий, что я наделала. Зачем он так со мной?

— А что ты скажешь, Одн-на?

— Что? — я захлопала глазами так, что даже мама посмотрела на меня с удивлением. — Прости, задумалась.

— О чем?

Мысли заметались с лихорадочной быстротой.

— Джорнаки, — наконец, подсказал разум. — Терн говорил, что в городе тоже беспокойно.

— Да, и мне тоже, — кивнула Ар-ка, и я почувствовала укол в сердце, потому что этого как раз мне он и не сказал. — Потому и хотим только для своих. Вы, мы. Если захочешь, я приглашу Олл-арда...

— Не-ет, — застонала я, и они обе рассмеялись.

Олл-ард ходил за мной по пятам уже года три, но я упорно не желала подпускать к себе этого розовощекого толстого парня, сына нашего лекаря. Говорила себе, что дело в том, что я просто еще не готова принять чьи-то ухаживания, говорила себе, что еще успею. Многие девушки в деревне уже с рождения, как Арка и Терн, были с кем-то обручены, но меня обязательства не связывали, и я могла себе позволить выбирать.

Но мне это было не нужно, потому что я уже выбрала...

Я сама испугалась своих мыслей и поспешила прогнать их прочь.

Круг третий

Как долго влюбленность можно скрывать от посторонних? Всю жизнь. Как долго ее можно скрывать от матери? Мгновение.

Когда посиделки в честь возвращения Терна, громко названные Ар-кой «приемом», наконец, закончились, и мы вернулись домой, первое, что сделала мама — схватила меня за

руку и заставила посмотреть себе в глаза.

— Что с тобой случилось, Одн-на?

Сначала я не поняла, а потом попыталась сделать вид, что не понимаю, но ее было не провести.

— Зачем ты позоришь меня и память своего отца?

Я задрала голову и посмотрела на нее.

Весь вечер я старалась вести себя, как обычно. Смеялась над шутками Терна, поддерживала рассказы Ар-ки о временах его отсутствия, послушно вышла с ней в другую комнату, когда мужчины заговорили о джорнаках. Мы обе обожали Фелика, младшего брата Терна, и с удовольствием выслушали его полный энтузиазма пересказ героических подвигов Человека-медведя из привезенной Терном книжки.

Я обнялась с Терном еще раз, прижав его к себе не крепче, чем обычно, я пошутила над скорой свадьбой своих лучших друзей — не злее, чем обычно. Я старалась не смотреть на Терна чаще, чем положено, но все же ловила иногда на себе его взгляд и чувствовала, как пересыхает от этого взгляда во рту.

Что-то сдвинулось во мне после его приезда. Что-то случилось со мной за те два года, которые он провел вдали от деревни, от Ар-ки, от нас всех. Не было больше той легкости в беседе, не было того озорного смеха в глазах, стали заметными случайные прикосновения, взгляды, жесты.

Я любила Арку, как сестру, и я думала, что люблю Терна, как человека, который вскоре станет мужем моей сестры. Я никогда не думала о том, как его губы прижимаются к моим, как его глаза останавливаются на моем лице, как его руки касаются моих рук.

Я старательно выбрасывала эти мысли из головы. Но мама заметила. Заметила и не стала молчать.

— Я не позорила тебя, я не делала ничего недопустимого, — сказала я, открыто и честно глядя на нее.

— Если это заметила я, считай, заметила и Пана. — Мама посмотрела на меня более внимательно, и взгляд ее смягчился. — Одн-на, детка. Не твоего он поля ягода. Он уже обручен с Ар-кой, скоро свадьба...

— Да я знаю, — сказала я тихо.

Вывернувшись из ее рук, я прямо в обуви пересекла комнату и подошла к окну.

— Я знаю о том, что их отцы дали друг другу слово, которое нельзя нарушить, — сказала я, глядя на свое отражение в оконном стекле. — Я знаю, что они скоро поженятся. Я знаю, что Ар-ка — моя лучшая подруга, и что Терн — мой лучший друг.

— Мне очень жаль, деточка, — сказала мама позади меня. — Терн просто вырос, и ты стала видеть в нем мужчину. Это увлечение, моя девочка, оно скоро пройдет. Поверь мне.

Я сжала губы.

— Верю. Верю, мама.

Я вернулась к порогу, разулась и сняла с себя пальто.

— Завтра мы займемся шкурой. Я получила хороший заказ, — сказала мама. — Ты никуда не собираешься?

Я покачала головой. Оленье мясо лежало в леднике, еды было вдоволь, и ходить на охоту в ближайшее время не было нужды.

— Нет, не собираюсь. Я помогу тебе.

— Одн-на, милая.

Я обернулась.

— Да. Да, мама.

— Пообещай мне, что не позволишь себе поступить недостойно дочери своего отца.

Я почувствовала, как каменеют мышцы лица, как холодеет сердце от тех слов, что я должна была сейчас произнести.

— Я обещаю тебе, мама. Даю слово.

Круг четвертый

В моем сознании тот день отпечатался с предельной ясностью. Как будто его события кто-то записал на бумаге, мгновение за мгновением, час за часом, вечность за вечностью, а потом давал мне перечитывать, снова и снова, чтобы я запомнила все до мельчайшей детали.

Стоял один из тех ветреных дней, которые предвещают начало снежной бури. Я держала слово, данное матери, как могла, изо всех сил избегая встреч с Терном, который, в общем-то, тоже словно сторонился меня. В деревне ждали свадьбы — на торжестве отец Ар-ки и Клиф решили, что больше тянуть нельзя. Со дня на день после окончания звездокруга джорнаки должны были пересечь границу запретного леса и начать движение в нашу сторону. Решено было поженить влюбленных на новый звездокруг. Кто знает, может, после нападения кто-то из них и отправится к Инфи, в любом случае, ждать, что будет после нападения джорнаков, нельзя.

Ар-ка, бледная как смерть и такая же спокойная, заявила, что торжества не будет и попросила друзей и приятелей извинить за то, что не станет никого приглашать. На свадьбе будут только родители и я, как лучшая подруга жениха и невесты.

— Даже если завтра мы умрем, — сказала она, и голос ее дрогнул от страха, — я хочу умереть женой Терна.

Все поддержали это решение. В деревне еще несколько пар объявили о том, что хотят скрепить свои союзы до нашествия. Олл-ард обивал пороги моего дома, умоляя принять его предложение, но я не могла заставить себя пойти на это, даже зная, что мы оба можем погибнуть в схватке не на жизнь, а на смерть.

Муж Ли-ры, оборотень, уже несколько дней выводил волков постарше и помоложе на озеро. Волки дрались между собою, учились отбивать атаки сразу с нескольких сторон, учились тактике и стратегии. Они ютились за деревней, в лесу, но в момент, когда пришло время выбирать бегство или сражение, они выбрали сражение. В волчьих норах могли поместиться дети. На деревенском совете было решено отправить к волкам самых маленьких детей — их должна была защищать дюжина старых, но еще крепких и сильных волчиц.

Тем, кто остался, поручили кучу тяжелой работы. Прежде всего, в запретном лесу понаставили капканов. Хищные железные пасти скалились из-под снега, карауля неосторожного путника, и мы надеялись, что этот нехитрый ряд защиты соберет во время нападения свой урожай. Старую волчью тропу, ведущую через лес, расчистили так, чтобы направить джорнаков по ней — на случай, если они придут с этой стороны. Волчья разведка донесла, что пока враги окопались в деревне Йос, что прямо за лесом. Оборотни в животном обличье не умеют анализировать и даже считать, но волчата вернулись назад, поджав хвосты и жалобно скуля.

Как объявил нам на деревенском собрании Клиф, по примерным подсчетам на нас идет около тысячи человек. В деревне вместе с волками и малолетними детьми нас было едва ли двести.

— Мы знаем нашу территорию, они — нет. Мы будем ждать их не только в лесу, но и на

озере. Именно на темные воды Атта — наша последняя надежда. Они должны помочь нам и спасти, как спасали и помогали многие и многие звездокруги до нашего рождения. Мы расколем лед и заставим джорнаков пойти по нему за нами. Мы утопим их в водах Атта, взорвав пашки, которые приготовит Ли-бела со своими сыновьями. Но нам нужны будут добровольцы.

В добровольцы выбрали девушек. Нас осталось в деревне не так много, но именно мы, легкие и быстрые, как горные гайры, должны были завлечь армию джорнаков на лед. Мужчины с тяжелым оружием обеспечат нападение сзади. Мы загоним врагов на лед и предадим их милости Инфи, отправив в глубокие воды озера.

— Многие погибнут, — сказал Клиф, обводя нас тяжелым взглядом. — Но это единственный наш шанс справиться с этой ордой. Иначе от нашей деревни уже через день не останется ничего, наших женщин заберут в рабство, а наших детей просто убьют, чтобы не кормить лишние рты.

Мы все расходились после этого совета, как пришибленные. Подготовка началась почти сразу же. Братья Ар-ки не выходили из кузницы с утра до ночи, но теперь с ними в душном, похожем на жерло вулкана помещении все чаще и чаще оставались сыновья Ли-белы, два ражих парня с лицами, обожженными огненным порошком.

Ночами, когда деревня погружалась в сон, мы выходили на лед, бурить скважины, в которые будет опущена взрывчатка. Казалось странным и страшным представить себе, что к концу этого большого лунокруга вся наша жизнь изменится навсегда.

Моя жизнь изменилась раньше.

Днем, пока мужчины работали, мы, женщины, готовили припасы. Теперь на наши плечи легла охота и рыбалка, ловушки для бобров и выделка шкур, заготовка дров и шитье теплой одежды. Мы часто работали в доме Терна: я, Пана и Ар-ка, и я каждый раз придумывала предлог, который позволил бы мне остаться дома, но каждый раз не могла себя заставить им воспользоваться.

Пана была исключительной мастерицей. Она когда-то научила меня быстро и ловко свежевать туши животных, от самого мелкого до самого крупного. Она научила меня управляться с иглой, и это умение мне очень пригодилось на Земле, где уже к окончанию школы я зарабатывала себе на косметику и духи шитьем.

Близость джорнаков пугала меня настолько сильно, что я подумывала о переходе к Нине, но Ли-ра в двух словах объяснила мне, почему мне этого делать не стоит.

— Пока ты находишься там, твое тело здесь беззащитно. Ты можешь уйти, прожить там несколько дней, недель или даже лет... Но в миг перехода и в миг возвращения твое тело будет пустым и открытым для врага. Тебя убьют, как только ты вернешься. Ты рождена в этом мире, моя милая, и смерть здесь для тебя означает смерть во всех мирах. Потому никто из нас и не станет переходить во время битвы. Потому так важна для нас эта победа. И я рада, что ты тоже станешь частичкой этой войны, потому что, победив, мы можем заслужить милость Инфи, и он даст нам еще одну жизнь.

После деревенского собрания, на этот раз из-за ветра проведенного в местном баре, я и еще несколько девушек остались убирать со столов. Держала бар вдова бывшего нашего доктора, высокая некрасивая женщина, неприветливая к любой особе мужского пола старше пяти звездокругов. Я носила пустые стаканы в кухню, где сразу несколько девушек встали у тазов с водою, принявшись отмывать стаканы до блеска. Когда зал опустел, я взяла таз с водой и тряпку и принялась вытирать столы. Взрыв хохота, донесшийся из кухни спустя

какой-то время, привлек меня.

— Да ну, ты шутишь! — сказала Лам-ке, первая красавица деревни — я узнала ее по надменной интонации голоса. — Не может быть!

— Выгляните же сначала! Что вы глупости говорите! — шикнул кто-то.

Видимо, из кухни выглянули — я как раз собирала с пола рыбы кости, и потому не видела.

— Ушла! — радостно объявили. — Ну и слава Инфи, при ней и не поговорить.

— Ушла, надо же. Она пошла прохладиться со своей милой Ар-кой, а мы тут мой, — кисло возразила Лам-ке.

Уши у меня вспыхнули огнем. Так этот обидный смех относится ко мне? Так это «слава Инфи» относится ко мне? Я разрывалась между желанием встать с колен и во всеуслышание объявить о своем присутствии и охотой дослушать разговор до конца. Я решила дослушать, но буквально следующая пара реплик выбила из меня дух и заставила лишиться дара речи.

— Видели сегодня на собрании? Ее матушка так и липла к мужу знахарки. Интересно, давно они встречаются?

Снова раздался взрыв хохота.

— Ой, мне так смешно, что даже противно, — сказала Лам-ке. — Вся деревня уже о них шепчется. Наверное, только знахарка сама и не знает.

Внезапно я поняла, что не хочу больше этого слышать. Что мне нужно сейчас же зажать уши руками и убежать, неважно, куда: в лес, к озеру, навстречу джорнакам.

Но я сидела на месте, как прикованная. Я слушала, как Лам-ке и ее подружки обсуждают, как «мило» краснеет моя мать, когда видит мужа «знахарки», как однажды их видели держащимися за руки, и они не поспешили разжать рук, когда заметили, что попались. Девушки поливали грязью Ли-ру, приписывая ей и женские болезни — «посмотрите на дочь — надо же, какую дуру на свет произвела», и скудоумие, раз уж не замечает очевидной измены мужа. Меня не обошли стороной. С делающей ей честь кропотливостью Лам-ке проанализировала каждую черту моего лица, сравнив ее с чертами лица мужа Ли-ры, и пришла к выводу — нет, все-таки я не его дочь.

Я положила тряпку на пол и осторожно поднялась на ноги. В голове гудело. Раздавшийся после очередной реплики Лам-ке взрыв хохота прозвучал для меня отдаленным звоном. Я вытерла руки, взяла со скамейки пальто и вышла в зиму, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мне не хотелось видеть ее. Мне не хотелось возвращаться домой и слышать о том, что я должна вести себя пристойно и держать данное ей обещание.

Я не должна позорить семью. Не должна видеться с Терном, не должна касаться его, не должна говорить с ним.

Почему же она не может удержать своей руки на расстоянии от руки другого — женатого! — мужчины? Почему она позволяет себе загонять меня в угол и требовать от меня слова чести — чести, которую она сама не в силах блюсти?

Я шла по улице, как слабоумная, глядя в никуда и ни на кого не обращая внимания. Окрик Фелика вернул меня к реальности.

— Одн-на! — этот голос, так похожий на голос Терна, едва не разбил вдребезги мое самообладание.

Я обернулась и постаралась наклеить на лицо улыбку. Я любила этого мальчика. Любила так сильно, что могла бы за него убить.

— Привет Человеку-медведю!

Он довольно заулыбался, подбегая ко мне. Я шутливо наклонилась, чтобы расцеловать его в щеки, но поморщился и отскочил прочь. Все как всегда. Молодец, Одн-на, ты ведешь себя так, чтобы не уронить чести.

— Одн-на, у меня к тебе серьезное дело, — сказал Фелик. — Терн просил передать тебе письмо. Он сказал, это очень важно, это касается джорнаков. И он сказал, что ты скоро придешь к нам в гости. Ты ведь придешь, правда?

Я взяла из его маленькой ручки запечатанный воском квадратный кусок бумаги. Сердце мое подпрыгнуло, когда я коснулась этого листка. Мне захотелось выбросить его далеко-далеко в снег, но я не позволила себе этого сделать просто потому что передо мной стоял мальчик, который любил своего брата так сильно, что готов был убить за него.

— Спасибо, Фелик, — сказала я с чувством. — Ты такой молодчина. Передай маме привет, мы с Ар-кой обязательно придем к вам в гости.

Он гикнул и побежал прочь, а я развернула замерзшими пальцами послание и прочла наспех написанные торопливым почерком Терна строки:

«Одн-на, нам необходимо встретиться и поговорить. Пожалуйста, приходи увидеться со мной к охотничьей сторожке отца завтра после заката. Т.»

Я сжала письмо в руках с такой силой, что оно превратилось в маленький комочек бумаги. Мне не о чем говорить с тобой, Терн. Ты женишься на моей подруге, а я дала слово матери.

Но я уже знала, что буду там в назначенное время. Просто потому что я тоже имею право встретиться со своими чувствами лицом к лицу... Даже если придется сразу же после встречи оттолкнуть их.

ГЛАВА 26

Круг пятый

Я буквально заставила себя преодолеть последние несколько шагов до сторожки и остановилась, переводя дыхание. Вот он, этот домик. Отец Терна построил его еще во времена своей молодости, после того, как однажды, возвращаясь с охоты, едва не замерз в лесу на подходе к деревне. В деревянном домике было все: печка, старая кровать с железной сеткой, консервы в шкафу, посуда. Можно было приготовить еду, вскипятить воду и передохнуть, слушая, как за окнами завывает морозный ночной ветер.

Ар-ка редко бывала здесь, а мне это место нравилось. Отсюда было рукой подать что до озера, что до реки, и иногда мы с матерью останавливались здесь в ночь, когда приходила минога. Набив животы едой и подбросив в печку дров, мы усаживались за столом и болтали о том о сем, чувствуя себя вдалеке от всех забот и хлопот.

Мне оставалась всего пара шагов до двери, когда я остановилась, скованная внезапной робостью.

Зачем он позвал меня сюда? Что это за разговор? Зачем я пришла сюда? Разве я не дала матери слово?

При мысли о маме сердце защемило. Вчера я добралась до дома как в полусне. Мама попыталась вовлечь меня в разговор, но я пробормотала что-то сквозь зубы и ушла в комнату. Включив музыкальный ящик, я снова и снова слушала песню о невозвращении, заставляя себя отвлечься от мыслей. Мне хотелось все ей высказать. Хотелось подскочить к ней и дать пощечину.

Как она может? Еще и десятка больших лунокругов не прошло после смерти отца. Я

вспомнила его доброе лицо и улыбку и заскрипела зубами. Я не могла сейчас расспросить ее. Обязательно сорвалась бы и наговорила бы лишнего. Но молчание жгло меня раскаленным железом, и сегодня все стало только хуже.

Я услышала шаги позади и обернулась. Это был Терн. Он не улыбнулся, увидев меня, хотя глаза его смотрели прямо в мои. Я словно приросла к месту под его взглядом. Руки задрожали так сильно, что пришлось сжать их в кулаки, чтобы скрыть эту дрожь.

— Привет, Одн-на.

Облачка пара вырвались из его рта при этих словах.

— Привет, — сказала я.

— Войдем? — мотнул он головой в сторону сторожки.

Я кивнула. Мы подошли к двери, и Терн, неожиданно заступив мне дорогу, открыл дверь и вошел внутрь первым. В полутемном помещении отчетливо раздался его голос:

— Стой у порога, я не хочу, чтобы ты споткнулась.

Он зажег стоящий на столе походный фонарь, покрутил фитиль, регулируя мощность. Переступив порог, я закрыла за собой дверь и послушно замерла на месте. Терн взял фонарь со стола и опустил к полу, чтобы я увидела, что стало причиной его предостережения.

Я не сдержала вздоха.

На полу ровными рядами лежали те самые шашки, о которых говорил на деревенском собрании Ли-бела. К некоторым из них уже были привязаны длинные фитили, некоторые еще лежали неподготовленными, но выглядели они внушительно. Настолько внушительно, что меня передернуло, когда я представила себе, как побежит по фитилю огонь, как ударит он в этот начиненный огненным порошком шар, и как взлетит к небу, чтобы затем рухнуть на землю, вся армия джорнаков.

— Мы решили переносить их сюда по мере готовности, — сказал Терн, заметив мой пристальный взгляд. — Это все же правильнее, чем тащить всю кучу разом.

— Да, — сказала я и замолчала, все так же стоя у порога. Что еще сказать, я не знала.

— Я хотел поцеловать тебя с той минуты, как увидел, — сказал он, не отводя от меня взгляда.

Я почувствовала, как загораются жарким румянцем мои щеки. В моих мыслях Терн извинялся и называл происходящее ошибкой, а потом мы забывали об этом навсегда. Я услышала свой фальшивый смех и тут же заставила себя замолчать.

— Прости. Я... я не понимаю.

— Ты все понимаешь, — сказал он, медленно приблизившись. Свет фонаря падал на мое лицо, лицо же Терна оставалось в тени, и я не могла видеть его выражения. Но я слышала голос. И в голосе было все, о чем я не могла заставить себя подумать. Все то, чего я так боялась. — Я все это время был с тобой, Одн-на. Мне нужна ты, а не она.

Я вытянула вперед руку, упершись ею в его грудь. Мысли замутились.

— погоди. Нет. Хватит. Если тебе так нужна я, то почему сейчас? Почему теперь, когда назначена дата свадьбы? Ты же никогда, ни разу ни словом, ни взглядом не сказал мне...

Я замолчала.

— Тогда я мог с этим справиться, — сказал он. — Теперь не могу.

Я не выдержала и топнула ногой.

— Глупости! Терн, ты женишься на ней! Ты все это время встречался с ней! Обнимал ее, держал за руку ее, говорил о свадьбе и детях с ней!

— Ты же понимаешь, что значит для меня слово, данное моим отцом, — сказал он

холодно. — Я обнимал ее, я провожал ее до дома, и я женюсь на ней. Но ты должна знать, что все это время я думал только о тебе. Я ни к чему тебя не принуждаю. Но я хотел, чтобы ты знала.

Он помолчал, глядя на меня. Я то краснела, то бледнела от его слов, но не могла найти в себе силы прервать эту речь. Не могла... и не хотела. Я слышала его слова и думала о том, что такого не может быть, что это все глупая сказка, выдумка, которыми так часто потчевала меня в детстве Ли-ра, но упрямое сердце шептало: «Все так и есть, ты это знала, ты ведь тоже о нем думала, вспомни, дурочка, вспомни тот вечер, когда он чуть не умер, вспомни...»

— Ты ни в коей мере не обязана мне отвечать. Хоть чем-то, — сказал он, наконец. — Сколько, ты думаешь, здесь шашек, Одн-на?

Я удивилась такой резкой перемене темы, пробежала глазами по круглым поверхностям, сказала, пожав плечами:

— Дюжина, может, больше.

Он кивнул. Подойдя к одной из сфер, к которой же был примотан длинный шнур, Терн опустил перед ней на корточки и вытянул его во всю длину.

— Мы пробуем тридцать две скважины. Заложив туда взрывчатку, выведем из прорубей шнуры так, чтобы их концы вышли наружу. Концы будут прикреплены в связки по восемь штук и привязаны к длинным веревкам. Когда джорнаки доберутся до ловушек, кто-то должен будет дернуть за веревку и вызвать взрыв.

Я с сомнением посмотрела на металлический шар перед ним. Тридцать две таких штуки смогут остановить нападение тысячной армии?

— Мы заложим шашки по периметру, так, чтобы при взрыве сломался лед. Джорнаки тащат с собой дубины, железные пальцы, оружие, которое они украли в других деревнях. Их будет много, и они будут идти толпой. Тех, кто будет заманивать их на лед, будет мало, и они будут налегке. Вы сможете убежать, когда лед начнет трескаться.

Я вздернула бровь.

— Мы?

— Нам нужны будут добровольцы, чтобы дернуть за веревки. Один из них будет стоять как раз за спиной джорнаков, когда они пойдут к озеру. Его задача — остаться незамеченным, пока армия будет проходить мимо, и дернуть веревку в тот момент, когда они окажутся в нужном месте.

— Есть какие-то другие планы? — спросила я.

Он кивнул.

— Частично мы надеемся на капканы, мы заложили сотню, они выведут часть из строя. Мой отец и Ли-бела мастерят какую-то пушку, но она — наша последняя надежда, и я не уверен, что на нее стоит полагаться. Пушку хотят поставить у деревни, так, чтобы дать хотя бы залп, если джорнаки все-таки прорвутся.

Я вздрогнула, представив себе эту картину. Море оскаленных желтозубых ртов, всклокоченные бороды, палки, вилы и железные пальцы на длинных цепях, несущие смерть. Сто капканов. Тридцать две шашки. Двести человек, включая детей против тысячной орды дикарей, пожирающей все на своем пути.

— В деревне останутся только женщины. Мужчины пойдут в запретный лес, мы попробуем задержать их там и сбить с пути таким образом, чтобы они повернули к озеру именно в то месте, где это нам нужно.

— Озеро большое, — сказала я.

— И берега его обрывистые, и нет к ним поступа ни человеческой ноге, ни зверя лесного, ибо озеро это...

— Есть зеркало Инфи, — закончили мы в один голос слова из легенды, которую в детстве рассказывала нам Ли-ра.

— Я помню эту историю, — сказал Терн, поднимаясь с чуть заметной улыбкой на устах. — Ли-ра рассказала мне ее раз сто, пока я болел.

— Ты тогда здорово болел, — согласилась я. — Всех нас перепугал до полусмерти. Ли-ра не отходила от тебя дюжину ночей.

— И твоя мама тоже, — откликнулся он. — Ты не против, если я зажгу огонь? Холодновато.

Пока Терн возился с дровами, я вспомнила то время, о котором мы так неожиданно заговорили.

Это был, кажется, конец первого летнего большого лунокруга. Уже шли дожди, уже клонила к земле чахлая травка, не успевшая набрать ни сил, ни зелени за столь короткое время. Я помнила, что Терн тогда ушел с отцом на охоту, а вернулся у него на руках, без кровинки на лице. Кабан, которого он посчитал мертвым, извернулся и ударил его в живот своими клыками. Пана едва не сошла с ума от испуга. Доктор сказал, что помочь ничем уже нельзя, слишком много крови вытекло внутрь, и Терн умрет в течение ближайшей пары дней.

И тогда в дело вмешалась Ли-ра. Я помню ее тихий успокаивающий голос, помню прикосновение ее рук — я сидела зареванная у постели Терна, когда она пришла к нему домой. С величайшими предосторожностями Терна перенесли к ней. Я не отходила от него ни на шаг. Ар-ка рыдала так, что у нее перехватывало дыхание, и после долгих уговоров все же решилась отправиться домой и прийти назавтра. Я осталась с Терном и Ли-рой, которая без разговоров приступила к лечению. Она поставила на огонь свой котелок и закинула туда один за одним несколько пучков разных трав.

— Это уймет боль и успокоит кровь, — сказала она мне. — Я не могу узнать, что с ним, если он не даст мне себя осмотреть. Мне нужно успокоить его.

Я, вытирая слезы, подошла к постели Ли-ры, которую теперь занимал Терн. Дочку Ли-ра отправила под присмотр Паны — я помню, что она очень боялась мужчин, как будто бы знала, что примет смерть от мужской руки.

Терн лежал на кровати, его волосы прилипли ко лбу, взгляд был направлен в никуда. Я протянула руку и дотронулась до его руки, и он вдруг выгнулся и закричал тонким криком попавшего в капкан зверька.

Я отскочила, подбежала Ли-ра. Выпроводив меня из комнаты, она сказала, что пора бы и мне тоже идти домой.

— Но он же кричит, ему больно, — сказала я, а сердце в груди сжималось и болело. — Ли-ра, ну сделай что-нибудь, сделай!

— Сделаю, — сказала она. — Я тебе обещаю.

Она на самом деле сделала, и через несколько дней Терн пошел на поправку. Уже на следующий день после ранения он выглядел намного лучше, жар прошел, исчезла бледность, наполнились кровью искусанные губы. Я сидела рядом с Ар-кой, не выпускающей его руки из своей и думала о том, что Ли-ра сотворила чудо. Настоящее чудо.

Я вспомнила эту историю и улыбнулась. Да, тогда мы все здорово всполошились. Моя мама постоянно заходила к Ли-ре, я же вообще оттуда и не вылезала.

При мысли о матери моя улыбка увяла. Может, тогда и начался ее роман с мужем подруги? Может, пока Ли-ра не спала ночей, ухаживая за Терном, ее муж и моя мать пригляделись друг к другу?

— Что с тобой? — спросил Терн, захлопывая дверцу печи, в которой теперь весело плескался огонь и поворачиваясь ко мне. — На тебе лица нет.

Я покачала головой, но он подошел поближе и взгляделся в мои глаза.

— Все нормально, — но голос дрогнул, выдавая ложь.

Мягко приподняв мой подбородок, он заставил меня посмотреть в его глаза. В них читалось лишь безграничное участие и та искренность, которую я привыкла видеть там всегда. И я сдалась. Я рассказала ему о слухах, которыми девушки в баре привели меня в состояние ужаса. Я рассказала ему о том, что теперь и сама начинаю вспоминать — или кажется, что начинаю. Жесты, встречи в отсутствие Ли-ры, интонации матери, когда она говорила обо всем, что касалось Ли-ры и ее семьи.

— Послушай меня, — он отстранил меня от себя и легонько встряхнул, заставляя успокоиться. — Доказательств нет. Обо мне и тебе тоже судачили, да еще как, поверь. Мы с тобой часто ходили на рыбалку вдвоем — не чаще, чем с Аркой, но ходили, — иногда возвращались затемно. Ты не знаешь, но мать говорила мне, что в баре обсуждали меня и мою вторую невесту. Именно потому я перестал звать тебя с собой в последнее время и так холодно попрощался перед отъездом. Я не хотел, чтобы тебя ранили эти слухи. Их не будет и теперь, слышишь?

Я смотрела на него, не отрываясь.

— Я узнаю все, что могу, насчет твоей матери и мужа Ли-ры. Если Лам-ке и еще бестолковые подружки очерняют ее, я выведу их на чистую воду.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не благодари за то, чего я не сделал. — По его взгляду я видела, что он хочет сказать — и сделать! — то, о чем мы оба пожалеем, но Терн удержался. — Я принес сыр, хлеб. Ты ужинала?

— Нет, — сказала я, — но мне вряд ли сейчас полезет...

Он отмахнулся от меня и перенес фонарь на стол у окна.

— Я позвал тебя сюда не только затем, чтобы сказать тебе о своей любви, Одн-на, — сказал, когда мы приступили к ужину, состоящему из пары вареных яиц и хлеба с сыром. — Я хотел попросить тебя об одолжении.

— Говори, — сказала я.

— Моя мать организует обучение женщин, которые останутся в деревне, на всякий случай. Я хочу, чтобы ты тоже завтра пришла. Ты ведь остаешься, так?

— Хорошо, — сказала я. — Да, я остаюсь. Мы все остаемся.

Круг шестой

Ар-ка пришла ко мне накануне дня рождения Клифа. На ней были черные одежды, на голове — черный платок, и моя мать перепугалась, увидев ее в таком наряде.

— Инфи великий, Ар-ка, милая моя, что случилось, кто-то умер?

Ар-ка переступила порог и хлопнула дверью так, что задрожали стекла. Глаза ее были красны от слез и метали молнии. Мне захотелось забиться в угол, закрыть глаза и не видеть ее опухшего от рыданий лица, заткнуть уши и не слышать ее звенящего от боли голоса.

— Умер? Скорее, умерла! — выкрикнула она.

Подойдя ко мне — я сидела на стуле за шитьем, латала перчатки — она с грохотом

опустилась на стул напротив, пододвинула его к столу и, подперев голову руками, вперила в меня взгляд.

— Что случилось? — спросила моя мама. — Ар-ка, почему ты себя так ведешь?

Я подняла голову и посмотрела на свою подругу. Причина у такого поведения была только одна, и я ее точно знала.

Вчера я и Терн снова встретились в том охотничьем домике. Он сказал, что слухи о моей матери — неправда, и что он не может держаться от меня на расстоянии, зная, что мы оба можем умереть вот уже через дюжину дней. Со времени нашего первого свидания прошел почти целый малый лунокруг — двадцать шесть дней, каждый из которых терзал мне сердце и ломал душу. Я держала слово, данное матери, Терн держал слово, данное его отцом отцу Ар-ки. С тех пор мы виделись всего однажды — через два дня, когда я вызвалась быть добровольцем, Терн нагнал меня у озера и сказал, что гордится мной. Он поцеловал меня так, что земля ушла из-под ног, но я все-таки нашла в себе силы его отстранить и попросить...

Нет, не извинений. Милосердия.

— Нам лучше вообще не видеться, Терн, чем видеться так. Это нечестно по отношению к Ар-ке.

— Я знаю, — сказал он, снова прижимая меня к себе и пытаясь поцеловать, но я отстранилась и не позволила, и поцелуй пришелся куда-то в щеку. — Я все знаю.

— Я не смогу изображать хладнокровие, если ты будешь меня целовать. Я не смогу смотреть на Ар-ку в день свадьбы и не думать о том, что на ее месте хотела бы быть я, я не...

— Я знаю, — снова сказал он. И вдруг решительно: — Я поговорю с матерью.

— Нет! — я схватила его за руку, словно он уже готов был вот-вот вырваться и побежать. — Прошу тебя! Прошу тебя, Терн, я не смогу, я не сумею!

И он сдался.

Я ушла навстречу ветру, и с тех пор виделась с ним мельком, обмениваясь при встрече дружескими приветствиями, но даже разговора старалась не заводить, ибо понимала — будет только хуже.

Мать заметила, что я стала меньше есть и меньше спать. По вечерам, когда девушки, закончив работу, забредали в бар обменяться сплетнями и пропустить по кружке пива вместе с местным парнями, я возвращалась домой, садилась у окна и смотрела на закат.

Откуда-то оттуда должны были прийти джорнаки. Я представляла себе людскую волну, катящуюся по равнине, слышала в мыслях их шипящий говор, грубый смех, кашель, чувствовала, как щекочет ноздри запах давно немых тел и старой крови. Я пыталась думать о них, чтобы бородатые лица заслонили то и дело встающее передо мной лицо Терна и его губы, произносящие слова любви.

«Я обнимал ее, я провожал ее до дома, и я женюсь на ней. Но ты должна знать, что все это время я думал только о тебе».

И я тоже думала о нем. Сердце мое умирало день за днем, отсчитывая время до их свадьбы. Я не верила себе, не верила, что смогу жить дальше, что смогу каждый день улыбаться и смотреть в глаза подруге, которую предала, улыбаться ее мужу, которого люблю.

Я призналась себе, что любила Терна. У меня не было выбора. Я закрыла глаза и сказала себе, что придется жить с этой любовью до самого конца. Не веря, не надеясь.

А потом он снова передал мне письмо через маленького Фелика.

«Одн-на, я узнал правду. Давай встретимся сегодня, там же. Т.»

Эта встреча стала началом конца.

Терн встретил меня у сторожки. Глаза его были черны, волосы растрепаны, на лице написана тревога. Он быстро подал мне руку и завел в сторожку, где ровными рядами лежали уже тридцать шашек.

— Твоя мать и муж Ли-ры не встречаются, — сказал он. — Лам-ке пускает сплетни, как обычно, но с завтрашнего дня уже не будет.

— Откуда ты знаешь?

Он помолчал.

— Твоя мать встречается с другим мужчиной, с Ли-белой.

— С Ли-белой? — удивилась я. — Но он же...

— Да, он младше нее и у него дети — твои ровесники, но он хотя бы не женат, — сказал Терн, и я вспыхнула от тона его слов. — Завтра я скажу Ар-ке, что не женюсь на ней.

— Что? Почему? — я задохнулась от нахлынувших чувств. — Терн, мы же решили...

— Ты можешь умереть, — сказал он, и я замолчала. — Ты можешь умереть, и я никогда не буду иметь возможности коснуться твоего лица, твоих губ, обнять тебя.

Я закрыла лицо руками и отошла к стене. Ар-ка тоже может умереть. Стать женой Терна и умереть, оставив его вдовцом...

В следующую секунду я готова была провалиться сквозь землю от стыда за собственные мысли, но они уже вошли в мое сердце, вонзились в него острым кинжалом и заставили его кровоточить.

— Я тоже могу погибнуть, — сказал он. — Но я рожден не здесь, и я просто перейду, а вот ты...

Я отняла руки от лица и посмотрела на него. Я впервые слышала от Терна что-то в этом роде. Я думала, что все жители моей деревни — истиннорожденные, кроме Паны, которая пришла из какого-то другого мира, но чтобы Терн оказался чужаком?

— Откуда ты?

— Мать родила меня в мире 16-14-ОЗ... — И он назвал еще целую кучу цифр. Я даже примерно не представляла себе, где это. Даже название звезды прозвучало для меня незнакомо, а ведь Ли-ра поведала мне тайны многих звезд. — Пана — моя мать в еще одном мире, но по-настоящему родила меня женщина, которую я увижу только после своей смерти. Тот мир находится на другой оси времени. Если я уйду сегодня и вернусь завтра, здесь пройдет сотня звездокругов.

— Поэтому ты и не перейдешь, когда придут джорнаки, — сказала я.

Он кивнул.

— Поэтому. И еще из-за тебя. — Терн приблизился и взял мои руки в свои. — Я люблю тебя. Я живу только рядом с тобой. Я не могу без тебя. Я так долго ходил по мирам, чтобы не думать о тебе. Но если ты умрешь, я здесь не останусь. Я перейду, и мне плевать, что станет с Аркой и остальными.

— А если нет, — сказала я.

— Идем со мной.

Мы вышли в прохладную ночную тьму, держась за руки. Видеть нас был некому, да и кто будет вглядываться в это время в лесную глушь? Спустившись по крутому склону к той части озера, которая должна была стать местом гибели для армии джорнаков, мы ступили на ледяную гладь и остановились. Веревки не было видно — их укрыли снегом. Тонкие

серебристые нити не должны были вытащить заряд из проруби, им достаточно было просто порваться. Подвешенный заряд ударялся об лед и происходил взрыв. Ребята уже опробовали взрывчатку в той части озера, к которой невозможно было подступить с берега. Выбуриив скважину и подвесив шашку, он забрались на обрыв и дернули за веревку. От взрыва в небо поднялся столб дыма. Во льду появилась дыра, в которую тут же потекла вода. Осколком одному из храбрецов едва не выбило глаз.

Испытание сочли успешным.

Терн повернулся ко мне и посмотрел мне в глаза.

— Ты находишься сбоку, — сказал он. — Ты находишься сбоку или сзади, готовая дернуть за веревку, как только джорнаки сделают первые пять десятков шагов по краю озера.

Мы одновременно посмотрели вперед, туда, где ровными рядами огоньком мерцали деревенские окна. Джорнаки пойдут здесь. В лесу их встретят капканы и выстрелы из укрытий. Оборотни будут выскакивать из-за деревьев и хватать джорнаков по одному, волчицы будут грызть им ноги, волчата будут носиться вокруг и оглушительно выть. Им останется единственный путь, и, пометавшись по берегу, они ринутся к озеру, на котором их будет ждать группа подростков, ошестинившаяся охотничьими ружьями. Подростков будет мало, и джорнаки побегут вперед, уверенные в том, что расправиться с врагом не составит труда. Мы будем прятаться за деревьями и ждать. Мы будем ждать момента, чтобы выскочить на лед под самым носом у джорнаков и погасить свет их жизни, зажженный Инфи.

— Посмотри на лед, — сказал Терн. — Вспомни тот взрыв, что ты видела. Это верная смерть, Оdn-на, если ты еще не поняла. Вы будете слишком близко. Вы уйдете на дно вместе с ним и во имя спасения всей деревни. Будет чудом, если кто-то из вас спасется.

Я задрожала.

— Я расскажу Ар-ке.

И теперь она сидела передо мной в одеждах, окрашенных черной краской и смотрела на меня, не отводя взгляда.

— Что ты мне можешь сказать, Оdn-на?

— Ничего, — сказала я.

— Терн не возьмет тебя в жены. Даже если не возьмет меня. Он тебя любит? Возможно. Но он все равно не возьмет тебя в жены.

— Оdn-на, — растерянно сказала моя мама.

Ар-ка поднялась.

— Ты умерла для меня, — сказала она. Моя мать ахнула при этих словах, но Ар-ка будто не понимала всей жестокости сказанного. — Ты мне больше не подруга. Я не желаю тебе зла, мне тебя жаль. А Терн... Терн просто дурак, и он сам скоро узнает, какую ошибку совершил.

Она вышла из дома, хлопнув дверью.

— Дочка, это правда? — спросила моя мать.

— Да.

— Ты окончательно решила?

— Да.

— Тебе придется отказаться от него, — сказала она твердо.

Я подняла на нее глаза. Лицо матери не было сердитым, на нем отчетливо читался испуг.

— Мам, почему? — спросила я. — Разве я не имею право на счастье?

Я вспомнила слова из ее дневника и вздрогнула, понимая, что почти процитировала их, но она, к счастью, не обратила на это внимания.

— Он — не твое счастье, милая. Он принесет тебя горе, — сказала она.

— Но я люблю его.

— Одн-на, ты откажешься, — сказала она, словно припечатывая эти слова к столу. — Я сказала тебе, что ты сделаешь. Сделай это, иначе не... Он не твоего поля ягода.

— Мам, я уже это слышала, и я помню, что тебе обещала, но...

— Данное мне обещание можешь не выполнять. — Мама отвернулась, словно боясь, что скажет лишнее.

Я чувствовала, что что-то тут не так, но не могла понять. Почему она говорит о браке с Терном так, словно он опасен? Я знала, что меня ждет: осуждение, порицание, позор. Клифф наверняка будет в ярости, узнав, что его сын отказывается выполнить данное отцом слово. Но перед лицом смерти... Если даже сама Арка отказалась от человека, которого любила всю жизнь. Что может нам помешать?

— Тебе нужно поговорить с Паной, — сказала мама, все так же не глядя на меня. — Спроси ее, но только до того, как совершишь ошибку. Спроси ее об обещании, данном Терном в тот день, когда Ли-ра спасла его от смерти.

Ли-ра? При чем тут она? При чем тут моя Ли-ра?

Я решила сначала поговорить с ней, но на следующий день ей стало не до меня. На следующий день из запретного леса пришло известие о том, что из-за холмов показалась армия джорнаков.

Круг седьмой

День рождения Клифа напоминал деревенское собрание. Пришли почти все мужчины деревни, от Ли-белы до деревенского лекаря, и только Арки и ее семьи в тот день за столом не оказалось. Работы у кузнеца всегда было много, но вот отсутствие за столом невесты Терна всех изрядно удивило.

Терн на шутки не реагировал, разговаривал только с родителями и со мной, почти не пил и старался выглядеть, как обычно. Он присоединился к обсуждению последних деталей плана, который теперь, в свете приближающейся армии, казался некоторым из мужчин почти смешным. Видны были и испуг на суровых лицах, и усталость, и напряжение. Терн говорил по делу, изредка бросая взгляды на отца, который в большинстве случаев только одобрительно кивал.

— Огненный порошок сослужит нам хорошую службу. Капканы заставят джорнаков пойти к озеру, а волки помогут им в этом. Обрывистые берега вынудят их искать путь для того, чтобы сойти на лед. Но у нас мало пуль и мало оружия, так что действовать нужно будет очень слаженно. Добровольцам — не привлекать внимания. Тем, кто будет приманивать — не создавать шума, не разбежаться раньше времени. Волкам — не попадать под удары. Джорнаки могут полезть на капканы, если почувствуют, что дело нечисто. Тогда нам придется биться не на жизнь, а на смерть.

— Мы соорудили пушку, — сказал один из сыновей Ли-белы. — Она будет стрелять огнем, но сможет выстрелить всего два раза — у нас просто нет боеприпасов. Ее можно будет использовать, когда джорнаки окажутся у деревни. Нам нужны те, кто будет ее заряжать. Сдвинуть с места ее не получится — слишком тяжела, и придется остаться рядом и перезарядить ее.

Олл-ард вытянул руку.

— Я могу. Я не слишком легок для того, чтобы идти по льду, — он покрылся пятнами краски. — Но у меня ловкие руки, и я могу заряжать или подавать снаряды.

— Отлично, кто еще?

Все молчали, и тогда подняла голову мать Терна.

— Я, — сказала Пана.

Терн изменился в лице, но ничего сказал. Когда кандидатуры были одобрены, мужчины произнесли здравницы и стали расходиться по домам. Праздника не было, все думали о том, что уже через два-три дня придется выйти в леса, где, возможно, будет ждать смерть, что дети пойдут на озеро, где будет ждать их смерть, и что жены останутся в деревне, где их тоже будет ждать смерть.

Я поднялась, стала убирать со стола посуду. Обычное дело, которым мы с Аркой обычно занимались вдвоем, пока Пана мыла ее в большом тазу. Я принесла ей тарелки, развернулась, чтобы выйти и наткнулась взглядом на Терна, идущего к нам рука об руку с отцом.

— Мать, — пробасил Клиф. — Наш сын хочет что-то нам сказать в присутствии Однны.

Когда Терн договорил, Пана упала в обморок.

ГЛАВА 27

Я открыла глаза и поняла, что мое падение закончилось. Я лежала на льду, голова моя покоилась на коленях Онел-ады, за руку меня держала встревоженная Ли-ра.

Ли-ра. Мама.

Воспоминания закружились в голове стаей испуганных птиц, но вскоре расселись каждое на свою ветку, и, открыв глаза, я осознала себя той, кем являлась на самом деле. Я посмотрела сначала на одно родное лицо, потом на второе.

— Мам, — сказала я. — Ли-ра. Мне так вас не хватало.

Они обняли меня, и несколько мгновений мы провели молча, просто наслаждаясь своими чувствами друг к другу. Мне было хорошо и уютно, несмотря на то, что лежала на холодном льду. Я вернулась домой, и я снова рядом со своими родными. Мама гладила меня по голове, Ли-ра сжимала мою руку, и все было прекрасно.

Почти все.

— Почему я не вспомнила все сразу? — спросила я, когда первое волнение улеглось. — Почему Пана упала в обморок, когда мы с Терном заговорили о браке? Что за обещание...

Ли-ра отпустила мою руку и поднялась, подав матери знак. Она помогла мне встать на ноги, поддержала, когда я пошатнулась. На деревню опустилась тьма, а значит, я провела на льду почти весь день. Но я не чувствовала усталости или голода. Я готова была хоть прямо сейчас погрузиться в воспоминания, чтобы выяснить все до конца, чтобы отыскать в себе последние, недостающие части той головоломки, из которой постепенно складывалась цельная картина моей жизни.

— Мы были здесь с тобой весь день, — сказала мама. — Нам всем нужно поесть и согреться. Мы потратили много сил.

— Но вы мне расскажете, — сказала я решительно.

Они обменялись взглядами, и Ли-ра кивнула. Она помогла мне надеть шапку, повязала вокруг шеи шарф. Понизу уже тянуло ночным холодом, и на озере становилось неудобно. И правда, пора было поторопиться.

Я оглянулась на темную прорубь, ставшую зеркалом моих воспоминаний. Часть моей жизни все еще лежала там, на дне моего подсознания, достаточно важная часть, без которой я не смогу жить дальше. Я не стала спокойнее, узнав себя. Наоборот. Я знала, я чувствовала, что «за кадром» как раз-таки и осталось самое страшное, самое ужасное... и самое главное воспоминание. Мое предательство и моя смерть ждали меня, притаившись в бездне, и, как я ни боялась, к ним все же придется возвратиться.

— Обязательно расскажу, — сказала Ли-ра, удовлетворенно меня оглядывая. — Все, что знаю. Ну, поспешим же.

Мы решили, что пойдем к нам, хоть до дома Ли-ры и было ближе. Я шла по деревенской улице между ними и оглядывала дома со смешанным чувством новизны и узнавания. Вот дом Ли-белы, вот лекарская избушка, вот здесь жил несчастный Олл-ард, а вот в этом темном доме когда-то был бар. Кто возьмет на себя смелость воскресить дело погибшей Бау-руры? Кто собирал разбросанные по улицам тела, чтобы предать их Инфи? Кто заколотил окна бара, в котором больше не звучат веселый смех и звон ударяющихся друг о друга пивных кружек?

Прошло совсем немного времени после нападения. Это я болталась по мирам, училась в Школе и вела беседы с разумными деревьями. Здесь время словно застыло на отметке одной секунды после полуночи — после часа «Х», разделившего жизнь надвое. Потеря была еще слишком сильна. Я только сейчас обратила внимание на черные ленточки, приколотые к дверям домов. Люди еще не сняли траура по погибшим.

Пана еще только оправилась от тяжелого ранения. Арка еще не простила мне измены своего любимого. Казалось, я вернулась назад во времени, в прошлое, которое прожила давным-давно, к людям, о которых уже забыла и которых не хотела вспоминать.

Странное это было ощущение. Очень странное.

Мама накрыла на скорую руку стол, я переделалась в теплую домашнюю одежду, только сейчас почувствовав, что по-настоящему замерзла. Теперь я узнавала это место. Этот дом — мой родной дом, где я родилась и выросла. Это моя мать, это моя Ли-ра. Это моя подруга Арка едва удержалась вчера от желания ударить меня. Это мой бывший жених сказал уже сегодня, что не собирается меня возвращать.

Вернулись не только мысли, но и чувства. Пришла дикая злость на Терна, настоящая ярость, которую я до поры до времени пыталась в себе удержать, нахлынула обида, сжала сердце тоска. Он говорил о том, что не может без меня, что любит меня, что готов для меня на все. Он казался таким решительным, когда говорил, что будет со мной до конца... И так легко превратился из человека, который верит и любит, в каменную зеленоглазую статую, не знающую ни жалости, ни сочувствия.

По крайней мере, теперь я знаю, что он на самом деле не считал меня своим другом. Что он на самом деле собирался связать со мной свою жизнь, и только смерть тогда смогла бы разлучить нас.

Ах, Терн...

Одна моя часть — Нина, жительница Земли, ненавидела его и не понимала. Для нее не было Терна, был Лакс — холодный сын Владыки Марканта, с которым у нее не могло быть ничего общего. Этот человек ненавидел ее. Вторая — Одн-на, помнила его поцелуи и слова, сказанные голосом, который не мог обманывать. Она не знала холодного и жестокого Лакса, она знала Терна, она росла с ним, играла в детские игры, она любила его и готова была отдать за него целый мир. Одн-на не верила в то, что Терн разлюбил ее. Нина не верила в то,

что Лакс ее когда-то любил.

Для того чтобы понять, кто прав, мне нужен был последний, недостающий кусок пазла. Ах, если бы я не потеряла столько времени, прыгая по мирам. Если бы я нашла проход в Снежный мир раньше, если бы поняла сразу, что избавление от кошмаров кроется за Воротами, скрытыми где-то совсем рядом.

Уписывая за обе щеки, я размышляла. Одн-на и Нина во мне еще не очень подружились, но они обе были умны и наблюдательны, и потому, я была уверена, даже имея на руках неполный расклад, я вскоре смогу понять многое из того, что казалось непонятным.

Я вдруг вспомнила поездку к Воротам в Дайтерри и волчьи норы, мимо которых мы тогда проехали. «Волчьи норы, — сказал тогда водитель. — Закройте окна и молчите». Почти одновременно в памяти всплыли и слова тетюшки Раштлек о том, что оборотни, как и я, попали в Белый мир через Ворота.

Теперь, когда я знала, кто я, составить уравнение из двух известных оказалось легче легкого.

— Так волчьи норы — Ворота в Белый мир, — сказала я вслух, озаренная внезапной догадкой.

Эти волчьи норы, как я теперь понимала, открывались здесь, и именно так волки-притворщики путешествовали из одного мира в другой в дни полнолуния. Я могла бы попасть сюда уже через неделю после появления в Белом мире. Если бы я только знала.

Мама и Ли-ра посмотрели на меня, но промолчали. Взяв в руки ложку, я зачерпнула наваристой каши и поднесла ко рту, мысли вертелись вокруг сделанного открытия и других вещей, так же тесно связанных с Белым миром, как и я сама.

Я вспомнила слова матери об обещании, которое дал Терн Ли-ре. Я вспомнила всех безнадежных больных, которых она ставила на ноги вопреки прогнозам доктора, вспомнила свои собственные юношеские прыщи, которые она вылечила, пару раз умыв меня в проруби. Вспомнила, что в обмен на это я пообещала ей не воровать зимние яблоки из теплицы родителей Лам-ке. Просто пообещала, не зная о том, какую силу имеют данные ангелу обещания.

Обещания.

Она и вправду ангел, и если это так, то она расскажет мне, что за обещание дал ей Терн в обмен на собственную жизнь.

— Почему я не вспомнила все сразу? — спросила я, решив начать издалека. — Мои воспоминания обрываются на дне рождения Клифа.

— Так нужно, — коротко сказала Ли-ра. Помолчав, все-таки продолжила. — Сразу возвращать все воспоминания не опасно, но ты наверняка уже вспомнила об идивэре, правда?

Идивэр? Мне показалось, что это слово слышала не только здесь и не только из ее уст, но не могла припомнить, где. Пока не могла. Я кивнула, вспоминая давний, еще детский разговор, в котором Ли-ра рассказала мне о людях, которые умирают во сне, потому что внушают себе, что умирают. О том, как некоторые люди обладают способностью подчинять себе волю других и заставлять их умирать из-за образов, возникших во время внушения. Не нужно было никакого оружия, не нужны были сила и ловкость. Если ввести человека в состояние сна с помощью особого лекарства, он будет воспринимать то, что увидит, как реальное. И если во сне его ударят, этот удар проявится наяву. Я знала, что Ли-ра не делала такое — она говорила с улыбкой, что служить добру интереснее, но я слышала множество

всяких разных сплетен о людях, которые устранили так своих врагов. В городах те, кто знал секрет идивэра, получали большие деньги... и находились под постоянным наблюдением, как самые опасные хищники. Я считала, что они все сумасшедшие. Наверное, отчасти я была права.

— Да, я помню, — сказала я, кивая.

— Мне нужно будет подготовить тебя к воспоминаниям о твоей смерти, Одн-на, если ты не хочешь умереть по-настоящему, — сказала Ли-ра. — Состав лекарства, вызывающего воспоминания, сходен с составом снадобья для наведения идивэра, и мне нужно будет дать тебе кое-что еще, чтобы подавить это его действие. Тебя пытали. Тебя привязали к столбу на морозе, чтобы каждый, проходя, мог плюнуть тебе в лицо. Тебя...

— Хватит, — сказала, поднимаясь, моя мать, и от неожиданности я вздрогнула. — Ли-ра, если она этого не помнит, это не значит, что не помню я. Я выйду, прогуляюсь. У меня что-то сердце схватило, надо развеяться. У тебя будет время рассказать ей обо всем.

В молчании мы проследили взглядами за тем, как мама одевается, натягивает на ноги валенки и выходит прочь. Когда за ней закрылась дверь, я отложила ложку, которую все еще держала в руках, и посмотрела на Ли-ру.

— Ты должна рассказать мне. Я знаю, кто ты, Ли-ра, — сказала я, глядя на нее в упор. — Я знаю, что ты ангел, и ты просишь в обмен на услугу обещание.

Она помолчала, глядя на меня своим чистым ясным взором.

— Ну, что ж, — заговорила Ли-ра после паузы, и голос ее зазвенел. — Раз ты знаешь, кто я, ты должна знать, что обещаний я назад не забираю.

Я на секунду опустила взгляд, чтобы сразу же поднять его и снова заглянуть ей в глаза. Догадку одобрили обе: и Одн-на, и Нина, и мы обе были на сто процентов уверены в том, что она верна.

— Это было, когда Терна ранил кабан? — озвучила я свои мысли.

Конечно же, когда же еще. Я прекрасно теперь помнила, я знала, что его тогда уже было не спасти. Я помнила окровавленные руки Клифа, плачущую Пану, цепляющуюся за безжизненную ладонь сына, помнила, как рвалось от боли мое сердце и как я прижала ухо к двери, подслушивая тихую беседу Паны и моей мамы, которые говорили о Терне. О том, что внутри собралась кровь, и что лекарь дает ему два дня жизни, а потом мальчика нужно будет предать Инфи, как полагается предавать ему безвинные души.

— Что я скажу Фелику? — рыдала Пана. — Что я скажу Клифу?

Я тоже заплакала, стоя у двери, и потому почти прослушала слова вошедшей в комнату Ли-ры. Меня привлекли радостные восклицания Паны.

— Конечно! Я сделаю все, что хочешь, все, что захочешь, Ли-ра! Только спаси моего сына! Только спаси его!

— Мне не нужны твои обещания, Пана-мври, — сказала та. — Твой сын должен мне пообещать.

— Онел-ада, ты не могла бы...

— Пусть она останется, — попросила Пана. — Я не справлюсь без нее. Пожалуйста Ли-ра.

Тут позади меня хлопнула дверь, и я едва успела шмыгнуть к стене, как в дом с ведрами, полными воды, вошел муж Ли-ры.

Я не слышала, что она попросила у Терна. Я не слышала, о чем они говорили с Паной и мамой дальше, потому что знала — если попадусь, мало мне не покажется. Мама не была

меня, но наказывала — заставляла полдня колоть во дворе дрова или возиться со шкурами, или шить. Однажды, когда я, не сказав ей, ушла с Терном на рыбалку на два дня, она очень разозлилась. Как назло, работы по дому после моего возвращения не нашлось, так что пришлось ей искать для меня задание самой. Мама не растерялась: смешала в тарелке овес и горох и заставила меня разделить их пополам.

— Это был тот самый день? — спросила я, и Ли-ра вздохнула.

— Терн не помнил об этом обещании вплоть до дня, когда сказал матери и отцу, что женится на тебе, — сказала она задумчиво. — Он бредил и готов был пообещать тогда, что угодно.

Она положила свою руку на мою, и я не отняла ее. Я знала, что услышу что-то нехорошее, и я знала, что должна это услышать до того, как вернусь обратно в воспоминания.

— И ты попросила... — сказала я, глядя ей в глаза.

— И я попросила его не приближаться к девушке, которую он любит, ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

Воспоминание пришло ко мне уже по пути вверх, из темноты последнего круга, в котором Терн говорил своей матери, что хочет разорвать помолвку с Аркой и жениться на мне.

Я видела, как потемнело при этих словах лицо его отца, как схватилась за грудь и с громким «ох» осела на пол его разом побледневшая мать. Я сжала руки в кулаки, понимая отчаянно и с совершенной ясностью, что совершаю огромную ошибку. Мы оба одновременно бросились к Пане, но Клиф отшвырнул нас прочь с такой легкостью, словно мы все еще были детьми.

— Вон! — заорал он. — Выйдите вон, оба!

Он подхватил на руки свою бесчувственную жену и, с тревогой заглядывая ей в лицо, поспешил уложить ее на кровать. Я и Терн не знали, что делать. Он попытался снова.

— Отец...

Но Клиф обернулся к нему с такой яростью на лице, что я отшатнулась.

— Если с ней что-то случится... я прокляну вас обоих! — прорычал он.

Терн побелел, но промолчал. Его глаза не отрывались от лица матери, я же дрожала как осиновый лист, не в силах даже связно мыслить после таких слов. Ни я, ни Терн не сможем жить дальше, если Клиф не даст своего благословения. Пойти против воли отца — это одно, но родительское проклятье — это совсем другое. Я знала людей, которых выгнали из деревни за нарушение родительской воли, но еще я знала Клифа и знала Пану, и любила их так же, как они любили меня. Только потому я согласилась скрепя сердце пойти на этот шаг. Я была почти уверена в том, что Клиф поймет нас. Я была готова к ярости и негодованию, я знала, что он может топтать ногами и орать как резаный — о да, я знала это очень хорошо, ибо не раз попадала под его горячую руку — но я никогда не думала о том, что услышу в свой адрес слова проклятья.

Я уже была готова сдаться. Я отступила на шаг, готовая развернуться и уйти, но тут железная рука Терна ухватила меня за запястье и заставила остановиться.

Веки Паны затрепетали, и мы разом испустили облегченный вздох. Она открыла глаза, потемневшие от душевной боли и посмотрела на сына.

— Терн.

— Да, мама, — сказал он, не двигаясь с места.

— Терн, ты не должен этого делать.

Она перевела взгляд на меня, и я не увидела в нем ненависти или злости. Нет. В нем была покорность судьбе. В нем была печаль. В нем была обреченность, и это все ударило меня сильнее, чем яростное «я вас прокляну» Клифа, сказанное сквозь скрежет сжатых до боли зубов.

— Одн-на, милая. Ты должна отказаться от этого решения.

Я заморгала, пытаюсь не заплакать, хотя слезы уже стояли в глазах. Я не могу. Я не могу, во имя великого Инфи, я не могу!

— В чем дело, мама? — спросил Терн. — Я люблю ее. Мы оба можем умереть уже через несколько дней. Я хочу быть с ней до конца, что бы ни случилось.

Клиф нетерпеливым жестом прервал его, но выгнать нас, к счастью, больше не пытался. Заложив руки за спину, он повернулся к жене.

— Я дал слово отцу Арки. Пять звездокругов я считал себя и своего сына честным человеком, а на шестой, за считанные дни до свадьбы он решает, что может отринуть понятие чести, верности слову и отцовской любви и делать так, как хочет он.

Терн вспыхнул. Я увидела, как заходили ходуном желваки на его челюсти, когда он, явно сдерживаясь, спокойно заговорил.

— Я не прошу простить меня, отец. Ты можешь наказать меня. Пусть отец Арки меня накажет за то, что я так тебя подвел. Это моя судьба и моя вина.

— Дело не в судьбе, — сказала Пана, приподнимаясь на локтях. С помощью мужа она уселась на постели, все еще бледная и вспотевшая. — Сын, ты не можешь жениться на Одн-не. Ты должен жениться на Арке, так и должно быть.

— Мама, — сказал он.

— Терн, я прошу тебя.

Они с матерью обменялись взглядами, в которых было все: от великой любви до великой боли. Она предлагала ему выбор: себя или меня, и я не знала, что выберет Терн. Не знала. Не хотела. Боялась.

Я высвободила руку из его руки и смахнула с лица слезы. Это было уже слишком. Если из-за меня Терн потеряет семью, если он лишится родителей, если этим своим решением он смертельно обидит мать, женщину, которую я любила, с которой проводила дни, которая научила меня печь пироги и красиво заплетать волосы, я просто не смогу смотреть ему в глаза.

Я развернулась и побежала к двери. Терн — за мной.

Краем глаза я заметила, что на лице Паны отразился дикий страх, настоящий ужас, она снова схватилась за сердце и протянула руку, словно пытаюсь остановить нас, но уже не успела.

— Терн! — закричала она. — Терн, дело в обещании!

Я уже была у двери, когда она закричала снова. Это был крик раненой птицы, крик попавшего в капкан оленя, крик птички-феникса, летящей прямо в пламя, чтобы умереть и возродиться.

— Нимикве ре деяан лакс! — закричала она.

Я хлопнула дверью и оказалась на улице. Без пальто, без шапки, под пронизывающим ледяным ветром. Это в сказках девушки попадают в лес морозной ночью и не чувствуют холода, потому что не боятся зимы. Ветер сразу же забрался под одежду, мороз крепко схватил меня в свои стальные объятия, заставил вскрикнуть и закрыть лицо руками, бросив в

меня пригоршню мелкого колкого снега.

Терн не пошел за мной. Он остался там, со своей матерью, остановившей его последними словами, смысла которых я тогда не поняла.

Но это Одн-на не знала языка гальбэ. Нина уже учила его, и ее знаний хватило для того, чтобы понять смысл.

«Ты обещал ангелу, Лакс!» — крикнула в отчаянии его мать.

Он обещал ангелу держаться от меня подальше. И пытался сдержать обещание.

Я вспомнила нашу самую первую встречу в Белом мире. Вспомнила, как упала на колени, обливаясь кровью, и как он сжал руки, чтобы не коснуться меня, чтобы не позволить мне до себя дотронуться. Вспомнила, как он сказал мне, чтоб я держалась от него подальше, а сам сверлил меня взглядом на своих уроках и задавал сложные вопросы, на которые мне приходилось давать пространные ответы. Вспомнила его глаза на инициации во дворце, когда назвала оборотней притворщиками.

Мне не хватало последних страниц в этой книге нарушенных обещаний, но я надеялась, что уже скоро смогу дочитать их до конца.

Я тогда не сразу поняла, что Терн не придет за мной. Я стояла у его дома и плакала навзрыд, закрывая лицо ладонями и даже не пытаясь спрятаться от хлещущего по телу ветра. Только увидев, что в доме погасли огни, я начала приходить в себя.

Он остался там, он даже не поговорил со мной, он бросил меня.

Сердце болело так, что, казалось, сейчас лопнет. Мне хотелось бежать к озеру Атг, дернуть за все проклятые веревки разом и отправить себя, а не толпу джорнаков в объятья великого Инфи.

Ничего не получилось. Ничего не получилось.

Нельзя идти против правил. Брать чужое. Желать жениха подруги. Нарушать данные родителями слова. Нельзя строить своего счастья, лишая других покоя и душевных сил.

Я побрела домой, как была, без пальто и без шапки. У меня просто не было сил вернуться туда и посмотреть Терну в глаза, посмотреть в глаза его матери, отнявшей у меня свое дитя, его отцу, готовому плюнуть в мою душу.

Я в последний раз оглянулась на его дом, сворачивая на свою улицу, и вдруг увидела, как дверь открылась. Это был Терн. Голос его эхом разнесся по спящей деревне.

— Одн-на!

Я словно примерзла к месту. Слова рвались из груди, но вымолвить я не смогла ни одного. Терн подбежал ко мне, в его руках были мое пальто и шапка. Он надел ее на меня, отряхнул с меня снег, вдел мои безвольно повисшие руки в рукава пальто.

— Ты с ума сошла, на улице мороз!

— Терн, — наконец, смогла я выговорить. — Терн.

Он обнял меня, и прижал к себе. Крепко. Нежно. В последний раз.

— Я не отдам тебя, — сказал он. — Мы идем к Ли-ре завтра утром, Одн-на. Мне все равно, что за обещание я дал ей, я заставлю ее забрать свои слова обратно.

— Но твоя мама...

Терн отстранил меня и посмотрел мне в глаза. Мне казалось, я с разбегу прыгнула в темно-зеленую болотную воду. Его взгляд был полон любви, но это была не та любовь, которая окрыляла меня все последние дни. Это была любовь, которая не имела права на существование, и это меня напугало.

— Ты — моя, — сказал он, легонько встряхнув меня и заставляя прийти в чувство. —

Запомни это, Одн-на. Во всех мирах и на всех временных осях. Во всех жизнях и в смерти. Я буду бороться за тебя до конца, чем бы этот конец ни был.

— Почему ты это сделала, Ли-ра? — спросила я. — Я же любила его.

— Дело не в том, что ты любила Терна, милая, — сказала она, мягко глядя на меня. — Дело в нем.

Ли-ра поднялась и подошла к плите. Поставив чайник на огонь, она поглядела за окно и вернулась за стол. Казалось, она колеблется. Казалось, не знает, с чего начать.

— Мы с Терном должны были прийти к тебе после дня рождения Клифа, — сказала я. — Но не пришли. Что случилось?

Она посмотрела на огонь.

— Вы не пришли ко мне, потому что пропала моя дочь, — заговорила Ли-ра спустя несколько мгновений. — Ее нашли привязанной к одному из деревьев в глубине леса уже после нападения. В белом платье, в венке из засушенных цветов. Она умерла с улыбкой на губах, радуясь своему убийце, который поднес ружью к ее лбу и выстрелил почти в упор. Мы не знаем до сих пор, кто это был, но, очевидно, что этого человека она знала, раз разрешила так близко подойти.

Я впила ногтями в руку, чтобы не ахнуть. Терн... Лакс сказал мне сегодня утром, что предателем был муж Ли-ры. Неужели он убил собственную дочь? Неужели он смог поднести к невинному личику девушки ружье и хладнокровно нажать на курок? И главное, зачем? Я знала, что это он — это было в одном из кошмаров, но я не понимала, какой в этом был смысл, и от бессмысленности и беспощадности такого поступка становилось страшно.

— Пора тебе узнать, кто такой Терн, — вздохнув, Ли-ра встала, чтобы налить себе воды с приправами, и я замерла.

— Говори.

Она вернулась с кружкой, осушила ее почти до половины и начала.

— Ты родилась здесь, ты дитя человека и человека, и ты живешь и умрешь как человек. Но Терн... он человек только наполовину. Однажды, давным-давно, когда Клиф был еще совсем подростком, в нашу деревню пришла девушка с ребенком. Она называла себя Паной, а ребенка — Терном, и рассказывала, что пришла к нам из другого мира, называемого миром Одинокой звезды. Этот ребенок, как сказала Пана, сын ее еще не родившегося воплощения, и ему нужно некоторое время провести здесь, чтобы оправиться от родовой травмы. Конечно же, рассказала она это только мне. Пана и ее сын знали об ангелах и переходах между телами и мирами, но даже она тогда не понимала всей природы своего здешнего сына. У этого мальчика в нашем мире не было воплощения. Он — чужак, и потому отличается от всех нас очень многим, включая состав крови и скорость заживления ран. Но главное — это чувства.

Она вздохнула.

— Вокруг каждого из нас существует магнитное поле, называемое аурой.

Я кивнула — уж об ауре на Земле знали все от мала до велика.

— Человеческие ауры не вредят друг другу, соприкасаясь, а ауры влюбленных даже усиливаются от взаимного обмена чувствами. Другое дело Терн. Его аура изначально настроена по-другому, а, влюбившись, он сделал ее в разы сильнее и мощнее.

Она заглянула мне в глаза и убедилась, что я ее внимательно слушаю.

— Я поняла, кто он такой, в тот самый день, когда его ранил тот злосчастный кабан. Ты сидела рядом со мной, рыдая от боли и любви, а он открыл глаза и увидел подле постели

девочку, которая прочно вошла в его сердце. Он осознал свои чувства к тебе как раз в тот момент, когда я вошла в комнату. То, что я вижу вокруг людей — радуга, Одн-на, то, что я тогда увидела вокруг Терна, было подобно волнам черного цвета. Эта чернота вонзилась в твою радугу и стала пожирать ее так быстро, что еще мгновение — и ты лишилась бы у его постели сознания и остатков разума. Я попросила Пана отправить Терна в город, чтобы разлучить вас. Конечно, она не знала, в чем дело, но я внушила ей, что ты опасна для Терна, и вас надо держать друг от друга подальше. Я сказала ей, что если он женится на тебе, он умрет. Твоя мать присутствовала при разговоре. Когда Пана вышла, я рассказала ей всю правду.

— Какую правду, Ли-ра?

Она сцепила на столе руки и впервые за все время, что я ее знаю, отвела глаза, прячась от моего внимательного взгляда.

— Раса Терна называется вампирами, Одн-на. Такие как он питаются не просто аурами людей — они их убивают. И тех, кого любят, убивают быстрее всего.

Ли-ра посмотрела мне в лицо.

— Он пришел ко мне в день нападения джорнаков, милая. Он сказал, что сделает все, чтобы тебя спасти. И я сказала ему, что чтобы тебя спасти, мало разлюбить тебя. Если он хочет по-настоящему исправить то, что уже натворил, он должен тебя возненавидеть.

ГЛАВА 28

Я попросила у Ли-ры пару дней передышки. Мне надо было прийти в себя после услышанного, расставить по местам чувства, мысли и сомнения. Уже на следующее утро, собравшись и захватив с собой еды и воды на пару дней, я ушла из дома в лес. Ловушки на бобров проверять было еще рано, но меня это не остановило. Пройдусь, развеюсь. Сделаю пару кругов по запретному лесу, добреду до волчьих нор, пройду вдоль реки до деревни, где живет Трайн. Я знала эти места очень хорошо — я здесь выросла, здесь подстрелила первого оленя, здесь впервые столкнулась в жестокой схватке с рысью. Шапка из рысьего меха до сих пор служила мне верой и правдой.

Ноги сами несли меня, а в голове бушевала буря. Сердце разрывалось между желанием пойти к Терну и сказать ему о том, что я все знаю, и страхом — а вдруг ему это признание не нужно, вдруг он и вправду меня ненавидит, вдруг и вправду смог заставить себя разлюбить.

Я вспомнила, как он обнял меня на пороге своего дома, когда Пана рассказала мне о том, что смерть моя в Миламире была подстроена, и как резко и испуганно прозвучал ее голос, когда она попросила его: «Терн. Терн, прошу тебя». Ли-ра упомянула, что Пана тоже знает, кто такой Лакс — когда ее сын пришел в себя, и она оказалась готова встретиться со своей судьбой лицом к лицу, Ли-ра поведала ей всю правду. Пана поверила сразу. Она знала с самого начала, что ее ребенок — не такой как все, знала, что ей уготован одинокий жребий матери этого ребенка — свидетельницы его боли, страданий и отчаяния.

Клиф держал ее за руку, когда Ли-ра обстоятельно рассказывала о том, что произойдет, если Терн не будет держаться от меня подальше.

Его аура вырастет настолько, что поглотит мою. Я начну болеть, чахнуть день за днем, лишаясь естественной защиты, а Терн, наоборот, будет чувствовать себя все сильнее и сильнее. Когда моя аура исчезнет, я умру. Его же поле, поглотив мое, станет настолько сильным, что сможет воздействовать на поля других людей. Он сможет питаться от них так же, как питался от меня, и для этого ему не нужна будет любовь.

Когда я умру, ему уже ничего не будет нужно.

Пана и Клиф выслушали приговор стойко. Не знаю, что происходило в тот день у них дома, но вскоре после выздоровления Терн был отправлен в город, учиться наукам. Арка рыдала у меня на плече, а потом рыдала и я, уткнувшись носом в подушку и с горечью осознавая, что не имею права — на тоску, на слезы, на чувства.

Но и теперь, когда я все знала, когда я знала, что Терн любил меня и готов был пойти для меня на все, ничего не изменилось.

Ничего.

Я проверила ловушки — в одну попался крупный бобр, четыре другие пока были пустые. Вытащив бобра из ловушки, я присела рядом и перекусила — кусок хлеба, рыба, вода. С востока надвигалась темная туча — скорее всего, не сегодня — завтра должна была нагрянуть буря. Я ушла от дома не так далеко, но возвращаться не намеревалась. Рядом с волчьими норами есть большой охотничий дом, с печкой и двухъярусной кроватью, можно будет остаться там. Не могла я видеть лицо матери, которая, оказывается, все знала. Не могла слышать ее голос, тихий и полный вины. Она должна была мне сказать. Если бы я узнала раньше...

Я подняла голову, услышав хруст ветки под чьей-то ногой. Оглядевшись по сторонам, я увидела лося, вышедшего из леса. Грациозное животное посмотрело на меня с невозмутимостью йога, развернулось и снова исчезло в сплетении ветвей. В лесу я почти ничего не боялась. Близость к волчьим норам играла на руку — притворщики ревностно охраняли свою территорию, и даже если я наткнусь на одного из них, опасности не будет. притворщики знали по запаху каждого деревенского жителя. Волчата часто охотились с нами, иногда мы даже играли с теми, кто еще ни разу не обратился, устраивали шуточную возню на снегу, даже позволяли вцепиться себе в рукав. После первого обращения, когда волчата впервые становились людьми — в этом мире притворщики рождались волками — уже следовало быть поосторожнее. Человеческая природа накладывала свой отпечаток на характер: притворщики становились более агрессивными, более злыми, иногда могли просто не подпустить к добыче, которую еще малым лунокругом ранее делили поровну с людьми. Тогда пути волчат и человеческих детенышей расходились.

Я не надеялась наткнуться здесь на волков, так что бояться нужно было только хищников поменьше. Даже медведи не рисковали заходить на территорию, отмеченную первым притворщиком стаи, благо огромный запретный лес мог накормить едой всех животных, не создавая им проблем. Только рыси не уважали чужих запретов и не делали своих. И, если выбирать между озлобленным волком и обезумевшей от ярости кошкой, я бы чаще всего выбрала волка. К счастью, с волками сражаться мне не приходилось. Только бок о бок — в тот день, когда на деревню напали джорнаки.

Я прикинула вес пойманного бобра в единицах веса обоих знакомых мне миров. Сорок шесть лотуриев — около двадцати килограммов. Отличная добыча. Я уложила тушу на санки и, привязав ее веревкой, чтобы не слетела, направилась выше, в гору.

Короткий зимний день уже клонился к закату, когда я забралась на холм, с которого открывался чудесный вид на волчьи норы, прилепившиеся к склону горы и на лес, уходящий далеко на север. Я почувствовала себя совсем как в тот последний день на Земле — готовой к полету, оттолкнулась от склона палками и, пригнувшись, понеслась вниз, открыв глаза навстречу ветру.

Но и Одн-на не очень здорово владела лыжами. Уже на первом камне я подпрыгнула, споткнулась, крутанулась в воздухе и приземлилась прямо в снег лицом, ахнув от

пронзившей руку боли. Опершись на кисти, я приподнялась и встала на ноги, ругая себя на чем свет стоит. В перчатке была дыра, через которую сочилась кровь. Стащив ее, я увидела небольшую, но болезненную ссадину на ладони, а замотать ее мне было нечем. Придется, видимо, как и планировала, идти к охотничьему дому, перевязать руку и обработать ее, чтобы не занести инфекцию. Уж что-то, а инфекция была мне знакома.

Я промыла рану снегом и надела перчатку со здоровой руки. Если я не хочу, чтобы через час ко мне прибежали все хищники округи, мне надо добраться до дома и перевязать ее, как положено.

Было больно, но терпеть было можно. Сжав зубы, я устремилась к кромке леса, за которой начиналась низина. В ней, где-то километрах в пяти от моего теперешнего местонахождения, был скрыт охотничий дом. Я надеялась добраться туда засветло.

В лесу идти на лыжах снова стало тяжело, но я не стала останавливаться и снимать их. Рука пульсировала, набухая тяжестью, я подозревала, что ладонь уже вся в крови. Поудобнее закинув ружье за плечо, я огляделась, определяя ориентиры.

Уставившиеся на меня волчьи глаза повергли в ступор.

Волк стоял совсем рядом, буквально в десятке шагов. Морда размером с мою голову выражала любопытство. Желтые глаза оглядели меня с ног до головы, волк отвернулся и сделал шаг прочь, и тут ветер, доселе дувший от него, переменялся.

Волчья морда ощерилась зубами с мой палец длиной в мгновение ока.

— Я своя, — сказала я громко, зная, что в этом состоянии волк, хоть и не думает сложными предложениями, но речь понимает. — Я из деревни.

Он зарычал, глядя на мою вскинутую в приветственном жесте ладонь.

— Позволь, я пройду, — сказала я, делая шаг вперед.

Наконец, волк вышел из-за деревьев. Это был настоящий красавец — почти мне по грудь ростом, темно-серого цвета, с серебристым хвостом и мощными лапами. Так вот как выглядит моя потенциальная смерть, сказала я себе. Бежать было бесполезно — лыжи превратят мой бег в неуклюжее падение. Я завела руку за спину, нащупывая ружье, и волк снова зарычал.

Черт, да это же еще совсем щенок.

— Слушай, я не хочу стрелять, но если ты меня вынудишь...

Он прижал уши и чуть присел, готовясь к прыжку. Я одним движением извлекла ружье из-за спины и прицелилась.

— Не смей.

И он прыгнул.

Если бы я не вспомнила Одн-ну, к моменту, когда волк оторвал задние лапы от земли и взлетел в воздух, я лежала бы в обмороке. Но Одн-на знала, что такое — сражаться с умеющей убивать рысью. Она знала также, что перед ней не просто волк, не просто животное, учуявшее запах крови, но ребенок, подросток, не умеющий еще с этим запахом справляться. Я выстрелила, и волк упал на меня, придавив своей тушей. Тут же он заскулил и откатился в сторону, пытаясь встать на ноги и снова жалобно скуля. Пуля поцарапала ему бок, достаточно легко, но достаточно серьезно, чтобы лишить волчонка желания напасть снова. Я несколько минут полежала на земле — он выбил из меня дыхание.

Перевернувшись на живот, я наклонилась и пожевала снег, чтобы прийти в себя, потом заставила себя подняться. Волк бился на земле, окрашивая ее своей кровью. Я увидела, что рука моя все-таки дрогнула, и что пуля засела в шерсти, не очень глубоко, но все же — и

волк, плача почти человеческим голосом от боли, пытается подняться на ноги и не может.

Увидев, что я смотрю, он оскалил зубы.

— Ну же, — сказала я беззлобно. — Перестань, я хочу помочь тебе.

Я опустила на колени перед раненым животным и протянула руку, но волк вдруг рыкнул, и зубы клацнули в опасной близости от моей руки. Я едва успела увернуться — он вскочил на ноги и бросился на меня. Волчья пасть оскалилась уже у моего лица. Я обеими руками толкнула волка в живот, он взвыл так, что эхо разнеслось на километры вокруг, и вдруг отскочил прочь и упал в снег, задержавшись в судорогах.

Забыв о боли и крови, я оказалась на ногах в два счета, но мои худшие опасения уже подтвердились — прямо передо мной на снегу разворачивалось одно из самых странных в таинственных зрелищ во Вселенной.

Прямо на моих глазах волк-притворщик превращался в человека.

Это оказался совсем мальчишка, лет четырнадцать-пятнадцать, наверняка, только-только пережил свое первое превращение. Пока он, скуля, приходил в себя и одновременно пытался прикрыть руками наготу, я в панике соображала, что делать с таким неожиданно свалившимся на меня счастьем.

До охотничьего дома было километра два. На санках у меня лежала двадцатикилограммовая туша бобра, а утащить и ее, и притворщика на себе я просто физически бы не смогла. Выход был один, и действовать надо было быстро, чтобы голый человек на снегу не заработал себе простуду. Я стащила с себя куртку, ахнув, когда мороз тут же схватил меня в охапку. Волк еще не вполне осознавал, что произошло, он даже попытался зарычать на меня, когда я приблизилась, но я легонько встряхнула его и заставила поглядеть себе в глаза.

— Слушай, — сказала я. — Я помогу тебе, если ты перестанешь нападать, понял?

Он глухо заворчал, осекся, и вдруг все-таки выговорил низким, полным боли голосом:

— Что я сделал? Почему напал на тебя? В голове как будто помутилось... Отец меня убьет...

Я подала притворщику куртку, и он, нимало не смущаясь тем, что пачкает кровью из раненного бока мою одежду, закутался в нее.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он охнул от боли, попытавшись подняться и снова упав в снег. Я отвязала бобра и закопала его тут же, рядом, присыпав окровавленным снегом — добычу я не бросала. Юноша молча наблюдал за мной, и я уже решила было, что не дождусь ответа, как услышала:

— Ер.

— Что? — я обернулась и увидела, что он уже поднялся на ноги и прислонился к дереву, держась рукой за бок. Курткой он предпочел прикрыть низ, и не верх. Ну и очень глупо.

— Ер, — сказал он. — Это имя. Еран-мири, но меня так никто не зовет.

— Я Одн-на, — сказала я сухо. — Давай-ка, забирайся в санки, нам нужно как можно скорее добраться до зимовья.

— Отец убьет меня, — сказал Ер, но уже почти безучастно. — Я напал на человека. Я подверг твою и свою жизнь опасности. Я пойду сам.

Я разозлилась. Холод пробрал меня до кончиков пальцев, к тому же небо стремительно темнело, и, похоже, на этот раз я лягу спать на голодный желудок. Если хочет идти — пусть идет. Босиком по снегу, отличная идея.

Мне тут же стало его жаль.

— Слушай, не будь идиотом, отморозишь ноги. Садись и подогни ноги под себя. Быстро.

Я вытряхнула из котомки остатки еды и постелила ее на санки. Когда Ер скрючился от боли, я на минуту преисполнилась жалости к нему, но потом она ушла, сменившись глухим раздражением. Инфи его дернул напасть на меня.

— Садись. Вот еда, — я подала ему хлеб, воду и рыбу. — Поскольку на мешке ты сидишь, держи это в руках. Хочешь — ешь. Поехали.

Два километра показались мне целыми пятью. Два раза Ер падал в обморок — быстрое превращение и кровопотеря делали свое дело. Я отдала ему свою шапку, чтобы он зажал ей бок, и к тому моменту, как мы вышли к зимовью, уши у меня отмерзли напрочь. Поднялся ветер. Я уже почти наощупь взобралась на крылечко и открыла дверь. Ера пришлось на себе почти втащить, он упал на пол и, попытавшись подняться, наконец, лишился сознания от боли.

Я включила фонарь, разожгла огонь в печи, заставила себя выйти из дома за дровами. К счастью, у дома еще оставались приготовленные заранее поленья, и мне не потребовалось их колоть. Это бы меня убило.

Пока комната нагревалась, я порылась в шкафу в комнате с кроватью и нашла чью-то старую одежду — свитер, брюки, носки, пару шапок. Отчаянно краснея, я затащила притворщика на кровать, перевязала бок — по счастью, рана оказалась неглубокой, и одела. Укрыв Ера одеялом, я вернулась в переднюю и уселась возле печи — греться. Что делать дальше — я не представляла. Буря приближалась со скоростью света. В шкафу отыскивались консервы — томатный суп, оленина с бобами, сосиски. Несмотря на то, что по технологиям этот мир существенно отставал от Земли, постоянные переходы сделали свое дело — здесь не было электричества, но были долгоиграющие газовые фонари, не было водопровода, но были консервы, правда, не герметично запаянные, а закрытые металлическими крышками. Эта страна только вступала в эпоху индустриализации, но медицина находилась уже на уровне начала двадцатого века — были признаны асептика и антисептика, врачи ставили капельницы и знали о группах крови. Здесь их было шесть.

Я поела горячего томатного супа и почувствовала, как из живота тепло поднимается выше. Наконец, заболели уши — я всерьез испугалась, что их отморозила. Стало легче дышать и легче мыслить. Сегодня уже и думать было нечего про то, чтобы выйти из дома. Даже если бобра и занесет снегом — это лучше, чем если снегом занесет меня. С лыжами ситуация обстояла хуже. Оставалось только надеяться на волков. Я верну им живого и здорового волчонка, они довезут меня домой.

За окнами словно задернули синюю занавеску. Я доела суп, набрала в банку снега и поставила на огонь — кипятиться. Моей воды нам надолго не хватит, а провести здесь предстояло, по крайней мере, сутки. В бурю ни я, ни даже волк не рискнем высунуть нос за пределы зимовья. Равносильно смерти.

Завернувшись в теплое одеяло, через некоторое время в комнату вышел Ер. Он едва держался на ногах, но все же нашел в себе силы добраться до стула, который я поставила у печи и упасть на него рядом со мной.

— Прости, — сказал он, глядя прямо в огонь. Лицо притворщика казалось почти белым от потери крови. Я молча протянула ему банку с супом. — Ты могла с полным правом убить меня. Я не знаю, что случилось, почему я потерял контроль. До обращения еще далеко...

Он взял банку, ложку и принялся есть, жадно и причмокивая. Опомнился, покраснел так, что это стало заметно даже в полутьме, начал жевать бесшумно.

— Долго не был человеком, — сказал Ер, покосившись на меня.

Я кивнула. Волки, даже пережившие обращение, как я знала, не очень-то стремились снова стать людьми. Они пытались сражаться с полнолунием всеми возможными способами, но победить гормоны медицина этого мира пока не могла. Я слышала сказки о волчьих норах, в которые якобы не проникает луна, и которые позволяют притворщика пережить гормональный взрыв без обращения. То, что казалось бессмысленным Нине и Одн-не по отдельности, наполнилось смыслом, стоило его сопоставить вместе. Я прибыла в Белый мир в полнолуние, и меня встретили волки. Наверняка луна там действовала на волков совершенно иным образом. Наверняка через Ворота — через те самые волчьи норы — некоторые волки просто уходили в другой мир, переживая полнолуние в своем исконном обличье.

Я не заметила, как задремала на стуле у огня, и очнулась только, когда Ер потряс меня за плечо.

— Уже поздно, — сказал он, глаза притворщика светились желтым в полутьме.

Я подбросила в печку дров и вслед за Ером поплелась в комнату. Там, забравшись на верхний ярус, я укрылась пахнущим чем-то пряным одеялом и уснула прямо в одежде.

Утром буря разыгралась не на шутку. Ер не встал, когда я спустилась вниз и пошла умываться, он не пришел, когда я стала разогревать суп и позвала его, и я поняла, что дело плохо. Печка фыркала и кидала охапки искр, когда я забросила в нее дрова, в трубе выл ветер. За окном висела беспросветная белая пелена, и я даже не стала открывать дверь, чтобы убедиться, что на улице и правда бушует буря.

К счастью, еда у нас еще была. Я сделала себе заметку — обязательно пополнить здешние запасы, когда пойду из волчьей деревни. Может, кому-то еще этот дом спасет жизнь.

Ер лежал на кровати и смотрел в потолок. Его лицо казалось совсем детским на пожелтевшей от времени подушке.

— Эй, — сказала я, видя, что он не спит. — Ты чего? Заболел?

Он по-волчьи рыкнул, когда я положила руку ему на лоб, но потом успокоился. Лоб был горячий. Я без долгих церемоний откинула одеяло, осмотрела забинтованный бок. На повязке проступила кровь, а это значило, что рана по-прежнему кровоточит.

— Плохо, — сказал он, наблюдая за выражением моего лица.

— Да, — сказала я. Покосилась на окно, за которым мело. — Давай-ка я промою рану еще раз и снова забинтую.

— Может, не надо? Ты же не врач, — сказал он.

— Ну и что. Я не врач, но это тоже не дело.

— Не трогай, — едва я коснулась ткани, лицо Ера исказила боль. — Пожалуйста, не трогай. Я дождусь конца бури. Ты сходишь за лекарем, когда все утихнет.

Его лицо покрылось бисеринками пота, и он сжал зубы, чтобы не застонать.

Я поняла, что началось заражение, и отвернулась, чтобы скрыть эмоции. Весь день я провела у постели Ера, вытирая пот, принося воду и упрашивая поесть. Он съел две ложки супа, отвернулся к стене и затих, переживая боль.

Вечером мне уже не пришлось умолять его показать мне рану — он попросил сам. Пуля прошла по касательной, вырвав кусок кожи. Края раны побагровели, кожа вокруг была

горячей.

— Я пойду в деревню, — сказала я.

Ер помолчал. Нашупав мою руку, он сжал ее своей. Взгляд его был полон решимости.

— Послушай. Это Инфи меня наказывает за то, что я на тебя напал. Оставь меня и уходи. Я пойму тебя.

Я вырвала руку и молча вышла. Конечно, поймет он меня. Только вот я сама себя не пойму, если уйду и оставлю волка умирать от моей же пули. Так дело не пойдет. Едва буря схлынет, я поднимусь в деревню. Волки должны мне помочь, пока не стало слишком поздно. Я надеялась, что еще не стало.

Вторая ночь прошла так же быстро, как и первая, и на следующее утро мне показалось, что буря все же начинает утихать. Надо было видеть, какой надеждой загорелись глаза Ера, когда я сказала ему об этом. Но он и сам уже шел на поправку. Или мои промывания сделали дело, или волчий здоровый организм начал справляться с инфекцией — но к вечеру третьего дня притворщик вышел из комнаты к ужину. Умяв полбанки оленины с бобами, Ер уселся на стул у печи и провел так весь вечер. Я молчала, в глубине души почти ликуя. Еще день, и мы сможем вдвоем пойти в деревню. И мне не придется идти на сделку с совестью, оставляя больного волчонка на произвол судьбы.

К полудню четвертого дня буря утихла окончательно. Выйдя на крыльцо, я сделала шаг — и по колено провалилась в снег. Но это было нестрашно. Я вернулась в зимовье и сказала Еру, что нам пора выдвигаться.

— Отец убьет меня, — сказал он, повесив голову.

— Я скажу ему, что я подстрелила тебя случайно, — сказала я. — Скажу, что приняла за зайца.

— Одн-на!

— Хорошо, тогда за бобра.

Он понял, что я так шучу, и позволил себе робкую улыбку.

Я решила, что нужно сначала осмотреться. Сделав пару кругов вокруг зимовья, я смогу заодно осмотреться и решить, как лучше выбраться из низины, в которой находилось зимовье. Наверняка снега здесь больше, чем наверху, и мне будет удобнее сразу же выйти на холм, чтобы оттуда уже спуститься в долину. Я сказала Еру, чтобы ждал меня.

— Эта одежда, — я кивнула на то, что было на нем, — от холода тебя не защитит. Нам нужно будет выбрать максимально короткий путь, но для начала мне нужно осмотреться.

— Я могу повезти тебя на санках, — сказал он.

— Обратившись?

— Я не могу обратиться, пока рана не зажила. — Ер помолчал, глядя куда-то вдаль. — Я помню, что сам нарвался на пулю, Одн-на. Почему я прыгнул на тебя? Почему попытался укусить?

— Я не знаю, — сказала я. — Меня, видимо, не любят животные.

Он, к моему удивлению, кивнул так, словно в этом не было ничего необычного.

— К нам в деревню пару больших лунокругов назад приходил человек. Мы едва не разорвали его на куски, когда он резал ножом кролика и нечаянно проткнул себе палец. Он хотел стать у нас лекарем, но мой отец не разрешил. Мы бы убили его рано или поздно. Отец говорит, таких людей мало, но они еще есть. Мы называем таких людей... — он замялся.

— Ну, говори, — сказала я.

Ер помолчал.

— Понимаешь, Од-на... Волк приходит в неистовство, когда чувствует кровь зайца, — сказал он, наконец. — Или кровь оленя.

— Кровь жертвы, — сказала я, и он кивнул снова, явно засмутившись.

— Да. Вся стая будет загонять оленя не потому, что она хочет есть, а потому что он так аппетитно пахнет. Вкусно пахнет, понимаешь? — Его глаза сверкнули желтым, и я отпрянула.

— Прости, — поспешно сказал он. — Прости, пожалуйста.

— Так как вы нас называете? — спросила я.

Ер усмехнулся, показывая вдруг выросшие клыки, и на этот раз в его голосе не было смущения.

— Мы называем вас овечками.

ГЛАВА 29

На следы я наткнулась уже по возвращении. Сначала я было решила, что иду по своей собственной лыжне, но потом поняла, что эта лыжня чужая — она вдруг резко свернула и стала подниматься в гору, туда, откуда мы с Ером спустились несколько дней назад. Я остановилась и пригляделась, не веря своим глазам. Очевидно, что лыжня появилась здесь уже после бури, иначе бы ее замело вместе с нашими следами. Следы лыж были глубокими, человек тяжело опирался на палки — отметины по бокам тоже были глубоки. Очевидно, крупный взрослый мужчина, охотник или кто-то из деревни, хотя волки обычно в зимнее время старались без необходимости не принимать человеческий облик.

Но что ему здесь нужно?

Поправив на плече ружье, я ступила на чужую лыжню, решив проследить, куда она ведет. Наверняка человек, прошедший так близко от нашего укрытия, заметил его. Наверняка он даже знал о нем. Обойдя вокруг зимовья, лыжник выбрался из низины тем же путем, каким и пришел, вернувшись по своим же следам. Мне это не понравилось.

Похоже было, что кто-то ждет, когда мы уберемся из дома, во всяком случае, в этом я себя убеждала. Второй вариант, пришедший мне в голову, был хуже. Человек не ждал, пока мы покинем зимовье. Он за нами следил. От этой второй мысли волосы у меня на голове встали дыбом.

Я поднялась по склону, выбравшись на холм, оглядела открывшееся передо мной пространство.

А вот и он.

Я прищурилась, заметив петляющий между редких деревьев человеческий силуэт, явно мужской. Человек мог увидеть меня, потому я чуть сошла с вершины и легла на снег, решив оставаться незамеченной как можно дольше. Мужчина вел себя, по меньшей мере, странно. Его мотало из стороны в сторону, казалось, он едва удерживает равновесие на ровной снежной поверхности. Пару раз он едва не упал, и буквально чудом устоял на ногах. Двигаясь вдоль кромки леса, он добрался до подошвы холма, затем развернулся и устремился прямо на меня, рассекая морозный воздух стремительным движением палок. Расстояние между нами сократилось почти мгновенно, как по волшебству — только что мужчина скользил по склону, а вот уже оказался подо мной буквально в пятидесяти метрах пути.

Я поняла, что лучше обозначить свое присутствие сразу. Пока мужчина находился далеко, я еще могла убедить себя, что нахожусь вне опасности, но возвращался он по своим следам, а это значило, что путь его пройдет там же, где и ранее — около зимовья. И кто знает, как поведет он себя на этот раз.

Солнце ударило мне в лицо, отблеском заиграло на стволе ружья. Я поднялась и вытянула руку с оружием в сторону, чтобы ее было хорошо видно. Лыжник должен был заметить блеск металла, и, если он не враг, он поймет, что сюда лучше не ходить. Или хотя бы обозначит намерения.

Взлетев на холм, человек оказался совсем рядом со мной. Словно не видя оружия в моей руке, он понесся по холму мне навстречу, вынуждая отступить с лыжни и вскинуть ружье на плечо, прицеливаясь пока выше его головы, чтобы в случае чего сделать предупредительный выстрел.

— Стой! — закричала я, не выдержав, когда он оказался уже совсем рядом. — Стой, или буду стрелять!

Мужчина споткнулся при звуке моего голоса. Словно опомнившись, словно только что увидев меня, он замедлил движение и поднял палки в одинаковом во всей знакомой мне Вселенной жесте мира и признания силы.

— Я не наврежу тебе, — сказал он до боли знакомым голосом, и я, ахнув, сделала шаг навстречу.

— Трайн!

Солнце било мне в глаза, и я не смогла разглядеть его лица, пока он летел по склону, но голос... я не могла ошибиться. Это был Трайн, человек, которому я была обязана жизнью, вот только что он делал в этой глуши рядом с волчьими норами и почему ходил кругами вместо того, чтобы остановиться в зимовье?

Он остановился и, очевидно, тоже взгляделся в мое лицо, потому что в голосе зазвучало узнавание.

— Одн-на?

Судя по интонациям, Трайн не испытал радости от встречи. Он просто констатировал факт, я же была готова кинуться ему на шею. Он поможет мне с Ером. Он сможет добраться до волчьей деревни и попросить у них одежду для раненого волчонка. Мне не придется тащить волка на себе и терять время. Трайн поможет мне. Он не бросит меня в беде.

— Я так рада тебя видеть, — искренне сказала я. — Трайн, мне так нужна твоя помощь. Пожалуйста, пойдем со мной в дом. У меня здесь раненый волк, и я не справлюсь с этим сама.

Он как-то странно дернул головой и посмотрел в сторону зимовья, словно не слыша того, что я только что сказала. Не говоря ни слова, оттолкнулся палками и начал спускаться по склону в низину. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

— Трайн! — окликнула я уже немного растерянно, когда он набрал скорость и понесся к дому на всех парах. Я так быстро двигаться не могла, мне пришлось снова окликнуть его. — Трайн, подожди!

Он остановился не сразу, словно заставляя себя. Да что с ним такое? Приблизившись, я смогла, наконец, разглядеть его лицо. А разглядев, испугалась увиденного. Передо мной стоял Трайн... но как же он был не похож на того Трайна, которого я знала. Закушенная губа, отрешенный взгляд, дрожь в руках, крепко сжимающих лыжные палки. Зрачки казались еле заметными точками на светлой радужке. На щеках темнели красные пятна.

— Что с тобой? — вырвалось у меня.

Он покачал головой, глядя куда-то в сторону. Пошатнулся, видимым усилием заставив себя устоять. Казалось, Трайн едва держится на ногах. Так вот откуда эти глубокие отметины по бокам от лыжни — он опирался на палки всем весом, практически повисая на них, чтобы

удержать равновесие.

— Это неважно, забудь, — он снова выпрямился, но я уже чисто рефлекторно ухватила его за руку.

Рука Трайна показалась мне горячей, как хорошо нагретый солнцем кирпич. На ощупь кожа была такой же: твердой, жесткой, сухой. Он не вырывался, когда я подняла руку и коснулась его красного — теперь я поняла, что не от мороза — лица. Трайн как будто не совсем понимал, что происходит. Он смотрел сквозь меня и пытался выровнять частое дыхание, со свистом врывающееся из его груди, и я слышала даже на расстоянии, как хлопотал в его легких воздух.

— Да у тебя лихорадка! — сказала я, отдергивая руку. — Инфи великий, ты заболел?

— Со мной все нормально, — сказал он тихо, едва разлепив сухие губы. — Со мной все нормально, Стилгмар.

И упал лицом в снег.

Я побежала за Ером. Вдвоем мы затащили Трайна в зимовье, укрыли одеялами, дали воды. У него была теплая одежда, и Ер тут же атаковал меня просьбой отпустить его в деревню.

— Я схожу домой и принесу одежду и лекарства, — сказал он. — Или приведу остальных, и мы отвезем его к нам. У нас есть лекарь, он живо поставит твоего парня на ноги. Пожалуйста, Одн-на, позволь мне отплатить тебе добром за добро.

Я метнула на него красноречивый взгляд, но промолчала. Мой парень, надо же. Но Ер говорил дело, смысла торчать здесь еще несколько дней теперь не было.

— Что ты скажешь своему отцу? — спросила я, уже зная, что не смогу долго сопротивляться.

Ер посмотрел на меня глазами полными страха и решимости одновременно.

— Я расскажу ему правду, — сказал он. — Я знаю эту лихорадку, Одн-на, если парню не помочь...

Он умолк, словно испугался, что сказал лишнее, но я и без слов поняла, что речь идет о жизни и смерти.

Скрепя сердце я отдала ему одежду Трайна. Она была слегка великовата в плечах, чуть длинна, но в целом смотрелось неплохо. Пообещав мне вернуться с помощью, Ер выскочил за дверь с прытью молодого волка.

Я же вернулась к Трайну, уселась рядом и стала ждать.

Стилгмар, Стилгмар, Стилгмар — билось в голове. Я надеялась, что больше никогда в жизни не услышу этого имени, но вот оно само нашло меня, нашло, сорвавшись с губ человека, которого я так рада была снова увидеть, и которому я так хотела доверять.

Наверняка Трайн знал меня в Белом мире. Наверняка он сразу же узнал меня — а может, я как-то выдала себя, пока рыдала у него на руках в те далекие ночи, испугавшись кошмаров.

Кто же он такой? Каким именем я называла его в мире, из которого так отчаянно пыталась убежать? Почему он спас меня? Почему опустил, не рассказав, что узнал?

Снова я задавала себе вопросы, и снова не получала на них ответов. Оставалось только ждать, пока Трайн откроет глаза. Оставалось только ждать.

Он пришел в себя уже совсем скоро. Воспаленные глаза открылись, сухая и горячая рука нащупала мою, чуть заметно сжала. Я едва не вскрикнула — оказалось, сидя на стуле в тишине, я задремала.

— Инфи великий, ты жив. — В моем голосе сквозило нескрываемое облегчение.

— Со мной не так уж легко и справиться, — сказал он. — Спасибо, что не бросила меня... Как я здесь оказался? Мы ведь в охотничьем доме, правда? Я узнал его.

Я кратко пересказала ему то, что видела и знала, умолчав только о «Стилгмар». Трайн выслушал спокойно, не отпуская моей руки — он, видимо, даже не осознавал, что держит ее.

— Я долго боролся, — сказал он, наконец, когда я замолчала. Легкая улыбка скривила его губы. — Одн-на, когда в следующий раз у меня начнется бред, просто не держи меня. Позволь уйти.

— По-моему, бред уже начался, — сказала я, приподнимая брови. — У тебя лихорадка, Трайн. И судя по всему, достаточно тяжелая. Волчонок приведет помощь, потерпи.

— Они не станут мне помогать, — Трайн погладил мои пальцы и все-таки отпустил, глядя на меня внимательным взглядом. — Волки знают, что за лихорадка не дает мне покоя, поверь мне. Они посоветуют сделать то же, что советую сделать я.

— Но почему?

Он покачал головой. Осторожно поднявшись, Трайн уселся на кровати, спустив ноги. Грубый кашель разорвал возникшую тишину, и, когда приступ закончился, я с ужасом увидела кровавую пену на губах своего спасителя.

— Ты ведь уже поняла, что я тебя знаю, Стилгмар, — сказал он, опустив голову и не глядя на меня. После приступа голос звучал глухо. — Тебе ведь хочется задать вопросы, правда? И первый из них касается моего имени.

Трайн посмотрел на меня. Окровавленные губы смотрелись жутко. Заметив мой взгляд, он тут же оттер кровь рукавом.

— Прости. Прости, Стилгмар. Я должен был раскрыться сразу. Но просто не смог. Не хотел, чтобы ты видела во мне врага из Белого мира.

Он впился взглядом в мое лицо, чтобы не упустить малейший нюанс его выражения, и четко и ясно назвал свое имя.

Меня бросило в жар и холод одновременно. Я впила взглядом в лицо Трайна, вглядываясь в его выражение как будто в первый раз.

— Керр? — прошептала я, не веря своим глазам. — Не может быть, ты — Керр?

Я смотрела на него, искала пристальным взглядом знакомые черты — и не находила их. За то время, которое я провела у него дома, Трайн не отпустил ни одного двусмысленного комплимента. Да он их вообще не отпускал. Не было шуток на скользкие темы, не было намеков, не было флирта.

Как Трайн, взрослый мужчина с двумя взрослыми детьми, мог оказаться ровесником своих сыновей? Как красноглазый парень, который заигрывал со всеми девушками Школы, мог оказаться мужчиной, который спас мне жизнь? Человеком, который держал меня за руку, когда меня рвало ледяной водой, обнимал, когда я просыпалась от собственных криков, уговаривал поесть, когда меня тошнило от высокой температуры?

— Не могу поверить, — сказала я.

И все же это был он. На двадцать земных лет старше, на пару звездокругов мудрее, но все же Керр. Керридар. Трайн-Ар. Ну, конечно, мне стоило бы догадаться, хотя бы предположить, что это был он, когда Ли-ра назвала мне полное имя. И его слова: «Наши судьбы связаны, Одн-на» в день расставания, конечно, они могли значить что-то большее, чем банальная попытка скрыть неловкость.

— Я прыгнул сюда сразу же, как узнал о твоей смерти в Белом мире, — сказал он. —

Мы с Камри держали связь — я сообщил ей сразу же, как нашел тебя, точнее, сразу же, как убедился в этом.

— Так ты знал, кто я... — растерянно прошептала я, глядя на него.

Он кивнул.

— С самого начала. Я начал подозревать сразу же, как увидел тебя. Внешность в гуманоидных мирах меняется не сильно, и ты похожа на Стилгмар ровно так же, как Стилгмар похожа на Нину, которая похожа на Одн-ну. Ну, а когда я услышал от тебя же твое истинное имя, все встало на свои места.

Я все еще сидела, что называется, открыв рот. Сколько же людей знали обо мне то, чего не знала я сама?

— Количество совпадений зашкаливает, — сказала я больше себе, что Трайну, но он услышал и согласно кивнул.

— Учение Инфи называет это судьбой, Одн-на, — сказал он. — Люди, идущие вместе в одной жизни, непременно встречаются в другой.

— Сплетенные вместе нити душ в мирах и Вселенных тянутся. — Слова из книги бытия Инфи, которую так часто читала мне Ли-ра — смутное воспоминание из далекого детства. — Любовь ли, вражда ли за ними идут — все в судьбах навек останется.

— Вот видишь, — сказал Трайн, поднимаясь с кровати. — Ты все помнишь.

Без каких-либо объяснений он направился к выходу — сначала из комнаты, потом из дома. Я сначала не поняла, что намерения его вполне серьезны, и только когда захлопнулась дверь, бросилась следом.

— Трайн! — Я выскочила на крыльцо. Он, не обращая внимания на то, что по колено проваливается в снег, шел от зимовья прочь. — Трайн, ты куда?

На улице было морозно. Я метнулась за одеждой, впрыгнула на ходу в ботинки и снова выбежала на улицу. Трайн целеустремленно двигался в направлении волчьей деревни, без обуви, без верхней одежды и, похоже, без осознания того, что делает.

— Трайн! — крикнула я.

Он не остановился и не обернулся. Я спрыгнула с крыльца в глубокий снег и бросилась следом за ним, понимая, что он снова в бреду — и снова идет туда, куда направляет его воспаленный разум. Но куда он идет? Куда тянет его эта лихорадка, этот бред, с которым он не в силах справиться... и с которым не хочет справляться?

Я настигла его уже на подъеме. Бежать, все время проваливаясь в снег, было очень тяжело. Я едва дышала, по лицу градом катился пот, ноги по колено были мокры от снега. Ухватив Трайна за плечи, я остановила его и развернула лицом к себе.

Бешеные, лишённые разума глаза уставились на меня с выражением, которое не поддавалось описанию.

— Трайн! — я встряхнула его, — Трайн, очнись же!

Он поднял руки и со всей силы оттолкнул меня от себя — спокойно и безразлично. Я полетела в снег, на мгновение потеряв способность дышать — от удара из меня вышибло весь воздух. Прижимая руку к груди, в которой все клокотало, я смотрела на него, смотрела в его пустые глаза, в зрачки, снова уменьшившиеся до размера точки. Он тоже смотрел на меня, но не видел. Красные пятна на лице проступили с особенной ясностью, хриплое дыхание сорвалось с губ.

— Трайн, что ты делаешь?! — закричала я, когда он отвернулся от меня и пошел дальше, как будто ничего не было. — Вернись!

Я поползла за ним сначала на четвереньках, потом вскочила на ноги и снова побежала. Он не понимает, что делает — только эта мысль удержала меня от того, чтобы развернуться и, плюнув на все и вся, позволить Трайну уйти. Это... и воспоминание о его руках, удержавших меня на краю полной кошмаров бездны, из которой не было возврата.

— Керр! — позвала я его снова, сама не осознавая, что называю другое, не здешнее имя. — Керр! Прощу тебя!

Но, кажется, это имя подействовало. Он замедлил шаг. Я забежала вперед и преградила ему дорогу. Страшные глаза снова уставились невидящим взором мне в лицо, но на этот раз Трайн остановился и даже заговорил со мной — глухо, словно выдавливая из себя звуки.

— Пусти меня к Воротам, Одн-на, — сказал он. — Мне нужно к Воротам. Пусти меня к Воротам.

— Зачем тебе к Воротам, Керр?

— Мне нужно к Воротам, — сказал он и попытался пройти мимо, но я снова заступила дорогу, впиваясь взглядом в его словно окаменевшее лицо.

— Вернись. Тебе нужно одеться. До волчьей деревни далеко, ты простудишься, Керр, пожалуйста.

То, что он сделал дальше, поразило меня до глубины души. Керр не стал снова меня отталкивать. Он не стал обходить меня, не стал ничего объяснять. Молча опустившись на колени прямо в глубокий снег, он закрыл лицо руками и замер. Пара минут, еще пара минут. Я стояла молча, не зная, что сделать и что сказать. А потом я услышала рыдания.

Я застыла в растерянности как истукан. Но тут же взяла себя в руки и опустилась на колени рядом с Керром, робко коснувшись рукой его вздрагивающего плеча.

— Керр. — Если это имя действовало, я буду звать его так. — Керр, что случилось?

— Мне нужно к Воротам, — глухо сказал он. — Мне нужно к Воротам, пусти меня, Стил, пусти, мне очень нужно туда, мне так туда нужно.

Он замер на мгновение, а потом вдруг вскочил на ноги так резко, что напугал меня. Опустив глаза, Трайн посмотрел на меня — и это снова был его ясный взгляд, который я знала и помнила. Он протянул мне руку, и я машинально взялась за нее.

— Это лихорадка возвращения, — сказал он совершенно обычным голосом, пока я приходила в себя от столь резкого перехода безумия в нормальное человеческое состояние. — Я же говорил тебе, что из Белого мира не сбежать. Я же говорил тебе.

Он притянул меня к себе — я едва успела упереться руками в его грудь. Трайн и Керр смешались в выражении его лица, в голосе, во взгляде, загоревшемся непреодолимой решимостью. Этот решительный взгляд пронзал меня насквозь. Эти глаза смотрели мне прямо в сердце, увещевая, уговаривая, упрашивая.

— Пойдем со мной, Стил. Давай вернемся в Белый мир вместе. Я не хочу возвращаться один, я не хочу забывать тебя, я не хочу знать, что оставил что-то важное там, за Воротами.

Я почувствовала силу его рук — достаточную, чтобы заставить меня пойти с ним, услышала в голосе решимость — достаточную для того, чтобы не слушать моих возражений. Я знала, что Трайн никогда не причинил бы мне вреда, я знала, что могла доверять ему, так, как может доверять один человек другому. Но по спине пробежал холодок. Я не хотела идти с ним. Я не хотела возвращаться в Белый мир. Не хотела.

— Отпусти меня, — даже в голосе моем звучал испуг, и Трайн словно опомнился, разжал хватку и сделал шаг назад, не отрывая от меня своего взгляда.

Жестокий приступ кашля скрутил его, и заставил отступить на пару шагов. Я смотрела

на него со страхом и отчаянием, и не знала, что делать, как помочь, как облегчить его страдания.

Лихорадка возвращения. Значит, так это называется. Значит, вот она — та самая болезнь, которая заставляет однажды побывавших в Белом мире снова и снова возвращаться туда. У Трайна не было здесь воплощения, он прыгал через Ворота, а не переходил, как Камри или Терн, и его Белый мир притягивал как магнитом, заставляя бросить пациентов, близких, родных — и идти по снежной пустыне, забыв о голоде и холоде, к дыре в пространстве, именуемой переходом в другой мир.

Теперь я как никогда точно осознала правоту слов Аргенты. Так трудно представить себе, что однажды ты просто не сможешь жизнь в своем родном мире и захочешь вернуться туда, где тебе не рады — но доказательство этого теперь было у меня перед глазами.

И все было даже еще хуже. Если ничего не изменилось с тех пор, как мне рассказала о Снежном мире Силенка, Трайн потеряет память после возвращения. Он забудет, что видел меня здесь, забудет, что узнал меня, забудет, что спас мне жизнь. И многое другое, о чем я не знаю и, наверняка, никогда не буду знать.

— Оdn-на. Стилгмар.

Я отвлеклась от раздумий и посмотрела на него. Трайн казался растерянным, он стоял и оглядывался вокруг с полным непониманием происходящего на лице.

— Что я здесь делаю? У меня снова был бред?

— Да, — просто сказала я.

— Тебе стоило позволить мне уйти, — сказал он, взглядом пройдясь по следам и безошибочно вычислив происшедшее. — Я тебя ударил? Толкнул?

— Второе. И напугал, когда стал тащить за собой в Белый мир.

— Даже так.

Трайн обхватил себя руками, видимо, начиная ощущать пробирающий до костей зимний холод. Губы сжались.

— Нам надо вернуться, — сказал он. — На этот раз я потерял не только контроль, но и разум. Следующий бред может стать последним.

— Что ты собираешься делать? — спросила я.

— Я дождусь возвращения твоего друга и отправлюсь вместе с вами к норам. Волки знают, что я приду, я уже четырежды добирался до деревни и возвращался обратно. В последний раз просто стал кружить вокруг зимовья, в надежде отвлечься от мыслей о Воротах, наблюдая за тобой и волком.

— Если ты мне скажешь, что Ер — это Приэ или Аргента из Белого мира, у меня начнется истерика, — сказала я совершенно серьезно.

Он хмыкнул.

— Вряд ли. Этот волчонок — просто случайная встреча на твоём жизненном пути. А что касается Приэ... У него столько воплощений, что он может жить вечно.

Мы услышали разносящийся в воздухе яростный волчий вой и словно очнулись. На Трайне были носки, свитер и теплые брюки, но этого было явно недостаточно, чтобы защитить его от потянувшего из-за холма холодного вечернего ветра.

— Кажется, возвращается Ер, — сказал он. — Пойдем-ка отсюда. Не люблю волчий запах, от него у меня болит голова.

Но я не слушала его. Во все глаза я смотрела на волков, несущихся по холму нам навстречу. Я ждала Ера в человеческом обличье — и он бежал, почти не отставая от

сородичей, вслед за стаей. Но был с ними еще один человек, и, узнав его, я схватилась за сердце.

Это был человек, от воспоминаний о котором я пыталась сбежать, покинув деревню несколько дней назад. Это был человек, от которого, если мне дорога моя жизнь, я должна была держаться подальше.

Рядом с Ером, легко скользя на лыжах, бежал в нашу сторону Терн.

ГЛАВА 30

Трайн вошел в дом, я же осталась на пороге, встречать «гостей». Глупо было делать вид, что я не заметила волков — они выли так, что могли разбудить мертвого. Желтые глаза поблескивали в наступающей тьме, оскаленные пасти казались наполненными кровью. Я с трудом сдержала желание последовать за Трайном в дом и захлопнуть дверь прямо перед огромными мордами. Но я выстояла. Не отрывая глаз от бегущих за волками людей, я стояла и ждала, пока они окажутся совсем рядом.

— Одн-на! — закричал Ер едва ли не от подножия холма. — Одн-на, я привел помощь!

Волки остановились напротив: большие грациозные и смертельно опасные животные. Ер и Терн догнали их почти одновременно, затормозили, глядя на меня с противоположными выражениями лиц. Ер лучился энтузиазмом, и я поняла, что наказания ему удалось избежать. Терн, казалось, вот-вот взорвется — холодная ярость пылала во взгляде, обжигая меня, как ледяной ветер обжигает голую кожу.

— Как твой парень? — блестя глазами, спросил Ер, взбежав по ступенькам и на пару мгновений задержавшись рядом. — Не убежал?

— Все хорошо, он ждет тебя, — сказала я, отступая в сторону.

Волки улеглись возле крыльца, глухо ворча. Казалось, им совсем нет до нас дела. Ер вошел внутрь, следом поднялся на крыльцо Терн. Его глаза в полумраке казались изумрудами.

— Почему ты ушла так надолго, Одн-на? — спросил он, взявшись за ручку двери. — Почему ты пошла именно сюда?

Он вошел внутрь, не дождавшись ответа, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Ер уже зажег фонарь, разгоняя заползающий в дом мрак, Трайн ворошил угли в печи, одновременно осведомляясь у мужчин, не хотят ли они перекусить. Мужчины не хотели. Терн снял с плеч котомку и стал расставлять в шкафу консервные банки, привезенные для пополнения запаса. Ер вытащил из своей котомки одежду Трайна и отдал ему. Тот отправился в комнату, одеваться.

— Надеюсь, мы уберемся отсюда до темноты, — сказал Терн, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ожидается сильный мороз, волки нервничают.

— Да, ветер ледяной, — вернувшийся в верхней одежде Трайн помог Терну расставить остальные банки, потушил огонь в печи и обернулся ко мне. — Нам лучше и правда выбраться отсюда поскорее.

— Ты все-таки идешь с волками, — сказала я растерянно.

Ер вдруг засмеялся легким звонким смехом.

— Куда же он денется, — сказал он, блеснув желтыми глазами. — Лихорадку не победишь, пока не встретишься с ней лицом к лицу. Даже если мы привяжем твоего друга цепями, он выдернет их и придет к нам. Или сойдет с ума, если цепи окажутся слишком крепкими.

— Твоему другу, и правда, лучше пойти с волками, — сказал Терн, закрывая дверцы шкафа и тоже оборачиваясь ко мне. — Идемте. У нас не очень много времени.

Я задержалась, чтобы забрать свою котомку и ружье. Трайн намеревался подождать меня внутри, но, видимо, приближался приступ, и, извинившись, он вышел наружу вслед за Ером, которому, похоже, не терпелось вернуться домой. Я вышла из комнаты с ружьем и котомкой и наткнулась на взгляд Терна, ждущего меня у дверей.

— Твоя мать сходит с ума, — сказал он холодно. — Почему ты не предупредила ее, что уйдешь так надолго?

— Была буря, — сказала я, оправдываясь. — Я не могла вернуться.

— Буря прошла два дня назад, — сказал он. — Тебе бы хватило времени, чтобы вернуться. Но, видимо, проводя время с другом, ты забыла о том, что за тебя волнуются дома.

— Если ты о Трайне, то не знаю, что взволновало бы мою мать больше: то, что я с ним, или то, что я с тобой, — бросила я.

У него побелели губы, когда он понял, о чем я. Развернувшись, Терн вышел из дома. Погасив фонарь, я вышла следом за ним, уже жалея о сказанном, но понимая, что была права. Если бы моя мать и посылала кого-то на мои поиски, это уж точно был бы не Терн. Но пришел именно он, и пришел сюда. Откуда он мог знать, что я направлюсь к волчьим норам? Он думал, что я собираюсь вернуться в Белый мир? Вряд ли. Но тогда что заставило его сразу же по окончании бури мчаться в волчью деревню?

Волки терпеливо ждали нас у крыльца. Я надела лыжи, взяла в руки палки, отвязанные от спины одного из волков, и повернулась к Трайну. Рука Терна сжалась на моей так неожиданно, что я подпрыгнула.

— Прощайся, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Мы возвращаемся домой. С твоим другом все будет нормально, волки его проводят.

Я собралась запротестовать, но поняла, что покажусь глупой. Трайну помогут. Ер вернулся к своим. Мне нет смысла идти с ним дальше, тем более, как сказал Терн, мама за меня переживает. Мне незачем было идти с Трайном. Незачем.

— Он прав, Одн-на. — Трайн подошел ко мне ближе, и, не обращая внимания на стоящего рядом и держащего меня за руку Терна, обнял. — Я найду тебя, Стил, — шепнул он мне на ухо. — Я оставил на своем столе записку с твоим именем, я найду тебя, во что бы то ни стало.

Я высвободила свою руку и тоже обняла его. Горячее хриплое дыхание коснулось моей щеки, а потом Трайн отстранил меня решительным жестом и пошел прочь.

Волки тут же поднялись с места, обменялись коротким воем и бросились следом. Я поняла, что у Трайна снова начался бред, а значит, он не услышит моих прощальных слов. Несколько секунд — и волки, Ер и мой спаситель уже были совсем далеко. Я повернулась к стоящему рядом Терну, встретила с ним взглядом.

— Почему ты касаешься меня? — вырвалось из моей груди помимо воли. — Ты хочешь причинить мне вред? Ли-ра мне все рассказала, нет нужды скрывать правду, Терн, я знаю, кто ты.

— Я могу причинить вред только той, кого люблю, — холодно сказал он. — С чего ты решила, что это ты?

Мне показалось, что я стояла на краю бездны, а теперь упала в нее. Хватая ртом воздух, я отступила на шаг назад и прижала руку к груди, не в силах справиться с тем, что творится

внутри меня. Я хотела его ударить, я хотела причинить ему боль — но что сравнится с той болью, которую он — снова! — причинил мне? Одним словом, одним взглядом, одним движением губ Терн свел на нет все мои попытки держать себя под контролем.

— Прости, — сказала я, сжимая зубы так крепко, что они заскрежетали. — Конечно, я и забыла об этом. Как хорошо, что я сразу не поверила твоим словам о любви. Избежала такого разочарования.

Я с развернулась и покатила прочь. Еще мгновение — и Одн-на бы закричала, заплакала, устроила бы истерику прямо у него на глазах. Одн-на сломалась бы от этих слов — страшных, ужасных, тяжелых слов. Но я не была только Одн-ной. Нина во мне холодно выслушала Терна и пожала плечами.

Чего же ты хотела от человека, который отказался от тебя перед лицом смерти, милая? Ждала, что он упадет на колени и скажет, что жить без тебя не может? Это не роман о любви, это жизнь. Он забыл о тебе сразу же, как ты умерла... да и тебе самое время начать забывать о нем.

Он догнал меня и молча побежал рядом. Мы поднялись на холм, спустились и заскользили вдоль кромки леса, направляясь к озеру Атт. Несколько раз я ловила на себе косой взгляд Терна, но я уже справилась с собой и знала, что он не увидит на моем лице эмоций.

И мне очень хотелось, чтобы и сердце мое перестало их ощущать.

Ночь покрывалом упала на землю, когда мы преодолели еще один холм и вышли к реке — она текла по запретному лесу и мимо озера, а там уже и рукой подать до деревни. Стало совсем холодно, но Терн все бежал и бежал впереди, и я не осмеливалась подать голос и сказать, что устала. Наконец, впереди показалась гладь озера и та самая охотничья сторожка, в которой я и Терн впервые заговорили о любви.

— Нам лучше переночевать там, — сказал он, останавливаясь. Пар клубами вырывался из его рта.

Я остановилась рядом и посмотрела вперед. Огней деревни еще не было видно, а пальцы рук, в особенности той, на которую была надета порванная перчатка, у меня совсем отмерзли.

— Да, давай.

Голос мой дрожал, от холода зуб на зуб не попадал. Терн, по-видимому, услышал это, лицо его словно окаменело в свете убывающей луны. Он увидел, как я отчаянно шевелю пальцами, протянул руку, и, схватив меня за кисть, развернул ее ладонью к себе. Конечно, это была дырявая перчатка.

— Я не понимаю, тебе так нравится изображать из себя героиню, или что? — со злостью сказал он.

Стащив с рук свои перчатки, он протянул мне с выражением лица, не способствующим изъяснениям недовольства.

— Надевай, быстро. Мне, знаешь ли, тоже жертвенность не чужда, но до умеренных пределов. Нам надо добраться до домика. Поехали.

Я не нашла в себе сил на еще одну колкость. Натянула его перчатки прямо поверх своих, и мы поехали. Сначала эффекта не было никакого, но потом в руках появилась ужасная, сводящая с ума боль, от которой хотелось вопить в голос, и я поняла, что обморожение проходит.

Мы почти бегом вбежали в сторожку. Я встала у порога, не в силах пошевелиться, руки

просто вопили — обе хором и каждый палец по отдельности, — отходя от мороза и ветра. Терн зажег фонарь, растопил печь, поставил на огонь жестянку с водой.

— П-почему нам нельзя было оста-аться там? — дрожа и стуча зубами, спросила я. — Терн, п-почему нельзя было переночевать в том доме, у волчьих нор?

Он ответил не сразу. Потом заговорил, и голос его казался в темноте совсем чужим.

— Я ведь не случайно пошел к волчьим норам, Од-на, — сказал он. — Даже не к ним, а к Воротам. Я был почти уверен в том, что у тебя — лихорадка возвращения.

Я удивленно молчала.

— Я решил, что опоздал, когда ты собралась отправиться вслед за своим другом. — Терн обернулся, языки разгорающегося пламени плясали у него на лице. — Откуда ты знаешь этого человека, Одн-на?

Я мотнула головой, переживая очередную волну боли. Когда отпустило, все-таки смогла стянуть с рук перчатки, снять обувь и пройти поближе к огню. Протянув руки к печке, я почувствовала, как отогревает пальцы живительное тепло. Только тот, кто замерзал до полусмерти, может понять это ощущение — ощущение возвращения жизни в тело.

— Трайн спас мне жизнь, когда я вернулась в этот мир, — сказала я, глядя в огонь.

Коротко я пересказала ему, что случилось, после того, как я пришла в себя на опушке запретного леса. О кошмарах я умолчала, но Терну и не надо было о них ничего говорить — его в моем рассказе волновало совсем другое.

— Ты уверена, что ты перешла, а не прыгнула через Ворота? — спросил он, повернув голову и глядя на меня.

Я непонимающе поглядела на него.

Терн жестом отправил меня за стол, сам достал из шкафчика кружки, налил нам воды с приправами и уселся напротив. Только когда был сделан первый глоток, он заговорил.

— Со Снежным миром что-то не так, ты это уже знаешь.

Я кивнула.

— Силенка должна была поговорить с тобой после возвращения из Миламира. Она знает о Снежном мире то, чего не знают остальные, она знает обо мне и о том, почему на самом деле Снежный мир является закрытым.

— Она знает о воплощениях? — уточнила я.

Терн кивнул.

— Знает. Хотя ее воплощений здесь нет.

Ну, конечно, женишок не удержался и рассказал невесте о том, что может прыгать из одного тела в другое.

— Силенка очень умна, — сказал Терн, словно читая мои мысли. — Она понимает, что устои Белого мира просто рухнут, если люди поймут, что Ворота навязываются им искусственно. С недавних пор на Воротах в Снежный мир поставлена блокировка. Люди, которые возвращаются отсюда, теряют память. В Белом мире сначала пытались игнорировать проблему, но ангелы потребовали уладить вопрос, или они откажутся помогать нам. Но похоже, что кто-то специально поставил на все здешние Ворота такой «замок». Теперь прыгнуть сюда нельзя — только перейти, сменив воплощение, иначе, вернувшись, потеряешь память.

— Но зачем и кому надо ставить этот, как ты говоришь, замок?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Ининджер поднимает панику, он почти уверен, что это происки врага. Они

как раз вызвали Героя, когда я вернулся сюда.

— Через Ворота?

Терн покачал головой.

— Нет, конечно. Я уже возвращался в Белый мир после того, как встретил тебя здесь, потому и последовал за тобой, как только узнал от твоей матери, что ты ушла. Из Миламира вернулась резидент — ваш Патрон сопровождения, с докладом первостепенной важности.

У меня внутри все похолодело от его интонации.

— Он касается меня?

Терн кивнул.

— Твоего тела, если точно. Его не нашли после Турнира, Одн-на. Резидент по правилам должна была забрать твои вещи и тело для похорон, как представитель семьи — по документам она твоя тетя. Но ей сказали, что тебя нет среди умерших на турнире.

— И что?

— А то, Одн-на, — сказал Терн. — Что, похоже, что в Миламире ты еще жива.

Я смотрела на него и не понимала даже, о чем думаю. Я помнила момент смерти очень четко, я помнила боль, помнила дрожь агонии, помнила, как яркий свет перед глазами сменился тьмой.

— Я думаю, здесь не обошлось без Мерры, — сказал он, и с трудом вспомнила, что так звали Главную женщину, ту самую, что приговорила меня к смерти. — Наверняка, она попробует тебя выходить, чтобы ты рассказала ей, где именно в тебя вживлен переводчик.

— Но как такое может быть? Я же помню, что умерла!

— Мерра может все, — сказал Терн, и в его устах это не звучало преувеличением. — Ты точно перенеслась в момент... смерти?

— Да.

— Понятно.

Я покачала головой. Мне-то как раз было ничего не понятно. И если Одн-на еще приходила в себя от растерянности, Нина уже начала думать.

Значит, он узнал, что ты выжила, и побежал за тобой. Зачем? Если ты не перенеслась через Ворота, то какая, черт возьми, у тебя может быть лихорадка возвращения?

— Терн, — сказала я. — Скажи честно, зачем ты пошел за мной? Ты испугался, что я выжила, а значит, смогу вернуться в Белый мир и рассказать всем о том, что ты сделал со мной? Или ты хочешь заставить меня просто принять происходящее, не задавая вопросов?

Удивление вспыхнуло на его лице.

— Я тебя не понимаю.

— Зато я все поняла, — сказала я спокойно. — Репутация принца Белого мира оказывается в опасности из-за того, что ученица, которую он отправил умирать, выжила и сможет все рассказать. Так?

— Нет.

— А как, Терн? И давай ты не будешь уходить от разговора, здесь тебе не Хогвартс, а я не Гарри Поттер, которому можно сказать, что он еще не дорос до тайн и загадок. От меня не отмахнешься волшебной палочкой, Терн. Я тебе не... — я запнулась, вспомнив слова Ера, — не овечка. Мне надоело быть жертвой чьих-то планов.

— Ты не умерла благодаря мне, — сказал он, и я замолчала, решив, что ослышалась.

— Ладно, — продолжил Терн после паузы. Его руки сжались в кулаки, но, похоже, он этого не заметил. — Ладно, Одн-на, я расскажу тебе. Я расскажу.

И он заговорил.

Терн вспомнил, какое обещание он дал Ли-ре в обмен на свою жизнь, в тот день, когда мы решили сказать его родителям о том, что собираемся пожениться. Когда я выбежала из дома, и он собрался последовать за мной, дикий крик матери остановил его уже на пороге.

— Ты обещал ангелу, Лакс! — закричала Пана на гальбэ, отчаянно пытаюсь подняться. И уже тише, когда поняла, что он никуда не уйдет. — Пожалуйста. Вернись. Вернись.

Терн остановился и обернулся, не веря своим ушам. Но в глазах его матери стоял все тот же ужас и дрожали все те же слезы, и он понял, что не ослышался.

— О чем ты говоришь? — спросил он медленно.

— Когда тебя ранил кабан, — сказала Пана, по ее лицу текли слезы. — Ты обещал Ли-ре держаться от Одн-ны подальше, когда она пообещала спасти тебе жизнь.

— Я люблю ее, — сказал Терн, и мать вздрогнула, как от удара.

— Именно поэтому тебе и надо держать ее на расстоянии.

Он почувствовал, как овладевает каждой клеточкой его тела гнев. Мать заставила его дать такое обещание, уже наверняка зная о том, что Арка ему безразлична. Чтобы он наверняка сдержал слово, данное их отцами, чтобы наверняка женился на девушке, с которой был связан старой клятвой чести. Клятвой, которую он готов был нарушить несколько минут назад.

Отец приблизился и приобнял его за плечи.

Он стоял перед ними — юноша пяти звездокругов от роду, и в его глазах плескалось неверие.

— Зачем ты так со мной, мама? — спросил Терн на гальбэ. — Я же тебе не враг. Я же делал все, что нужно, чтобы оставаться сыном, которым ты могла бы гордиться.

— Ты вампир, и ты знаешь, что это значит, — сказала она тоже на гальбэ. — Ты убьешь ее своей любовью, и ты тоже это знаешь. Для того я и заставила твоего отца дать клятву, Лакс. Для того я и сделала все, чтобы разлучить тебя с ней. Я избавилась от тебя, когда забеременела на Земле, в том мире, где ты должен был стать ее мужем. Ты должен держаться от нее подальше.

— Ты... что сделала?

Если бы не отец, Терн не смог бы удержаться на ногах. Ему показалось, что она ударила его, прямо в сердце, прямо туда, где еще жили человеческие чувства — любовь, преданность, теплота. Он высвободился из объятий отца, подошел к стулу и буквально рухнул на него, закрыв лицо руками.

— Я не могла допустить, чтобы ты остался там один, Терн! Я умирала от рака, когда забеременела, и кто бы тогда позаботился о тебе? Ты бы не смог сам, тебя бы нашли и убили хранители порядка.

— И потому ты убила меня, — сказал он, поднимая голову. — Ты что, не понимаешь? Ты меня убила, мама! Ты убила собственного сына, потому что что? Потому что не смогла бы его защитить... или не смогла бы еще в одном мире сломать ему жизнь?

Он вскочил на ноги.

— Я не собираюсь больше тебя слушать. После совершеннолетия я смогу избавиться от твоего надзора, и я сделаю это в первое же утро после дня рождения, уж поверь мне.

Терн схватил забытую Одн-ной одежду и выбежал на улицу. Бешено воющее в голове безумие застило ему глаза, он не чувствовал ни снега на лице, ни мороза, ни обиды, ни отчаяния. Вокруг стояла тьма, вокруг всегда была тьма, с самого его рождения сотню

звездокругов назад в мире Одинокой звезды, куда его мать бежала, спасаясь от охотников на вампиров. Им снова пришлось бежать, теперь уже сюда, чтобы спрятаться в мире, который хранители порядка пока еще не нашли — пока, но, возможно, найдут уже скоро.

Ты не должен никому, кроме Ли-ры, говорить о своем детстве, Терн.

Ты не должен позволять себе влюбляться, Терн.

Ты не должен называть меня матерью в Белом мире, Терн.

Ты не должен называть меня по имени в Снежном мире.

Ты не должен. Не должен. Не должен.

Хватит с него. Теперь — хватит.

Вокруг была тьма, и ночь, и только одна звезда горела в этой ночи, и только она освещала ему путь.

— Одн-на! — закричал он.

Крошечный силуэт в конце улицы замер, и он понял, что она ждала его, ждала, стоя здесь на ветру, на морозе, без шапки.

Он никому ее не отдаст. Он слышал о вампирах, которые пытались идти против своей природы — они причиняли зло любимым и погибали сами, но они боролись. И он тоже будет бороться. Он справится, если она будет рядом с ним, если будет держать его за руку и верить в него. Он справится.

Терн вернулся домой за полночь. Он пошел на озеро, где раз за разом обошел все проруби, куда уже начали опускать приготовленные заранее шашки. Веревки казались такими ненадежными, и, если бы не опыт, который чуть не лишил одного из испытателей глаза, он бы не поверил, что от них будет хоть какой-то толк.

Он представил, как взрыв отбрасывает Одн-ну назад, как она летит в облаке крови в небо, и закрыл глаза, понимая, что следующие несколько дней могут стать для них последними. Ей вовсе не обязательно знать о том, что он вампир. За несколько дней ничего не случится, а потом он ей все расскажет... Если они не умрут.

Арка устроила ему истерику на следующий день после дня рождения отца. Как оказалось, она ходила к Одн-не, но та не вцепилась ей в волосы и не стала оправдываться под градом обвинений. Как оказалось, она знала об обещании — подслушала разговор Паны и Онел-ады, когда однажды пришла в гости, пока Терна не было дома. Они говорили обиняками, но Арка не была дурочкой и сумела сложить два и два.

— Знахарка найдет на тебя проклятье, ты знаешь, — сказала она, улыбаясь. — Твоя милая умрет, не встретив первого рассвета после вашей свадьбы. Уж я-то знаю, о чем говорю, поверь.

— Ты считала ее своей сестрой, — сказал Терн, не отрываясь от письма, которое писал — это письмо Фелик должен будет отдать Одн-не, если его не станет. — Ты готова была отдать за нее жизнь, кажется, даже клялась в этом. Что-то изменилось?

Арка, все так же улыбаясь, прислонилась к дверному косяку и скрестила руки на плоской груди.

— Знаешь, как легко любовь превращается в ненависть, Терн? По щелчку пальцев. Я хожу по улице, не смея поднять головы. Мне плюют вслед и называют опозоренной. Я едва удержала отца — он собирался прийти и избить тебя до полусмерти за то, как ты поступил с его дочерью.

Она говорила спокойно, но за этим спокойствием крылась боль. Терн прекрасно знал, что разрушил ее жизнь — просто потому что мать разрушила его жизнь, просто потому что

он может разрушить жизнь Одн-ны. Не просто может — хочет этого. Эта мысль не давала ему покоя, как бы он ни пытался ее от себя отогнать. Всю ночь Терн лежал в постели, думая о том, правильно ли делает, правильно ли поступает. Лучше бы его мать убила его и в этом мире. Почему не сделала этого? Не успела? Была слишком занята, бегая от охотников, чтобы заметить беременность, а потом стало уже поздно?

— Ты здесь ни при чем, — сказал он, нахмурившись. — Они не имеют права тебя винить, я сам от тебя отказался, я сам нарушил данное моим отцом слово.

— А вот жалость твоя мне не нужна, — сказала Арка с достоинством, которое он у нее привык видеть еще с детства. — Терн, ты же знаешь, что я была влюблена в тебя. Но Одн-ну — вот ее я любила по-настоящему, вот за нее я и правда была готова прыгнуть в прорубь Атта зимой. Ты можешь не жениться на мне — я это переживу. За мной давно уже ходит парень, который готов жениться на мне хоть сейчас — Олл-ард, ты его знаешь. Меня гораздо сильнее ранило то, то пока я готовилась к свадьбе, вы с моей подругой миловались у мен за спиной.

Тут ее голос дрогнул.

— Она смотрела мне в глаза, Терн, она обнимала меня и желала мне счастья, когда ты вернулся, и мы назначили дату свадьбы. Почему она так поступила со мной?

Арка часто заморгала, пытаясь сдержать слезы. Терн отложил письмо в сторону и посмотрел на нее так, как обычно смотрел — с теплом, уважением и привязанностью.

— Мне жаль, что так получилось, — сказал он. — Это все, что я могу тебе сказать. Я поговорю с твоим отцом...

— Да не нужно с ним говорить! — закричала Арка, топнув ногой и заливаясь слезами. — Не нужно! Верни все назад, Терн! Верни мне Одн-ну, верни мне веру в нее, верни мне мою подругу!

Она развернулась и, толкнув дверь, выбежала прочь.

Несмотря на то, что Терн и Одн-на были теперь официальной парой — и официальными изгоями в деревне, ведь все знали наверняка, что она и Терн встречались уже давно и позорили своих родителей всеми возможными способами — времени на уединение у них почти не было. Джорнаки шли к деревне, и вот-вот уже должны были вступить на территорию округа Атт, и каждый, кто мог держать в руках оружие, сжимал его крепче. Еще немного. Еще чуть-чуть. Еще пара дней, и этим оружием предстоит воспользоваться — выстрелить, уколоть, разрубить.

Волки перебрались в деревню. Если джорнаки пройдут здесь, им останется день пути по лесу до волчьих нор — а после большого полнолуния многие волчицы ждали прибавления в семье и не могли ни бежать, ни сражаться.

Все понимали, что силы слишком неравны, и что помочь им может только чудо. Терн встретился с Одн-ной в сторожке в ту последнюю ночь, и рассказал ей, что Ли-бела закончил пушку, которая должна будет стать их последней надеждой, если затея с озером провалится.

— Мы установим ее на главной дороге. У нас будет время на один, может, два залпа — больше зарядить не успеют.

— Мы постараемся сделать на озере все, что можно, — сказала она. — Подпустим их близко, очень близко, чтобы наверняка.

Он кивнул.

— Заряжать будут моя мать и Олл-ард. Женщины уже сегодня заберут детей в волчью

деревню, но если джорнаки пройдут тут — их некому будет защитить.

— Они не пройдут, — уверенно сказала Одн-на.

Он не был в этом так уверен. Ли-ра, почти обезумевшая после пропажи дочери, стала сыпать беспорядочными пророчествами, и в одном из них увидела человека, который обречет эту битву на поражение. Клиф присутствовал при этом припадке — ангел словно вспыхнула изнутри, загорелась, раскинула свои белоснежные крылья, а потом закричала: «Предатель! О Боже, нет!» и упала на землю без сознания. Знали только Пана, Клиф и Терн. Отец стал подозрителен, как никогда, он каждую ночь обходил дозоры, проверяя, бодрствуют ли часовые, постоянно порывался проведать, все ли в порядке с передней линией защиты, все ли капканы работают, все ли ловушки заряжены и ждут своего часа.

Терн рассказал об этом Одн-не в ту последнюю ночь перед приходом джорнаков. Передняя линия защиты уже держала оружие наизготовку, пара джорнаков была уложена меткими стрелами разведчиков — и сильный северный ветер донес до деревни запах крови и смрада немых тел. Волки взволнованно ходили кругами перед кромкой леса, ожидая, прислушиваясь, принохаясь к врагу.

Решено было не ждать, пока враг сам нападет. Утром волки должны были спровоцировать грызню на Лысой поляне — огромном пятаке у самых Ворот, где тысячная армия расположилась лагерем — привлекут их внимание, заставят сунуться в лес. Капканы будут везде — и только в одном месте можно будет пройти, не наткнувшись на раскрытые железные пасти. Тропинка поведет джорнаков прямо в сердце первой линии защиты, а потом, когда они поймут, что это ловушка, их захватят в клещи и погонят к озеру, как бешеных собак.

Одн-на и другие добровольцы должны были остаться в домике у Атта. Им принесли еду и воду, с ними попрощались — попрощались навсегда, и Терн в последний раз взял Одн-ну за руку. Как только джорнаки подойдут к озеру, клещи сомкнутся. Врагу не останется ничего другого, как ступить на лед Атта, побежать по нему — и умереть, когда добровольцы выдернут из дыр во льду веревки.

Но утром все изменилось.

Джорнаки ударили первыми — ударили туда, где капканов не было, вонзились клином прямо в первые ряды защитников. Они словно знали, где нельзя было пройти — только несколько человек сунулись в лес там, где стояли ловушки — остальные, словно ведомые невидимой рукой, направились точно туда, где их ждали люди. Капканы оказались бесполезны. Даже десять человек не потеряли джорнаки в первые минуты схватки, а надежда была на полсотни.

Терн находился в числе тех, кто должен был вступить в схватку уже после, когда джорнаки преодолеют капканы и ловушки и окажутся в запретном лесу — на территории, которую не знают они, но которую очень хорошо знают местные. Волки должны были сыграть роль живого кордона — не позволяя врагу ступить на край тропы, они должны были вывести его прямо к озеру, прямо к смерти.

Крики со стороны деревни Терн услышал не сразу, а когда услышал, было уже поздно что-то думать, и что-то делать. Из обрывочных воплей он понял, что джорнаки их обхитрили. Кто-то пошел на сделку с врагом, взамен, как видно, сторговавшись остаться в живых. Добровольцы были убиты прямо в сторожке. Одн-на исчезла.

Он почувствовал, как холодеет в груди.

Вести шли одна за одной. Одн-ну видели на снегоходе ранним утром — она на полной

скорости ехала к лесу. Джорнаки не рискнули идти по озеру, они с боем и потерями пробивались через лес, и кто-то совсем скоро уже озвучил то, что остальные пока держали в себе: их предупредили. Когда до деревни оставалось совсем чуть-чуть, и уже были видны крыши домов и блики света в окнах, неожиданно раздался залп из пушки — близко, громко, страшно. Основной бой словно замер на пару секунд, понимая, что значит этот выстрел. Джорнаки добрались до деревни, добрались до женщин и детей, вплотную подошли к домам, пока мужчины пытались справиться с ними в лесу, между деревьев.

Кто-то предупредил их.

Ба-бах!

Второй залп — и Терн почувствовал, как встают дыбом волосы. Решено было разделиться, и часть войска с Терном во главе ринулась через озеро к домам, у которых уже кипел бой. Они хотели проскользнуть незаметно, хотели напасть на джорнаков с тылу, но дикий крик вдруг разорвал воздух над озером, и джорнаки загомонили и завывали так, что Терн и остальные остановились на полушаге.

И вдруг он увидел ее. Одн-на показывала на них, бегущих через озеро по толстому льду, стоя в окружении вонючих коренастых дикарей. Волосы развевались на ветру, она что-то кричала и пальцем показывала на деревню.

— Предательница, — выплюнул рядом с Терном сын Ли-белы. — Они бы нас не заметили, если бы не она. Они бы повернули на озеро еще в самом начале, полезли бы на наши капканы и ловушки.

— Не может быть, — сказал он, не веря своим глазам.

— Да ты лишился разума, сын Клифа! Смотри, они все бегут сюда, они все идут за нами!

И вдруг вздыбилась озерная гладь. Взрывом подняло в воздух глыбы льда, обрушило на джорнаков, закрыло Одн-ну ледяной пылью и осколками. Терн смотрел туда, где только что стояла его невеста, и понимал, что в эту секунду она наверняка уже умерла. Его мать стояла прямо у вражеской армии на пути, что-то крича и размахивая руками. Джорнаки бросились к ней, и тут снова прогремел взрыв. Стена ледяных осколков отделила армию врага от отряда Терна. Он словно очнулся.

— Вперед. Вперед! В деревне враг, чего стоим!

Третий взрыв — и последний — разорвал озеро, когда отряд Терна уже достиг деревни. Бой был коротким — пушка Ли-белы разметала две сотни посланных к деревне воином двумя мощными залпами. Покончив с остатками дикарей, посланных против детей и женщин, Терн и остальные решили задержаться — на озере, похожем теперь на открытую рану на снежно-белом теле земли, еще кипел бой, еще слышались крики. На улицах было многолюдно. Подростки и дети держали ружья в дрожащих руках, женщины прижимали к себе просветленных боем сыновей и дочерей. Бледный Фелик вел за руку плачущую Онел-аду, губы его дрожали.

— Твоя мать, Терн, — рыдала Онел-ада. — Твоя мать отправилась на верную смерть.

— Твоя дочь предала нас! — закричала Арка, и все, кто слышал это, ахнули. — Джорнаки знали о капканах, знали о ловушках. Она была с ними. Мы видели.

— Нет, — Онел-ада замерла, глядя на Терна широко открытыми глазами. — Нет, этого не может быть!

Но он отвел взгляд.

Джорнаки, обезумев от потерь на озере, бежали. Волки устроили настоящий пир — и к

ночи разведка донесла, что ни один из дикарей не добрался до лысой поляны живым.

Под вечер, когда еле живую Пану разыскали и принесли домой, в деревню вернулась Одн-на. Ее не стали слушать — заперли в охотничьей сторожке, там же, где лежали трупы убитых ею добровольцев. Терн не мог ее видеть, не мог смотреть на нее и думать о том, что она едва не убила его мать, что она обрекла на десятки невинных душ. Он сидел рядом с лихорадящей матерью и думал о том, что теперь делать.

— Я же говорила, знахарка найдет на тебя проклятье, Терн.

Арка все время была рядом с ним, она жалила его своими злыми словами и высказывала вслух его самые страшные опасения.

— Я же говорила, что обещания нельзя нарушать. Инфи покарал тебя, Инфи лишил тебя матери и любимой.

— Если ты сейчас же не замолчишь, я за себя не ручаюсь, — сказал он, изо всех сил сжимая кулаки.

Арка обтирала мокрой тряпкой пылающий лоб его матери и улыбалась.

Одн-ну пытали. Ее привязали в исподнем к столбу и оставили на пронизывающем ледяном ветру на весь день, чтобы любой мог пройти и плюнуть ей в лицо. Ей не дали права слова — никто не слушал ее объяснений, не пытался расспросить, не верил ей. Терн не ходил мимо столба — просто не мог. Он понимал сильнее и сильнее, что Арка права, что это и есть то самое страшное наказание на данное — и нарушенное! — ангелу обещание, и то возмездие оказалось намного страшнее того, о чем он думал.

Но думал он и о кое-чем другом. В последние дни перед нападением Одн-на начала болеть. Она кашляла, иногда подолгу, плохо соображала и иногда задыхалась при ходьбе. Он списал это на переутомление, на постоянно полуночные обходы, на волнение — но теперь, когда все сложилось в один рисунок, Терн понимал, что был глуп и не замечал очевидного.

Он любил ее слишком сильно. При мысли о том, что они могут умереть, зная, что завтра может стать последним днем их жизни, он чувствовал, что сердце просто разрывается от любви. Он был вампиром, и он слишком сильно любил свою девушку. И она заболела.

Он нарушил обещание держаться от нее подальше, данное ангелу, и теперь она умрет. Не он.

Она.

Умрет раньше или позже, завтра на казни или потом, когда его аура пожрет ее ауру. Он готов был бежать в сторожку, освободить ее и сказать, что отныне будет держаться от нее подальше — но это уже вряд ли поможет.

Его мать захрипела, пытаясь справиться с раной в груди, и Терн возненавидел себя за мысли об Одн-не, возненавидел себя за свою любовь.

Как она могла предать их? Как она могла пойти к этим тварям, открыть им все секреты, довериться этим дикарям? Он вспомнил лица мертвых детей, которых они предавали объятьям Инфи накануне вечером, и почувствовал, как в душе медленно загорается жгучее пламя ненависти.

Она целовала его и выслушивала слова о любви. Она называла его мать Паной и часто приходила к ним в гости, когда была маленькой. Она обнимала Фелика и трепала его по голове, в шутку называя самым красивым парнем деревни. Она знала о видении Ли-ры. Она знала о пушке. Она знала их планы.

Одн-на выдала их.

Сердце его говорило, что это невозможно, но Терн уже не слушал его. Она

предательница. Если он убедит себя в этом... если он заставит себя ее возненавидеть и держаться подальше, ему станет легче перенести ее смерть.

Пусть даже его сердце умрет вместе с ней.

ГЛАВА 31

Ли-ра словно окаменела после того, как сначала в лесу, на дереве нашли ее дочь, а потом, недалеко от лысой поляны — мужа. Только моей матери удалось пробить кокон, в который она себя закутала. Онел-ада умоляла ее сделать что-нибудь, как-нибудь мне помочь, и к концу дня, когда мертвых похоронили, а живым пришлось вернуться в пустые дома, Ли-ра немного пришла в себя.

Ближе к ночи в дом Терна постучали.

Он открыл дверь, сначала даже не узнав женский голос, зовущий его по имени — столько в нем было страха и боли. Пана уже спала, приняв одно из обезболивающих снадобий лекаря, отец вместе с остальными мужчинами находился в охотничьем домике, где проводила свои последние часы Одн-на, Фелик тоже спал. Онел-ада буквально упала ему на руки. Стрельнув взглядом в сторону спящей Паны, она ухватила Терна за плечи и зашептала, горячо и быстро, словно боясь не успеть:

— Ты должен помочь моей девочке, Терн, я не могу потерять еще и дочь, ты ведь любишь ее, ты ведь знаешь, что она никого не предавала...

Трясущейся рукой она сунула в его ладонь флакончик, в котором переливалось всего несколько капель изумрудно-зеленой жидкости. Терн хотел отдернуть руку, но не смог. Как замороженный смотрел он на содержимое флакона, пока Онел-ада торопливо объясняла ему, что нужно сделать.

— Тут всего несколько капель, Терн. Тебе нужно всего лишь вылить снадобье ей в рот, и моя девочка будет спасена.

— Что это за... зелье? — спросил он.

Онел-ада прижала руки к груди, ему показалось, что он слышит биение ее сердца в тишине комнаты.

— Ли-бела сказал мне, что ее решили утопить сегодня ночью на озере Атт. Это зелье не даст ей умереть, оно выбросит мою девочку в ее второе воплощение в тот момент, когда сердце остановится. Она выживет, она будет жить.

— Но это не выход, — сказал он, все еще не понимая. — Если она умрет здесь, она умрет навсегда.

— Я не знаю, что делать, я не знаю, пожалуйста, Терн, я перейду туда и побуду с ней, хотя бы попрощаюсь, хотя бы снова возьму ее за руку...

— Но она все-таки умрет, когда зелье перестанет действовать. К утру. К полудню. На следующую ночь. — Он посмотрел в глаза матери, готовой отдать все на свете, чтобы провести со своей умирающей дочерью еще хотя бы пару минут, и покачал головой. — Я не позволю. Я знаю, что делать, Онел-ада.

Она протянула к нему руки, умоляя.

— Мы отнесем ее в запретный лес.

— Я пришел, чтобы попрощаться с тобой, незадолго до казни, — сказал Терн, глядя в окно, за которым плясали крупные хлопья снега. — Ты была без сознания, и мне удалось влить тебе в рот то, что дала Ли-ра. Но мне не дали уйти, и тебе не дали умереть без мучений. Отец настоял на том, чтобы я остался на твоей казни — ему было важно показать остальным, что я могу быть безжалостен, когда дело касается чести. Пусть даже ради тебя я

ей и поступился однажды.

Лекарь сделал тебе укол, и ты пришла в себя. Тебя вывели из домика и погнали по льду к озеру. Я старался идти позади, я старался не встречаться с тобой взглядом. Но ты все время оборачивалась и смотрела только на меня. Ты звала меня, просила помочь, когда тебя топили. А потом замолчала.

Он снова поглядел в огонь, не обращая внимания на то, что тот уже почти погас.

— Тебя утопили, привязав к ногам камень. Ли-бела пошел навстречу мольбам Онел-ады и упросил Клифа достать тело, когда все остальные разошлись. Ты была куском льда, когда мы с ней переодевали тебя. А потом я повез тебя в запретный лес. Немногие туда ходят, как ты знаешь. Я положил тебя там, где время идет совсем медленно — в самый центр поляны, которая раньше окружала Ворота. Летом по ней еще изредка идут искры, а над деревьями можно увидеть странный туман. Ты осталась там, а мы с твоей матерью пустились тебя искать.

Я и Онел-ада искали тебя год по времени Солнечного мира, а потом ее жизнь там подошла к концу. Я не мог долго находиться на Земле из-за лихорадки, так что с перерывами на поиски ушло несколько лет. Я узнал, что Аргента и Сибиг открыли двух Протеже из Солнечного мира, как раз когда готов был отчаяться и все бросить. Одной из Протеже по счастью оказалась ты. Я несся, как сумасшедший, на бал по случаю инициации. Я услышал, как ты оговорила про притворщиков, и понял, что не ошибся. Твоя мать положила одну из жизней, разыскивая тебя на Земле, а ты в это время просто наслаждалась отдыхом в одном из воплощений.

— Я ничего не помнила, — сказала я.

Он кивнул.

— Я теперь это знаю. Как бы сильно я ни ненавидел тебя за предательство, Одн-на, что-то во мне все равно говорило: «Ты не прав. Ты же ее знаешь. Она не такая». Увидев тебя после многолетних поисков, я понял, что ни моя любовь, ни моя ненависть никуда не делись. И от этого возненавидел тебя еще сильнее. Я сказал тебе о предательстве, и я ожидал чего угодно, но только не того, что увидел.

Он сжал руки в кулаки, и некоторое время молчал.

— У тебя пошла из носа кровь, а это значило, что твое время в Снежном мире на исходе. Прыжок на другую временную ось — из Солнечного мира в Белый ускорил процесс умирания. Я понял, что тебя нужно вытаскивать из Белого мира всеми силами. А теперь самое главное, Одн-на.

Он повернулся ко мне и посмотрел мне в глаза.

— Чтобы здесь ты могла жить, твоей душе требовались силы. Эти силы можно было получить только через смерть одного из вторичных воплощений, но, поверь мне, я пытался убить тебя всего единожды. То, что произошло в Дайтерри — не моя вина и не мой план действий.

— Верю, — сказала я.

— В больнице ты рассказала мне о кошмарах, а от доктора я узнал, что у тебя была рвота. Я понял, что ты на грани смерти. К тебе возвращаются воспоминания о том, что было. Твое сердце готово совершить последний толчок. Твои легкие пытаются избавиться от набравшейся в них озерной воды. Я мог ненавидеть тебя, Одн-на, но я не мог тебя потерять. Моя мать, Камнри, отбыла в Снежный мир сразу же после инициации, и я понял, что она пришла в себя. В ее смерти винить я тебя не мог, но то, что я узнал от нее в Миламире, едва

не заставило меня отказаться от затеи. Предателем был муж Ли-ры. Ты спугнула его, когда он перерезал веревки, ведущие к взрывчатке, и он успел обрезать только одну. Обратившись в волка, он рванул в лес, а ты побежала в деревню. Моя мать приняла единственное верное решение. Ты отправилась к джорнакам, а она отозвала с озера всех, кого могла, чтобы дать им в руки оружие. Об озере решили забыть. Главная битва должна была развернуться в деревне, куда ты приведешь джорнаков окольными путями. Ты должна была изобразить испуганную, готовую на все ради матери девчонку, и сыграть роль предателя, чтобы сбить их с толку.

— И я провела их мимо капканов, — сказала я. — Я помню этот момент, Терн. Мы обошли капканы и напали на вас. Муж Ли-ры смешался с волками сразу же, как понял, что джорнакам не победить, и его убили первой же меткой стрелой. Джорнаки не прощают предательства. А я была с ними до конца.

Он кивнул.

— Ты повела джорнаков к деревне, как и решили вы с Паной. Сама она и Олл-ард засели у обрыва, возле взрывчатки, которой, возможно, воспользоваться и не придется. Но мы не знали, что на озере никого не будет. Мы решили, что джорнаки нападут на пустую деревню. Мы ринулись вас защищать, и тогда джорнаки потеряли бдительность и побежали на озеро за нами. Когда мать рассказала мне об этом, и я понял, что ты нас не предавала, моя решимость укрепилась.

— Но когда она тебе рассказала, Терн? Вы ведь все время были у меня на виду.

— Мы перешли, когда я вышел, чтобы ее проводить. Но я не мог, вернувшись, стать совершенно другим — ты меня не помнила, и ты бы решила, что я спятил. Поэтому я доиграл роль. И играл ее вплоть до момента, когда пришел прощаться с тобой. Мне нужно было, чтобы стражница убедилась в том, что я собираюсь устроить тебе побег. Они перестраховались, настолько, что решили выставить тебя мишенью уже наутро. Когда ты умерла, я вернулся в Белый мир.

— Терн, почему ты не рассказал мне обо всем раньше? Почему не позволил знать все с самого начала? Если бы я знала, что умираю, я бы помогла тебе, я бы пошла с вами в Снежный мир!

— Мать говорила с тобой о двойном прыжке? — спросил он.

Я покачала головой.

— Иногда одно воплощение можно спасти, если второе воплощение прыгнет через Ворота. Если бы твоя сущность из Солнечного мира прыгнула бы в Ворота Снежного мира она бы тоже умерла — потому что не может быть в зеркале двух отражений одного лица, и не может одна душа одновременно быть в двух телах. Но это еще страшнее, чем простая смерть. Я видел всего одного человека, который это пережил и остался психически нормальным. Он победил таким образом лихорадку возвращения... Но при таком прыжке умирают все воплощения кроме истинного. И смерть тогда — самая настоящая, без возможности возродиться.

— А кто этот человек? — спросила я.

— Приэ, — сказал он. — Но он знал, на что идет, и знал, чем это ему грозит. Но ты ничего не помнила, Одн-на. Я бы не разрешил матери использовать двойной прыжок, даже если бы не получилось... убить тебя. Наверное. Не знаю. Все уже позади.

Он закончил свой рассказ слегка отрешенно, как старый человек заканчивает повествование о своей жизни и молодости — все это было, но уже прошло. Единственный

раз Терн проявил чувства — когда упомянул о том, как у меня из носа потекла кровь при встрече с ним. Моя смерть, его обман, его игра в ненависть — обо всем этом Терн рассказал мне совершенно спокойно.

— Я не мог тебя ненавидеть, — Одн-на, — заговорил он снова, словно прочитав мои мысли. — Ли-ра давала мне лекарство, которое подавляет эмоции. Совсем подавляет. Она говорит, что аура ведет себя спокойно, а значит, я не могу причинить тебе вреда. Можешь меня не бояться.

— Я и не боюсь, — сказала я, глядя на него.

Он был так близко, что я могла просто протянуть руку и коснуться его. И все же я не могла. Это был не мой Терн. Не Лакс, которого помнила Нина, но и не Терн, которого любила Одн-на, и который любил ее так сильно, что готов был возненавидеть.

— Я люблю тебя, — сказала я просто, понимая, что эти слова значат для него одновременно слишком много и совсем ничего. — Я не боюсь.

Он ничего не ответил.

Я почувствовала, что глаза совсем слипаются. Наверняка уже далеко за полночь, а завтра рано утром нам надо будет отправиться в путь. Я посмотрела на кровать. Она была всего одна, но мы там точно могли уместиться вдвоем, я это знала. Мы раньше часто спали на ней с Терном, как брат и сестра, как жених подружки и подружка невесты. Я увидела, как Терн подавил зевок, и набрала в легкие воздуха.

— Терн, нам нужно поспать.

Он посмотрел на меня.

— Я посижу здесь, спасибо. Отдыхай.

— Не говори глупостей, — возмутилась я, совсем как раньше. — Ты же сказал, что не причинишь мне вреда. Мы уместимся вдвоем.

В его глазах что-то полыхнуло, губы скривила легкая улыбка.

— Ну, если только так.

Я легла у стены, закрыв глаза и отвернувшись. Сердце мое колотилось как бешеное. Я почувствовала, как Терн ложится рядом и поворачивается ко мне спиной, и уже через несколько минут засыпает... Что же до меня...

Заснула я под утро коротким беспокойным сном, полным смутных образов прошлого и настоящего. Я видела себя на турнире, слышала свист воздуха, пронзаемого летящим мне навстречу копьем, слышала гул толпы и аплодисменты. Лежа на песке, я чувствовала, как покидает меня жизнь. Боль была невероятно сильной, сильнее, чем в реальности, но она резко прекратилась, когда я открыла глаза.

Я лежала на спине на холодном каменном полу. Я сразу узнала это место — я уже была здесь в том сне, после которого на моих запястьях остались следы от оков. Приподнявшись, я услышала звон цепей, но на этот раз руки и ноги у меня не было привязаны. Толстая цепь тянулась от моей шеи к кольцу в стене. Я ощупала толстый железный ошейник и огляделась.

Уже знакомые длинные ряды клеток, одна за другой, насколько хватало взгляда. Большинство — пусты, но были и те, в которых сидели и лежали прикованные цепями к стене пленники. Я слышала детский плач, чувствовала запах давно немых тел, ощущала дуновение ветра по полу.

Повернув голову, я увидела, что все осталось, как и прежде. В соседней клетке был заперт ангел, и сейчас он лежал у стены, закрыв голову белоснежными крыльями. Пол комнаты был все так же покрыт грязными серыми перьями.

— Фей! — позвала я, и ангел зашевелился. — Фей!

Белоснежные крылья развернулись, открывая моему взору лицо их обладателя, но это был не Фейрандайре. Я увидела синие глаза, яркие полные губы, открытое и красивое лицо.

— Кто ты? — спросила я.

— Меня зовут Корт, — сказал ангел. — Почему ты оказалась здесь, смертная? Тебе здесь быть не положено.

Он поднялся на ноги и подошел к разделяющей нас решетке, цепь с грохотом волочилась за ним по полу.

— Кто ты? — снова спросил он. — Откуда на тебе вампирская метка, и почему...

Дикий крик, раздавшийся где-то вдали, заставил его замолчать. Стены содрогнулись от сильного подземного толчка, и я вынуждена была схватиться за решетку, чтобы удержаться на ногах.

Синие глаза не отрывались от меня.

— Ты связана с Лаксом, — сказал ангел. — Ты должна сказать ему, что враг вернулся. Скажи ему, что опасность пришла со стороны холодных миров.

Еще один толчок, и пол под моими ногами затрепал.

— Скажи ему, что Фейрандайре погиб. — Корт оглянулся — слышались все приближающиеся звуки торопливых шагов. Пол снова содрогнулся, и я почувствовала, как он проседает под ногами. — Скажи ему, пришло время Героя. Скажи ему, что ему пора вспомнить о том, кто он есть.

Резкий каркающий звук раздался совсем рядом с нами. Я повернула голову. Существа с мордами, подобными змеиным, стояли у дверей моей клетки и торопливо отпирали замок. Их приплюснутые лица ничего не выражали, а глаза без век казались слепыми и всевидящими одновременно. Замок заскрипел. Дверь распахнулась, существа оказались внутри, и в тот же миг Корт рядом со мной вспыхнул ослепительно-белым светом, от которого я заслонила руку...

— Давай же. Давай же, проснись, Одн-на. Давай же, проснись!

Я почувствовала, как кто-то трясет меня за плечи, и, открыв глаза, увидела над собой взволнованное лицо Терна.

— В чем дело?

— Ты кричала, как будто тебя убивают, — сказал он, не отрывая взгляда от моего лица.

Я села на постели, отмечая, что за окном уже занялся рассвет, и что Терн уже на ногах и успел согреть себе воды с приправами — жестяная кружка стояла на столе, и от нее поднимался парок.

Мысли мои мутились.

— Я снова видела ангела, — сказала я, поднимая руки и глядя на них, словно ожидая, что на запястьях вот-вот проступят следы от оков.

Поднеся руку к шее, я ощупала ее, но не нашла никаких следов. Видимо, в этот раз все обошлось. Терн без церемоний уселся рядом со мной на постели, его глаза следили за моими движениями.

— Расскажи мне, — попросил он.

Я пересказала содержание сначала сна с Феем, потом сна с Кортом. Когда я по просьбе Терна описала Корта, он замолчал, и замолчал надолго.

— Ты ведь не встречалась с ним, правда? Кортвандайре не было в Белом мире, когда ты там была.

— Меня лечил Фей, — сказала я. — Кроме него ни с одним ангелом... Кроме него и Ли-ры ни с одним ангелом я не знакома.

— Понятно, — сказал Терн. Он поднялся, залпом осушил кружку и, помыв ее, поставил в шкаф. — Собирайся, — коротко бросил он мне. — Нам надо спешить. Я отведу тебя домой и вернусь в Белый мир.

— Ты думаешь, мои сны... — я замаялась. — Ты думаешь, они то-то значат?

— Ангелы не смогли связаться со мной, потому что я вампир. Они связались с тобой, потому что ты — человек, и на тебе моя метка. — Он сжал губы. — Следы воздействия вампира на ауру можно отследить, это как... радиоактивный след, он остается на человеке навечно. Справедливо рассудив, что я кормлюсь от тебя, они вышли на связь с тобой, зная, что к тебе-то я точно вернусь.

— Они знают, что ты — вампир? — спросила я, послушно поднимаясь и одеваясь.

Умывшись водой из ведра, я почувствовала себя не намного лучше — сказывалась бессонная ночь в слезах, а время, судя по всему, было еще очень раннее. Я надела куртку и перчатки Терна — он наградил меня убийственным взглядом, когда я попыталась отдать их ему.

— Конечно, знают, они же ангелы, — сказал Терн. — Если ты о хранителях порядка — если ты не на их территории, они не вмешаются. Вампиры и ангелы едва ли не две самых старших галактических расы из известных. Ангелы — среди теплокровных, вампиры — среди холоднокровных или холодных, как они себя называют.

Мы вышли из домика. Солнце чертило ярко-красные полосы по глади озера Атт, было морозно, но безветренно. Мы заскользили в направлении деревни. Терн больше не стал ничего объяснять, а я не спрашивала. Мне и так хватало пищи для размышлений.

Судя по тому, как торопился Терн, информация, переданная Кортом, была для него очень важна. Я увидела отблеск волнения на его спокойном — теперь почти всегда спокойном лице, и поняла, что назревает что-то нехорошее.

— Терн! — позвала я, когда мы уже вошли в деревню. Он не остановился, но замедлил ход и обернулся. — Терн, ты понял, о чем говорил Корт? Что это за место, в котором он находится?

— Я не хочу, чтобы ты в это ввязывалась. Дело касается врага, и я подозреваю, что назревает очередная война. Но холодные никогда ранее не нападали на наши миры — мы слишком разные, и нам нечего делить. Возможно, мне придется обратиться к своим сородичам.

— Но в Белом мире пройдут годы, пока ты вернешься, — сказала я.

— Вампиры есть и на Земле, — ответил Терн, и я замолчала, не зная, что сказать.

Да, Ли-ра говорила об этом. В каждом воплощении мы рождаемся тем, кем родились в истинном. Если ты ангел на Земле — ты станешь ангелом во всех других мирах. То же и с вампирами — я ведь должна была обратить на это внимание, еще когда он рассказывал свою историю. Пана избавилась от сына-вампира, желая таким образом уберечь его от охотников. Вампирские сказки и предания должны были иметь под собой какую-то подоплеку, и они и вправду имели, но только не фантастическую, а самую реальную. Существа, живущие долго, почти вечно — потому что родились на другой временной оси, высасывающие из других существ жизнь — только не с кровью, а лишая их ауры, прячущиеся в ночи и боящиеся света — потому что он губителен для природы тех, кто родился на лишенных тепла и солнца планетах.

Мы дошли до его дома в молчании. Терн попрощался со мной коротким кивком, а мне предстояло пройти еще пару сотен шагов до моего дома. В утреннем свете солнца деревня казалась прекрасной. Я намеревалась идти домой, но ноги сами принесли меня к домику Ли-ры. Я знала, что она не спит — она редко нежилась в постели допоздна, предпочитая лечь пораньше. Постучав и услышав приветливое «Войдите», я толкнула дверь и ступила внутрь.

Ли-ра возилась у очага. Увидев меня, она всплеснула руками.

— Ну, я же говорила твоей матери, что ты вернешься в целостности и сохранности. А где твой провожатый?

Я упала на стул и посмотрела на Ли-ру, чувствуя, как замирает в груди сердце.

— Ли-ра, дай мне тоже такое же лекарство, как Терну. Я больше так не могу.

Она отложила в сторону ложку, которой помешивала суп, и, подойдя ко мне, наклонилась и взяла меня за руки.

— Одн-на, милая. Он вампир, и он в тебя влюблен. Он убьет тебя, если не перестанет думать о тебе.

— Лучше уже ненависть, чем такое безразличие, — упрямо сказала я.

— Его гложет сильная вина, — сказала Ли-ра, не отпуская моих рук. — После того, как он понял, что ненавидел тебя за поступок, которого ты не совершала. После того, как ты вернулась и вспомнила его — и не возненавидела. Пусть не простила, но не стала его врагом.

Она погладила мои пальцы.

— Я не хотела давать ему это лекарство. Оно подавляет все эмоции, успокаивает его ауру. Но если принимать его слишком долго, к нему привыкаешь. Становится нужно все больше и больше, все чаще и чаще. В конце концов, ты становишься похож на одного из мертвых — кажется, их называют «поднятые» или «ходячие мертвецы». Терн пообещал принимать его только здесь. Только пока он рядом с тобой. Сказал, что постарается уйти в другое воплощение как можно скорее.

— Почему он пошел за мной? — прошептала я, скорее, сама себе, чем ей.

Ли-ра отошла, мои руки выскользнули из ее рук. Она вернулась к супу, помешала его ложкой, попробовала, бросила пару горошин перца.

— Он хотел попрощаться, — сказала она, не оборачиваясь.

ГЛАВА 32

Ли-ра хотела снова дать мне лекарство, подавляющее сны, но я отказалась, ограничившись лишь тем, которое должно было помочь мне справиться с идивэром. Как бы ни был далек от меня сейчас Белый мир, я понимала, что ангелы могут снова попытаться выйти на меня. Связаться со мной.

И тогда у тебя будет причина рвануть с Лаксом в Белый мир.

Но внутренний голос в лице Нины был прав только отчасти. Терн сказал о назревающей беде, а со слов Силенки я еще в Дайтерри уяснила хорошо одну истину.

Враг опасен для всех. Но кто этот враг? Неужели те змееподобные существа, которых я видела в тюрьме перед самым пробуждением? Их морды, их глаза, их нечеловеческая мимика вызывали во мне дрожь.

Терна провожали днем. Он и его мать намеревались перейти в воплощения Белого мира и отправиться на Землю, чтобы связаться со старшей расой холоднокровных — вампирами. Такова была правда, и такова была официальная версия. Если холоднокровные пойдут

навстречу и согласятся помочь, возможно, войны удастся избежать. Вампиры контролировали свою часть Вселенной так же жестко, как ангелы — свою. Снежный мир принадлежал ангелам, но его условия были благоприятны и для вампиров — длинные темные зимы, снега и ледники, множество разрозненных государств, практически не имеющих контакта друг с другом. Именно потому вампиры старались занять укромные места в таких мирах, как Снежный и Солнечный, и именно поэтому хранители порядка, так называемые охотники, преследовали, ловили и жестоко наказывали нарушителей.

Несмотря на уговоры матери, я тоже отправилась с толпой провожающих в запретный лес. Клиф, Пана и Терн шли впереди, держались особняком и тихо переговаривались. Арка старалась не отставать, но в разговор не вмешивалась, хоть наверняка и слышала его. Фелик, бодро шагающий рядом со мной, не скрывал гордости за брата и мать.

— Мама видела сон, — сказал он мне, украдкой дернув за рукав. — Как и ты. Ангелы знают, что Терн — связующее звено между ними и вампирами. Они надеются на него.

— Так ты все знаешь, — удивленно сказала я.

— Конечно, — сказал он. — Я ведь все слышу, даже когда вы думаете, что это не так. Это все началось не вчера и не сегодня. Мне кажется, джорнаки потому и побежали из своих домов. Они что-то почувствовали.

Я покосилась на него: сейчас Фелик выглядел и говорил почти как Терн, когда тот рассказывал мне о «замках», заперших Ворота в Снежном мире. Терн и Пана перейдут в другие воплощения — и потому не потеряют память. Но всем тем, что последует за ними через Ворота, придется труднее. Я слышала разговоры еще в деревне — многие были готовы хоть сейчас встать под ружье и поспешить на защиту Белого мира, и только слова Терна о том, что пользы от такой помощи не будет, остановили желающих.

Я бы тоже пошла за ним.

Зачем? Чтобы умирать от того, что он ничего не чувствует, когда находится рядом? Он даже не смотрит на тебя. Ты сказала ему о любви, и что он ответил?

После разговора с Терном в сторожке Нина стала подавать голос намного чаще. И я не могла не прислушиваться к этому голосу — слишком он был созвучен моим собственным мыслям и чувствам.

— Джорнаки не животные и не телепаты, — сказала я Фелику, но он только пожал плечами.

— Что заставляет лань вскакивать с места и бежать прочь, когда волка нет поблизости? Что заставляет волка оскалиться и напасть, когда он не голоден и опасности нет?

И он был прав. Джорнаки в своей дикой сущности были ближе к природе, чем мы, цивилизованные люди. Они селились вдалеке от запретных мест, они не подходили к Воротам, они редко нарушали границы округов. И все же что-то заставило их этой зимой сняться с насиженного места и отправиться воевать. Что-то... или кто-то?

Я воскресила в памяти оскалившегося в улыбке Ера, напомнившего мне о том, что я забыла, слишком надолго задержавшись на Земле. Большая часть из живущих во Вселенной рас, видов и родов — не человеческие. Мы разбросаны по мирам, как пыльца цветов, разнесенная по вселенскому полю ветром перемен, но мы далеко не самые сильные и не самые многочисленные. Ангелы и вампиры старше нас, аниморфы старше нас, даже разумные дайт старше нас. Они были старшими, когда первая обезьяна на Земле слезла с ветки дерева жизни. Они были старшими, когда первый на этой планете снежный человек взял в руки кость меле-падна — древнего, уже вымершего животного, похожего на земного

медведя с длинными зубами.

Ангелы на Земле считались существами истинного света и добра. Но тот, кто знал их по-настоящему, знал и то, что такое представление о них — ошибка.

Ангелы переживут людей, как пережили вид, бывший их прямым предком. Эпоха человечества во Вселенной держалась на хрупкой соломинке мира между старшими расами. И если сейчас эта соломинка склонит чашу весов в пользу галактической войны, что же... Человечество будет ее не первой и не последней жертвой.

Если холонокровные так открыто взялись уничтожать ангелов, значит, повод более, чем веский. Так сказала мне Ли-ра, когда я упомянула о сне и о желании Терна немедленно уйти на Землю.

— Мы фактически отдали вампирам Солнечный мир, — сказала она мне. — Сделали из него нечто вроде представительства их мира в одном из наших. В обмен на это ангелы живут в Сафаег — одном из миров, который контролируют вампиры.

Мы должны были побывать в Сафаег во время обучения в Школе. Я попросила Ли-ру назвать еще пару миров, где правят вампиры. И еще пару. И еще. И мне снова встретилось знакомое название — я встречала его в справочнике по мирам, который из любопытства пролистала до конца. До меня потихоньку «доходило», почему Герой живет в Белом мире, а не где-то еще, почему эти миры называются Закрытыми, и почему ангелы так часто и помногу проводят там время.

Похоже было, что в Белом мире открывались Ворота и ангельских, и вампирских миров. Похоже было, что в случае войны это место становилось полем одного из самых жесточайших сражений. Потому и паниковал Ининджер. Если ангелы и вампиры сойдутся в смертельной схватке, местом великой битвы будет Белый мир.

Мне оставалось только надеяться, что Терну удастся уговорить сородичей оказать давление на инициаторов конфликта. Если, конечно, они сами не являются инициаторами.

Мы дошли до границы запретных территорий и остановились. Терн обвел всех невозмутимым взглядом, скользнул им и по мне... задержись же на мгновение, умоляла я... но бесполезно.

— Я надеюсь на лучшее, — сказал он. — Но на всякий случай прошу тех, кто имеет воплощения в Белом мире, переместиться туда. Я уверен, в ближайшее время доступ к Воротам будет ограничен, а потому... если вы не хотите оказаться в центре войны, уходите.

— Но куда? — подал голос Ли-бела. Его слова эхом пронеслись по лесу. — Если начнется война, ангелы объявят мобилизацию. Мы обязаны будем принять их сторону или сторону холонокровных тварей. Нет уж, я лучше дома посижу, а когда придет время, возьму в руки пушку.

Сыновья поддержали его, но на лицах большинства отразилась если не паника, то испуг.

— Куда ты посоветуешь бежать, Терн? — спросила одна из женщин.

— Я думаю, безопаснее всего будет в мирах без Ворот, — сказал он задумчиво. — Но я не уверен...

Я вдруг поняла, что сделала шаг вперед, словно ноги сами понесли меня ему навстречу, словно они не слушались моего разума, а подчинялись лишь сердцу. И Терн замолчал, потому что увидел этот шаг. И глаза его на мгновение как будто сверкнули.

— Дрянь, — отчетливо выдохнула позади меня Арка.

Пана тут же выступила вперед, словно защищая меня, и Терн поспешил закончить:

— Время играет против нас. Мне нужно идти. Не прощаюсь ни с кем.

— Легкого перехода, — понеслись со всех сторон пожелания.

И я тоже повторила вслед за всеми:

— Легкого перехода, Терн.

Они скрылись за деревьями. Постояв еще немного, мы пошли назад, каждый размышляя о своем, но обмениваясь схожими мыслями. Арка взяла под руку Клифа, поманила Фелика, демонстративно не обращая на меня внимания, но он мотнул головой и присоединился ко мне.

— Жаль, у меня нет воплощения в этих мирах, — сказал он почти с искренней печалью в голосе.

— А где есть?

— Алхайло, — сказал он и покосился на меня.

Еще один Закрытый мир, о котором я помнила. После войны его цивилизация была разрушена почти до основания. Сдвиг климата вызвал массовое вымирание живой природы. Люди жили в бункерах под землей и ждали, пока осядет пепел, поднятый в воздух ядерными взрывами. Единственные уцелевшие Ворота открывались под водой, в одном из озер, спрятанных в подземной системе пещер. Жизнь там была, мягко говоря, не сказочной.

— Впечатляет, — сказала я.

— Ты слышала о нем?

Я кивнула.

— Изучала в Белом мире.

— Вселенское зло породило монстра, — сказал он почти про себя, но я услышала. — Супервулкан разрушил наш мир. Взорвалось море, по всей земле прошли трещины. Ни ангелам, ни вампирам не удалось справиться со злом. Наш мир уже было не спасти.

Я задумалась над услышанным.

— Так воевали не ангелы с вампирами?

Он покачал головой.

— Нет, Одн-на. Ангелы и вампиры никогда не воевали. Всегда не хватает места какой-нибудь низшей расе, какой-нибудь мелкой галактической империи, которая вдруг решает, что ей мало пары сотен систем в галактике, и начинает задирать голову.

— А против кого же тогда воевали вампиры и ангелы? Кто был вселенским злом?

— Этой старшей расы теперь во Вселенной нет, — сказал он. — Но раньше она называлась фрайд'анго или демонами.

Демоны. Ангелы. Вампиры.

Похоже я зря не увлекалась фэнтези.

Расставшись с Феликом, я снова направилась к дому Ли-ры. Она уже сказала мне, что уйдет в Белый мир, как только вернет мне остатки памяти. Ее воплощения уже давно умерли, но это не значит, что она должна сидеть здесь и ждать, пока пройдет весенний дождь.

Я подняла руку, чтобы постучать в дверь, но меня вдруг грубо схватили за воротник пальто и отбросили с крыльца прямо в свежевыпавший снег. Приземление было болезненным, и у меня на мгновение перехватило дух, так что я не сразу поняла, что надо мной с лицом, обезображенным злостью, стоит Арка.

— Что ты сделала с ним? — зашипела она, наклонившись ко мне так близко, что волосы упали мне на лицо. — Что ты сделала с моим женихом, ты, дрянь? Какого Инфи ты готова была прыгнуть ему на шею у меня на глазах?

— Перестань, — начала я, но она вдруг упала рядом со мной на колени, и, схватив меня за грудки, стала трясти.

— Что ты сделала с ним? Почему после сна матери он побежал за тобой, вместо того, чтобы идти в Белый мир? Почему он наплевал на общую безопасность и побежал к волчьим норам, не сказав мне — его невесте! — о том, что происходит?

Она задыхалась от злости, и я тоже в ее руках задыхалась — Арка слишком туго сжала воротник.

— Я не позволю тебе увести его на этот раз!

У меня перед глазами поплыли круги, но я все же смогла достаточно ощутимо пнуть ее в живот. Арке пришлось ослабить хватку, я вырвалась, откатилась прочь и вскочила на ноги, пока она, чертыхаясь, пыталась подняться. Ей в ее модной шубе это сделать было тяжелее.

— Да опомнись ты! — сказала я, видя, что ярости в ее глазах не убавилось. — Я не знала, что он пойдет за мной! Я ушла из деревни специально, чтобы не видеть его!

Я услышала, как открывается дверь — на пороге появилась привлеченная нашими голосами Ли-ра.

— Что тут происходит? — спросила она, окидывая взглядом меня и стоящую напротив Арку: обе красные, обе в снегу, обе невероятно злы.

— Ничего, — буркнула Арка, резкими движениями отряхивая снег с подола шубы.

— Ты тоже пришла попрощаться со мной? — спросила Ли-ра, глядя на Арку взглядом, в котором читалось миролюбие.

Та помолчала, искоса бросая на меня хмурые взгляды.

— Да.

— Ну, пойдете в дом, — сказала Ли-ра, отворяя позади себя дверь. — Я дам вам последние наставления.

В некоторые вопросах и я, и Арка были одинаково разумны. Мы проглотили упреки и взаимное недоверие и последовали внутрь. Уже остановившись на пороге, мы поняли, что в доме очень многое изменилось.

Не осталось ни следа от мебели. Исчезли флакончики, ровными рядами стоявшие у стены — а ведь они стояли там, сколько я себя помню. Только пара прозрачных пузырьков: один с уже знакомой мне жидкостью ядовито-оранжевого цвета, другой — с темно-красной, как вишневое варенье, стояли на пустом столе. Взгляд Арки тоже задержался на этих флакончиках, но она, как и я, промолчала, оставив вопросы при себе.

— Не могу предложить вам присесть, — сказала Ли-ра без малейшего смущения в голосе. — Так что вам придется постоять.

Я и Арка переглянулись, совсем как в детстве.

— Я любила вас почти, как родную дочь, — сказала Ли-ра, чуть помолчав. — Я хочу, чтобы вы никогда не забывали о том, как коротка человеческая жизнь, как она хрупка и изменчива.

Она подошла ближе, подняла руку, коснулась ею моего лица. Потом обняла и прижала к себе Арку, которая едва сдерживала слезы. Отстранившись, Ли-ра оглянулась на пустую комнату позади себя. Казалось, она уходит не завтра, казалось — прямо сейчас.

Сколько же лет провела ангел в этом мире, помогая, лечя, спасая жизни? Следуя за своими дочерью и мужем, встречая их смерти и снова радуясь тому, что они живы — и так до тех пор, пока последнее воплощение не закрыло глаза. И, как ни обидно мне было это осознавать, ее любви ко мне и Арке оказалось недостаточно, чтобы остаться — на случай

войны, на случай опасности, на случай, если я вздумаю заболеть или умереть.

— Ну, что же, не будем плакать раньше времени, — сказала Ли-ра, улыбаясь. — Ох-на, сегодня ночью мы с тобой идем на озеро. Будь готова после заката.

Она подошла к столу и взяла в руки флакончики. Ярко-оранжевый она подала Арке, тот, в котором плескалась темно-вишневая жидкость — мне.

— Выпить вечером, перед выходом, — сказала она мне.

Мы вышли из ее дома подавленными. Арка не сверкала в мою сторону гневным взором очей, она вздыхала и смотрела куда-то вдаль. Мы разошлись на главной улице — ей надо было идти дальше, а я свернула на радиальную, где стоял мой дом.

Маме не понравилось, что я ходила провожать Терна. Она молчала весь вечер, и даже мой рассказ о том, что и Ли-ра вот-вот уйдет из нашего мира, не вернул ей разговорчивости. Я набрала воды, сварила кашу, испекла в печи хрустящий домашний хлеб. Время до вечера тянулось почти бесконечно. Кроваво-красный луч солнца прочертил по озеру яркую полосу, заглянул в окно дома, ударил в глаза.

Наконец-то.

Я достала из кармана пальто флакончик, который мне дала Ли-ра. Темно-красная жидкость должна была вернуть мне остатки памяти, одновременно защитив от идивэра — иначе казнь в видении убьет меня в реальности. Я поднесла флакончик к губам и сделала глоток. Жидкость была резкая на вкус, как молодое вино. Я выпила остатки и положила флакончик обратно за пазуху.

Вот и все. Последний шаг на пути обретения прошлого сделан.

Хлопнула дверь — вернулась мама с куском оленьего мяса из ледника. Поджав губы, она посмотрела на меня, потом на мою руку, все еще засунутую в карман.

— Ты готова? — спросила она, проходя в дом и снимая с головы капюшон.

Я кивнула. Мы пошли по улице, как обычно, пустынной в это время, к озеру. Я увидела прорубь, которая в прошлый раз открыла мне дверь в воспоминания, и меня пробрала дрожь, и я не сразу поняла, что же спрашивает у меня мать.

— Ты уверена, что вы с ней договорились встретиться после заката? — спросила она.

Я огляделась, и поняла, что Ли-ры у проруби нет. Более того, обернувшись, я ее тоже не заметила. Мысль о том, что она могла уйти, не выполнив обещания, обожгла меня огнем, но это была моя Ли-ра, и она бы так со мной никогда не поступила. Мы подождали еще немного, поглядывая в сторону деревни, но оттуда в направлении озера никто не вышел. Неужели она покинула этот мир, не дождавшись?

Меня охватил страх — лекарство-то я уже выпила. Что будет, если Ли-ра вообще не придет? Какими будут мои воспоминания, если рядом не будет ангела, готового в любой момент прийти на помощь?

— Мама, погоди, я схожу за ней, — сказала я, и, не дожидаясь ее согласия, побежала к деревне.

Я чувствовала, что лекарство уже начинает действовать — в голове становилось пусто, мысли исчезали, сменяясь простыми эмоциями: вот мне холодно, вот мне страшно, а вот я понимаю, что в доме Ли-ры темно, и скорее всего, там никого нет.

Я остановилась у дверей, не веря своим глазам. Прижимая руку к груди, чтобы удержать бег пустившегося вскачь сердца, я отдышалась, пытаюсь одновременно успокоиться. Окна дома были темны. Дверь показалась мне приоткрытой, и, подойдя к ней, я взялась было за ручку — не имея ни малейшего желания войти внутрь, но понимая, что лучше

удостовериться — но меня во второй раз за последние полдня отшвырнуло в сторону.

На этот раз с ног меня сбил мужчина. Его тонкий силуэт не показался мне знакомым. Некрасивое и злое лицо исказилось гримасой, когда он увидел, что я смотрю на него, мужчина безмолвно отвернулся и исчез за домом. На этот раз приземление было тяжелее, и мне потребовалось больше времени, чтобы, охая, подняться на ноги.

Кто это был, и что он здесь делал?

Я заглянула в открытую дверь, но непроницаемая темнота внутри не позволила мне что-либо разглядеть.

Не знаю, что это было: интуиция или что-то еще, но я вошла внутрь, огляделась и несмело позвала:

— Ли-ра!

Голос, раздавшийся из угла комнаты, был еще слышен.

— Одн-на, это ты?

— Да, я! — едва не закричала я, шагая в темноту и пытаюсь сориентироваться, пока глаза к ней привыкают.

То, что я увидела перед собой, заставило меня ахнуть. Ли-ра в своем ангельском обличье лежала у стены. Вокруг валялись грязные перья, и, сделав шаг, я едва не наступила ногой на оторванное крыло. Второе белело чуть поодаль.

— Инфи великий!

Лицо Ли-ры чуть светилось в темноте — видимо, такова была ангельская природа. Я подошла ближе и опустилась перед ней на колени, не зная, за что хвататься, не зная, чем помочь и куда бежать, чтобы позвать на помощь.

— Ли-ра, ты... я...

Она схватила меня за руку и заставила замолчать. Глаза ее засветились синим ярким светом — так же, как в моем сне светились глаза Фея.

— Слишком поздно, — сказала она. Голос ее звучал твердо, но это была смертельная твердость. Я поняла, что если Ли-ра замолчит — она замолчит навсегда. — Тебе нужно использовать свое второе воплощение, найти Ининджера и сказать ему, что война уже началась. Пусть готовятся. Пусть собирают войска.

На меня с каждым мгновением все сильнее накатывала сонливость от лекарства, и я уже ничего не соображала.

— Одн-на. Одн-на! — Она затрясла меня, и я с трудом пришла в себя. — Ты уже выпила лекарство?

— Да, — слабым голосом сказала я.

— Тебе нужно успеть до того, как вампиры нападут, ты поняла меня? Как только придешь в себя, переходи. Скажи Ининджеру, что вампиры готовы начать войну, что они предъявили ультиматум. Скажи, что старшие ангелы решили принести в жертву Белый мир, чтобы выполнить его условия. Пусть он готовится. Пусть выводит воплощения в быстрые миры.

— Что это за ультиматум, Ли-ра? — спросила я.

Голова ее безвольно упала на грудь, но она все-таки взяла себя в руки и подняла на меня глаза. В последний раз.

— Рептилии, развязавшие войну, утверждают, что люди Белого мира скрывают у себя последнего из демонов, — сказала она. — И чтобы уверить вампиров в том, что это не так, ангелы отдадут вас им на растерзание.

— А Терн?! Пожалуйста, Ли-ра, скажи мне, что с ним?

Но она уже замолчала. Синие глаза погасли. Я отступила на шаг, и вдруг перья и крылья, и сама Ли-ра вспыхнула ярким пламенем, опалившим мне лицо. Дом занялся за мгновение. Ярко-желтые языки огня лизнули стены, пол, прыгнули на крышу. В воздухе запахло паленым. Я успела подбежать к двери, отворила ее — и пламя за спиной зарычало раненым зверем. Выскочив из дома, я споткнулась на крыльце и упала в снег.

Сознание мутилось. Я попыталась встать — и не смогла.

— Мама! Кто-нибудь!

Но это был писк новорожденного котенка. Никто меня не услышит. Никто не поможет мне. Я поползла по снегу, набрала пригоршню, сунула в рот.

Какие-то крики донеслись до моего уплывающего разума. Кажется, кто-то заметил пожар, разгоревшийся на самом краю деревни. Кажется, кто-то бежал сюда и звал на помощь. Кажется, кто-то...

Я открыла глаза, глядя на темное небо, и звезды закружились в диком хороводе, и стало трудно дышать, и я полетела в темную бездну.

ГЛАВА 33

Круг последний

Не знаю, то ли таким и должно было быть действие Ли-риноho снадобья, то ли что-то пошло не так, но на этот раз я понимала, что сплю, и понимала, что все, что я вижу и слышу вокруг — наваждение.

Все было другим: и чувства, и мысли, и люди вокруг — похожие и не похожие на тех, кого я знала. Вокруг меня была бесконечность, полная образов и голосов прошлого, которые проносились мимо, не задерживаясь надолго.

Последняя ночь перед нападением. Я и Терн расстаемся у кромки леса, я иду в домик, он возвращается в деревню. Я чувствую запах крови — сильный, свежий, металлический, он щекочет ноздри и заставляет меня запаниковать. Остановившись на крыльце, я заставляю себя сделать глубокий вдох.

Я ведь знаю, что меня ждет. Я знаю.

Я открываю дверь и вижу их — искаженные болью лица своих товарищей по детским играм. Их глаза смотрят на меня, словно спрашивают: «Почему, Одн-на? Почему ты вернулась сюда, ведь ты уже видела нас мертвыми?» Тела лежат на полу. Раскинутые руки, запрокинутые головы. Все трое мертвы, и я знаю, что убийца еще где-то здесь, что он на озере, режет острым ножом толстые веревки, соединяющие жизнь со смертью, и в моих силах остановить его.

Я бегу по снегу, падая и спотыкаясь, ведь я тороплюсь. Я отталкиваюсь палками и несусь навстречу ветру по темной ночи, которая для многих станет последней ночью — а для трех моих сверстников уже стала. Гладь озера выглядит безмятежной, и только темный силуэт и сверкающая сталь кажутся в этой безмятежности чужими.

— Стой! — кричу я, понимая, что уже не успею, и человек, склонившийся над прорубью, испуганно поднимает голову и смотрит на меня желтыми волчьими глазами. Это притворщик, и он готов сменить форму. — Стой!

У меня нет оружия — я отдала свое ружье матери, и я могу только кричать, но мой крик неожиданно обретает силу, и человек пугается, и бросает все, и бежит от меня во тьму зимнего леса, который спешит принять его в свои объятия, невзирая на то, что этот человек — предатель и враг.

Воздух дерет горло. Я останавливаюсь на полпути, точнее, заставляю себя остановиться.

Мне нужно бежать в деревню и предупредить о том, что волки нападут на нее. Мне нужно сказать Пане о том, что предатель — волк-оборотень, и что он сможет провести джорнаков тайными тропами, мимо озера.

По воде моих воспоминаний бежит рябь, и я переносусь вперед — в дом Паны, где она с ужасом на лице слушает мои слова.

Я смотрю на нее и не чувствую больше любви или жалости, или сострадания, даже зная, что ждет ее впереди, даже зная, что она, несмотря на то, что пыталась разлучить меня и Терна, любила меня и хотела мне добра.

Я хотела бы увидеть Терна. Еще раз увидеть. Безумная мысль овладевает мною: а что, если... А что, если я сейчас не пойду к джорнакам, а побегу к лесу, туда, где встал лагерем его отряд? Что скажет Терн, если увидит меня сейчас? Как повернутся колеса Судьбы, если я не сделаю того, что должна сделать?

Я выхожу из дома, и тут меня снова подхватывает волна воспоминаний.

Ветер бьет в спину, когда я несусь на полной скорости через озеро, чувствуя себя одновременно испуганной и совершенно спокойной. Я знаю, что смогу убедить врага пойти к озеру. Я знаю, что умереть мне суждено не здесь и не сейчас, а позже, но все же в душе моей трепещет крылом раненой птицы страх. А что, если не смогу. А что, если не успею?

Но я успеваю.

Вздыбившееся пространство и время снова переносят меня на шаг вперед в этой длинной, полной острых зубов и когтей ночи.

Я стою у дерева со связанными руками и ногами, а муж Ли-ры в своем волчьем облике корчится и визжит от ярости у ног вождя джорнаков. Трансформация — процесс болезненный, но мы терпеливо ждем, пока волк обретет свой человеческий облик и заговорит. Муж Ли-ры полон ярости и страха. Он говорит, что я обманываю, что в деревне осталось всего два десятка защитников, и что он точно знает о том, что на озере ловушка, ведь он сам помогал устанавливать ее какой-то лунокруг назад.

Я начинаю задыхаться, когда джорнаки рычат и придвигаются ко мне ближе, обнажая свои красные влажные языки в улыбках, больше похожих на оскалы.

Я чувствую на лице их дыхание и кричу, когда горящий факел в руках одного из них оказывается слишком близко к моему лицу.

— Говори, — приказывает вождь.

Я смотрю на него, и в глазах его пылает огонь. Он жжет меня, дотягивается до меня своим горячим языком, лижет руки и ноги, заставляя забывать обо всем. Я знаю эти глаза. Я помню эти лица, эти желтые зубы — они так же скалились в улыбках, и эти глаза — они так же блестели радостью и наслаждением, но теперь я помню и другое. Эти руки тянулись ко мне, но без вражды. Эти бородатые лица окружали меня, но не затем, чтобы причинить мне боль.

Я окидываю взглядом стоящих вокруг людей, чувствуя их эмоции, понимая их мысли, ощущая их боль. Я смотрю на вожака, и слезы начинают течь из его глаз, капая на бороду.

Я вдыхаю запах огня, и он больше не жжет меня. Я знаю, что делать, что говорить, и знаю, что они меня послушают.

— Вы пойдете на озеро, — говорю я.

Нити человеческих душ сплетаются у меня в руках в единую крепкую и толстую нить. Каждая душа в ней подчинена моей воле, каждая душа хочет и ждет моего приказа. Волк не

знает, что происходит, но он тоже это чувствует и начинает скулить, сначала жалобно, а потом все сильнее и сильнее.

— Замолчи, — говорю я, и вспышка пламени из моего рта озаряет ночную тьму.

Взвизгнув, оборотень исчезает в темноте. Я слышу его хриплое дыхание, доносящееся до меня сквозь тишину леса, и смотрю на вожака джорнаков. Он не говорит ни слова, лишь поднимает вверх руку. Один из воинов тут же хватается за болтомет и срывается с места, направляясь вслед за волком. Я знаю, что на рассвете муж Ли-ры будет убит, но эта смерть не вызывает у меня чувств.

— Я проведу вас через капканы. Кто-то погибнет, но остальные пройдут, если пойдут за мной.

Они смотрят на меня и молчат.

— Вы — мое стадо. Я — ваш пастух, — говорю я, и в памяти вдруг всплывают слова из книги, которую я читала на Земле. — Я ваш Волк, и я храню свое стадо, — говорю я и смеюсь, сама не зная, над чем.

Они смотрят на меня и молчат.

Кажется, что это магия, но это не так. Я чувствую, как стучат их сердца, вырабатывая ток, как пульсируют в мозгу альфа-волны, пронзая сеть нейронов в одно мгновение. Я заставляю эти волны перестроиться, настраиваю их на себя, как настраивает приемник на любимую радиостанцию меломан. Теперь — я их любимая музыка. Теперь только на моей частоте смогут биться их сердца, и только мою песню будут петь их радиоволны.

Я прибавляю «громкость» своего радио, и теперь джорнаки слышат только меня.

— Завтра на рассвете вы все пойдете за мной, — говорю я, глядя вожаку прямо в глаза. В них полыхает тьма, но этой тьме не справиться с огнем внутри меня. — Вы пойдете за мной к деревне. Мы пройдем по озеру, и вы все умрете. Но вы не сможете сбежать от своей судьбы.

Они смотрят на меня, и молчат, и это молчание говорит мне о том, что моя власть сильна, и я знаю, что делаю.

Накатившая волна уносит меня к концу ночи. Уже рассвет, и я слышу, как кричат первые жертвы капканов позади меня. Мы наступаем. Не все хотят идти со мной, кто-то пытается бежать — и попадает в капканы. Я улыбаюсь. Я ступаю по зимнему лесу осторожно и бесшумно. Я провела на ногах всю ночь, но я не хочу ни есть, ни пить, ни присесть, чтобы дать отдых усталым ногам.

— Сейчас! — кричу я, дергаю за нитки, и джорнаки бегут вперед, вскидывая на плечи болтометы, взмахивая топорами и выбрасывая в воздух руки с ножами.

Я вижу, как толпы людей и дикарей смешиваются, разбиваются на маленькие группки, обмениваются ударами и кричат. Я стою позади, почти не скрываясь, но все же стараюсь держаться поодаль, так, чтобы меня не заметили те, кто умирает в первых рядах. Мы с боем пробиваемся к тропе, которая ведет к озеру. Волки снуют вокруг, откусывая все подряд прямо на ходу, и прямо на ходу погибая от меткого выстрела. Я знаю, что у каждого из них дома волчата, и закрываю глаза, чтобы не видеть их смертей.

Мы движемся. Еще несколько шагов — и перед нами открывается безупречная гладь озера Атт. Я вижу темную фигуру, бегущую нам наперерез, и понимаю, что это Пана. Но где же Олл-ард? Где же тот, кто должен дернуть вторую веревку, где тот, кто должен стать героем?

Его нет, а мы уже ступаем на толстый лед. Я тяну джорнаков за нити, но лед холодный,

и он начинает бороться с тем пламенем, что я зажгла в их душах. Я чувствую, как становится тоньше нить, как сопротивляются души, не желая отправляться вместе со мной на верную смерть. Я тяну изо всех сил, но они сопротивляются, грызут нити, пытаюсь освободиться и сбежать.

Я вижу несущийся к нам отряд Терна. Вот-вот, и будет поздно, вот-вот — и я не смогу сделать то, что должна, и в последнем усилии я выбрасываю в их сторону руку и кричу:

— Вы — мое стадо, а я волк!

Раздаются выстрелы. Кто-то падает, кто-то кричит от боли. Болтометры снова взлетают на плечи, и я пользуюсь этим моментом, вплетая в нити джорнаков еще одну нить — свою собственную. Она раскалена добела, и она вонзается в их души, заставляя подчиняться. Навсегда. Навечно. Без остатка.

— Мы идем на озеро, — говорю я, и они идут.

Я даю одному из джорнаков веревку и пою для него его собственную песню. Он поднимает веревку, облизывая пересохшие губы. Его глаза плачут огнем, но это не трогает меня более. Джорнаки бегут по льду навстречу Пана. Они знают, что это их смерть, и последнее, что они слышат в своей жизни — это крещендо, которым я заканчиваю свою собственную песню перед тем, как дернуть за веревку и птицей устремиться в серое небо.

Взрыв отбрасывает меня на снег.

Боль настоящая. Кровь настоящая. Я открываю глаза. Закрываю глаза.

Игла вонзается мне в руку, и я ахаю, пытаюсь уклониться от укола. Я открываю глаза. Закрываю глаза.

Я стою на коленях на чем-то ледяном, и ветер бросает в меня пригоршнями снега и ругательств.

Это моя казнь. Я вижу Терна, он стоит позади всех, его лицо искажено ненавистью и любовью, и я ловлю его взгляд, чтобы что-то ему сказать, но Ли-бела спихивает ногой с края проруби тяжелый камень, и резким рывком меня утягивает под воду.

Вспышка света.

Обрываются одна за другой сплетенные нити.

Наступает темнота, и в этой темноте я слышу голос своего отца.

ЧАСТЬ 4. Снова Стилгмар. ГЛАВА 34

— Я уверен, клянусь богиней-матерью. Это она.

— Откуда такая уверенность? Мы должны дождаться господина. Разве ты помнишь, как выглядела его сиятельная дочь?

— Не помню, но посмотри же на нее! Как же она похожа. Те же черты лица, то же выражение.

— Откуда ты знаешь, какое выражение имеет лицо господина во сне? Если мы принесем ему тело какой-то местной оборванки, он испепелит нас. Нам нужно дождаться господина, нам не нужно торопиться.

Я слышала голоса, но не понимала, откуда они доносятся. Что-то темное окружало меня, и, открыв глаза, я не увидела ни лучика света вокруг. Но говорившим, похоже, свет был не нужен. Они принялись обсуждать прихоти «господина», который поджарит их, одного за другим, если «она» окажется не той, за кого они ее попытаются выдать. Я слышала голоса совсем близко, но не могла разглядеть говоривших, как ни пыталась напрячь зрение.

Где я нахожусь?

Это точно не были мои воспоминания, но и реальностью это не было. Или было?

Я попыталась вспомнить момент своей казни в Снежном мире и все то, что произошло после. Оборванные нити, вспышка света... голос моего отца. Что же он говорил? Что же?

Я закрыла глаза и попробовала воскресить в памяти этот момент — после вспышки, но до того, как я пришла в себя здесь.

Так ты все-таки пришла в себя.

Я осторожно коснулась пальцами своего тела, покрытого какой-то легкой тканью. Физически прикосновение было абсолютно реальным. Я почувствовала шелковистую поверхность ткани, под ней — округлость своего собственного бедра. Едва заметно пошевелившись, я поняла, что лежу на твердой металлической поверхности, а голова моя покоится на металлической же подставке. Возникла ассоциация с моргами, которые я видела в телесериалах на Земле. Нахлынувшая паника едва не свела с ума — а что, если я и правда умерла, и меня закрыли в холодном железном ящике, ожидая, пока придут на опознание родственники?

Я вытянула руку вверх и почти сразу же уперлась ей в потолок. Руки в стороны — и сердце заколотилось — это и правда был железный ящик. Но в нем было тепло. Я чувствовала, как где-то рядом, буквально за стенкой, ходят люди, слышала, как продолжают перепалку те двое, которые пришли за «ней», и которым господин оторвет руки и ноги, если они допустят ошибку.

Глаза понемногу привыкли к темноте. Я увидела над собой небольшое отверстие — наверное, вентиляция. Дверца, судя по всему, находилась в ногах. Я не имела ни малейшего желания выбираться наружу, пока за стеной кто-то есть. Кричать, звать на помощь? Нет. Я полежу тихонько, пока эти двое не уберутся восвояси.

Мне не нравились их голоса и их манера разговора. Что-то было в ней смутно знакомое и смутно опасное, что-то, пока я еще не была готова разгадать.

— Мерра не отдаст тело просто так, — четко донесся до меня голос одного из говоривших, и я поняла, почему испугалась.

Не знаю, сон это был или явь, но, кажется, я находилась в Миламире.

Вот только где?

Я торопливо ощупала себя, проверяя наличие той ужасной раны от копья на своей груди. Но все было чисто. Я наткнулась пальцами на тонкий шрам прямо над сердцем, и поняла, что рана уже зажила. Сколько лунокругов прошло с тех пор, как я и Лакс расстались здесь? Сколько месяцев? Судя по величине шрама, не менее года.

Так что я делаю здесь? Либо это очень реалистичное воспоминание, либо я и в самом деле пришла в себя в Миламире. Но почему не дома?

— Господин заплатит Мерре, — снова раздался голос. — Устройство-переводчик под кожей можно использовать второй раз. К тому же, этот мир, если не сегодня, так завтра присягнет на верность вампирам. Мерре придется пойти на эту сделку, если она не хочет стать пеплом. Господин не позволит, чтобы о его дочери узнали пойкилотермные создания.

Сомнений не оставалось — говорили обо мне. Вот только я понятия не имела о том, кто такой этот «господин», и почему я вдруг стала его дочерью. Мой отец в Снежном мире умер. Мой отец на Земле был обычным инженером на пенсии, и уж точно не мог называться «господином». У них обоих не было воплощений. Я бы знала. Я бы обязательно встретила с ними, ведь «сплетенные вместе нити душ в мирах и Вселенных тянутся», как говорило учение великого Инфи.

— Идем, — сказал один из мужчин, вдруг повысив голос. — Кажется, приехал

господин!

Я услышала звук торопливо удаляющихся шагов. Если действовать — то сейчас.

Как бы ни была привлекательна идея остаться и узнать, что же это за «господин», но если он связан с Меррой, и если они собираются выковырять из моей шеи клещи-переводчика, значит, считать их друзьями я не могу. Я подползла к двери и изо всех сил пнула ее ногами. Она тяжело отворилась, чуть отъехав в сторону. Пока глаза привыкали к свету, я теряла драгоценное время. Я протиснулась в щель, прикрывая лицо рукой, и спрыгнула босыми ногами на пол помещения, напомнившего мне склад. Вокруг валялось оружие, в углу грудой лежали копья и мечи. Я огляделась. Похожая на шкаф с камерами хранения конструкция стояла у стены. Ящиков было всего двенадцать, каждый — с запертой дверью, и мне оставалось только догадываться о том, были ли они полны или пусты. Я притворила свою дверь, как могла, плотно, чтобы выиграть уже потерянное время. Сил закрыть ее совсем не хватило.

На мне была белая одежда, похожая на сарафан из легкой ткани. Что же, меня приодели к приходу «господина»? Я увидела в груди оружия боевой кинжал, схватила его и зажала в руке. Так, что дальше?

За дверью не было слышно ничего, но я понимала, что это ненадолго. Толкнув дверь плечом, я оказалась в узком коридоре, ведущем сразу в нескольких направлениях. Выбирать не приходилось, я скользнула в первый ход. Окон не было. Меня сразу же окружил полумрак, который, к счастью, рассеялся за поворотом. За пустым помещением, в котором стоял письменный стол, снова шел коридор. Мне удалось сделать буквально несколько десятков шагов — он кончился, открывшись в комнату, полную людей. Убранством она напоминала общую столовую — длинные столы, скамейки, в углу — открытая кухня, на которой несколько поваров трудились над обедом или ужином. Резкий запах вареных внутренностей донесся до моих ноздрей, и я сморщилась от отвращения, замедляя шаг.

Увидев стоящих у выхода из комнаты женщин с оружием, я еле слышно охнула и прижалась к стене у двери. Одна, три, семь. Мой кинжал явно не был готов к сражению в духе Беатрикс Киддо. Женщины переговаривались, смеялись, играли оружием. Они все замерли как по команде, когда дверь в другом конце комнаты открылась, и вошла Мерра. Величественная — как и тогда — красивая и строгая, она оглядела замолчавших воинов долгим тяжелым взглядом.

— Двое здесь, остальные со мной. Приехал заказчик.

Воины моментально определили, кому остаться, а кому уйти. Две женщины вернулись к своему занятию, остальные ушли, как я поняла, встречать «господина». Времени у меня почти не осталось.

Я сжала в руке кинжал и приготовилась.

Если долго смотреть боевики, можно подумать, что убивать людей — легко, особенно, если они негодяи. Или когда ты защищаешь свою жизнь, честь или жизнь близкого. Стоя в ожидании удобного момента, с кинжалом, холодящим крепко сжатую руку, я думала о том, что просто не смогу лишить этих людей жизни.

Я собралась с духом, перехватила кинжал покрепче и побежала.

Сначала женщины не поняли, кто я, а когда поняли, было уже поздно. Я пронеслась мимо них как фурия, хлопнула дверью и метнулась к ближайшему открытому окну ровно тогда, когда из-за угла очередного коридора вынырнула процессия, возглавляемая Меррой и пятеркой воинов. Я не успела разглядеть, кого они сопровождают. Вскочив на подоконник, я

прыгнула с высоты первого этажа в цветущий кустарник, спружинила руками о землю, выпрямилась и побежала куда глаза глядят.

У меня не было четкого плана и четкой цели. Услышав позади себя крики, я поняла, что и Мерра, и воины уже сообразили, кто я такая. Я метнулась по дорожке, ведущей от дома, к фруктовому саду позади него, забралась по дереву наверху, перелезла через забор и понеслась прочь.

К счастью, дом находился за городом. Я сорвала с бельевой веревки одного из домов какое-то потрепанное платье, и прямо там, у бельевой веревки, переоделась, скинув с себя белый сарафан. Но бросать его здесь было нельзя. Мысленно попросив у хозяев прощения, я зашвырнула его в выгребную яму, находящуюся на этом же конце двора. Все. Бежать, бежать!

Нырря в подворотни, я, наконец, добралась до города. Я узнала это место — набережная, другая сторона реки, за которой находилось поле для турнира.

Кажется, я все-таки не сплю. Кажется, я на самом деле очнулась в своем втором воплощении.

Одн-на разглядывала окрестности с открытым ртом, не понимая, что творится вокруг, но Нина знала, что делать и куда идти.

Я скрылась за углом дома и позволила себе, наконец-то, передохнуть.

Ну, очень весело. Просто отлично. У меня нет удостоверения, а значит, первая проверка — и я окажусь в тюрьме. Я сбежала от Главной женщины, а значит, меня объявят в розыск на всю страну. Но где я находилась все это время? Что это за ящик, в котором меня держали?

Я оглядела руки и ноги. На локтях были отчетливые следы уколов. В этом мире уже были зачатки медицины, но я не думала, что меня можно было спасти после прямого ранения в сердце. Почему я выжила?

И кто, черт возьми, этот господин, который знает о вампирах и считает меня своей дочерью?

У меня был только один выход — резиденция. Там я смогу найти поддержку и помощь. Но сначала мне нужно скрыться от погони.

Я пряталась в городских парках, притворяясь гуляющей, совсем недолго. Вскоре вокруг начали разъезжать машины с паровыми двигателями, полные вооруженных людей, и я поняла, что Мерра меня ищет. Однако вокруг не вопили: «Разыскивается! Опасная преступница! Нарушительница!» — или что еще там они могли бы придумать. Похоже, Мерра решила сделать все по-тихому. Машины ездили, останавливались. Женщины улыбались, проверяли документы, желали хорошего дня. Я заметила, что задерживают, в основном, одиноких. Тех, у кого была пара, обходили стороной, но мне это замечание никак помочь не могло. Слишком мало вокруг было одиноких мужчин. Слишком много вокруг было одиноких женщин, чтобы поведение одной из них осталось незамеченным. Да и мужчина наверняка закричит, если я попытаюсь даже дотронуться до него.

Я присела на скамейку, стараясь не обращать внимания на снующих вокруг. Как только проверка подошла совсем близко, я поднялась, и, сделав вид, что спешу, почти побежала прочь.

Платить за такси мне было нечем. Я добралась до резиденции почти перед закатом, дважды сбившись с пути и однажды чуть не попав в лапы прихвостней Мерры. Меня спасло то, что я и в этом мире не обладала примечательной внешностью. Если бы я была красоткой, пришлось бы тяжелее.

Знакомый двухэтажный дом вырос передо мной почти неожиданно. Я остановилась,

ощущая, как по телу бежит дрожь. Неужели снова вернуться в Белый мир? Неужели встретить Ининджера, Аргенту, остальных?

Казалось, целая жизнь прошла с тех пор. Казалось, я выросла, стала взрослой и разумной, и больше уже не та девочка, которая боится сделать неверный шаг или сказать какую-то глупость. Я знала о других мирах, знала о прыжках, знала о воплощениях.

Я знала Терна и Керра, я дружила с ангелом... и любила ангела, и именно последнюю волю этого ангела я выполняю, возвращаясь обратно.

Я дернула за ручку двери, но она не подалась. Я попробовала еще, но уже поняла, что это бесполезно. Отойдя от двери, я задрала голову и посмотрела на дом, в котором когда-то была резиденция Белого мира. Темные окна сказали мне то, о чем я и так догадалась.

Здесь больше никого не было. Белый мир отозвал своего резидента.

— Ангелы отозвали своего дипломата из этого мира. Им нечего здесь делать — через несколько дней этот мир отойдет к вампирам, — сказал голос позади меня, и, обернувшись, я уставилась в дуло огромного пистолета.

В руке его держал небольшого роста человек с седыми волосами, в его глазах умирал закат. Совсем как в глазах Керра, сказал внутренний голос, и я не решилась на этот раз сказать ему, чтобы он заткнулся.

— Ты ведь дочь своего отца, правда, Нина? Или Стилгмар — так ты сейчас называешься? Ты не могла поступить иначе.

— Кто ты такой? — спросила я, глядя в эти странные глаза. — Откуда ты знаешь меня, откуда ты знал, что я буду здесь?

Человек дернул головой, но оружие в его руке не сдвинулось ни на миллиметр.

— Не мне нужно задавать эти вопросы. Задашь их своему отцу. А он будет здесь совсем скоро.

ГЛАВА 35

Глупость человеческая поистине не знает границ. И с чего я решила, что так легко скрылась от погони? Меня перестали преследовать, как только убедились, что я иду к резиденции — и эти люди точно знали, что я туда пойду. Я и пришла, как миленькая, и теперь стояла в растерянности, глядя на человека, твердой рукой держащего крупнокалиберный пистолет, дуло которого уставилось мне прямо между глаз.

— Почему ты уверен, что вам нужна именно я? — спросила я.

— Мы засекли тебя еще давно, — сказал человек. — В этом мире у нас гораздо больше шпионов, чем в мире, из которого ты сюда прибыла. Господин едва не сошел с ума, когда узнал, что тебя ранили. К счастью, наша медицина способна на все, и ты выжила. И теперь мы пришли, чтобы тебя забрать.

— Так это вы вылечили меня? — спросила я, даже не из любопытства, а чтобы просто его разговорить.

Но моя затея не удалась.

— Да, — сказал мужчина.

— А почему вы пришли за мной только сейчас?

— Не твоего ума дело, — отрезал он и замолчал.

Косые лучи большого солнца тонули за краем неба. И почему все значительные вещи в моей жизни происходят на закате? Я стояла у порога резиденции и смотрела, как первое из солнц этого мира покидает небосвод. Второе, менее яркое и горячее, должно было светить еще долго, почти четверть дня, но свет его был неяркий и лишен белизны.

Я подумывала о побеге, но мне нужен был отвлекающий маневр, а я не была супергероиней, которая даже консервную банку под ногой может использовать как оружие. Да и пистолет не добавлял храбрости.

Я услышала шаги и громкие голоса, говорящие на незнакомом моему переводчику языке. Небольшая группа людей вынырнула из переулка и направилась по дорожке, петляющей меж домов, к нам. Я могла видеть их за невысоким заборчиком, окружающим резиденцию. Пять человек, и каждый страннее странного. Седовласый мужчина даже не подумал опустить пистолета, он, казалось, сжал его еще крепче. Но я не смотрела на дуло, я смотрела на тех, кто шел к нам, и в сердце моем поднималась паника.

Четверо из тех, кто приближался к нам, были очень бледны, настолько бледны, насколько вообще возможно быть бледным человеку. Кожа их выглядела как фарфор. Тусклые, почти бесцветные волосы спускались у каждого почти до талии. Бледные, обнаженные до пояса тела казались выточенными из камня. Мужчины не были молоды, но и не были стары. Я не смогла определить даже приблизительно возраст хотя бы одного из них, хотя разглядывала их во все глаза. Пятый, сурового вида человек средних лет, одновременно был похож и на женщину, и на мужчину. Его кожа была чуть темнее моей, крепкие мускулы натягивали ткань белоснежной рубашки, изогнутые губы выражали, казалось, презрение ко всему миру.

Мужчины — кроме мускулистого — были облачены в распахнутые на груди халаты и узкие брюки, в их волосах блестели драгоценности. Мускулистый же носил джинсы и рубашку, совсем как земной модник. Но он не выглядел для меня привлекательным.

От него за версту пахло опасностью.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, и с трудом удержалась от желания провести руками по обнаженным предплечьям — чтобы проверить, покрылась ли кожа мурашками. Я уверена была, что покрылась. Казалось, воздух вокруг наэлектризовался от присутствия этого мужчины рядом. Он встретился со мной глазами и усмехнулся, словно прочитав мои мысли.

Я оробела от ощущения, что знаю эти глаза и эту улыбку.

Седовласый ни на мгновение не отводил от меня взгляда и дула пистолета. Странная процессия приблизилась и остановилась рядом: мужчина в джинсах посередине, его бледные спутники — по краям.

— Ты отлично справился с задачей, Фам'ер, — сказал мужчина приятным голосом, от которого у меня по телу прошла дрожь. — Наденьте на нее узы смирения и покорности.

Бледные выступили вперед. Я сделала шаг назад, и палец седовласого побелел на спусковом крючке. Я не думала, что он выстрелит мне в голову теперь, когда «господин» прибыл, но ногу или руку он прострелить мне мог.

— Не глупи, — сказал он мне. — Господин не причинит тебе вреда, если ты будешь покорной.

— Кто вы такие? — спросила я, не обращая на него внимания. — Кто ты такой?

Я смотрела на мужчины в джинсах и не могла отвести от него глаз. Мне не был знаком его облик, и в этом мире я видела его в первый раз, но интонации голоса и то, как он произнес фразу, напомнили мне тот страшный сон, который я видела в доме Трайна. Стоящего рядом со мной мужчину в образе оловянного солдатика и его слова: «Ты рада тому, что вернулась, дочка?».

Только не это. Только не еще одна чертова тайна моей и без того запутанной жизни.

Только не еще одно воспоминание, которое вдруг решило обернуться явью и перевернуть мое существование с ног на голову.

Один из бледных поднес к губам какую-то трубку, и я охнула, когда в плечо мне вонзился дротик. Тело словно онемело. Я могла стоять на ногах, но контроль над телом потеряла — разом, как будто кто-то вдруг выключил питание. Мужчины обступили меня, избегая взгляда моих глаз.

— Что вам от меня нужно? — спросила я. — Что вы делаете?

Они завели мне руки за спину и заковали наручниками — я увидела по паре у каждого из них, и, кажется, все они оказались на мне. Зачем такие меры предосторожности? Я что, опасна?

Подняв голову, я посмотрела на мужчину в джинсах. Он встретился со мной взглядом и снова усмехнулся, словно ситуация его, по меньшей мере, забавляла.

— Мы вернем тебя домой, — сказал мужчина, делая рукой знак своим подчиненным.

Один за другим они сложили ключи от наручников в его раскрытую ладонь. Он сжал их, и поднял глаза на меня, сжав губы в тонкую линию.

— Закрой рот и иди за нами, — промолвил он холодно, чеканя слова. — Я сказал.

Я почувствовала, как мое тело послушно и без всякого сопротивления делает шаг. Говорить я тоже не смогла — по-видимому, узы покорности и смирения назывались так вовсе не зря.

— Передатчик в моей руке посылает тебе сигналы прямо в мозг, — сказал, снова нацепив на лицо усмешку, «господин». — Сопротивляться бесполезно. И не пытайся применить способности, они тоже заблокированы.

Какие способности?

Воспоминания о вспышке пламени и о джорнаках, идущих за мной — за Волком! — как покорное стадо, сказали мне, что я знаю, о каких способностях идет речь. Я попыталась дотянуться до кого-то из бледных своей нитью, но даже не смогла ее сплести.

И почему я не попробовала раньше, когда я и этот седовласый стояли здесь совершенно одни, дожидаясь явления «господина» и его свиты?

Но я чувствовала, что и тогда бы не смогла. Я не могла этого делать на Земле, не могла в Белом мире и Дайтерри, не смогу и здесь. Только истинное воплощение могло вить веревки из душ. Нине и Стилгмар такие вещи были не под силу. Я ощущала это так же ясно, как человек ощущает, что наелся или хочет пить. Я просто знала. Но это было неприятное знание.

Шагая за процессией, которую возглавлял «господин», а замыкал мужчина с пистолетом, я попыталась отрешиться от того, что происходит, и снова подумать о том, почему это происходит.

Ли-ра просила меня разыскать воплощение Нины и вернуться с ним в Белый мир. Знала она, что ее лекарство меня разбудит или нет? Что сейчас творится с моим телом, лежащим на снегу у остатков ее догорающего дома? Я надеялась, что разница во времени сыграет мне на руку. Даже если я проведу здесь пару дней, в Снежном мире пройдет не больше мгновения. Но я вовсе не радовалась идее провести пару дней в компании этих бледнолицых и их «господина».

Ведь я даже не представляла себе, куда они меня ведут.

Он сказал «вернем тебя домой», но я понимала четко и ясно, что дом — это не Земля и не округ Атт. Другая планета, другое государство, другая галактика — меня бы не удивило

даже последнее из предположений. Узы покорности и смирения действовали и на эмоции. Я готова была идти за «господином» на край света. Я и шла за ним, пусть даже край света и мог бы обернуться для меня большой опасностью.

Мы пересекли небольшой парк, отделявший город от незастроенных пустырей, и я споткнулась и чуть не упала, увидев впереди то, что не ожидала здесь увидеть. Посреди пустыря светилась серебристым светом яркая сфера. Она пульсировала, как человеческое сердце, сжимаясь и расширяясь каждые несколько мгновений. Я не могла оторвать от нее глаз.

Ворота.

В моей голове на воображаемом столе раскрылась карта Миламира со всеми порталами, и там не было ни намека на то, что совсем рядом с Воротами в Белый мир открываются какие-то еще. Очевидно, Ворота появились здесь недавно. Очевидно, их кто-то создал, но что за технология позволяет создать переходы между мирами по щучьему велению?

Я скосила глаза вправо, туда, где на расстоянии сияли и пульсировали другие Ворота, в Белый мир. Я бы успела добежать до них, если бы мне удалось хоть на пару мгновений опутать моих конвоиров своими биоэлектрическими сетями. Проблема была только в том, что у меня не было в этом мире способностей к их плетению.

Мы быстро шли прямо к серебристому сиянию Ворот, и я начала нервничать. Куда ведет этот портал? Что за мир скрывается за ними? Узы смирения и покорности не позволяли мне даже замедлить шаг, не позволяли мне даже открыть рот, чтобы что-то спросить. Мысли заметались в панике, стало трудно дышать, сердце заколотилось.

Идея, возникшая в голове, была дурацкой, но действенной. От волнения перехватило дыхание, и я подумала, что этим можно воспользоваться. Мне нужно было не очень много времени. Всего чуть-чуть. Минутка.

Я сделала вдох и заставила себя не выдыхать. Это было трудно. По-настоящему трудно, ведь я даже не могла заткнуть рукой носа. Но мне удалось, и вскоре сердце застучало где-то в голове. Я закрыла глаза и позволила себе идти вслепую — ноги все равно сами меня несли.

Давай же, Нина. Падай в обморок. Падай.

В голое зазвенело, сознание на мгновение помутилось, и этого хватило, чтобы перезарядить синапсы. В момент, когда на короткое время мозг полностью отключился, я заставила себя перенаправить импульсы по другой сети — по сети, принадлежащей моему второму воплощению.

Снова была эта вспышка черного света перед глазами. Я услышала, как взволнованно окликнул «господина» седовласый, краем сознания успела заметить метнувшихся ко мне бледнолицых охранников, а потом чернота поглотила меня на одном конце длинной трубы и выплюнула в пучок света на другом.

Я открыла глаза и увидела над собой темное ночное небо, в котором плыла вот уже тысячи звездокругов, гоняясь за лунами, Белая рыба.

Это был Снежный мир. Это был снег, и ветер, и запах дыма, разъедающий ноздри.

Я перешла.

В следующий миг меня засосало обратно и, протащив через ту же трубу, выбросило в Миламир. Я открыла глаза и увидела над собой ухмыляющееся лицо «господина». Он склонился надо мной и как будто невзначай поигрывал ключами от наручников. Наткнувшись на мой растерянный и наверняка ошарашенный взгляд, он поднес ключи к самому моему носу.

— Еще раз выкинешь такое, — его голос звучал холодно, — и я прикажу узам вернуть тебя в бессознательном состоянии.

Меня подняли на ноги, и, оглядевшись, я поняла, что ошиблась. Я находилась совсем не в Миламире. Вокруг была песчаная пустыня, чуть поодаль кружили, негромко переговариваясь низкими горловым звуками, какие-то, судя по всему, вьючные животные. Приглядевшись, я увидела, что они напоминают верблюдов — добродушные и глуповатые на первый взгляд морды, два горба на спине. И крылья. У каждого из этих представителей местного варианта кораблей пустыни по бокам находились сложенные крылья. Значит, я не на Земле. Моих скудных знаний о мирах не хватало на то, чтобы определить, где именно я оказалась. Спрашивать я не стала.

Узы в этом мире были тяжелее. Ощупав их пальцами, я поняла, что из наручников они превратились в настоящие железные оковы, а при движении я слышала, как зазвенела за спиной цепь. Бледнолицые подтолкнули меня вперед, за «господином», который, не дожидаясь нас и не говоря ни слова, направился к верблюдам. Да, буду называть их так.

Спотыкаясь, я пошла следом.

Похоже было, что яркое солнце совсем не по нраву моим сопровождающим. Несмотря на то, что все мы после перемещения оказались одеты в некое подобие длинных, до земли, туник с капюшонами, я слышала, как они переругиваются между собой на незнакомом языке, периодически тыкая пальцами в небо. Лица поднимать от земли они не пытались. Я мельком заметила, как рука того, что тыкал в небо чаще всех, буквально на глазах покраснела и покрылась волдырями.

Догадка озарила меня с запозданием.

— Так вы вампиры, — промолвила я, сама изумившись тому, что узы в этом мире не отняли у меня дар речи.

— Пойкилотермные, — поправил меня сразу же один из них. — Ты же не порадуешься, если я назову тебя обезьяной?

Я повернула голову и посмотрела на говорившего, но он держал лицо опущенным, и с его взглядом мне встретиться не удалось.

— Холоднокровные, значит, — уточнила я. — Бойтесь чеснока, креста и солнечного света?

— Боишься огня, льда и металла, примат? — парировал тот же вампир. — То, что мы служим господину, не значит, что мы ему прислуживаем. Я ненавижу тебя так же, как ненавидел бы любого другого щенка ангелов.

— Помолчи, — все-таки шикнули на него сзади, и мы оба вняли замечанию.

У верблюдов мы остановились. Животные принялись к моему запаху, явно занервничали, но «господин» и вампиры успокоили их ласковыми словами и каким-то лакомством. Съев его, те совсем присмирели, и я поняла, что лакомства были непростыми.

— Забирайтесь.

По взмаху рукой верблюды один за другим поджали ноги и улеглись на песок. Один из вампиров потянул меня за собой. Я оглянулась на Ворота, мерцающие серебристой дымкой, и поняла, что теряю свой последний шанс на возвращение. Хотя бы Миламир. Хотя бы прочь отсюда.

— Зачем я вам? — я не могла сопротивляться — узы лишили меня воли, но спросить-то я могла. — Отпустите меня!

Без лишних слов вампир посадил меня на верблюда и сам запрыгнул сзади.

— Оставьте меня здесь! — крикнула я.

— Замолчи! Я сказал, — донеслись до меня слова «господина», взобравшегося на другое животное, и я послушно закрыла рот. — Мы летим ко дворцу Ра'шеномы, — напомнил он вампирам. — Как только девушка окажется в покоях, вы получите свои деньги. И мы с вами больше никогда не встретимся в обитаемых мирах.

Верблюд поднялся на ноги, присел, оттолкнулся, взмахнул мощными крыльями — и мы взлетели над землей. Ветер ударил в лицо, и я закрыла глаза: слишком много вдруг впереди оказалось неба, солнца, и слишком мало того, что могло бы удержать меня в воздухе. Летели животные так же, как верблюды на Земле ходят по песку — то и дело поднимаясь и опускаясь, проваливаясь в невидимые мне воздушные ямы и облетая невидимые же препятствия. Вампир прижимал меня к себе ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы удержать меня на спине животного, но я все равно чувствовала мертвенный холод его твердокаменного тела, и через несколько минут полета спина просто заледенела.

Я понятия не имела, куда мы летим. Повсюду, сколько хватало глаз, был только песок, километры и километры холмов, барханов и наносов. Сияющее голубизной небо отражалось от песчинок, создавая кое-где иллюзии — целые озера и реки, якобы текущие по пустыне. Но я знала, что это мираж. Верблюд все летел и летел, и мне понемногу стало укачивать.

Наконец, когда я уже почти заснула, резкий толчок привел меня в чувство. Верблюд нырнул вниз, и, открыв глаза, я увидела, что вдалеке показались башни какого-то города. Городская стена казалась неприступной и высокой. Я увидела по всему периметру стены пушки, направленные в небо, у каждой стоял казавшийся с высоты муравьем человек. Верблюд, летящий в голове нашей стаи, издал необычно тонкий и звонкий звук, напомнивший мне писк свистка на закипевшем чайнике. Люди у пушек замахали руками, «господин» тоже поднял руку, и по его знаку мы начали снижение.

— Ра'шенома, — пробормотал позади меня вампир.

Я поняла, что это название города. Пока мы снижались, я разглядывала островерхие крыши домов за городской стеной, рыночную площадь, полную народа, толпы людей, бегущих по своим делам. Похоже, никого не интересовало, что это за стая верблюдов кружит над городом, готовясь приземлиться.

Я увидела большое красивое здание с террасами и озером в саду. Наверняка это и был тот самый дворец, в покои которого меня и должны были доставить. Верблюды летели прямо туда, и у меня на миг возникло желание попробовать еще раз перейти, но здравый смысл подсказал, что это не лучший выход. Если я потеряю сознание здесь, вампир наверняка меня удержит. Приземлившись, я снова окажусь под воздействием уз, которые, как и обещал «господин», наверняка просто выдернут меня из Снежного мира, но оставят без сознания. Но если они хотят вернуть меня домой, зачем им мое бессознательное тело? Неужели «господину» все равно, в каком состоянии я буду находиться?

Я не успела подумать над ответами — сделав последний круг над дворцом, верблюд почти камнем упал посреди сада, затормозив падение только в самый последний момент. Я бы слетела с него, если бы не железная ледяная хватка вампирской руки. Очень мило, спасибо.

Верблюд встал у дерева, задрал голову и принялся мирно объедать молодую зелень с ветвей. Вампир спрыгнул на землю и поставил на ноги меня. От долгого сидения тело занемело, но я даже закричать от боли не могла, только топталась на месте и гримасничала,

пока кровь возвращалась к конечностям.

— Отлично, — сказал, подходя к нам, «господин». Он подал тому вампиру, что летел со мной, ключи. — Идешь с ними и молчишь. Я сказал, — это уже было адресовано мне.

Я сверлила его злым взглядом, но он не обращал на него внимания. Остальные вампиры держались поодаль, привязывая верблюдов прямо к деревьям. Все животные тут же последовали примеру своего собрата и принялись пировать листвой.

— Теперь заведите ее в покои. Охрана покажет. Я буду ждать вас там.

И он скрылся в густой листве деревьев.

— Ему придется приплатить нам за то, что тратим свои жизненные силы в этом горячем мире, — сказал кто-то из вампиров. — У меня ожоги по всему телу.

— Не болтай, — сказал тот, что держал меня. — Я девушку с ним ищу с самого начала. За все вылазки, за весь риск — платит, как положено. Пошли, некогда лясы точить.

Он подтолкнул меня вперед, и мне не оставалось ничего другого, как выполнить приказ «господина».

Мы вошли во дворец через террасу. Прохладные полутемные помещения с высокими потолками, казалось, немного обрадовали вампиров. Воздух, струящийся из открытых окон, был умеренно теплым, но здесь хотя бы не было палящего солнца. А вот меня, наоборот, пробрала дрожь, которую я и не пыталась сдерживать. Дрожь от температурного перепада смешалась с дрожью от волнения, и, шагая в окружении холоднокровных — в буквальном смысле — наемников, я отбивала зубами дробь.

Несколько извилистых переходов, галерея — и мы оказались перед внушительными дверями из дерева и камня. Какие-то зубастые животные в окружении не менее зубастых людей привели меня в ужас. Я словно смотрела на выбитое в камне изображение своего самого большого страха в жизни. Круглые безволосые головы, разинутые рты, руки с когтистыми пальцами — существа не просто не были людьми, они, казалось, сочетали в себе все то, что вызывало в людях отвращение.

Двери медленно отворились нам навстречу. Увидев то, что за ними скрывается, я едва не упала в обморок.

Похоже было, что я и вправду попала в фильм ужасов. Большое залитое искусственным светом помещение напоминало медицинскую лабораторию или операционную. Стол посередине явно готовили к операции — вокруг сновали странного вида люди в мешковатой одежде, наверняка имевшей медицинское назначение. На столике в углу какая-то птицеподобная женщина раскладывала металлические инструменты. Она и правда была птицеподобной — рот слишком напоминал клюв, на руках было по четыре противопоставленных друг другу пальца, нос почти отсутствовал. Но глаза были ярко-зеленые, человеческие, и они поймали мой взгляд и выдержали его без страха.

— Привели! — раздался голос.

Откуда-то сбоку вынырнул «господин». На нем тоже была эта мешковатая одежда. Он сделал знак, и меня подтолкнули вперед.

— Подойди и молчи. Я сказал.

Я сделала шаг, потом еще и еще и на негнущихся ногах подошла к нему. Остальные люди сгрудились вокруг — человеческие глаза, птичьи руки и похожие на клювы рты. Я не могла закричать, иначе бы закричала. Они были слишком другими, слишком холодными и чужими, они пугали меня до полусмерти.

— Благодарю! — обратился «господин» к стоящим у порога вампирам. — Готовьте

ее, — бросил он. — Я скоро присоединюсь к вам.

Стоило ему выйти за пределы комнаты, как действие уз кончилось. Первое, что я сделала — завопила, второе — попыталась сопротивляться, когда птицелюди, переговариваясь на клекочущем языке, которого я не понимала, начали подталкивать меня к столу. Холод пронзил меня с головы до самых пят, когда я поймала блик от лежащих и ждущих своего часа инструментов на столике в углу. Острые скальпели, зажимы, корнцанги, пинцеты — Инфи! — что они собираются со мной делать?

— Отпустите меня! — кричала я.

Но их было слишком много.

— Хватит! Пожалуйста, пожалуйста, отпустите!

Но они скрутили меня и уложили на стол лицом вниз. Я надеялась, что «господин» вернется нескоро, но буквально через несколько долгих минут его резкий голос перекрыл мои крики.

— Перестань сопротивляться и молчи! Я сказал.

И я перестала кричать и дергаться. «Господин» отдал несколько команд, и я почувствовала, как сгрудились у стола птицелюди. Щелкнули, один за другим, замки, и оковы спали с меня, но все были к этому готовы. Меня перевернули и почти сразу же закрепили руки, ноги и голову металлическими захватами.

— Отпусти меня! — сверля глазами «господина», снова закричала я. — Ты же сказал, что вернешь меня домой! Ты же сказал!

— Я и не соврал, — ухмыльнувшись, «господин» отошел прочь и подал знак.

Персонал подкатил аппараты и приборы, на моих руках появились присоски, а на груди, которую обнажили, просто разрезав ткань — присоски. Раздалось знакомое мне по сериалам пиканье кардиомонитора. На руке появилась манжета тонометра, в вену мне ловко и почти безболезненно вогнали иглу катетера.

— Что ты делаешь со мной! — закричала я. — Какого черта я тебе нужна?

— Начинайте, — скомандовала зеленоглазая птицеженщина, и я почувствовала, как в вену пошло какое-то лекарство.

В голове зазвенело, перед глазами поплыли светлые круги. Надо мной склонился прожектор, свет ударил в лицо. Женщина заглянула своими зелеными глазами прямо мне в лицо, протянула руку и коснулась моего лба, будто проверяя температуру.

— Отпустите меня! — забормотала я, чувствуя, как уплываю в наркотический сон. — Зачем я тебе нужна, зачем, зачем, зачем...

И уже сквозь туман и мерный гул в ушах я услышала ответ «господина».

— Мне нужна не ты, человек, — сказал он. — Мне нужно то, что внутри тебя.

ГЛАВА 36

Мне нужно вернуться в Белый мир. Мне нужно вернуться в Белый мир.

Эти слова эхом отдались в моей голове, когда я пришла в себя и открыла глаза. Уставившись в высокий узорчатый потолок, я некоторое время просто лежала, ни о чем не думая. Постепенно осознание происшедшего стало накатывать на меня.

Операция. Приборы. Мне нужно то, что внутри тебя.

Я опустила взгляд ниже, на тело, прикрытое тонким одеялом. Волна страха накрыла меня с головой. Я трясущимися руками судорожно откинула ее, ожидая увидеть все, что угодно — швы, кровь, повязку. Но ничего этого не было. Я лежала на кровати в комнате, похожей на палату какого-нибудь земного госпиталя, смотрела на свое голое и абсолютно

целое тело и смеялась как ненормальная.

Неужели обошлось. Неужели.

Вытянув вперед руки, я оглядела локтевые сгибы — на них отчетливо проступали синяки, как раз там, где стоял еще недавно катетер. Значит, со мной все-таки что-то делали, и это был не сон. Поднявшись — матрас кровати зашуршал, словно был наполнен сухой листвой — я сначала села, а потом и вовсе спустила с кровати босые ноги и встала. Методично и аккуратно я ощупала себя, сантиметр за сантиметром, чун за чуном. Но нигде не было никаких следов операции. Ноги, руки, грудь, голова — все спокойно реагировало на прикосновения. Выдохнув с облегчением, я присела обратно — от волнения ноги не держали — и, завернувшись в одеяло, огляделась.

Кроме моей в комнате стояли еще три кровати. Они были пусты, но застелены, как будто готовы к чьему-то прибытию. Над головой висели светильники, явно питающиеся электричеством. За окном шелестел листвой деревьев сад. Тяжелая деревянная дверь с изображениями все тех же ужасных животных была наверняка заперта снаружи, но я все же добралась до нее и попробовала открыть.

Да, закрыто. Глупо было предполагать, что «господин», заплативший кучу денег вампирам и потративший, как я поняла, уйму времени на мои поиски, вот так запросто позволит мне сбежать.

Я вернулась в постель. Пол был холодный, и ноги сразу заледенели. Укутав их одеялом, я прислонилась к стене и стала ждать. Кто-то обязательно должен был за мной прийти.

К счастью, ждать пришлось недолго. Я как раз углубилась в воспоминания о смерти Лины, как дверь распахнулась, и на пороге появился «господин» в окружении группы птицелюдей. Он выглядел теперь почти величественно. Мужественное лицо казалось, сошло с обложки журнала «Брутал года», рубашка была расстегнута на груди в лучших традициях соблазнительей, на губах играла усмешка.

— Ну, ты пришла в себя, — сказал он, останавливаясь у кровати и окидывая меня быстрым взглядом. — Рад, что ты так быстро оправилась.

Он оглянулся на птицелюдей, и те быстро отошли прочь, остановившись у дверей, видимо, на случай, если я решусь бежать. Но я бежать я не собиралась. До Ворот еще нужно добраться, а голой по пустыне незнакомого мира я далеко не уйду. Впервые с момента прыжка Нины в Белый мир я ощутила себя в настоящей западне.

— Мы провели небольшое исследование, — сказал «господин», заложив руки за спину и глядя на меня. — Взяли у тебя кровь, лимфу, другие жидкости тела. Проверили, как работает сердце и мозг.

— Зачем?

— Скажи мне, Нина, как давно и сколько раз у тебя проявлялась способность? — вместо ответа спросил он.

Я вздернула бровь, но изображать дурочку не стала.

— Ты имеешь в виду, способность воздействовать на других людей на расстоянии?

Он пожал плечами. Я уже начала злиться, но поняла вдруг, что так в его мире выражают согласие.

— Один раз.

— В этом воплощении?

Динь-дон! На этот раз не Нина, а Одн-на забила тревогу. С какой стати ему нужно знать о твоих воплощениях? Может, еще истинное имя назвать?

Ага, и ключи дам от квартиры, где деньги лежат. Всенепременно.

— Зачем тебе?

«Господин» испустил раздраженный вздох, повернулся ко мне боком и взглянул искоса.

— Слушай, Стилгмар. — Я поморщилась при звуке этого имени, но промолчала. — Мне кажется, ты немножко не в том положении, чтобы задавать вопросы. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься, — сказала я. Глупо было отрицать. — Но я ведь не глупа. Зачем тебе знать о моих воплощениях? Я радостью расскажу о способности, если тебя это интересует, но если буду знать, зачем.

— Принести узы?

Я благоразумно отвела взгляд и перестала геройствовать. Он был прав на все сто процентов. Если я откажусь отвечать, на моих руках снова появятся наручники, и уж тогда я заговорю как миленькая.

— Способности проявились один раз, — повторила я после вздоха. — Не в этом воплощении.

— А в этом не было?

Я мотнула головой.

— Не было.

«Господин» послал многозначительный взгляд стоящим у двери и, без сомнения, прислушивающимся к нашей беседе птицелюдям.

— Вот что, Стилгмар, — сказал он, не глядя на меня. — Ты некоторое время побудешь здесь. Сколько — не знаю, но обещаю не причинить тебе вреда.

И, уже снова повернувшись ко мне, добавил:

— Мне нужно, чтобы способность проявилась у тебя и здесь. Как только она проявится, я заберу у тебя то, что мне нужно, и отпущу тебя. Обещаю.

— А что тебе нужно?

Но он развернулся и вышел прочь, не пожелав мне рассказать.

Я ничего не понимала, да и даже не пыталась. В обеде, который мне принесли, оказались какие-то препараты, и я от них впала в состояние, которое можно было назвать одним словом — апатия. Весь день я провела на кровати, сидя или лежа и глядя в потолок. Ужин — какое-то жуткое на вид мясо, я есть не стала, и к ночи голова немного прояснилась.

Мне нужно было вернуться в Белый мир, но как? Как я смогу сбежать из этого дворца, полного охраны, из этого города с пушками на стенах? Ответ был прост: никак. Оставалось только ждать, но ожидание это не было радостным. «Господин» обещал, что отпустит меня, но я не думала, что ему можно полностью доверять. В случае чего снова нацепит на меня узы, и все.

На второй и третий день ко мне никто, кроме персонала не заглядывал. Меня водили в уборную, позволили помыться в бане — да, клещ-переводчик так название и перевел — дали чистую одежду. Птицелюди поглядывали на меня с опаской, но я не обращала на это внимания. Меня больше занимали мысли о том, как бы выбраться отсюда и добраться до Белого мира.

Дни сменялись ночами. «Господин» появился у меня еще дважды, расспрашивал про обстоятельства, при которых проявилась в Снежном мире моя способность. Я рассказала честно и без утайки — уз я боялась, и одного раза мне хватило. Он покусал губу в раздумьях и ушел, но вопреки моим ожиданиям не приказал ни жечь меня огнем, ни привязывать веревками. Когда во время второго его визита я спросила, почему, он ответил, что

способность эта должна проявиться добровольно. Ко мне нельзя применять никакого насилия, потому что тогда я умру.

Он сказал это так уверенно, что я поняла, что знание это основано на опыте. И скорее всего, такие как я уже умирали. Или я сама умерла в каком-то из своих неизвестных мне воплощений. Я не хотела об этом думать, да и не думала. Мои мысли все больше и больше занимал Белый мир. Я видела сны, я грезила им, я постоянно думала о нем.

И в какой-то момент эти мысли превратились в навязчивую идею.

Я и сама не заметила, как это произошло. Кажется, на седьмой или восьмой день моего пребывания во дворце неладное заметили и птицелюди. Я ходила по комнате, бормоча «Белый мир, Белый мир, Белый мир». Кто-то вызвал «господина». К тому моменту, когда он пришел, я спокойно сидела на кровати и смотрела в окно.

Я наверняка казалась нормальной, но «господину» было знакомо то, что со мной происходило. Удвоив охрану и двери, он наказал птицелюдям не входить в комнату по одному и без надобности.

Меня стали реже выводить на прогулки, еду оставляли у двери. Я все это почти не воспринимала — к тому моменту единственным, о чем я могла думать, был Белый мир и мое возвращение туда. Сначала я считала, что должна выполнить данное Ли-ре обещание. Но оно забылось и растаяло в памяти, как плохой сон. Потом мне стало казаться, что я просто тоскую по Терну. Но его лица я ни разу не видела во сне. Я не хотела есть и пить, я не могла спать. Шагая по комнате туда-сюда, я думала о Воротах и пустыне, о дворцовой охране и городских стенах, лежащих на пути к моей мечте.

Закрыв глаза однажды ночью, я очнулась у двери, колотя в нее руками и ногами и требуя выпустить меня. Я орала и долбилась в дверь целую ночь, пока наутро меня не сморил сон.

— Лихорадка возвращения, — бросил «господин», навестив меня днем.

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, меня мутило. Услышав эти слова, я повернула голову.

— Откуда ты знаешь?

Он ухмыльнулся.

— У меня воплощение в Белом мире. У многих там воплощения. А вот твое, похоже, родом не оттуда. Но там бывало и теперь отчаянно хочет вернуться.

Я закрыла глаза — резко накатила тошнота.

— И что теперь? Ты меня отпустишь? Я могу сойти с ума, если не вернусь.

— Так и есть. Но я не могу тебя отпустить, увы. Я слишком много вложил в тебя. Будем надеяться, что способность проснется раньше.

Открыв глаза, я посмотрела в его ухмыляющееся лицо.

— Может быть, если бы ты рассказал мне о ней, я могла бы понять, как и что должна делать.

Он помолчал, словно взвешивая «за» и «против». Потом качнулся на пятках.

— Ладно. Ладно, Нина. Как я уже сказал, мне не нужна ты. Мне нужно то, что у тебя внутри. То, что я сам вложил давным-давно в твои тела.

— О чем ты говоришь, — почти простонала я, прижимая руку к виску, который вдруг собрался взорваться.

— Я служил демонам, — сказал он, и ухмылка сползла с его губ. — Я был большим начальником... Жаль, что теперь приходится играть султанчика в этом отсталом мире, но

делать нечего.

— Так ты... помогал врагу? — спросила я, держась за висок.

Его слова не ударили и не шокировали меня. Все, что было для меня важно — это Ворота и Белый мир. Только он имел значение. Только ради него следовало бороться и жить.

— Помоги мне, — я протянула к нему руку. — Помоги мне вернуться в Белый мир... Пожалуйста. И я никому не скажу о том, что ты демон, никому не скажу.

— Я — не демон! — прервал он меня резко. — Я человек, более того, я твой отец в одном из воплощений.

Я закрыла глаза всего на мгновение. Отец. У меня нет отца. Мне нужен Белый мир.

Следующее, что я помню — меня держат четыре птичеловека, а я ору, кусаюсь, бью ногами и царапаюсь. Я оказалась у самой двери, но их было слишком много, да и за дверью стояла охрана, и меня скрутили. В шею вонзилась игла, и я обмякла. Тело перестало подчиняться, но в голове по-прежнему бушевал ураган.

— Драная кошка, — услышала я слова «господина», когда меня тащили мимо него.

Я заметила, что он держится за щеку, а сквозь пальцы течет кровь. Видимо, я его все-таки зацепила. Мысль об этом вызвала у меня чувство удовлетворения.

— У нее лихорадка, привяжите ее, — бросил он.

— Я хочу в Белый мир! — завизжала я.

— Все мы куда-то хотим.

И, уже на выходе:

— Пришлите ко мне старшего надзирателя. Надо что-то придумать.

Я визжала, пока хватало голоса. На меня надели подобие смирительной рубашки и за талию привязали к кровати. Я била ногами и выкрикивала ругательства до тех пор, пока не охрипла. Но даже потом шептала и шептала весь день и всю ночь напролет:

— Белый мир, Белый мир, Белый мир.

А на следующий день я встретила Корта.

Я плохо помнила, как оказалась в подвалах дворца. Уже потом Корт рассказал, что меня принесли утром, в полубессознательном состоянии, выкрикивающую «Белый мир» на всех знакомых мне языках. «Господин» приказал приковать меня к стене, чтобы я не билась о прутья решетки. Приступы усиливались и учащались буквально на глазах. Я пришла в себя уже ближе к обеду — руки и ноги ободраны от оков, голова разрывается от дикой боли, в горле сухо.

Осознав, где я нахожусь, я испытала шок.

Я лежала на каменном полу, пристегнутая за руки и за ноги к цепи, уходящей к каменному кольцу в стене. Это была явно тюремная камера: вокруг решетки, на двери — замок, у — деревянная лавка. Я повернула голову и увидела, что такие камеры тянутся по обе стороны от меня. Какие-то были пусты, в каких-то плакали и жаловались на жизнь такие же пленники, как я. Ощущение дежавю было настолько сильным, что я почти решила, что снова сплю и вижу эту тюрьму во сне.

Голос рядом уверил меня, что это не так.

— Ну, вот мы и встретились в реальности, Стилгмар Аргентджен.

Я закутила головой, пытаюсь понять, откуда доносится звук. Ангела, сидящего у стены в следующей камере, я заметила не сразу — не потому, что что-то скрывало его от меня. Просто он этого не захотел раньше, а сейчас решил, что момент настал. Я увидела полные губы, темные глаза, белоснежные, почти ослепительно-белые крылья.

— Корт... вандайре? — вспомнила я полное имя.

Он поднялся, и загремела цепь. Ангел, в отличие от меня, был пристегнут только за ногу. Подойдя ближе к решетке, разделяющей наши камеры, Корт прислонился к ней и оглядел меня внимательным взглядом.

— Как ты? Лучше?

Я попыталась сесть, поморщилась от боли в руках и ногах. Покрутила головой — шея затекла от долгого лежания на холодном полу. Кажется, лихорадка отступила. Мои мысли не вертелись более вокруг Белого мира. Гораздо интереснее мне было узнать, где я и как здесь оказался Корт.

— Лучше, — сказала я, отвечая на его вопрос. — Правда, я не помню, как попала сюда.

Он рассказал. Я поднялась на ноги, отмечая и свое грязное платье, и длину цепи, едва позволяющую сделать по камере пару шагов.

— Тебе придется некоторое время провести рядом со мной, — сказал ангел, наблюдая за моими попытками освоиться. — Я могу сдерживать развитие лихорадки, но для этого ты должна держаться со мной рядом и периодически касаться меня. Подойти, я вылечу твои раны.

Цепь не позволила. Тогда я натянула ее до предела, протянула руку — ангел сделал то же самое — и наши пальцы на миг соприкоснулись. Слезы потекли у меня из глаз, но боль, и головная, и в натертых оковами конечностях исчезла.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Где-то вдалеке раздался взрыв истерического хохота, который затем перешел в плач. Корт и ухом не повел, я же вздрогнула и поежилась. Судя по тому, что я видела справа и слева от себя, ряд камер тянулся и тянулся. Пленников было много, они сидели и стояли, плакали и бормотали что-то себе под нос, просили и умоляли, угрожали и смеялись.

— Сколько же их здесь?

— Около сотни, — ответил на мой почти риторический вопрос Корт. — В основном, местные, но есть и такие, как мы, из других миров.

Я повернулась к нему. Кажется, голова вот только обрела ясность. Я вдруг отчетливо поняла, кто сейчас находится рядом со мной. Ангел, да, но не просто ангел. Корт связывался с Лаксом через меня. Он посылал ему сигнал об опасности, он предупреждал его.

— Где Лакс? — спросила я у него с резкостью, которой сама у себя не ожидала.

— Если ты передала ему мое послание, думаю, он в Солнечном мире, — сказал Корт.

Я мотнула головой.

— Конечно, я передала. Но разве ты не знаешь, что война все равно начнется? Люди...

— Прячут у себя последнего из демонов? — закончил он за меня. — Мы все стали свидетелями убийства Лириндайре Айре Айре в Снежном мире, так что да, я думаю, Лакс об этом тоже знает.

Лириндайре? Ли-ра... Ну, конечно, моя Ли-ра не могла зваться просто Ли-рой в этой сложной иерархии ангельских имен. Я подумала о своем теле, лежащем у ее объятых огнем домика. Сколько времени уже прошло? Наверняка моя мать поняла, что я перешла, но ведь никто не знает, что случилось с Ли-рой на самом деле. Никто не знает, что по деревне бродит вампир — а теперь, когда я видела их, я знала, как они выглядят.

Я знала, что в моем родном мире водятся притворщики, но они не нападали на людей даже в полнолуние, когда их сводила с ума луна. Я знала ангелов, но они помогали и людям,

и притворщикам и делом, и словом, давали советы и жертвовали собой ради спасения других. Я знала одного вампира — Терна, но и тот предпочел сбежать в другой мир, чтобы не причинить мне вреда.

Но с недавних пор все словно сдвинулось с места, искривилось, исказилось, как в кривом зеркале. Люди убивали друг друга. Вампиры убивали ангелов. Обратные убивали людей. Только ангелы пока никого не убивали... но, может, я просто не знаю ситуацию в целом?

— Что ты имеешь в виду «все стали свидетелями»? — спросила я у ангела.

Он пронизательно на меня посмотрел.

— Ты ведь знаешь о том, что ангелы чувствуют друг друга. Мы можем сказать, жив или мертв тот или иной ангел в любой момент времени. Когда Лириндайре шагнула на порог смерти, она испустила ментальный крик, который услышали все ангелы во Вселенной. Она была одной из самых сильных. Не удивлюсь, если люди, находившиеся поблизости от места ее смерти, тоже услышали этот крик.

— Что это за крик?

— Картинка. Момент смерти, окрашенный эмоциями. Ты находилась с ней рядом, ведь так?

Я кивнула.

— Последняя мысль Лириндайре была о тебе. Она умерла рядом с человеком, которого любила и которого защищала. Она умерла, спасая тебя, и умерла счастливой.

— Не понимаю, — прошептала я. — Если тот вампир хотел убить меня... почему он не сделал этого? Я ведь видела...

— Вампир? — перебил меня Корт. — Вампир? Но в Снежном мире не должно быть вампиров, это не их планета.

Лицо его засветилось от волнения. Он зашагал по камере туда-сюда, не глядя на меня. При каждом движении цепь гремела по каменному полу.

— Стилгмар, расскажи-ка мне, как ты попала сюда, — попросил он минуту спустя.

Я кивнула.

— Ладно, только не называй меня Стилгмар. Не люблю это имя. Зови... — и тут я осеклась. — Хм. Ладно, зови хотя бы Стил.

— Хорошо. Тогда зови меня Корт. — Я кивнула. — Стил, расскажи.

Я коротко пересказала все то, что произошло со мной с момента смерти Ли-ры. Корт молчал, слушал, не перебивал. На лице его проступили сначала сомнения, потом догадка. Он сжал губы, сосредоточенно раздумывая, дождался, пока я замолчу и кивнул.

— Да. Я так и думал. — Ангел вздохнул. — Кажется, вампиры правы, развязывая с нами эту войну.

Я посмотрела на него.

— О чем ты?

— Вампир убил Лириндайре из-за того, что она отказалась раскрыть ему, кого защищает в Снежном мире. Защищала она тебя. Подозреваю, что ты как-то связана с последним демоном, только не знаю, как. Иначе объяснить это невозможно. Лириндайре находилась в Снежном мире только из-за тебя. И приняла смерть за тебя. Она не отдала бы жизнь просто так, это была жертва. Она позволила убить себя, чтобы все ангелы тебя увидели.

— Хочешь сказать, что я — последний демон? — в ужасе спросила я.

Боже, и я еще смеялась, когда говорила тетушке Раштлек, что могу оказаться вселенским Злом!

— Нет, — он покачал головой. — Лириндайре убила бы тебя, если бы это было так. Но похоже, что она за тобой... приглядывала. Теперь мы все будем за тобой приглядывать, Стил.

Мне не понравилось выражение его лица. Но я сразу же перестала об этом думать. Белый мир — вот, что важнее.

— Корт, — сказала я испуганно, понимая, что вот-вот начнется приступ.

Он без слов подошел и протянул руку.

— Просто коснись меня.

Я дотронулась до его пальцев, мечтая, чтобы он пробил крышу тюрьмы и унес меня в Белый мир. В следующую секунду перед глазами вспыхнул яркий свет, и из них заструились слезы. Желание удариться головой о стену, проломить ее и бежать Белый мир тоже прошло.

Остаток дня мы разговаривали. Корт рассказал о себе. Когда-то он был одним из лучших ангелов Мастера правления, но не так давно покинул Белый мир навсегда. После исчезновения Фея ангелы решили мобилизоваться. Человеческие миры были взяты под строгий контроль, и Карту достался один из миров в дальнем конце Вселенной. Там его и ждала засада. Вампиры применили узы — они действуют одинаково и на людей, и на ангелов. Он не успел ничего понять — просто закрыл глаза, а открыл уже здесь.

— Я не знал, что в каком-то из миров сохранили секрет уз, — сказал он мне. — Видишь ли, «узы смирения и покорности» — именно то оружие, с помощью которого демоны подчиняли себе миры и заставляли людей и вампиров, и даже ангелов вставать под свои знамена.

Я вспомнила о своей способности и промолчала.

— Именно так были покорены самые ожесточенно сопротивляющиеся миры. Все бы закончилось нашим поражением, если бы не человек, которого в Белом мире ты знаешь, как героя. Ты встречалась с ним?

Я покачала головой.

— Герой прибыл к нам с одной из заброшенных планет. Цивилизация там не прижилась — все сгубила местная неприветливая атмосфера. Люди как-то послали туда сорок тысяч колонистов. Но дети там почти не рождались, и через несколько сотен лет на планете осталась едва ли тысяча человек. Герой был одним из этой тысячи. Он и его сородичи работали на добыче минерала — материала, который помогал им выживать. Наверное, минерал был радиоактивным, во всяком случае, те, кто работал с ним, как-то изменились — и оказались невосприимчивы к узам. Герой и несколько его друзей добрались до ближайшей планеты с Воротами и прыгнули в Белый мир.

Я внимательно слушала: еще никто не рассказывал мне о Герое так подробно.

— В Белом мире открывается очень много Ворот. Минерал растащили по мирам, узы перестали действовать, и мы организовали контрнаступление. Демоны погибли, напоследок взорвав ту планету, на которой добывался минерал. Войну мы выиграла, но ужасной ценой — многие погибли, многие сошли с ума, поняв, что натворили под действием уз. Но это еще не все. Минерал оказался и вправду радиоактивным. На планетах, где он остался, начались мутации. Люди, которые работали с минералом, болели и умирали. Герой и его друзья собрали минерал и увезли его на одну из необитаемых планет в системе Белого мира. Там он и лежит до сих пор.

— Но если узы снова появились...

— Мы так и не узнали, откуда демоны взяли такое оружие, — сказал Корт. — Если оно снова объявилось, значит, вампиры правы, и где-то скрывается демон. И почему-то именно теперь те, кто тайно все эти годы надеялся на возвращение демонов, решил, что пора действовать.

— Они чего-то ждали и дождались, — сказала я, вспоминая слова «господина» о том, что способность должна проявиться в еще одном моем воплощении, а потом...

А что потом? Что со мной будет потом?

Я обхватила себя руками и отошла к скамейке. Мысли вихрем носились в голове, одна хуже другой. Вампир пытался убить меня, ангел отдал за меня жизнь. «Господин» — я не могла называть этого человека отцом — отдал за меня кучу денег. Он был на стороне демонов, и он знает секрет уз. И ему нужна не я сама — а это значит, что я и правда не последний демон — ему нужно что-то внутри меня. Но что?

— Корт, — позвала я, и ангел сразу же повернулся ко мне. — Ты можешь передать Лаксу то, что я тебе рассказала?

Он покачал головой.

— Я могу связаться только с тем, на ком его метка, но Камри я больше не вижу и не могу до нее дотянуться.

— А другие? Ининджер, Мастер правления?

— Нет. Ангел связан только с теми, кому он спасал жизнь. Я лечил Ининджера и Лентерна... и еще многих. Но воскрешал я только Лакса.

Я подумала о смерти вампира... Инфи, нет, не буду думать, у меня мозг расплавится.

— Так ты архангел? — спросила я. — Я думала, они все выглядят как дети.

— В Белом мире я и выгляжу, как ребенок, — сказал Корт. — Ты видела меня в павильоне, когда приходила выбирать одежду для приема у Ининджера. Потому я и узнал тебя, когда попробовал достучаться до Лакса в Снежном мире. Но я связался и с Камри. А теперь не могу. Наверное, она умерла.

Он сказал это спокойно и холодно, а у меня перехватило дыхание. Пана. Мать Терна. Женщина, которая учила меня жизненным мудростям. Женщина, которая избавилась от сына в одном из миров, чтобы не оставлять его беззащитным перед лицом врага.

Сначала Ли-ра, теперь она. Я уселась на скамейку, опустив голову и глядя на свои прикрытые платьем колени.

— Ты уверен?

— Да, — сказал Корт. — Так же как в смерти Лириндайре.

ГЛАВА 37

Остаток вечера прошел спокойно. Птицелюди принесли еду, и, ужиная, я поняла, почему ангел при всей его силе и мощи не пытается сбежать из заточения. Ключи от дверей тюрьмы были узами. Прежде чем занести еду охранники приказали ему отойти к стене и стоять там. Он послушался так, словно это и собирался делать. Как там сказал «господин»? Импульс идет прямо в мозг. Я вспомнила и свои ощущения от способности — это непередаваемое чувство власти над другими живыми существами и способность контролировать волю. Джорнаки пытались сопротивляться — и не справились. Умерли, один за другим отправившись туда, куда я приказала.

В тарелке из материала, похожего на плотную бумагу, лежали кусок мяса и какие-то овощи. Я не знала, кем питаются местные гурманы, но попробовала, сказав себе, что после

зеленых водорослей Миламира я уже должна перестать удивляться вкусам и виду пищи. Мясо напоминало по вкусу курицу. С сомнением посмотрев на птицелюдей, я постаралась выбросить из головы непрощенные мысли. Прикончив овощи, я отставила тарелку и посмотрела на Корта. Он тоже доел, и, взяв в руки тарелку, швырнул ее через решетку в коридор. Решив не отставать, я последовала его примеру.

— Остатки пищи на тарелке очень быстро начинают портиться, — сказал он, поймав мой взгляд. — Их уберут.

— Хорошо.

И в самом деле, птицелюди скоро вернулись. Их человеческие глаза казались мне странными и немного жутковатыми. Я вспомнила о рептилоидах, которых видела во сне, и вздрогнула. Нет уж, лучше они, чем те змееголовые люди. Хотя чем лучше?

Я попыталась завязать с Кортом разговор, но он явно думал о своем, так что, задав пару вопросов о Лаксе и Белом мире, я замолчала. Усевшись на скамейку, я поджала колени к груди, обхватила их руками, задумалась.

Я провела в этом мире уже девять дней, каждый из которых приближал цивилизации теплокровных и холоднокровных созданий к войне. Кровавой войне за право обладания тем, чего у ангелов могло и не быть. Зачем кому-то скрывать у себя последнего из рода Врага? Зачем кому-то подвергать риску миллионы форм жизни? Ради чего?

Один-единственный демон — только если они не размножаются почкованием — не может стать началом новой цивилизации. В моем мире цивилизация не ушла далеко от попыток клонирования и овечки Долли, но я была уверена — в других мирах ситуация может обстоять совершенно иначе. Вполне возможно, что на каких-то планетах создаются целые армии, состоящие из клонов. Почему же за две тысячи лет тот, кто держал у себя последнего из рода демонов, не создал легион похожих друг на друга, как игрушечные солдатики, воинов? Мне не хотелось знать ответы на эти вопросы. Мне хотелось проснуться, дома, вечером того дня, когда погибла Ли-ра. Пойти к ней, позвать людей с оружием, защитить ее от неминуемой смерти.

Ах, Ли-ра. Мой ангел-хранитель, который позволил себя убить, чтобы рассказать другим ангелам обо мне. Мой друг, который был со мной от рождения и до самой своей смерти.

Свет, льющийся из вмонтированных в потолок светильников неожиданно погас, и тюрьма утонула в крошечной тьме. Пленники застонали, заворочались, закричали, пугаясь этой тьмы, но мне она почему-то принесла успокоение. А может, все дело в том, что в темноте Корт не сможет увидеть слез на моих глазах.

Мыслей о Белом мире не было, и я решила, что можно поспать. Однако на жесткой скамейке заснуть получилось далеко не сразу. Я ворочалась, вспоминала Ли-ру, думала о Пране, представляла себе лицо Терна, уходящего в Солнечный мир, лицо Трайна, убегающего в Белый мир от лихорадки возвращения. Теперь я знала, что это такое.

Теперь я...

В следующий миг я оказалась на полу, стоя на коленях в луже собственной крови. Горел яркий свет, пленники вокруг стонали и вопили как безумные, дергали цепи, рычали и ревели как загнанные в угол звери. Стоял такой дикий вой, что я не слышала собственного голоса, а выстрелы, прозвучавшие совсем рядом, воспринялись мною как хлопки праздничных петард.

Я дергала руками и ногами, пыталась вырваться из оков, удерживающих меня на пути к Белому миру. Серебристый свет Ворот казался почти осязаемым. Я слышала их легкое

гудение, чувствовала запах нагретого солнцем песка, я знала, что Белый мир меня ждет и любит.

— Пусти-и-и-и-и! — услышала я сквозь гул чужих, полных ярости голосов свой крик.

— Поднимите стену! — вопил «господин», мечась у запертой клетки. — Поднимите!

Но птицелюди не подчинялись его приказам. Сквозь белую дымку приступа я увидела, что четыре птичеловека — охрана «господина» тоже сошли с ума. Они бились о прутья моей клетки, просовывали сквозь решетку руки и кричали, кричали, кричали...

Решетка, разделяющая наши клетки, наконец, с режущим уши скрипом поехала вверх. Корт ринулся ко мне, но его не пустила цепь, остановила, заставила упасть на одно колено, яростно хлопая по воздуху раскрывшимися крыльями. В этот момент раздались еще выстрелы — два, три четыре. Запахло смертью и болью, и этот запах заставил меня поднять голову и посмотреть вперед. Я увидела распростертые у двери тела птицелюдей и «господина», стоящего над ними с дымящимся оружием в руке, а потом на меня снова накатила волна безумия.

Очнулась я в объятиях ангела. Корт прижимал меня к себе, спиной к своей широкой горячей груди, по моему лицу текли слезы. «Господин» стоял рядом с нами, держа ангела на прицеле какого-то, напоминающего земной автомат, оружия. Он кричал.

— Я же сказал тебе, это не-воз-мож-но! Невозможно, ты понял?!

— Если она не будет со мной в одной клетке, она умрет, — сквозь зубы чеканил Корт. — Сколько своих людей ты потерял? Четверых?

«Господин» оглянулся на трупы своих солдат. Лицо его было искажено злостью, но направлена она была не на меня и не на ангела. Он злился на себя, и на какой-то миг мое еще затуманенное сознание посетила мысль, полная удовлетворения.

«Он себя переоценил. Он не ожидал, что это случится».

— И будет больше, — продолжил Корт, все еще прижимая меня к себе. — Я не знаю, что не так с ее кровью, но, похоже, кое-кого из твоих ребят она сводит с ума. Я не знаю, зачем она тебе нужна, но, похоже, ты не хочешь, чтобы каждый раз открыв дверь ее клетки, твои ребята пытались ее прикончить.

Я застонала и закрыла глаза, чувствуя тошноту, но они оба словно забыли обо мне.

— Это не твое дело! — рявкнул «господин». — Узы...

— Узы не действуют на тех, кого жжет лихорадка возвращения, — веско сказал Корт. — Похоже, ее кровь туманит им разум.

— Что ты предлагаешь? Вы вдвоем сговоритесь и устроите побег, — спросил «господин» почти мирно.

Ангел хмыкнул.

— Ну, на меня-то узы действуют. Ты всегда можешь запретить мне выходить из клетки.

Я открыла глаза, посмотрела на «господина» и поймала на себе его бешеный взгляд.

— Проснулась, красавица, — сказал он с едкой иронией в голосе. — Твоя выходка дорого мне стоила, ты знаешь. Молись своим богам, чтобы способность проявилась у тебя как можно скорее.

Похоже, решение он уже принял. «Господин» развернулся и пошел к выходу, к дверям, возле которых остывали тела его убитых им же охранников. Уже в коридоре обернулся. Корт так и прижимал меня к себе, и, похоже, его это страшно позабавилось. Мерзко ухмыльнувшись, «господин» кивнул.

— Что ж. оставайся с ней. Оставайся.

Дверь захлопнулась, ключ повернулся в замке. «Господин» обернулся к нам, помахал ключами, зажатыми в руке.

— Ты остаешься в клетке, даже если дверь открыта. Я сказал.

Когда шаги его затихли, я осознала, что и в коридоре стало очень тихо. Пленники успокоились, как по мановению волшебной палочки, вернувшись к своему обычному, уже знакомому мне бормотанию и плачу.

Корт отпустил меня, усадив на скамейку. Я оглядела свои руки и ноги — конечно же, на них не осталось ни ссадины после его лечения, но все же. Лужа сворачивающейся крови на полу красноречиво давала понять, что у меня действительно был приступ. Тела птицелюдей свидетельствовали о том, что намерения их были серьезными.

— Жаль, что во время лихорадки возвращения менять воплощение невозможно. Ты могла бы сбежать отсюда, но если попробуешь сейчас... умрешь. Кстати, запах твоей свежей крови свел с ума половину тюрмы, — сказал Корт, глядя на меня с другого конца клетки, ставшей теперь в два раза шире. Я заметила, что цепь на его ноге стала длиннее, и теперь он мог перемещаться и по моей части камеры. А вот со мной все было по-старому. — Тебе ведь такое знакомо, правда?

Я кивнула.

— Волк напал на меня в Снежном мире. И в Дайтерри... — я запнулась. — И в Дайтерри на меня напали деревья.

В Дайтерри меня едва не убили деревья, так будет точнее. Меня и всех тех, кто был со мною рядом. Вот только, получается, что напали они на остальных из-за меня? Я посмотрела на мертвых птицелюдей у клетки и сглотнула. Они тоже почувствовали запах моей крови и напали. Точнее, напали бы, если бы не решетка, ставшая для них непреодолимой преградой. Но если бы дверь была открыта...

— Так выходит, я и правда стала причиной нападения деревьев, — я просто должна была это высказать вслух, произнести, озвучить, признать.

Ну, конечно. Тот последний сон, в котором Фей предупредил меня — «не позволяй никому узнать цвет своей крови». Те слова волка про то, что он бросился на меня, почувствовав запах моей «овечьей» крови. А дайт напали на меня после того, как я при падении снесла кожу на локтях. Везде и всегда причиной была моя кровь.

Я была глупа и слепа, отрицая очевидное.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал он, внимательно глядя на меня, но я не слушала его, да и не нужно мне было его понимание.

Все дело было в моей крови. Все дело было в том, что находилось в моей крови — наверняка это и имел в виду «господин», когда говорил о том, что ему нужна не я, а то, что внутри меня. Но почему-то это начало проявляться только сейчас. Почему-то животные не сходили с ума от запаха моей крови еще год или два назад.

— Корт, — промолвила я, глядя на него. — Так ему нужна моя кровь?

Он пожал плечами.

— Я честно не знаю, Стил. Давай мы не будем говорить об этом, хотя бы пока не уберут тела. Не хотелось бы, чтобы кто-то из птичек потом рассказал «господину» о том, что слышал.

— Но как они...

Я замерла по его знаку. Корт предупредил вовремя. Буквально через мгновение послышался топот нескольких пар ног, и вот уже к нашей клетке в полном облачении —

маски, костюмы, оружие — подошла целая группа птицелюдей. У того из них, кто шел первым — высокого и плечистого, в руках были ключи, которыми он осторожно и почти аккуратно отпер дверь. Словно боялся, что я сейчас заору, выбегу и врежу ему ногой промеж глаз. Я, может, и выбежала бы, но цепи по-прежнему не давали мне свободы движений.

Но этим людям не была нужна я.

По знаку я и ангел перебрались в его часть клетки. Мне пришлось натянуть цепь до предела, и, похоже, расстояние, на которое я смогла отойти, птицелюдей не удовлетворило. Они о чем-то быстро переговорили и перегруппировались. Трое вошли внутрь, четверо остались снаружи, в том числе и тот, у кого были ключи. Он захлопнул за вошедшими дверь и знаком отдал приказ навести на нас оружие. Выглядело это все устрашающе.

За спинами у вошедших были баллоны. Быстро и методично один с помощью пульверизатора нанес на пятна крови на полу какую-то пенистую жидкость. Потом двое нацелили на образовавшуюся смесь мощные струи воды и смыли кровь в отверстие в углу камеры, очевидно, предназначенное как раз для таких целей. Высокий отворил дверь, выпустил эту троицу наружу и снова запер. Я думала, что на этом процедура закончится, но оказалось, все только начинается.

Заперев дверь с моей стороны, птицелюди перешли к двери, которая раньше вела в камеру ангела. По знаку я отошла прочь, ангел остался на месте. Похоже, Карту уже не раз приходилось участвовать в том, что должно было произойти, во всяком случае, он спокойно скрестил руки на груди, сложил крылья и стал ждать.

Тела погибших птицелюдей перетащили к открытой двери. Я недолго оставалась в неведении относительно того, что с ними собираются делать. По сигналу главного тело первого птицелюда занесли внутрь и положили на пол перед Карту.

Он занес над трупом руку, и все мы на мгновение зажмурились от вспышки ярчайшего синего света. В следующий миг убитый зашевелился и попытался подняться с пола.

Он воскрес.

Корт оживил одного за другим всех остальных «покойников», пока те трое, что мыли мою камеру, уничтожали следы крови у входа в нее. Казалось, для ангела не составляло труда воскресить четверых птицелюдей, однако, он всем своим видом выражал такое отвращение к тому, что делает, что даже высокий птицелюда с ключами как-то съежился и опустил голову.

Наконец, последний из убитых поднялся, с оторопелым видом оглядываясь вокруг. Птицелюди вышли и заперли за собой дверь. Не глядя на нас, они направились туда же, откуда пришли.

— Эй, а спасибо? — крикнул вслед Корт. — Я вообще-то к жизни вас вернул!

Повернувшись ко мне, он пожал плечами.

— Никогда не благодарят.

Я все еще смотрела на него с открытым ртом, и Карту пришлось объяснить.

— Я не воскрешал их — биологическая смерть есть биологическая смерть. А вот из клинической смерти вывести их было можно. Этот демонопоклонник специально стрелял не насмерть, знал, что я сумею их спасти.

— Так они не были мертвы?

— На грани, — сказал он. — Я просто дал их сердцам мощный заряд энергии, и они вернули мозг к жизни. А омоложение — как приятный бонус.

— Омоложение, — повторила я.

Он кивнул.

— Ну да. Они ведь какое-то время были почти мертвы. Вернув их к жизни, я просто отмотал время назад, так что теперь они стали чуть моложе, чем были. Словно побывали в криокамере. — Он вздохнул, понимая, что и это нуждается в пояснении. — Ее используют, чтобы заморозить людей, а потом разморозить через некоторое время — в каких-то мирах так пытаются сохранить молодость своих воплощ... — он запнулся, глядя на выражение моего лица. — У тебя что, приступ?

Корт оказался рядом в мгновение ока, но я замахала руками, одновременно пытаюсь не упустить мысль и донести ее до него.

— Корт, послушай меня, послушай. Ты сказал, криокамера, ты сказал «разморозить»...

— Да. В криокамеру помещается человек, потом его температура доводится до точки замерзания...

— Неважно... — перебила я, и он замолчал. — Это неважно. Корт, послушай меня внимательно. Мне кажется, я знаю, где скрывается последний из рода демонов и почему его нашли именно сейчас.

Я сделала глубокий вздох, сама не веря в то, что пытаюсь озвучить.

— Мне кажется, демона спрятали после войны в ледниках Дайтерри. Устроили ему там криокамеру, понимаешь? Убрали его с радаров до поры до времени, чтобы разморозить, когда настанет подходящий момент. И подходящий момент настал — «господин» сам сказал мне, что они ждут только последнего проявления моей способности, чтобы начать действовать. Я практически уверена в этом, он мне сам об этом говорил.

— В Дайтерри больше нет Ворот, — сказал Корт, глядя на меня. — Они закрылись.

Он еще немного подумал, потом отошел от меня, заложив руки за спину и глядя куда-то вдаль.

— Похоже, пора использовать резервный канал связи, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Узы запрещают мне связываться с ангелами, так что попробуем выйти на Лакса другим путем.

— Ты же сказал, что больше ни на ком нет его метки.

— Есть, — помолчал он. — Правда, я никогда не думал о том, чтобы использовать этот канал. Слишком он еще хрупкий.

— Кто? О ком ты?

— В истинном мире у Лакса есть брат или сестра?

Я кивнула.

— Фелик. Брат. Но он же еще совсем ребенок, что он может сделать?

Ангел посмотрел на меня. На мгновение его глаза вспыхнули синим светом — тем, что я видела у Ли-ры перед смертью и у Фея в своем сне.

— Похоже, — сказал он, — этот мальчик может спасти Вселенную от войны.

Я не знаю, как справлялся со своими физиологическими нуждами ангел, но моя физиология являлась причиной ужасных неудобств. Мастер отдал приказ собирать все то, что выделяет мой организм, в специальные емкости — для исследования, и каждый день, утром и вечером четыре облаченных в маски и птичеловека выводили меня в специальную уборную и приводили обратно. Кроме того, с тех пор, как началась лихорадка, «господин» приказал брать для анализа еще и кровь, так что, кроме уборной меня водили еще и в лабораторию. Тамошний персонал, нацепив поверх респираторов еще и защитные очки, с помощью маленького одноразового вакуум-экстрактора проводил отбор пробы. Контакт

крови с воздухом исключался, а значит, исключалось и ее действие на окружающих.

В такие мгновения я чувствовала себя прокаженной или еще хуже.

Если учесть, что жила я рядом с ангелом, это «ритуал» стал для меня источником постоянного смущения и стыда. Корт не заговаривал об этом, но он не был дураком и, конечно же, видел мое смущение.

Вот и теперь, едва он закончил говорить о Фелике, послышались шаги, и в коридоре появились уже знакомые мне люди в масках и защитных костюмах. Корт сделал вид, что задумался над моими словами, отошел на свою половину клетки и устоялся куда-то вдаль. Мои цепи отстегнули, чтобы пристегнуть по одной к каждому из сопровождающих. Мелкими семенящими шагами, стараясь не отставать, но не бежать вперед, я пошла вслед за конвоирами на выход.

В голове моей роились мысли.

Догадка осенила меня не внезапно — но именно слова Корта дали тот толчок, который позволил моему разуму собрать все воедино. Я вспомнила ледники в Дайтерри, которые исследовали — явно не без причины — Силенка и Яр. Я вспомнила слова Яра, когда его уводили с заседания в Белом мире, утаскивали под руки, как преступника, нарушившего закон.

«Разве ты не знаешь, что это за ледники, Ининджер? — кричал он. — Разве ты не понимаешь, что я хожу туда каждый раз, как в последний?»

Ну, конечно, Ининджер все знал. Именно поэтому они так усиленно цеплялись за Дайтерри, хотя там погибла одна из учениц и едва не погибла другая. Потому и решали «судьбу мира», хотя наверняка речь шла о судьбе миров. Скорее всего, Силенка и ее брат знали о том, что находится в ледниках, или хотя бы предполагали.

Не зря эта умница с самого начала показалась мне чересчур слащавой. Учитывая размеры беды, которую они с братом сотворили, Силенка должна была бы уже скрыться из Белого мира. Если додумалась я, додумается любой. Наверняка я такая не одна, и наверняка кто-то из ангелов и вампиров знает побольше меня о происходящем. Возможно, даже о том, что находится в крови таких, как я. Возможно, по всей Вселенной сейчас умирают или ждут своего часа такие как я — подопытные кролики, запертые в клетках вместе с теми, кому просто не повезло.

Скорее всего, Фей знал, что мне нельзя находиться так близко от ледников, в которых похоронено нечто смертельно опасное, и он попытался отгородить меня от этой опасности. Хотя бы обещанием. Обещанием, которое я сдержу, несмотря на то, что сам Фей уже мертв. Я не знала, что с ним случилось — Корт молчал и не поддержал беседу, когда я попыталась намеками выяснить, что и как. Но наверняка это была непростая смерть.

Вернувшись в камеру, я рассказала Корту о том, что слышала на заседании, и поделилась догадками. Он сжал губы, размышляя, потом кивнул.

— Уверен, Силенка была в курсе. Наверняка все эти раскопки или чем там они занимались, шли под контролем и при поддержке Ининджера. Я только надеюсь, задачей было установить правду и покончить с демоном навсегда, а не сохранить его в качестве экспоната для анатомического театра.

— Получается, мы и правда укрываем у себя этого демона, — повторила я уже в который раз.

— Вампиры не обрадуются, — сказал он. — Ладно, хватит пока разговоров. Слишком тут много ушей.

— Так ты попробуешь связаться с Феликом?

Корт кивнул, хотя на его лице я не увидела особого энтузиазма. Идея явно была ему не по душе.

— Нам не рекомендуется использовать мысленные каналы несовершеннолетних, — сказал он. — Могут возникнуть непредвиденные побочные эффекты. Он может лишиться разума, например. Но у нас нет выхода. Я попробую ночью.

Но ночью ему не удалось. Не удалось и на следующую ночь, и на следующую. Разум ребенка оставался глух к мысленным потокам ангела, и Корт нервничал все сильнее, понимая, что у нас остается все меньше времени. Я сходила с ума от волнения и мысли о том, что время за стенами тюрьмы может идти в десятки, сотни раз быстрее, что война, отголоски которой сюда даже не доносились, может, уже началась.

«Господина» же, война, похоже, не волновала. Он приходил ко мне каждый день, но только с одним вопросом — о способности. И каждый раз, слыша о том, что она не проявилась, рычал и уходил прочь. Я пыталась задать вопросы, но они оставались без ответа. Как и попытки Корта достучаться до разума двенадцатилетнего мальчика, ставшего вдруг нашей надеждой.

Единственное, что я поняла — даже если способность проявится, воспользоваться ею я не смогу. Я уже спланировала побег, но слова «господина», сказанные им однажды — просто как информация к размышлению — разубедили меня в собственной всесильности и избранности.

— Не пытайся воспользоваться способностью, когда она проявится. Позволь ей прийти и уйти, — он поэтически махнул рукой. — Как приливу. Иначе тебе будет очень больно, поверь мне. Во время сканирования мы кое-что ввели в твою кровь. Если ослушаешься моего совета — пожалеешь, и очень сильно.

Я скрипела зубами и молчала.

Ночами я молилась Инфи, просила его дать Терну знак, подсказать ему, что надо вернуться в Белый мир и сосредоточиться на Дайтерри. Я не допускала мысли о том, что Терн — мой Терн! — знал о том, что творится в мире деревьев. Умницу Силенку он не любил — когда я спросила Корта о метке на ней, он засмеялся и сказал, что эта девушка не помечена никем.

— Ты же знаешь, что вампир уничтожает ауры тех, кого любит, почему ты спрашиваешь? — увидев выражение моего лица, Корт растянул губы в ухмылке. — Тебе нужно было подтверждение, ясно. Женщины...

Я смутилась, но на душе стало легче. Пусть Терн не со мной, но он хотя бы не с другой.

Корт попытался связаться с Феликом и на четвертую ночь, но безуспешно. Я чувствовала напряжение в его теле, когда он укладывался со мной рядом — приступы лихорадки с каждым днем становились все чаще, и ему приходилось в буквальном смысле спать со мной, чтобы не пропустить начало. Спросив у него, сколько еще будет длиться лихорадка, я получила ответ, приведший меня в состояние, близкое к панике.

— Лихорадка будет мучить тебя до тех пор, пока ты не вернешься в Белый мир, — сказал он. — Это неизлечимо, Стил.

— А если не вернусь или... если нас разлучат?

Он пожал плечами — я почувствовала спиной движение.

— Не думай об этом. Ра'ш не дурак, он не захочет, чтобы ты умерла раньше, чем он получит от тебя желаемое.

Значит, «господина» зовут Ра'ш. Как же звали меня в воплощении, которое он называл своей дочерью? Хотя, нет. Мне даже не интересно.

— Ну, а после?

Это меня как раз-таки интересовало, но Корт предпочел закончить разговор.

— Не думай об этом, спи. А я попытаюсь связаться с Феликом.

Легко сказать. Легче, чем сделать. Гораздо легче.

ГЛАВА 38

Свет включился резко, и я подняла руку, заслоняя от него глаза. Судя по ощущениям, была ночь, а это значило, что происходит что-то необычное. Что-то нехорошее.

А потом раздался крик. Крик боли и муки, пронесшийся по коридору и эхом отразившийся от стен. Он вырвал меня и Корта из плена сна буквально за секунды. Кричало животное, возможно, волк или собака, но я со сна не сразу поняла, откуда здесь мог взяться кто-то из племени псов. Вой был дикий, собака или волк, судя по всему, отчаянно отбивалась. Пленники в клетках сразу же загомонили, и в считанные мгновения тюрьма наполнилась шумом до самого потолка.

Я повернула голову, поднимаясь со скамейки и разворачиваясь в сторону источника шума, который стал ближе и, соответственно, громче. В соседнюю клетку втаскивали какое-то окровавленное, скулящее и бьющееся животное. В клетке толпилось, по крайней мере, пятеро, и только четверо из них были птицелюдьми. Пятым было существо, похожее на человека и волка одновременно, и я не сразу поняла, что передо мной — притворщик, от боли и страха начавший трансформироваться в человеческую форму. Птицелюди били его прикладами и пинали. Волк вопил, крик животного смешивался с криком человека, испытывающего двойную боль — от трансформации и от ударов — и это было жутко.

Я закрыла руками уши и отвернулась, не в силах глядеть на происходящее. Глаза Корта, усевшегося рядом со мной, наоборот, не отрывались от того, что творилось по соседству.

— Корт, что происходит?.. — прошептала я, но он шикнул, и я замолчала.

Наконец, крики вервольфа утихли, и я поняла, что он лишился сознания. Охранники заперли дверь и, одарив меня и ангела недружелюбными взглядами, ушли. Постепенно и другие пленники затихли. Я бросила на скрючившееся на полу тело взгляд и снова отвернулась. Притворщик выглядел после избиения ужасно, хотя скорость регенерации у него была выше человеческой, а значит, раны на нем затянутся быстро. Но в клетки и раньше заселяли пленников. Людей, оборотней, других представителей гуманоидных видов приводили и уводили постоянно. Камеры пусты и наполнялись, но никому еще не устраивали такого показательного мордобоя — на всех обычно действовали узами.

Я поймала себя на мысли и поняла, что так и есть. Избиение было действительно устроено напоказ. Вот только кому и что пытались им внушить — самому оборотню или другим пленникам... или только мне и Карту? Все три версии имели право на существование.

Вервольф пришел в себя нескоро. Корт снова и снова пытался достучаться до Фелика, а я от безделья и ожидания развлекалась тем, что ходила по клетке туда-сюда. Я и слышала стон. Волк пришел в себя и пытался подняться на ноги. С третьей попытки ему это удалось — он оперся на стену и выпрямился во всей красоте обнаженного тела. К счастью, птицелюди бросили на пол кусок ткани. Им оборотень и обмотал бедра. Выглядел он обессиленным и несчастным. Волна сочувствия нахлынула на меня.

— Как ты? — спросила я тихо, сделав шаг к разделяющим нас прутьям.

Волк поднял голову, и в его взгляде промелькнула такая ненависть, что я помимо воли отшатнулась. Желтые глаза вспыхнули пламенем, он раздвинул губы и зарычал.

— Не подходи к решетке, — раздался за спиной голос Корта. — Отойди. Еще дальше.

Оборотень засмеялся хриплым смехом, в котором было поровну вызова и презрения.

— Это ты мне или этой демонокровке? — спросил он.

Приблизившись к решетке вплотную, оборотень уставился мне в глаза своими желтыми глазами. Я знала, что он не сможет до меня дотянуться, но на всякий случай отодвинулась к середине клетки. Просто на всякий случай, не из-за испуга, по крайней мере, себе я сказала так.

Волк прижался к решетке лицом и оскалился так, как это могут делать только оборотни — почти звериной мордой, обнажив нечеловечески длинные зубы и высунув влажный красный язык.

— Я чувствую запах твоего пота, — сказал он, не отводя от меня взгляда. — Я чувствую вонь, которая исходит от тебя — запах страха и скорой смерти. Конец уже близко, да, демонокровка? Даже твой пот уже пахнет демоном. Скоро, скоро, скоро.

Он засмеялся резким неприятным смехом.

— Что ты об этом знаешь, оборотень? — спросил за моей спиной Корт. — Откуда ты взялся?

Оттолкнувшись от решетки руками, волк отошел от нее, но взгляда не отвел. Глаза его пылали желтым пламенем.

— Откуда я взялся, ангел? А откуда взялись вы со своей демонской заразой? Мы жили здесь давно. Мы добывали здесь руду под началом Ра'ша и его предшественников уже около тысячи лет. Мы жили здесь дружной семьей, торгуя с вампирами и другими холоднокровными. Но потом Ра'ш создал таких, как она...

Он мотнул головой в мою сторону.

— Мы и не знали, что на планете есть целое стадо овец... а если бы узнали раньше, сделали бы с ними то же, что сделали с другими демонокровками. Сюда стала наведываться всякая галактическая шваль. Мы слышали крики наших братьев, ангел. Их натравливали друг на друга, заставляя драться до смерти под действием уз. А мы думали, что узы уничтожили, ангел. Мы верили вам и холоднокровным — ведь вы обещали, что волкам больше не придется страдать и мучиться, убивая друзей.

Он замолчал, грудь его ходила ходуном. Корт выглядел так, словно ему было нечего сказать.

— Ра'ш каждый день передавал цифры и данные. Процент зараженных клеток, количество минерала в крови. Данные о нем, прибытия которого ждут на планетке под названием Дайтерри. Мы поняли, что он снова служит демону, ангел. Кто-то из наших попытался подать сигнал на другие планеты. Их убили — всех, заставили броситься с городской стены, а трупы утром сожгли. Остался только я — из всей бригады инженеров по связи. Ра'ш обещал мне жизнь, если я буду передавать цифры, которые он мне приносит. Я служил ему, ангел, служил человеку, который убивал моих братьев. Я никогда этого себе не прощу.

— Что изменилось, волк? — спросил Корт, когда оборотень снова замолчал.

— Завтра сюда прилетает караван из соседней системы, — сказал оборотень. — Наверняка, завтра или послезавтра эта демонокровка созреет, и ее кровь будет развезена по другим системам. Она распространит демонскую заразу по нашему сектору Галактики. Моя

Фамария попадет в число пунктов назначения. Моя дочь или жена могут тоже стать демонокровками — и пойти сражаться на стороне демона, когда он поднимется из мертвых. Но они не станут.

— Она здесь не одна такая? — спросил Корт.

Оборотень зарычал.

— Четыре десятка на планете, ангел. Четыре сотни в системе. Около тысячи в нашем секторе.

Он так быстро оказался у решетки, что я вскрикнула от неожиданности.

— Ты мерзкая овца! — сказал он голосом, от которого волосы у меня на голове стали дыбом. — Из-за тебя умерли мои друзья. Из-за тебя люди будут умирать и убивать друг друга. Воняющая демоном...

— Так-так-так, — донесся до нас голос Ра'ша, и мы увидели, что он приближается к нам в окружении телохранителей: довольный, улыбающийся, в обтягивающих брюках и неизменной рубашке «смотрите-я-брутал». — Кажется, вы уже мило беседуете. А ведь я не разрешал вам говорить.

Он выглядел как наевшийся сливок кот, и это меня испугало, хотя я и постаралась не подать виду. Ра'ш приблизился и с самодовольной ухмылкой на лице приказал ангелу отойти от меня в свою часть камеры. Карту это не понравилось тоже, но не подчиниться он не мог, пришлось выполнить приказ.

— Ну, что, Стилгмар-Нина, — заговорил Ра'ш, сияя от удовлетворения. — Кажется, совсем скоро у меня будет то, что мне нужно. В твоей крови уже большой процент антител, а это значит, что способность вот-вот должна проявиться.

— Не понимаю, о чем ты, — сказала я, хотя внутри у меня стало холодно.

— Я о способности, — сказал он, намеренно сделав вид, что не уловил смысла моей реплики. — Буквально со дня на день она у тебя проявится, а это значит, что тебя и твоего ангелочка придется разлучить.

Оборотень зарычал, услышав эти слова.

— Она убьет себя во время приступа лихорадки, — подал голос Корт. — Ты этого хочешь добиться?

Ра'ш откинул голову и засмеялся, как будто услышал самую глупую вещь на свете. Птицелюди невозмутимо стояли рядом.

— Вы вернетесь в свои клетки, только и всего, — сказал он, резко оборвав смех. — Ее кровь нестабильна, и она может причинить тебе вред, если окажется рядом. Опустите решетку. Ангел, отойди на свою половину. Я сказал.

Тяжелая решетка поехала вниз. Я с отчаяньем в сердце смотрела на ангела. Он мне больше не нужен — значит, со мной уже все решено. От меня скоро избавятся, как от отработавшей свой срок детали плана. Меня уже незачем беречь.

Я повернулась к Ра'шу и с яростью посмотрела на него.

— Что ты сделал со мной? Что у меня в крови? Что тебе нужно от меня, проклятый псих!

Он пожал плечами.

— Твой новый сосед тебе все расскажет. Пусть рассказывает — тебе уже пора все это знать. А пока сосредоточься на способности. У твоей клетки теперь будут стоять техники. Нам нужно захватить самое начало, чтобы процесс пошел, как надо. Тогда твоя кровь принесет нам максимальную пользу. Жаль только... что ты не выживешь после того, как все

закончится. Но я готов пойти на эту жертву.

Снова слышались шаги. Ра'ш не просто так прохладился у двери — он кого-то ждал. Я увидела направляющихся к клетке птицелюдей в масках. Неужели за мной? Внутри все сжалось. Двое из них держали в руках нечто вроде складных носилок, во всяком случае, так это выглядело со стороны. Я прижалась к стене, словно это могло сделать меня незаметнее. Волк опустил на скамейку, но тоже провожал их взглядом, и на этот раз даже Корт казался обеспокоенным. Птицелюди прошли мимо моей двери, остановились у двери клетки ангела и распахнули ее, одновременно наведя на ангела оружие.

— Не сопротивляться. Я сказал, — с улыбкой на лице проговорил Ра'ш.

Ангел застыл на месте. Вся его фигура изображала усилие, с которым он пытается разорвать пути ментальных уз. Конечно же, ему это не удалось.

— В чем... — но он не успел договорить.

Выстрелом ему в грудь всадили дротик. Я закричала, бросилась к разделяющей нас решетке, но было уже поздно. Корт несколько мгновений смотрел на свою грудь, потом медленно осел на пол. Птицелюди вошли внутрь, раскрыли на полу складные носилки и аккуратно, но без нежностей погрузили ангела на них.

— Куда вы его уносите? — спросила я. — Оставьте его в покое!

— Ангелу тоже предстоит сыграть в происходящем свою роль, — усмехнулся Ра'ш. — Не бойся, я верну тебе любимого.

Корта выволокли из клетки. Двухметровый ангел был тяжел, я видела, что птицелюдям стоит усилий тащить его. Я приблизилась к решетке и проводила его взглядом, чувствуя, как буквально разрывается от волнения и тревоги мое сердце. Куда они его несут? Что с ним будет?

Отсалютовав мне, Ра'ш вместе с птицелюдью удалился. Шаги затихли вдали. Я вернулась на скамейку и упала на нее. Сердце колотилось. В голове всплывали виденные мною во сне с Феем серые перья и сломанные крылья. Господи, Инфи, Боже мой, только не делайте с ним ничего плохого. Только не делайте.

— Скорее бы ты сдохла, демонокровка, — донеслись до меня слова волка.

Я повернула голову и встретилась взглядом с его злыми глазами. Он оскалился, но не отвернулся, продолжая сверлить меня взглядом.

Я предпочла промолчать.

Все время, пока Корта не было рядом со мной, оборотень выдавал подобные реплики. Я сходила с ума от беспокойства и за судьбу ангела, и за свою — ведь если начнется приступ, мне некому будет помочь. К счастью, почти сразу после ухода Ра'ша с меня слетели оковы — видимо, замки были автоматические или магнитные. Цепи втянулись к кольцу на стену, и я впервые за долгое время смогла спокойно обойти всю камеру.

Оборотень реагировал на каждое мое движение рычанием. Он прямо на глазах излечивался от ран и прямо на глазах становился все злее и злее. Расхаживая по клетке, я однажды неосмотрительно приблизилась решетке — и едва успела отскочить, когда человеческая рука, за мгновение обросшая шерстью и обретшая когти, ударила по воздуху в опасной близости от моего плеча. Я взвизгнула, оборотень удовлетворенно заворчал. С тех пор я стала осторожнее.

Ангела принесли где-то через час по моим земным предположениям, но этот час показался мне вечностью. Корт был почти без сознания, только слабо ворочался на носилках и застонал, когда его без особых церемоний положили на пол. Я подбежала к решетке,

разделяющей наши клетки, и приникла к прутьям лицом. Инфи, он выглядел ужасно. Окровавленные перья, окровавленное лицо. К счастью, и ангелы быстро восстанавливаются, если им не сломать крылья. Птицелюди, вошедшие в клетку вместе с носилками, знаками приказали мне отойти от решетки. Как бы ни так. Я сделала всего лишь маленький шаг назад, не отрывая взгляда от Корта, и даже когда один из них подошел к прутьям и попытался отогнать меня рукой, не отошла. Если Корт в ближайшее время не придет в себя, мне конец. Я просто разнесу здесь все к такой-то матери и покалечусь сама.

Но птицелюди сначала убедились, что с ангелом все нормально. Один пнул его в бок, пока остальные возились с цепью. Корт резко всхлипнул от боли, его всхлип повторила, отвернувшись, я. Но он зашевелился и открыл глаза, и я помимо воли испытала облегчение. Он жив, и он в сознании. Он поможет мне.

Быстро закончив с цепью, птицелюди покинули клетку и, заперев ее, ушли. Я подошла к решетке, опустилась на колени и посмотрела Карту в глаза.

— Как ты? Что они делали с тобой?

Мой голос дрогнул.

— Не волнуйся за меня, — выговорил он. — Они хотели, чтобы я воскресил убитых оборотней. Я не смог. Вот результат.

Резкий голос волка заставил меня вздрогнуть.

— Ты лжешь, ангел! Всех оборотней сожгли! Тел не осталось, нечего был воскрешать!

Корт никак не отреагировал на это.

— На космодроме был бунт. Рабочие должны были обслуживать завтрашние рейсы, но узнали о том, что случилось вчера с теми, кто попытался отправить предупреждающий сигнал. Они отказались. Солдаты Ра'ша перебили восставших.

Он закрыл глаза, и я не сразу поняла, что Корт лишился сознания.

— Корт. Корт!

— Твоему ангелу неплохо досталось, да, демонокровка? — заметил из своей клетки оборотень.

Во мне вскипела дикая злость, но я усилием воли заставила себя остаться на месте.

— Ты тупое животное, — сказала я. — Как видно, на этой помойке работают те, у кого для приличной работы не хватило мозгов.

Корт вдруг открыл глаза, и я замолчала. Они светились синим, как светились глаза Фея в моем сне, ярко и пронзительно, освещая камеру. Рука его заскребла по полу, как будто что-то нащупывая. Я протянула руку, и наши пальцы переплелись, как будто моя рука и была тем, что ему нужно. Он сжал мою ладонь — крепко, до боли, и перед моими глазами вспыхнул свет — синий, ослепляющий, резкий.

Зажмурившись, я услышала голос, зовущий меня по имени. Он доносился как будто издалека, и потому я не сразу его узнала — голос Фелика, снова и снова повторяющий одно и то же.

— Одн-на, Одн-на, Одн-на...

В ушах зазвенело, перед глазами сгустилась тьма. Осторожно разомкнув веки, я увидела, что мы все так же и сидим на полу в клетке, но только рядом: я, Корт и Фелик, глядящий на меня с неверием и ужасом в глазах. Вокруг была пустота, и наша клетка висела в этой пустоте, как лампочка посреди темной комнаты. Я осторожно отпустила руку Корта, одновременно продолжая ощущать, что в реальности все еще держу ее, и повернулась к Фелику и улыбнулась ему.

— Где я? — спросил он, оглядываясь вокруг. — Что происходит? Одн-на, это на самом деле ты?

— Это она, — сказал Корт. — А я — ангел Кортвандайре Андайре Айре. У меня к тебе поручение, Фелик, брат Терна.

— Мы в плену, Фелик, — сказала я. — Ты можешь помочь нам.

Я же поняла, что происходит, и поняла, где оказалась. Это была тюрьма, но другая ее реальность, в которой Корт нашел наконец способ связаться с Феликом и рассказать ему о том, что творится.

— Ты почти умерла, Одн-на, — сказал Фелик. — Твое тело забрал Трайн... ты знаешь его?

— Знаю, — сказала я, бросив на ангела предупреждающий взгляд. — Разве он вернулся из Белого мира?

Образ Фелика затуманился.

— Вернулся. Он пришел с волками. Он забрал тебя, потому что в деревне небезопасно. За тобой охотятся. Волки знают о том, что демон вернулся, Одн-на, и они будут пытаться тебя защитить. Но они чуть не убили тебя сначала.

Я протянула руку, чтобы коснуться его волос, и он дернулся — совсем как в реальности. Я улыбнулась — он так был похож на Терна.

— Так что мне передать Терну?

— Передай ему, что мы в системе Фамарии IV, — сказал Корт. — Передай ему, что планета Дайтерри — это место где скрывается демон. Передай ему, что через день или два Одн-на умрет, и что она «овца» — что ее использовали для опытов, наверняка, еще до рождения.

— Трайн — доктор, — перебила я. — Пусть он посмотрит мою кровь. Скажи ему, что что-то не так с моей кровью.

Фелик кивнул.

— Мне кажется, — начал он, и исчез.

Пол камеры дрогнул.

— Я постараюсь еще раз, — сказал Корт. — А теперь отпусти меня.

Я посмотрела на свои руки, лежащие на коленях.

— Отпусти меня, — повторил ангел. — Стил, отпусти.

Пол снова дрогнул, а потом меня от ангела отшвырнула какая-то сила, и я оказалась по ту сторону решетки, прижимая руку к груди. На коже остался след пальцев — четыре красных пятна, тут же вспухшие волдырями. Боль была как от настоящего ожога. Обернувшийся волком вервольф в соседней клетке дико выл, глаза ангела, без сознания упавшего на пол, уже не светились.

Раздался быстрый топот шагов. Птицелюди не стали церемониться: они вломились в клетку к оборотню и снова избили его до потери сознания. Волк не был виноват. Скорее всего, превращение стало реакцией на то, что происходило между мной и Кортом, скорее всего, оборотень почувствовал присутствие в клетке кого-то третьего, и это спровоцировало трансформацию.

Но я не могла сказать им, что волк тут не причем. Они бы тогда поняли, догадались, а этого нельзя было допустить, никак нельзя. Я отвернулась, заткнула уши пальцами и постаралась не прислушиваться к нечеловеческим воплям в соседней клетке.

Прости, прости, прости нас, волк. Но ведь это не только ты и я, это целый мир, пойми

же ты, это целый мир.

Когда оборотень замолчал, потеряв сознание, я провела руками по лицу и поняла, что плачу. Несмотря на то, что он наверняка загрыз бы меня, если бы оказался в зоне досягаемости, несмотря на слова о демонокровке и «овцах» — я наконец-то поняла, что значит это слово, мне было его жаль. Очень жаль.

Он лежал на полу клетки, свернувшись в клубок, и трансформация медленно превращала его тело в человеческое. Я приблизилась и, закусив губу, посмотрела на него.

Они используют меня, как источник демонской заразы. Для создания людей, которые будут подчиняться узам до конца, которые выстрелят в любимого, в родного, в близкого. И первыми на себе действие этой заразы испытают оборотни и их близкие, любимые, родные.

Я ощутила себя беспомощной куклой в руках кукловода.

В романах про попаданок они спасают миры, с легкостью выходят из трудных ситуаций и походя расправляются со злодеями. Но я не была героиней романа. Я не могла сломать железные прутья клетки и вырваться на свободу, я не могла даже огрызнуться в ответ на реплику волка об «овцах» с демонической кровью. Единственное, что я могла — позвать на помощь.

Реальность совсем не то, что книжки.

Сколько же еще таких, как я и таких, как он, оказалось здесь? Если верить оборотню, четыре десятка «овец» — людей, которых вырастили только для того, чтобы «забить», когда придет время, ждали сейчас своего часа по всей планете. И еще, по крайней мере одна «овца» живет на моей планете — если верить словам Ера, который почувствовал мою кровь и едва не убил меня.

Лучше бы он меня убил. Теперь, когда я знала то, что знала, я поняла, что недооценивала оборотней. Несомненно, они были в курсе происходящего. Но почему Ер не расправился с «овцой», которая так бестолково бляела, таща его за собой по снежной пустыне? Может, он чувствовал во мне то, чего не чувствовал волк в соседней клетке? Может, он увидел то, что увидел во мне Трайн? Может, в том моем воплощении я не представляю угрозы для людей, а могу... оказаться полезной?

Может, мне правда и в самом деле стоит здесь умереть. Или вернуться в Белый мир, в котором все будет хорошо.

Я сжала зубы и отошла к решетке, разделяющей меня и ангела.

Корт, ну приди же в себя, ну поговори же со мной. Ну, скажи же мне, что мне делать и как быть.

Я опустила на колени у решетки и попыталась дотянуться до его руки. Но у меня не вышло. Видимо, после того, как в видении нас разъединило, мы разъединились и тут.

— Корт, — позвала я. — Корт.

Мне нужно вернуться в Белый мир.

— Корт, пожалуйста. Мне нужна помощь.

Я хочу вернуться в Белый мир.

В голове застучали молоточки, все вокруг завертелось в хороводе звуков и образов, приходящих и уходящих по мановению невидимой руки.

— Корт. Корт, вернись ко мне. Вернись ко мне, Терн, вернись, Терн, вернись...

Я упала возле решетки, протягивая к ангелу руки. И вот его пальцы слабо дрогнули и коснулись меня, и лихорадка тут же прошла, забылась, стерлась из памяти, и только одно имя осталось на языке, и я тут же шепотом его повторила.

Терн.

— Тебе нельзя возвращать Терна, — сказал Корт, глядя прямо на меня своими синими глазами. — Он не твоя судьба. В нем твоя смерть.

Он сжал мою руку.

— Пообещай мне...

Но я отпрянула от него, как от огня.

— Нет, даже не проси.

— Пообещай мне никогда не пытаться его вернуть.

— Корт, пожалуйста! — взмолилась я.

— Пообещай мне, что не будешь искать в других мирах вампира, который может убить тебя своей любовью.

Но я не могла этого сделать. Я отвернулась от его взгляда, ушла от его прикосновения, легла на свою скамейку и не поднялась даже тогда, когда обещанные Ра'шем техники пришли и встали безмолвными часовыми у моей двери.

ГЛАВА 39

Моя сказка и моя жизнь медленно двигались к концу. Уже вечером, в лаборатории, на очередном отборе проб техники заволновались и побежали за начальством. Высокая зеленоглазая птицеженщина, та, что давала мне наркоз во время сканирования, с неудовольствием взяла в свои тонкие пальцы пробирку с моей кровью и посмотрела на свет. То, что она там увидела, ей не понравилось. Вызвали Ра'ша.

Меня отвели в примыкающую к лаборатории комнату, маленькую каморку, в которой в застекленных шкафах стояли разные сосуды. Баночки, пробирки в стаканах, мензурки, колбы, крохотные пузырьки, напомнившие мне о Ли-ре и ее снадобьях.

Если не думать о том, что я на другой планете, а вокруг меня, по-хорошему, нет ни одного человека, можно было представить себе, что я дома, жду результатов анализов в какой-нибудь поликлинике. Съездившись на стуле, я закрыла глаза и попробовала воскресить в памяти родные лица. Мама, Вовка, мама, Ли-ра, Терн, Фелик... Казалось, с момента моей встречи с Аргентой прошла целая вечность. Белый мир, с самого начала создавший впечатление одного из трех китов, на которых держится весь обитаемый мир, превратился в колосса на глиняных ногах, и вот-вот был готов рухнуть. Ангелы, демоны, волки — существа из знакомых мне по земному детству сказок вдруг обрели кровь и плоть и превратились в тех, кто меня любит, ненавидит или жалеет.

Да и я теперь уже другая.

Услышав донесшийся из лаборатории шум, я открыла глаза и выпрямилась. Ра'ш был не просто зол, он бушевал так, что, казалось, вот-вот разнесет на части всю лабораторию с персоналом вместе. Он буквально ворвался в комнатку, где я сидела, схватил меня за руку, сдернул со стула и потащил прочь.

Правда, далеко не утащил — усадил тут же на кушетку, где еще совсем недавно я лежала во время забора крови, обхватил за плечи, и, глядя злыми глазами мне в глаза, заговорил.

— Скажи-ка мне, милая, что с тобой творится?

Я попыталась вырваться, но не получилось.

— Сегодня уровень антител должен был стать выше. Что пошло не так? Что твой ангелочек с тобой сделал?

— Да не знаю я! — огрызнулась я, теряя терпение. — Отпусти меня! Мне больно!

— Тебе станет еще больнее сегодня, когда прилетят заказчики! — прошипел он почти

мне в ухо, потом резко оттолкнул, отчего я едва не потеряла равновесие, и отошел прочь, заложив руки за спину.

— Сегодня должна прилететь большая группа покупателей крови из разных миров, — сказал Ра'ш, глядя сквозь меня. — И я хочу, чтобы ты вела себя хорошо. Как и подобает моей дочери.

Злость его подстегнула мою, и я вздернула голову.

— Твоей дочери, Ра'ш? Это после того, как ты со мной обращаешься? Не надейся.

— Если не станешь — твой ангел пожалеет о том, что родился крылатым, — сказал он жестко.

Я сжала кулаки. Он посмеет. Он сделает это, несмотря даже на то, что смерть Корта лишит его солдат возможности обрести вторую жизнь.

Эмоции, видимо, отразились на моем лице — Ра'ш усмехнулся, протянул руку и попытался взять меня за подбородок. Я демонстративно скорчила презрительную гримасу и отшатнулась. Он отдернул руку, но, похоже, моя реакция его не задела.

— Так мы договорились. Ты ведешь себя тихо и мирно, не зовешь на помощь и не делаешь глупостей.

— Ты мерзкий... — я замолчала, подбирая слова, но он не стал дожидаться и, подав техникам знак, ушел.

Птицеженщина с зелеными глазами подошла ко мне с пробиркой. На лице ее, похожем и одновременно непохожем на лицо человека, была написана нерешительность. Я вопросительно посмотрела на нее.

— Господин сказал, нужно взять еще одну пробу.

Сжав зубы, я улеглась на кушетку и вытянула руку.

Уже после возвращения, когда погасили огни и единственным пятном света — а точнее, двумя — в крошечной тьме, поглотившей тюрьму, стали желтые глаза оборотня, я рассказала ангелу о завтрашнем визите «заказчиков». Техники стояли у двери, переговариваясь на клекочущем языке, которого клещ-переводчик не знал.

— Если Ра'ш позвал покупателей, значит, он уверен в собственном успехе, — сказал он задумчиво, перебирая мои волосы рукой. — Это не вселяет надежды, Стил.

После того, как нас с Кортом снова разделили, спать нам приходилось на полу у решетки, чтобы не упустить момента, когда на меня нахлынет очередной приступ. А это теперь происходило очень часто. Я ложилась спиной к решетке на одно крыло ангела, а он обнимал меня и прижимал к себе, накрывая вторым. Температура тела Корта была выше моей, и он не мерз, в отличие от меня, на холодном каменном полу.

Что бы ни воображал себе Ра'ш, ни я, ни ангел не собирались завязывать романтические отношения. Терн влюбился в меня, потому что не знал, что он — вампир, а я человек. Что касается Корта, то для ангела полюбить смертную было подобно тому, как если бы взрослый человек влюбился в ребенка. У нас был слишком разный уровень развития, мы стояли даже не на смежных ступеньках эволюционной лестницы. Он был старым, слишком старым для меня. Эволюция его вида насчитывала миллиард лет. Мы, люди, для ангелов были детьми, неразумными, любимыми и оберегаемыми, но все же детьми. То, что Корт вел со мной серьезные разговоры на равных, только подтверждало это. Он слушал и слышал меня, он считался с моим мнением и полагался на мои суждения, но он знал намного больше и видел намного дальше.

— Торговля оружием имела место в каждую из известных войн, — продолжил Корт

совсем тихо, чтобы не слышал мечущийся по соседней клетке оборотень. — Так вышло, что Ра'ш неплохо устроился — в этом секторе галактики проходят торговые пути и холоднокровных, и теплокровных. Союзники могут летать туда-сюда, не вызывая подозрений.

— А что с персоналом? — прошептала я. — Ведь ты же сказал, на обслуживание такого количества кораблей у них его нет.

— Я на это и надеюсь, — сказал Корт. — Если Ра'ш привлечет часть тюремной охраны на космодром...

— Мы все равно не сможем сбежать, — сказала я, хотя сердце забилося.

— Я не говорю о нас, — сказал ангел, но на мои вопросы отвечать не стал, сославшись на то, что вокруг слишком много тех, кто слышит лучше нас обоих.

На рассвете, когда меня привели из лаборатории после очередной экзекуции, я обнаружила, что Корта на месте нет.

Я поняла, что Ра'ш снова попытается заставить ангела воскресить погибших, и поняла, что, скорее всего, сегодня, в день, когда ему надо будет очень постараться, чтобы не ударить в грязь лицом, методы убеждения будут менее гуманными.

Я шагала по клетке туда-сюда, совсем как ночью оборотень, периодически подходя к двери и пытаясь разглядеть, не покажется ли вот-вот в дальнем конце коридора уже знакомая мне группа с носилками. Техники стояли тут же, только это уже, кажется, были другие, не те, что ночью. Интересно, слышали ли птицелюди наш с Кортом разговор? Надеюсь, нет. Иначе и у меня, и у него могут появиться проблемы.

Корта притащили совсем скоро. На этот раз он был избит сильнее, но находился в сознании, и даже попытался подарить мне улыбку, когда я подбежала к прутьям, разделяющим наши клетки. Выглядел ангел ужасно, и, когда техники опрокинули носилки, а на пол вместе с телом ангела упала еще целая куча перьев, я прижала руку ко рту, чтобы удержаться от восклицания.

Фей, Фей, Фей, билось в голове. Если Ра'шу ничего не стоило убить одного ангела, что остановит его от убийства второго? Между жизнью и смертью Корта стояла только я, а точнее, моя лихорадка возвращения, но что будет, когда способность проявится? Ответ, по крайней мере, для меня, был очевиден.

— Покупатели уже прилетели, Стил, — сказал он мне, все еще лежа на полу, и техники сразу же закудахтали, приказывая нам обоим замолчать.

— А ты войди в клетку и заставь, — устало огрызнулся Корт, и только мои мольбы заставили его подчиниться.

Ангел уснул — для того, чтобы восстановиться, на этот раз ему потребуются почти все силы. Я же отошла к скамейке, чтобы заняться завтраком, который обычно доставляли, пока я отсутствовала. Несмотря на волнение и беспокойные мысли, есть все равно хотелось. Кусок чего-то, напоминающего на вид и на вкус плесень, какие-то посыпанные пудрой сладости. Я поела и выкинула бумажную тарелку в коридор, где ее тут же подобрал техник.

— Хорошо же тебя кормят, демонокровка, — раздалось справа рычание волка, и, повернув голову, я увидела, что он в своей человеческой форме стоит посреди клетки, глядя на меня.

— Тебя хуже? — спросила я.

— Спроси, когда меня кормили в последний раз, — сказал он, оскалившись, — узнаешь много интересного.

— С чего ты решил, что для меня это интересно? — спросила я, возвращаясь к скамейке.

— Тебя откармливают на убой, — продолжал волк и демонстративно облизнулся. — Будешь хорошо есть, будет много крови. Хорошая овечка, хорошая.

Странно, а вот волку разговаривать техники почему-то не запрещали.

— Отстань, — посоветовала я.

— А то что? Начнешь блеять? — он захохотал резким хриплым смехом. — Не бойся, овечка, не бойся. Тебя убьют быстро. И совсем скоро. Скоро, скоро, скоро.

— Заткнись, — сказала я, чувствуя, как от интонации и слов оборотня по спине дружным строем замаршировали большие мурашки.

— Скоро, скоро, скоро, — замурлыкал оборотень себе под нос.

— Да заткнись же! — закричала я.

Техники начали было что-то говорить, но тут послышались шаги — цокот железных набоек по каменному полу, и они выпрямились, встав у двери по стойке «смирно».

Я сжала руки на коленях. Бормотание волка утихло, по мере того, как этот стройный цокот приближался, я видела, что он начинает нервничать — не меньше меня, если судить по тому, как заметался он по клетке. Но нервничал не только он. Гомон пленников в других клетках тоже усилился, я слышала крики удивления и резкие голоса птицелюдей, приказывающих замолчать.

Ать-два, ать-два. Казалось, по коридору марширует рота солдат. Ать-два, ать-два, все ближе и ближе, и ближе.

Я подобралась. Не найдя в себе смелости подойти к дверям и выглянуть в коридор, я обхватила руками колени и скорчилась на скамейке, умоляюще глядя на спящего Корта.

Проснись, пожалуйста. Мне очень нужно, чтобы ты открыл глаза и был рядом со мной, когда случится то, что должно случиться.

И вот процессия показалась в зоне видимости. Впереди шли птицелюди с оружием, между ними — Ра'ш и несколько закутанных в плащи с капюшонами существ — замыкали шествие снова птицелюди. Они все остановились у моей клетки. Один, три, восемь человек застыли у двери, повернувшись ко мне лицом, их взгляды сверлили меня, их оружие уставилось мне в лоб.

— Как вы видите, — начал Ра'ш, — наш донор принадлежит к теплокровным. Это облегчило процедуру, ведь кровь демона тоже теплая. Пересадка костного мозга в этом случае была произведено тоже внутриутробно, во все воплощения, начиная с этого и заканчивая истинным. Клетки крови этого вида живут двадцать дней, клетки крови демона — около двадцати пяти стандартных лет. Теперь, когда они начали разрушаться, минерал, который все это время содержался в них, поступает в кровоток, формируя защитную базу.

Последовало молчание, во время которого я пыталась сообразить, что значит эта мешанина терминов и определений. Пока я поняла только одно — еще до моего рождения мне что-то пересадили. Что-то демоническое — именно поэтому оборотень и называл меня демонокровкой. Но какое отношение к крови демона имеет минерал? И зачем он нужен, если демоны собираются создать солдат, которые беспрекословно подчиняются узам?

— Все это время организм донора подстраивался под наличие в нем чужеродного вещества, — сказал Ра'ш. — И теперь он способен дать ответ на воздействие минерала, но не сбросив с себя узы, а усилив их действие.

— Безумно интересно, — раздался из-под плаща голос одного из покупателей. — Вы

пытаетесь убедить нас, что если донор имеет искусственно созданную аллергию на минерал, она возникнет и у других?

— Она не одна такая, — сказал Ра'ш. — В течение дня мы проедем по другим базам, вы сверите результаты анализов крови и убедитесь сами. Кровь демона — это не кровь теплокровного существа.

— Условно-теплокровные не могут являться донорами для теплокровных, — раздался все тот же голос. — Вы забываете о термотрансфузионном шоке. При переливании крови демона человеку и наоборот возникает реакция, и организм просто погибает. Ра'ш, я думал, вы предлагаете панацею, а тут эксперимент.

— Она — человек! — воскликнул Ра'ш, патетически взмахнув в мою сторону рукой. — И в ее организме течет кровь демона. Совершенно спокойно течет уже двадцать пять стандартных лет. А поскольку кровь демона не имеет групп, мы сможем спокойно перелить ее любому живому теплокровному существу!

Последовала пауза.

— Сколько крови вы позволите нам забрать у нее? — услышала я вкрадчивый голос другого покупателя.

Ра'ш посмотрел на меня.

— Все. Этот и еще три с лишним десятка доноров в вашем распоряжении. Завтра я позволю вам провести ваши тесты — чтобы вы убедились в моих словах. А потом поговорим о цене.

Он не сводил с меня взгляда, в котором ясно читалось предупреждение: «Молчи. Не болтай, если не хочешь проблем». И я молчала. Покупатели подошли к решетке, пытаясь разглядеть меня поближе. Я не сдвинулась с места, даже когда Ра'ш приказал мне подойти — и он тут же поспешно объяснил им, что у меня лихорадка возвращения, и потому узы на меня не действуют. К моему удивлению, эти слова вызвали смех у одного из покупателей — третьей фигуры в плаще, которая доселе молчала и не задавала вопросов.

— Лихорадка возвращения? Как знакомо, — сказал, отсмеявшись, покупатель.

Я открыла рот и схватилась за сердце, когда узнала эти интонации и этот голос. С большим трудом под взглядом Ра'ша, который не сулил ничего хорошего, я сделала вид, что все в порядке, отвернулась и принялась разглядывать ногти.

Но сердце в груди колотилось, ибо я узнала того, кто скрывался под капюшоном от моего взгляда.

Потому что передом мной стоял не кто иной, как мой учитель, Патрон, человек, втянувший меня в авантюру с мирами.

Аргента.

Он разговаривал на другом языке, казался ниже и был в этом мире более широкоплеч, но это определенно был он, это были его интонации и его манера произносить слова — слегка растягивая, как будто чуть заметно насмехаясь над собеседником. Таким голосом он говорил «Ты замечательно смотришься в сером, Стил» после бала инициации во дворце Владыки, таким голосом объявлял мне, что пока не намерен меня убивать, таким голосом сказал мне в тот день в саду, что добьется моей ссылки в какой-нибудь необитаемый мир, лет на двадцать, чтобы я усвоила урок.

Сердце в груди заколотилось. Неужели он пришел, чтобы спасти меня?

Но даже Одн-на, которая Аргенту совсем не знала, не поверила этим мыслям. Насколько я могла судить, Ра'ш был очень и очень осмотрителен. Он бы не позволил чужаку

вот так запросто стать одним из покупателей довольно специфического, если не сказать больше, товара. Но вдруг. Вдруг.

Я старалась не поднимать глаз и жадно прислушивалась к разговору, который тихо вели между собой покупатель и Ра'ш, но Аргента больше не подавал голоса. Когда они ушли, я даже начала сомневаться в том, что слышала. Может, я ошиблась и выдала желаемое за действительное. Может, я уже настолько отчаялась и хочу видеть кого угодно, даже Аргенту — пусть только хоть что-то даст мне надежду на спасение.

Через некоторое время снова послышались шаги, и Ра'ш вернулся к моей клетке с другой партией покупателей. Всего за полдня их прошло четыре — одиннадцать созданий, некоторых из которых язык бы не повернулся назвать людьми, пожелали отдать за меня просто несусветную кучу денег. Ра'ш вел себя как восточный купец, расхваливающий выставленную на торги рабыню, и к концу этих смотрин я едва сдерживала себя. К тому же, часть покупателей заинтересовалась не только мной. Один из мужчин с хоботом вместо носа буквально застыл возле клетки ангела. Он разглядывал его так долго и так пристально, что занервничал даже Ра'ш.

Как только ушла последняя группа, принесли обед. Но бутерброды с жиром местных животных и сладкий до приторности компот не лезли мне в горло под насмешливым взглядом оборотня. Все всплывали в памяти его слова о том, что меня откармливают. Я отдала бутерброды Корту, который после самоизлечения был еще очень слаб и едва держался на ногах.

— Еще пара дней, и я начну сдавать, — сказал он мне, уплетая бутерброд за бутербродом. Ему на обед дали какую-то кашу с овощами. — Так что если у тебя есть какой-нибудь козырь в рукаве, Стил, самое время.

Конечно, он намекал на мою способность. Но намекал не серьезно, а, скорее, как на самую последнюю соломинку, которая могла бы... а может, и не могла бы помочь.

Но способности все не было. Я ждала ее и одновременно боялась. Нервничала, снова и снова ловя на себе взгляд оборотня, который, заметив, что я на него смотрю, каждый раз оскаливался и начинал облизывать губы словно в предвкушении. Меня от его взгляда передергивало.

Техников стало вдвое больше, теперь их у моей клетки стояло четверо. О том, чтобы попытаться снова поговорить с Феликом, не было и речи, и нам оставалось только надеяться. Надеяться и ждать.

На следующий день, как и было обещано, меня повели в лабораторию. Каждый из покупателей, изъявивших желание купить именно меня, должен был прибыть со своими специалистами для независимого тестирования. На меня нацепили наручники. Тюремный лазарет, в котором и располагалась лаборатория, находился в другом конце тюремного здания, а провести мне там предстояло полдня, так что Корта, обвязав цепями и сковав волю узами, тоже повели со мной. Оборотень провожал нас тяжелым взглядом.

В лазарете было много народу, больше, чем обычно, когда меня приводили для отбора крови для пробы. Я увидела в коридоре первого покупателя. Он так и был в капюшоне, так что я не могла увидеть лица, вокруг него стояла его команда медиков. Они выглядели совсем как люди в своих красных пижамах и масках, закрывающих нижнюю половину лиц. Сердце мое заколотилось, когда я подумала о том, что это может быть команды Аргенты. Охранники подтолкнули меня ко входу, и я прошла мимо.

В процедурной меня, как обычно, уложили на кушетку, только безмолвный и

безвольный ангел на этот раз тоже был здесь, усевшись на поставленный в углу комнаты стул. Появилась молчаливая команда покупателя. Зеленоглазая птицеженщина принялась объяснять им, что где находится. Ко мне подошла другая женщина, ее глаза напомнили мне цветом желток свежего куриного яйца. Игла вошла мне в вену, в пробирку под давлением брызнула кровь. Чужеземцы подошли ближе, заглядывая через плечо женщине, проводящей процедуру. Все было кончено через несколько мгновений. Соблюдая меры предосторожности, мою кровь завернули в ткань и вынесли прочь. Жгут с руки сняли, и я уселась на кушетке, потирая руку. Ангел смотрел на меня, в его взгляде читалось сочувствие.

Экзекуция повторилась снова, когда пришла вторая команда. Люди с хоботами оживленно засопели, увидев, как в пробирку хлынула темно-красная струя крови. Зеленоглазая птицеженщина с помощью переводчика объяснила им суть процедуры и снова напомнила о мерах предосторожности при работе с жидкостями моего тела. Усевшись на кушетке и снова потирая руку, я прислушалась к разговору.

— Так ангел здесь обеспечивает безопасность? — спросил на своем языке один слоночеловек другого слоночеловека. — Не понимаю, как этой обезьяне удалось захватить в плен живого ангела.

— Не наше это дело, — ответил тот. — Ты видел температурные кривые? Температура тела донора выше нормы всего на две десятых градуса. Думаешь, нас не обманывают, и в ее крови действительно живут клетки крови демона?

— Узнаем на «Йёргруре», — сказал первый, и я поняла, что так называется их корабль. — Пойдем отсюда, в этом воздухе так мало кислорода.

Я почти не удивилась, когда в третьей команде увидела людей. Блондинка средних лет была у них главной, и она едва не вырвала пробирку из рук птицеженщины, когда та закончила. Улыбнувшись вошедшему в лабораторию Ра'шу, она показала ему пробирку и спрятала в карман.

— Ну, что, господин, вы подумали над предложением моего мужа? — спросила она. — На двадцать процентов больше, и мы улетаем сегодня.

Я сжалась на кушетке, не отрывая от ангела взгляда, в котором наверняка читалась паника.

— Девушка живой отсюда не улетит, госпожа, — церемонно поклонившись, ответил Ра'ш. — Она слишком много знает... а я хочу сохранить секреты этой планеты в ее же пределах.

Блондинка, казалось, предполагала такой ответ. Она взмахнула ресницами и грациозно прошла мимо — в коридор, где ее ждали. Я услышала ее слова, обращенные к своему боссу, и его ответ. Я вцепилась в гладкую поверхность кушетки так, что погнула ногти. Она разговаривала с Аргентой. Третьим покупателем был именно он, и именно он хотел забрать меня отсюда живой.

Зеленоглазая птицеженщина проверила состояние моей трижды проколотой за день вены. Судя по ее лицу, все было нормально. Я сползла с кушетки на пол, встала на ноги и поскользнулась на покрытии пола. Вся лаборатория разом кинулась мне на помощь, меня подхватило сразу несколько пар рук, испуганные крики, казалось, разнеслись по всему зданию. Похоже, Ра'ш хорошо объяснил своим людям воздействие на других моей крови. Меня уложили обратно на кушетку, пристегнули наручниками и почти на руках донесли до клетки.

Я могла поклясться, что видела на лице молча шедшего за нами Корта раздумья, но не

понимала, над чем он так напряженно думает, и мне это не нравилось.

Вечером Ра'ш сообщил мне, что меня купили. Проба крови показала, что тот самый процент антител, о котором он так пекся, все-таки увеличивается, медленно, но непреклонно двигаясь к отметке, за которой должна была проявиться моя способность. Оставалось только дожидаться ее, и меня можно отдавать покупателям.

— Покупателям?

Он хмыкнул.

— Да, Нина. Покупателям. Мне предложили настолько хорошую цену, что я продал половину твоей крови одному, а половину — другому.

— Правильно, овечью тушу можно и разделать, — подал голос оборотень, внимательно прислушивавшийся к разговору.

И на этот раз Ра'ш его не оборвал.

Ночью, когда Корт заснул, щекоча горячим дыханием мой затылок, я не выдержала и расплакалась. Стараясь дышать ровно, чтобы он не заметил, если проснется, всхлипов, я оплакала свою жизнь, от начала и до конца, не имевшую, как оказалось, никакого смысла, никакой цели, и посвященную только одному моменту — моменту, который вот-вот настанет. Мой собственный отец растил меня для того, чтобы продать меня, даже не целиком, а по частям, другим людям. Ли-ра охраняла меня, как могла, но даже она не сумела спасти свою названную дочь от ее судьбы. Я была почти уверена, что убил Ли-ру один из вампиров, служивших Ра'шу. Она не сказала ему, где я, но он будет искать и непременно найдет мое истинное воплощение, приведет его к своему господину, и история повторится вновь.

— Пусть, — беззвучно шептала я, — пусть. Терну я не нужна, у мамы есть Ли-бела, пусть все так и будет. Я не хочу больше бороться. Я не хочу больше...

Я почувствовала, как в груди разгорается пламя, как оно становится все сильнее и сильнее, и вот уже пол подо мной начинает теплеть, и за закрытыми глазами вспыхивает свет, яркий, нестерпимый и такой чистый.

А потом рука Корта заслонила мне глаза.

— Держись, Стил, — сказал он. — Сейчас будет больно.

Я еще успела услышать далекие крики, разнесшиеся по тюремному коридору, успела услышать, как дико и пронзительно завыл в соседней клетке оборотень, а потом, перекрывая крики, шум и звуки раздавшихся выстрелов, совсем близко ухнул невероятной силы взрыв.

ГЛАВА 40

Сначала мне показалось, что взорвалась сама тюрьма, но потом я поняла, что ошиблась, и это была ударная волна, жестокая, хлесткая, но пришедшая откуда-то извне. Корт прижимал меня к себе, закрывая крыльями, пока вокруг все ходило ходуном. Дикое эхо испуганных криков заполнило пространство, когда вдруг загорелся свет. Видимо, случилось что-то серьезное. Техники у клетки оживленно заговорили, но я не слышала слов — вопросительные крики испуганных пленников перекрывали их голоса.

— Что это было, Корт?

— Я надеюсь, космодром, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, полуобернувшись в его руках.

Ангел был серьезен, его глаза смотрели сквозь меня. Он отпустил меня и сел, потом поднялся на ноги и молча подошел к противоположной стороне клетки — туда, откуда пришел взрыв. Я почувствовала запах горелого пластика — безошибочно узнаваемый и такой

земной. Он откуда-то с той стороны, гонимый ветром, пополз едкий дым, царапающий горло и жгущий глаза. Я поднялась на ноги и тоже подошла к решетке, не обращая внимания на оклик одного из техников.

Огня видно не было. Я поняла, что ударная волна разбила стекло одного из окон, именно поэтому в помещение стало затягивать дым. Снова раздались выстрелы, и я поежилась. Что происходит? Мне стало не по себе, несмотря на то, что опасность нам здесь не угрожала.

Техники переступали с ноги на ногу и, казалось, пребывали в нерешительности, не зная, что делать. Но вскоре все стало более определенно. Со стороны выхода послышались звуки торопливых шагов — звуки бега, если говорить точно, и вот уже к моим охранникам подбежал еще один, запыхавшийся, испуганный, но одновременно преисполненный важности.

— Корабль одного из покупателей взорвался! — сказал он, и я сжала руки в кулаки, чтобы подавить рвущийся из горла вскрик. — Господин приказал всем идти к космодрому, но вам нужно оставаться на месте. Ни под каким предлогом не покидайте поста!

Он развернулся и бросился обратно со всех ног, словно спеша на пожар. А впрочем, так оно и было. Техники крепче сжали оружие и повернулись ко мне, будто ожидая, что я прямо сейчас начну бунтовать. Но я только пожала плечами и отошла от решетки, дожидаясь, пока Корт решит, что пора поговорить.

Оборотень в клетке вел себя спокойно, гораздо спокойнее, чем можно было ожидать. Я несколько раз ловила на себе его горящий взгляд, и отводила глаза, и в какой-то момент ко мне пришло понимание того, что спокойствие волка вовсе не связано с тем, что нам ничего не угрожает. Он как будто бы что-то знал.

— Представляю, как разозлится Ра'ш, если окажется, что покупатель пострадал, — сказал он, обращаясь к птицелюдам. — Овечку тогда придется продать целиком и за меньшую цену.

— Стил, — позвал Корт.

Одновременно с его возгласом техники направили на волка оружие. На лицах их была написана решимость.

— Тебе запрещается называть господина по имени, — сказал один.

Я поспешила подойти к ангелу.

— Волк зачем-то нарывается, стой здесь, — сказал он мне тихо и быстро, пока оборотень, смеясь глухим смехом, отходил к стене. — Держись поближе ко мне.

— Мне кажется, — продолжал оборотень так же нагло, — что вы слишком уж усердно исполняете свой долг. Ваши братья сейчас тушат космический корабль. Все сейчас тушат космический корабль. Интересно, кто его взорвал, правда?

— Что он делает?

Подувший ветер донес до нас запах дыма, вонь горящего пластика и оплавленной проводки и выстрелы. Пронзительно завывла сирена, низко, атонально, разрывая пространство и заставляя помимо воли зажать руками уши. Раздавшийся совсем рядом волчий вой вплелся в это завывание и превратил его в песню — песню страха, паники и отчаяния. Я схватила Корта за руку, не обращая внимания на приказы птицелюдей — они хотели, чтобы мы с ангелом отошли каждый в центр своей клетки.

— Нам разрешено применять оружие!

— Так примени! — захохотал волк, опускаясь посреди клетки на четвереньки. —

Примени оружие против демонокровки... и вы убьете друг друга в попытке добраться до нее. Ее кровь сведет вас с ума, с ума!

Его лицо вытягивалось и стремительно покрывалось шерстью прямо на глазах, но техники не рискнули в этот раз войти в клетку и преподать оборотню новый урок. Они стояли у моей клетки, переглядываясь и сжимая в руках оружие, словно боялись, что оно убежит.

Творящаяся в клетках вакханалия, казалось, сбивала охрану с толку. Выстрелы то приближались, то удалялись, пленники требовали объяснить, что происходит, некоторые трясли прутья решетки и вопили, подбодряя тех, кто устроил взрыв. Тюремная охрана, судя по всему, была стянута к космодрому. Время шло, но не было ни известий, ни новых приказов, и все мы начинали медленно сходиться с ума — потому что не знали, что будет потом, что будет с нами дальше.

Я только сейчас осознала, что нахожусь не в городе и даже не во дворце. Тюрьма наверняка находилась в местности, о которой знали только избранные, и я была почти уверена в том, что космодром Ра'ша даже не обозначен на карте. «Господин» вовсе не контролировал планету, на которой устроил себе невольничий рынок, он здесь просто прятался.

— Контрабандист несчастный, — пробормотала я, и ангел кивнул, прочитав мои мысли.

— Да. Ра'ш занимается торговлей пленниками уже давно. Продает рабов и партнеров для постельных утех. Межрасовые отношения для некоторых — экзотика, но Вселенским советом это запрещено, вот ему и приходится прятаться в пустыне на планете без названия и координат.

— Но зачем он убил всех волков?

Ангел покачал головой.

— Возрождение демона — вот его миссия. Он сжигает мосты. Он и в самом деле уверен, что возрожденный демон способен уничтожить все и вся... с помощью оружия, которое он даст ему в лапы.

— Я запрещаю вам разговаривать! — подскочил к решетке техник. — Мне разрешено применять оружие!

— Отойди, — кивнул Корт. — Не нарывайся, мы не знаем, что происходит. Веди себя смирно.

Я послушалась, но мысли никуда не делись, и теперь кружились вокруг одного, как привязанные. Планета без названия и координат. Таких в космосе миллиарды, но все же среди покупателей оказался не кто-то другой, а Аргента. Как такое возможно?

Я уговаривала себя не надеяться и не думать, но все же... если нашел Аргента, значит, сможет найти и Терн... Трайн... хоть кто-нибудь.

Рычание оборотня раздалось совсем рядом, и я подпрыгнула от неожиданности. Волк стоял, просунув морду через прутья решетки — да, морду, ибо это больше был не человек — и рычал. Шерсть на загривке стояла дыбом, желтые глаза горели. Я ждала, что техники начнут стрелять в него или воспользуются узами, но они вдруг выпрямились и застыли напротив дверей в мою клетку, глядя в направлении выхода. Один за другим в поле моего зрения появились шесть птицелюдей в защитных костюмах и масках. Двое из них несли в руках носилки, и я при виде их застонала от отчаяния. Только не это. Только не Корт. Но на этот раз пришли не за ним, а за мной.

По сигналу техники отошли от дверей моей клетки. Я увидела среди птицелюдей зеленоглазую птицеженщину из лаборатории, и сердце сжалось. Клетка отворилась, и я отодвинулась к стене, не понимая, что им нужно, и вовсе не желая покидать Корта, пока не узнаю, что случилось.

— Приказ господина. Тебя срочно переводят в другую тюрьму, — сказала женщина. — Подойди, я надену наручники.

— Что? — я не поверила своим ушам. — Нет. Этого не может быть, я не пойду!

— Скрутите ее, — отдав приказ, она отступила назад, позволяя охране скользнуть в мою клетку.

Шесть человек против меня одной. Шансов не было. Я вопила, царапалась, пыталась укусить, но это ничего не дало. Они прижали меня к полу, действуя профессионально: жестко, но так, чтобы я не поранилась. Наручники защелкнулись на руках, лишая меня надежды на спасение.

— Корт! — закричала я. — Корт, помоги!

— Отойди к центру клетки! — скомандовала ангелу женщина. — Я сказала!

И он не посмел ослушаться. На голову мне надели защитный шлем. Я кричала, пока меня вытаскивали из клетки, вопила, пока меня привязывали к носилкам, орала, пока тащили прочь по коридору. Корт остался там, но ведь они знают, что без него я пропаду, они знают, что мне не пережить приступа лихорадки возвращения, если рядом со мной не будет ангела, который возьмет меня за руку и скажет, что все будет хорошо.

Мы прошли мимо закрытых дверей лаборатории и через распахнувшиеся автоматические двери вышли на улицу, в холодную пустую ночь. Я задыхалась от злости и усталости, уже почти беззвучно выплевывая ругательства. Вокруг пахло дымом. Вдали поднималось в небо гигантское зарево, оттуда доносились крики и пальба. Я поняла, что это и есть космодром.

Грузовая машина с открытым верхом ждала нас с заведенным мотором. Откинув борт кузова, носилки со мной погрузили туда. В кузов прыгнули четверо вооруженных птицелюдей, борт подняли, и машина тронулась с места. Но почти сразу же остановилась.

— Приказ господина! — услышала я слова, сопровождавшиеся ругательствами, которые резко оборвались. — Да кто вы...

Звук глухого удара кости о металл прозвучал как сигнал тревоги. Двое остались сидеть со мной, остальные спрыгнули вниз. Я лежала, привязанная к носилкам, в кузове грузовой машины, и слушала, как звуки ударов и грохот выстрелов сменились стонами раненых. Кто-то запрыгнул в кабину водителя, машина рванула вперед. Сидящие рядом со мной птицелюди подскочили, когда в кузов запрыгнули еще шестеро в капюшонах. Расправа была короткой и жестокой, машина подпрыгнула, проехав по телам выброшенных за борт, и покатила дальше.

Я лежала ни жива, ни мертва, не понимая, что произошло, и кто те люди, что вызволили меня из птичьего плена.

— Ты как там, жива, Стилгмар? — спросил знакомый голос из-под капюшона.

— Аргента? — сказала я.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он засмеялся.

— Ты думала, я упущу возможность снова завладеть своей Протеже? Я был рад узнать, что ты не только жива и здорова, но еще и надежда всего демонопоклоннического мира, — сказал он. — Одна из, но тем не менее.

— Что ты делаешь здесь? — спросила я. — Почему ты прилетел сюда, и откуда ты узнал, что я тут?

— Я ему сказал, — донесся до меня еще один голос, и все внутри меня оборвалось. — Я не мог скрывать правду от своего Патрона.

— Патрона? — Мой голос взвился почти до писка. — Патрона?

— Да-да-да, — засмеялся Аргента. — Я ваш, так сказать, семейный Патрон. Твой папочка был очень рад узнать в свое время, что ты учишься под моим руководством. Он так радовался твоим успехам... Особенно в Дайтерри.

— Какая ирония судьбы, правда? — спросил Ра'ш, когда я ничего на это не сказала.

Но мне нечего было сказать. Я лежала на носилках, смотрела в небо и чувствовала, как вокруг моей шеи тонкой удавкой стягивается очередная петля.

В памяти неожиданно всплыл наш разговор — мой, Керра и Лидиллы — на пути к Воротам в Миламир.

«Аргента и сам с душком, — сказал тогда Керр. — Все делают вид, что не знают, сделаем и мы. Тем более, это даже вычеркнули из летописей войны».

«Я, например, никогда не верила в эти сплетни о Патроне Стилгмар. Тем более, это не он был, а его Протеже», — возразила ему Лидилла.

Я закрыла глаза и едва не застонала от бессилия. Так вот что, выходит, вычеркнули из летописей войны. Предательство Ра'ша — не просто военачальника и солдата, но Протеже, ученика Школы. Наверняка Аргента сделал все, чтобы отмыть свое имя. Наверняка он открестился от грехов Ра'ша, когда все было кончено.

— Аргента, — позвала я.

— Да, Протеже.

Я заскрипела зубами, но никак не прокомментировала это обращение.

— Скажи мне... наша встреча в лесу была случайной?

— Ты имеешь в виду свой первый прыжок?

Я помолчала. Аргента не знает о том, что это — не мое истинное воплощение? Или Ра'ш просто не успел его просветить? Что ж, я этого точно делать не буду.

— Да, нашу встречу.

— Не могу сказать, что совсем. Мы следили за тобой в Солнечном мире. Ра'ш имел там достаточно близкое к тебе воплощение, так что он знал, что ты делаешь, и как вообще идут твои дела.

— Видишь ли, милая, — заговорил Ра'ш, — ты — часть большой игры. Пусть маленькая, но часть.

— Война — не игра, — сказала я.

Он засмеялся.

— Да что ты о ней знаешь.

— Что произошло на космодроме? Что будет с Коротом?

— Забудь о нем. Считай, что он мертв, — сказал Ра'ш. — А остальное — не твое дело.

— Если у меня начнется приступ — станет не только мое, — сказала я.

— Если не хочешь, чтобы я заткнул тебе рот тряпкой, которым вытирая машинное масло, лучше помолчи.

И я замолчала.

Мы ехали почти всю ночь. За это время меня скрутило дважды — и вскоре мы лишились всех птицелюдей. Я не знала, нападали ли они на меня — я просто отключалась, когда волна

мыслей о Белом мире наполняла мою сонную голову, но открыв глаза в первый раз, я не увидела одного из них, а придя в себя после второго приступа, в утреннем свете выползающего на небо маленького белого солнца различила в кузове со мной только два силуэта. Ра'ш и Аргента.

Мой Патрон и его Протеже.

Солнце уже выкарабкалось из-за горизонта, когда мы добрались до пустыни. За высоким холмом нас должны были ожидать крылатые верблюды. Аргента сказал мне, что мы идем к Воротам, но в какой мир должны были они нас привести?

— Почему мы уходим из этого мира, Ра'ш? — спросила я, когда они достаточно грубо отвязали меня от носилок и уложили на песок — стоять я не могла.

Пока тело со зверской болью возвращалось к жизни, я шевелила руками и ногами и стонала. И задавала вопросы, на которые хотела получить ответы.

— Разве твои покупатели не должны были забрать меня? Разве Аргента не должен был?

— Я сказал, это не твое дело! — сказал он спокойно, но сквозь зубы. — У нас нет возможности улететь.

— Так все корабли взорвались?

— Протеже, ты задаешь слишком много вопросов, — сказал Аргента, помогая мне встать на ноги и морщась при виде выражения презрения на моем лице. — Тебе достаточно знать, что мы идем к Воротам.

— А если я не пойду? Убьете меня?

— Ты уже идешь. — И Ра'ш подтолкнул меня вперед, к холму. — Давай. Шагай. Нам еще лететь.

Идти по песку со связанными руками было тяжело. Я спотыкалась на каждом шагу и то и дело едва не падала, увязая в сыпучем песке. Аргенте приходилось поддерживать меня. Ра'ш нес фляжку с водой и оружие. Зорко поглядывая по сторонам, он словно чего-то ждал, чего-то опасался. Я очень надеялась, что его опасения оправдаются, и на нас нападут. Оборотни, птицелюди, кто угодно. Я надеялась, что мои догадки верны, и что космодром на самом деле взорвали. Корабли покупателей оказались привязаны к земле — возможно, даже повреждены, и Ра'шу приходится спасаться бегством. Я надеялась, что он не спасется.

Мы поднялись на холм, и внизу, в долине, увидели пару уже знакомых мне силуэтов — крылатые верблюды ждали нас, каждого из них за повод держал человек. Не птичечеловек, а именно человек, и это меня удивило так, как удивило бы, если бы Аргента встал вдруг на одно колено и признался бы мне в любви.

— Это не птицелюди, — сказала я вслух.

— Это верблюды, — пожал плечами на ходу Аргента. — Вервольфы, верблюды, улавливаешь, к чему я? Аниморфы уважают только себе подобных и работают только в команде таких же, как они.

Песок осыпался под ногами, и не удержав равновесия, я плюхнулась на пятую точку и поехала вниз, как по детской горке. Мужчины побежали за мной следом, чертыхаясь. Я закрыла глаза и упала на спину, затормозив движение. В волосы набился песок, но не все ли уже было равно.

Аргента и Ра'ш помогли мне подняться. Втроем мы добрались до нетерпеливо переступающих с ноги на ногу верблюдов-оборотней. Я заметила напряжение на лицах ожидающих нас людей, и увидела, как оно тут же передалось Ра'шу. Остановив меня за несколько десятков шагов до верблюдов, он заставил меня повернуться к нему лицом и

внимательно оглядел.

— Никаких ран, царапин нет? Я не хочу, чтобы крылатые улетели без нас или сбросили тебя в воздухе.

— Нет, — сказала я.

Резона врать не было, но он на всякий случай приподнял мои волосы и посмотрел на затылок, прошелся по коже головы и заставил показать локти. Ран не было. Мы снова двинулись вперед, верблюды заволновались при нашем приближении, но погонщики жестами и словами их успокоили.

— Вы свободны, — сказал Ра'ш, швыряя к ногам погонщиков по мешочку — я догадалась, что в них деньги. Когда те наклонились, чтобы поднять их, он молча наставил оружие сначала на одного, потом на другого. Два тихих хлопка оборвали жизни ни в чем не повинных людей. — Совсем свободны.

Он ухмыльнулся и, не обращая внимания на ужас в моих глазах, потащил меня к верблюду.

— Ну, давай же, Стилгмар. Еще один шаг, и мы с тобой окажемся за пределами этой никчемной планетки.

— Нет! — закричала я, пытаюсь вырваться. — Нет, оставь меня в покое, отпусти, отпусти!

Если способность должна была у меня проявиться, пусть она проявится сейчас! Пусть я смогу приказать Ра'шу и Аргенте отправиться ко всем чертям, а сама смогу вернуться за Кортм и улететь с ним в Белый мир. Пусть я смогу сделать хоть что-нибудь!

Я ударила Ра'ша по голени, не удержала равновесия и упала в песок. Аргента пришел к нему на помощь, но даже вдвоем им было не так-то легко затащить меня на занервничавшее от моих криков животное. Верблюд неожиданно поднялся на ноги и отказался ложиться, как ни орал на него Аргента. Животные нюхали воздух, в котором еще стоял запах крови их друзей-оборотней, и не собирались так просто подчиняться чужакам.

— Да оглуши ты ее! — рявкнул Ра'ш, пытаюсь поднять меня на ноги.

Ему это не удалось, он упал на меня сверху и прижал руки и ноги к земле, пока Аргента искал в седельной сумке верблюда что-то подходящее, чтобы связать мне ноги.

Мы почувствовали движение песка одновременно.

Шшшшу-ухххх. Шшшшу-ухххх. Песок со зловещим звуком полз по склону долины, и вот он уже достиг меня и Ра'ша, и вот пошла новая волна.

Шшу-уххх.

Я не знаю, что чувствовал Ра'ш, но у меня волосы встали дыбом, когда я поняла, что этот звук исходит от чего-то большого. И это большое движется к нам.

— Проклятье! — пробормотал над нами Аргента. — Давай же, поднимай ее, нам пора взлетать!

Но было поздно. Я услышала отчетливый звук двигателей, и спустя пару мгновений вскрик Аргенты возвестил о том, что источник угрозы уже виден. Ра'ш поднял голову, соскочил с меня и схватился за оружие, отброшенное в сторону в борьбе со мной. Я горько подумала, что даже если бы и завладела им, воспользоваться бы не смогла. И что еще печальнее — они оба это прекрасно знали.

Я перекатилась на живот и кое-как встала на колени. Открыв рот, я смотрела, как один за другим в долину съезжают бронемшины на воздушной подушке, совсем как те, что я видела по телевизору.

Аргента сообразил первым. Он вскочил на испуганно шарахнувшегося в сторону верблюда, ударил его пятками по бокам, и, расправив крылья, животное тяжело и как-то неровно взлетело. Несколько взмахов — и полет выровнялся, стал увереннее и выше. Ра'ш, изрыгая проклятья, попытался поднять меня в последний раз — и бросил, решив, что спасение собственной жизни важнее. Он вознамерился последовать за Аргентой, но растерявшийся верблюд отпрянул от его протянутой руки и дал деру по песку, не раскрывая крыльев. С криком Ра'ш побежал за ним — прямо навстречу бронемашинам, легко скользящим по песку на воздушных подушках.

Мне бежать было некуда. Я поднялась на ноги и выпрямилась, глядя прямо перед собой. Вражеские ли или просто оказавшиеся здесь случайно — мне было совсем все равно.

Ра'ш понял, что сбежать не удастся, когда второй верблюд легко перемахнул через холм и исчез из виду. Он застыл на склоне, словно соображая, что дальше, а потом его взгляд остановился на мне.

— Ну уж нет! — сказала я вслух.

Он рванул за мной по песку, а я — от него, навстречу бронмашинам, навстречу новому плену или смерти. Это было соревнование неравных по силе противников, и вскоре я услышала за спиной его тяжелое дыхание и шепот песка, осыпавшегося из — под его тяжелых ботинок. До машин оставалось совсем чуть-чуть, когда в меня ударило, прошив насквозь, защитное поле. Оно сбilo нас обоих с ног, заставило упасть и лишиться дыхания.

Было больно, во рту появился соленый вкус крови. Я закрыла глаза, чтобы не видеть довольного лица Ра'ша, но вместо этого услышала писк включившегося импульсного оружия — его узнает любой, кто хоть раз его слышал.

— Ни с места оба! — раздался из громкоговорителя голос.

— Я Ра'ш Каара-юбех! — крикнул в ответ Ра'ш. — Эта девушка моя дочь, Оарча'на Каара-юбех. Мы подданные этой страны. Отпустите нас!

Двигатели замолкли, и на мгновение воцарилась тишина. Повернув голову, я увидела, как открываются люки машин, как появляются оттуда существа, которые мне уже были знакомы. Вампиры. Их бледные лица были холодны, а глаза, казалось, пронзают нас насквозь.

— Тебе нужно было обращаться с ангелом поаккуратнее, Ра'ш, — донесся до меня почти веселый голос. — Тебе нужно было уважать оборотней, которые работают на тебя. И, наконец, тебе нужно было убить вампиров, которые привезли к тебе твою дочь.

Я увидела, как на землю с головной бронемашины спрыгивает человек. Его голос был мне знаком и незнаком, его лицо я знала и одновременно не знала.

— Отойди от нее, — скомандовал он, и вампиры наставили на Ра'ша оружие.

Я услышала, как Ра'ш торопливо отходит в сторону. Вампиры подошли ко мне и поставили меня на ноги, а потом подхватили и понесли к танку — так, будто я ничего не весила. Я позволила им это сделать.

— Ты отправляешься с нами в Солнечный мир, — сказал человек. — Ты ведь так и хотел, а, Ра'ш? Но только заглянешь с нами в резиденцию холонокровных. Объяснишь, откуда у тебя демонская кровь, и все такое.

Вампиры направились к Ра'шу, меня же заботливо донесли и поставили на ноги прямо перед таким знакомым и незнакомым мне человеком.

— Стил, — сказал он, глядя на меня с улыбкой. — Стил, ты меня не узнала? Я пришел, чтобы забрать тебя домой.

Он обнял меня, а я положила голову ему на грудь и все слушала и слушала биение его сердца. С той стороны, где стоял Ра'ш, послышалась какая-то возня, потом вскрик и выстрел. Я вздрогнула, но не стала туда смотреть.

— Керр, — позвала я через секунду, поднимая лицо.

— Да?

— Керр, я не уйду без Корта.

— Это тот ангел? — мгновенно сориентировался он, все еще прижимая меня к себе.

— Да.

— Хорошо, Стил. Мы за ним вернемся. Лакс тоже настаивал, чтобы мы сделали все возможное для его спасения.

— Лакс? — я посмотрела на него. Сердце сжалось. — Ты сказал» Лакс»? Ты видел его? Он в Белом мире?

— Нет, Стил, он в Солнечном мире, и он ждет нашего возвращения.

— Ждет возвращения... — повторила я медленно.

— Какие будут указания, Керр? — спросил один из вампиров. — Второй ушел. Мы не сможем его преследовать.

Керр посмотрел поверх моей головы на вампира. Голос его звучал решительно.

— Едем к космодрому. Нам нужно навеститься в тюрьму. Там один из наших ангелов.

— Хорошо. Как скажешь.

Он отстранил меня от себя и что-то сказал, но я не слышала. В ушах все еще звучали слова о том, что Лакс в Солнечном мире и ждет моего возвращения.

Он ждет меня. Ждет.

Ждет.

— Нам пора, — повторил Керр и тихонько меня встряхнул. — Все в порядке?

— Да, — сказала я, отворачиваясь от лежащего на песке тела человека, называвшего меня своей дочерью. — Все в порядке, Керр.

В душе бушевала буря, но, по крайней мере, я говорила правильные слова, и голос мой не срывался.

ГЛАВА 41

— Пристегните меня ремнями, — попросила я.

Вампиры переглянулись и вопросительно посмотрели на Керра. Он приподнял брови.

Бронемашины скользили по песку, везя нас в направлении космодрома, двигатели урчали на одной ноте с моим пустым животом. Керр сверялся с картой, вампиры молча расселись по своим местам и ждали остановки и сигнала к нападению. Мои слова заставили все взгляды сфокусироваться на мне.

— Что ты имеешь в виду, Стил?

— У меня лихорадка возвращения, — сказала я без обиняков. — Если не хотите, чтобы я тут все разнесла, когда начнется приступ, привяжите меня.

Керр поднялся и аккуратно, держась за поручни над головой, приблизился ко мне. Меня усадили в дальний от двери угол, чтобы не мешала вампирам, когда начнется операция по спасению ангела. Я хотела есть и пить, но мысли не давали мне покоя — все бродили вокруг да около, все кружились, метались и водили хороводы. Мысли о Лаксе. И мысли о лихорадке, которая должна была вот-вот нахлынуть на меня новой волной безумия.

— Сколько у тебя было приступов? — усевшись напротив, спросил Керр.

Его блестящие в полутьме кабины глаза смотрели на меня с искренним волнением.

— Много, — сказала я. — Ангел помогал мне с ними справиться, только потому я и осталась жива.

— Нам нужно как можно скорее увезти тебя в Белый мир, — сказал он.

Достал откуда-то фонарик, посветил мне в глаза, пощупал пульс, заглянул в рот. Непривычно было видеть Керра — а в этом мире он все-таки был похож на него — таким серьезным. Если бы я не знала, что в Снежном мире Трайн врач, я бы сочла его слова простым проявлением заботы о моем здоровье. Но я знала, что это не просто дружеское участие, что Керр совершенно прав, когда говорит, что мне надо как можно быстрее выбраться из этого мира в Белый.

Ведь лихорадка возвращения неизлечима.

Вот только пока я буду в Белом мире, сколько времени пройдет в Солнечном? Уйдет ли Лакс оттуда, уверившись со слов Керра, что со мной все в порядке, или все-таки решит дождаться?

— Корт мне поможет, — сказала я.

— Ты отправишься с нами в Солнечный мир. Аргента встретит нас там.

— Аргента?

— Аргента, — повторил Керр, глядя на меня со странным выражением лица.

Сердце в груди громко застучало.

— Что ты хочешь этим сказать, Керр? Он предал нас. Ра'ш — его Протеже, он хотел купить меня!

— Помнишь, когда-то давно я хотел рассказать тебе о нем? — спросил он.

Я кивнула. Керр вдруг потянулся ко мне, и я едва не подпрыгнула на месте от неожиданности, почувствовав на себе его прикосновение. Но он всего лишь вытащил из пазух ремни безопасности. Застегнув их на мне крест-накрест, отстранился и с неудовольствием посмотрел на меня.

— Они не удержат тебя. Есть другой вариант, но не думаю, что он тебе понравится.

Один из вампиров вытащил откуда-то сверху подобие спального мешка. Я сначала даже хихикнула, но потом поняла, что выхода и правда нет. Если я не хочу разбить себе во время приступа голову и покалечить кого-то из тех, кто меня спас, мне нужно воспользоваться предложенной возможностью.

Уже через несколько минут, похожая на завернутого в конверт новорожденного младенца, пристегнутая ремнями и обливающаяся потом я слушала рассказ Керра.

Во время войны, когда волна смирения и покорности накрыла Белый мир, многие предпочли скрыться. Забыв про свои воплощения, многие бежали в другие миры, и только те, кто был предан Марканту и его идеалам, те, кто понимал, что потеря такого мира закроет доступ в другие миры еще на сотни лет, остался. В Героя верили не все, некоторые откровенно сомневались в том, что какой-то редкий минерал, пусть даже и обладающий необычными свойствами, сможет помочь разумному миру выстоять против не просто оружия — ментального оружия, равного которому еще не знали. Узы смирения и покорности накладывались не на воплощение в отдельно взятом мире. Демоны научились воздействовать на самую суть — на душу, и если узам покорялась она, им становились покорны все воплощения этой души. Но минерал помогал. Микроскопические дозы минерала при попадании даже на кожу проникали через нее, приклеивались к клеткам человеческой крови и создавали соединение, которое буквально «промывало» мозг. Действовать натакой мозг узами было нельзя.

Аргента был одним из тех, кто поддержал Героя. Его Протеже Ра'ш подавал большие надежды, он специализировался на Закрытых мирах и вызвался быть одним из тех, кто выйдет с новым оружием на передовую. Демоны не ступали на поверхность Белого мира. Они послали своих слуг, зомбированных солдат, не имеющих в голове ничего кроме внушенного желания убивать. Армия была огромна. Захватив Белый мир, демоны получали возможность выступить сразу в нескольких направлениях, и они сделали все, чтобы заполучить этот лакомый кусок на краю Вселенной.

Аргента и несколько сотен добровольцев при поддержке ангелов выступили первыми. Минеральный распылитель ударил по войскам демонов с воздуха. В армии демонов начался настоящий хаос. Те, на кого подействовал минерал, пришли в себя и опустили оружие, но сзади на них напирала ряды тех, кто не испытал на себе отрезвляющего эффекта. Началась бойня. Вражеские солдаты бежали на орбиту, прихватив с собой всех, кого смогли. Уже после обнаружилось, что среди убежавших с демонопоклонниками был и Ра'ш. Он захватил с собой минеральный распылитель, всего один экземпляр, но содержащий в себе то, что им и было нужно — минерал.

Аргенту нашли раненым возле остатков имперских космических кораблей. Придя в себя, он признался, что подвергся воздействию уз и помог Ра'шу бежать. Он был Патроном, его любили и уважали, и после войны это обстоятельство из летописей постарались вычеркнуть. Но не вышло. Герой не считал его поступок внушением. Он не верил в то, что Аргенту заставили прийти на помощь Ра'шу узы, и многие с ним соглашались. Аргенте разрешили завести Протеже только недавно. И первой его Протеже оказалась я.

— После того, как война закончилась, Ра'ш сдался вампирам. Он изобразил раскаяние, и ему позволили остаться на одной из дальних планеток, под присмотром, конечно, — сказал Керр. — Аргента поддерживал с ним связь все это время. Он и рассказал Ининджеру о том, что Ра'ш и его приспешники использовали минерал как возможность изменить механизм действия уз. Они провели какие-то опыты и сумели обернуть действие минерала в обратную сторону. Ты и другие «овцы». — Керр замолчал. — Они провели над вами операции, когда вы еще не родились. Научили ваш организм не воспринимать минерал, научили органы... печень и ее аналоги обезвреживать его. Твое ДНК должно было научить и других сопротивляться. И Ра'ш нашел покупателей, когда понял, что эксперимент прошел успешно, и ты «созрела».

— Так он наблюдал за мной?

— Все время, — кивнул Керр. — За тобой и другими «овцами» тоже.

— Не называй меня так, пожалуйста, — попросила я. — У нас овцы — это животные глупые и неразумные.

— Прости. — Он улыбнулся мне чуть виновато.

Вампиры тоже с интересом нас слушали, но на их лицах не было удивления или страха, которые испытывала я. Они уже знали. Они давно уже все знали.

— Аргента сообщил нам, что сделка должна состояться через несколько дней. Белый мир отправил его через Ворота на Фараминту, планетку, откуда на арендованных кораблях и летели все покупатели. Он закупил взрывчатки, нанял команду техников, пополнил золотом трюмы. Буквально в то же время нас настигли вести из Дайтерри. Силенка и Силеяр бежали, прихватив с собой демонического ребенка, и Лакс отправился за ними. Я вернулся в Снежный мир, чтобы предупредить твое воплощение, и обнаружил, что ты в коме. Когда ты связалась с Феликом, я понял, что нам повезло, и Аргента летит как раз на ту планету, где

находишься ты. Но это и не было везением. Ра'ш с рождения готов был тобой пожертвовать, и Аргента знал с самой первой встречи с тобой, что долго ему твоим Патроном не пробыть. Он страшно разозлился, когда ты заговорила о том, что хочешь уйти из Школы. Он не знал, как тебя удержать, и надеялся, что Совет разрешит наказать тебя. Отослав на другую планету. Отстрочив момент, когда тебе придется рассказать правду. Он еще надеялся, что Ра'ш одумается. К_н_и_г_о_е_д_._н_е_т_

— Но увы, — сказала я.

Керр сжал губы.

— Увы. В момент смерти Ли-ры вся твоя деревня получила ментальный удар. Они все увидели тебя, и почти вся деревня сбежала к дому ангела, чтобы помочь тебе. Ты кричала, что Ли-ру убил вампир. Я приехал в деревню, чтобы тебя предупредить, а понял, что тебя надо спасать. Я увез тебя оттуда.

Аргента предложил Ра'шу больше, чем другие. Но тот не согласился — его обуяла жадность и подозрения. Он связался с Фараминтой, где остался наш человек, и тот через Ворота принес эти новости в Белый мир. Моей задачей было унести твое тело в надежное место, но я не мог себе представить, что буду сидеть, сложа руки, когда тебе грозит опасность. Но потом меня нашел Лакс.

Я затаила дыхание.

— Сдал Ра'ша вампир по имени Фа'мер.

Я слышала это имя, но вспомнила не сразу.

«Ты отлично справился, Фа'мер», — сказал Ра'ш человеку, который поймал меня возле резиденции. Так он был вампир?

— Вампир-полукровка, отброс в человеческом и вампирском мире, Фа'мер испугался, что пришедшие к власти в Миламире вампиры поймут, что он помогал демонам, и сдался сразу же, как только они переступили порог этого мира. Он рассказал все, что знал о Ра'ше и его пленнице, которая воскресла из мертвых. Лакс вернулся в Снежный мир, чтобы предупредить тебя... он встретился со мной.

Я почувствовала, что губы растягивает дурацкая улыбка и опустила голову, чтобы ее скрыть. Лакс пришел в Снежный мир, чтобы меня спасти. Он вернулся, хоть и обещал, что не вернется, он вернулся, потому что думал и беспокоился обо мне.

Или о том, что будет, если Ра'шу удастся осуществить свою затею, — сказала Нина внутри. — Неужели ты думаешь, что ты для него важнее судьбы целого мира? Неужели ты думаешь...

Но я оборвала ее и сосредоточилась на рассказе Керра.

— А взрыв? — спросила я. — Что это было?

— Аргента уничтожил свой собственный корабль. Ему нужно было только убедить Ра'ша в том, что это диверсия, а он, думаю, и убедился, когда ему доложили, что и на втором космодроме гремели взрывы. Это уже были мы, — Керр усмехнулся. — Аргента привел Ра'ша прямо к нам в руки. Он молодец.

— Но он сбежал.

— Он направился в Солнечный мир. Он встретит нас там, когда мы вернемся.

Я смотрела на Керра, медленно соображая, что к чему.

— Так он играл за нас.

— Да.

В приоткрытое похожее на иллюминатор окно я увидела, как мы проехали мимо

брошенного нами же грузовика. Машины не рискнули карабкаться по холму, и нам пришлось сделать крюк, который в результате отнял у нас кучу времени. Интересно, стекло здесь пуленепробиваемое?

Я старалась сдержаться как могла. Но не вышло.

— А что Лакс? — спросила я.

— Он выделил технику и вампиров. Он дал нам людей и машины и разрешил мне ими командовать. В одном из воплощений я военный, Стил.

— Но запрет на высокие технологии...

— Какой запрет, Стил? — приподнял бровь Керр. — Началась война, о каких запретах идет речь?

Я промолчала. Сказать на это мне было нечего. Я подумала о том, что Аргента, получается, рисковал своей жизнью, чтобы вытащить меня из плена. Если бы Ра'ш хоть на секунду его заподозрил, его бы тут же убили. Куча людей и нелюдей рисковала жизнью на этой планете. Но они рисковали из-за будущего Вселенной. И только Керр поехал сюда, в этот незнакомый и враждебный мир, из-за меня.

— А что другие покупатели?

— Только один прилетел со своей планеты сам. Все остальные — с Фараминты. Это распространенная практика — добираться до ближайшей точки через Ворота, а потом нанимать корабль. Фараминта этим и живет, тут рядом несколько планет с очень богатыми на драгоценные металлы почвами. Они вернулись на уцелевших кораблях... И их там ждут.

Он вздохнул.

— Правда, есть еще десяток планет, где живут сотни подобных тебе овец... Прости, — опомнился он. — Но вампиры поняли, что ангелы им не лгут. Мы теперь на одной стороне баррикад. Дело пойдет быстрее.

Я уже почти спала, пригревшись в теплом мешке, и дернулась, когда вдруг после продолжительной тишины Керр подал резкую и громкую команду.

— Приготовьтесь.

Вампиры мгновенно подобрались, оружие как по волшебству возникло в их руках. Серьезные лица, серьезные глаза — нечеловечески серьезные — все в них было холодным и жестким, как кованая сталь. По сигналу Керра иллюминаторы закрыли, и воцарилась полутьма, разрезаемая лишь искусственным светом лампочек над головой.

— Без надобности не стрелять. Где его держат, Стил?

— В тюрьме. Длинное здание, — я видела его в темноте и только один раз, и потому помощник из меня был никакой. — Керр, будьте осторожны. Там много пленников, но у птицелюдей мощное оружие.

— Мы будем, — пообещал он.

Похоже, нас заметили — я услышала, как застрекотали невидимые мне пулеметы, и почти сразу же бронемашина ответила мощным залпом. Несмотря на побег своего начальника птицелюди, видимо, решили сражаться до конца — или это велели им сделать узы смирения и покорности. У нас не было минерала, чтобы с ними справиться. Керр дал знак, и я поняла, что мы будем принимать бой. Мы остановились, и по безмолвному сигналу через открывшуюся дверь вампиры выскользнули наружу. Керр собрался за ними, но уже на выходе остановился и поглядел на меня. Без единого слова кивнул мне и вышел.

Двери закрылись, отгородив меня и оставшихся в бронемашине вампиров от основного боя. К одежде вампиров, видимо, были прикреплены микрофоны, и вскоре я услышала

выстрелы и голоса, крики и стоны, проклятия и мольбы, донесшиеся снаружи и эхом отозвавшиеся внутри. Наклонившись в своем спальном мешке, насколько это было возможно, я сумела разглядеть экран, транслирующий изображение с камер, расположенных на носу и по бокам машины. Зрелище было впечатляющим.

Мы стояли на бетонированной площадке, прямо перед целым комплексом зданий, между которыми метались люди и птицелюди, вампиры и еще какие-то существа. Справа полыхал космодром. Клубы дыма вздымались в небо указующим перстом, словно сигнализируя всем в округе о том, что убежище Ра'ша расположено именно здесь. Мимо проехала машина, похожая на земную пожарную, с сиреной и огнями. За ней следом бежали облаченные в защитные костюмы птицелюди. Кто-то стрелял из автомата, откуда-то доносились жуткие крики, и, наклонившись еще чуть вперед, так, что ремни сдавили грудь, я увидела, что длинное серое здание, бывшее, очевидно, тюрьмой, горит. Клубы дыма валили из зарешеченных окон, но двери клеток наверняка так и остались закрытыми, как оставались закрытыми железные двери выхода. Я увидела, что вампиры предпринимают безуспешные попытки отворить эти двери, но ничего не выходило. Время утекало сквозь пальцы, люди внутри наверняка уже потеряли сознание от скопившегося в здании дыма. Я закрыла глаза и стала молиться Инфи.

Только не Корт, пожалуйста, только не Корт.

С громким скрипом отворилась дверь. Буквально ввалившийся в машину вампир подбежал к тем, что сидели впереди. В его голосе не было ни паники, ни нетерпения.

— Машину нужно развернуть к этому зданию. Попробуй дать по нему гранатой, только сам отойди на безопасное расстояние. Как можно быстрее.

Водитель не стал дожидаться, пока вампир покинет машину. Мы поехали сначала назад, не прекращая поливать огнем из пулемета стреляющих в нас птицелюдей. Потом, развернув машину на девяносто градусов, водитель установил ее напротив дверей в тюрьму. Я увидела, что вампиры и Керр разбежались в стороны. Прозвучал громкий «бум» гранатомета, и дверь взорвалась, выпустив наружу густые клубы темно-серого дыма.

Вторая машина прикрывала Керра и вампиров шквальным огнем. Дым начал постепенно рассеиваться, изнутри раздались частые выстрелы. Я увидела, как один за другим от шальных пуль упали и больше не поднялись несколько вампиров, а потом Керр дал команду, и отряд бросился внутрь, сразу исчезнув из поля зрения.

Сжав кулаки, я почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Совсем как в романах, которые я читала — до боли, до крови, до онемения.

На вампиров мне было наплевать. В этом мире я тревожилась за судьбу и жизнь двоих мужчин, правда, только один из них был человеком.

Время тянулось. Снаружи бой почти прекратился, слишком неравны были силы — четыре бронемшины против кучки птицелюдей. Я ждала, что будет, неотрывно глядя на экран и кусая губы.

А потом в здании что-то громко ухнуло, и наступила тишина.

Дым валил изнутри клубами, поднимаясь в солнечное небо и растворяясь в нем, смешиваясь с легкими облачками. Я чувствовала, как во мне такими же темными густыми клубами поднимается страх. Сердце стучало уже где-то в голове, в мозгу проносилась куча образов, один другого страшнее: мертвый, глядящий вдаль остекленевшими глазами Керр, окровавленный ангел с обломанными крыльями, смерть, смерть, смерть...

Увидев первого выходящего из дверей человека, вампиры — и я с ними — издали вздох

облегчения. Три, шесть, десять... впереди шли бывшие пленники — я видела их изможденные лица, шаткую походку, рваную одежду. За ними следом вышли Керр и Корт, окруженными вампирами.

— Инфи, слава тебе, — прошептала я, увидев, что ангел жив, здоров, и главное, крылат.

Замыкали процессию птицелюди. Много птицелюдей. В масках и лабораторных халатах, с оружием... У меня в голове что-то щелкнуло, когда я поняла, что оружие есть только у птицелюдей.

— Смотрите, там, — начала я, но вампиры уже все поняли.

— На них узы, — сказал один из них, и замолчал, когда птицелюди подняли оружие и устремили его на машину.

Я почувствовала легкое покалывание в голове. На меня узы не действовали из-за лихорадки, и то, что даже я ощутила что-то странное, могло означать только одно. Птицелюди снова завладели оружием демонов.

Вампиры отключили защитное поле и заглушили двигатель.

— Что вы делаете? — закричала я, когда двери открылись, и внутрь ворвался свежий воздух.

Один за другим вампиры покинули свои места и вышли из машины. На их лицах была написана полная покорность судьбе, они не обращали внимания на мои окрики и мольбы. Наклонившись, я смогла увидеть на экране, как из других машин тоже вышли вампиры. Птицелюди повели своим оружием, и часть вампиров отошла в сторону.

Пленников заставили разойтись в колонны, словно встать в очередь, ведущую к отошедшим в сторону вампирам. По приказу уз эти вампиры подняли оружие и навели его на головы тех существ, что стояли первыми.

— О Инфи! — я зажмурилась за мгновение до того, как прогремели выстрелы.

Открыв глаза, я увидела, что отпихнув ногой тело своего предшественника, его место в этих ужасных колоннах смерти заняли следующие.

До Керра оставалось два человека. До Корта — три.

Я задергалась в своих путах, безмолвно и яростно, я зарыдала без слез, трепыхаясь в своем импровизированном коконе, как попавшая в паутину бабочка. Мои друзья сейчас умрут, умрут прямо на моих глазах, и я не буду в силах им помочь!

Раздались выстрелы, и я прикусила губу до крови, чтобы не закричать.

Кто-то из птицелюдей швырнул в открытую дверь бутылку с зажигательной смесью. У них не было взрывчатки, но сама машина могла стать бомбой, если ее поджечь. Я поняла, что узы запрограммировали птицелюдей не просто на убийство. После того, как они расправятся с нами, им приказано уничтожить все следы космодрома, лаборатории и экспериментов. Пусть даже ценой собственной жизни. Пусть даже если выполнение приказа означает смерть для десятков невинных людей.

В ноздри мне ударил дым, вокруг завоняло пластиком и проводкой, я закашлялась и замотала головой, пытаясь не вдыхать отраву, пытаюсь сохранить сознание. Нет. Я не хочу так умирать! Я хочу жить, жить, жить, и вернуться в Белый мир, и встретить Терна, и выбраться отсюда!

Ощущение, накрывшее меня, когда я почти потеряла сознание, было мне уже знакомо. Дым, зима, озеро Атт. Я словно снова перенеслась в лагерь джорнаков, вдохнула запах их немых тел и поняла, что отныне и до тех пор, пока я не скажу иначе, эти тела и эти души подчиняются мне.

Я слышала мысли птицелюдей. Они были темны и безвидны, как воды вечного хаоса, из которых родилась Вселенная. В них было только ощущение скорого конца и покорность этому концу, покорность, которую им внушили так давно и так глубоко, что справиться с нею сознанию было не под силу.

И я вступила в схватку с этим внушением. Я включила внутри себя радиостанцию, транслирующую любовь, я заставила птицелюдей слышать ее, сложить оружие и запеть вместе со мной.

— Вы друзья вампиров и всех живых существ во Вселенной, — сказала я им. — Отпустите их.

Легкие забивал дым, но я его почти не чувствовала. Я знала, что спасти меня уже не успеть, что мне придется погибнуть в третий или четвертый раз в этом чужом неприветливом мире, но я хотя бы спасу остальных, хотя бы помогу ангелу и Керру бежать, хотя бы отведу беду от людей, которые рисковали ради меня жизнью.

Хотя бы раз попаданка кого-то спасет.

— Заходите в тюрьму. Все. Живо!

Я понимала, что уйти далеко они не успеют, что взрывы будут такой силы, что могут разорвать людей в клочья. Я подчинила их своей воле и заставила побежать. Закрыв глаза и чувствуя, как огонь опалает ресницы, как вспыхивают волосы, как жжет невыносимым жаром пламя, я снова и снова давала всем живым существам команду спасти свои жизни.

Я хочу в Белый мир.

Нет, только не это. Я не хочу умереть в приступе безумия, я хочу...

Я хочу в Белый мир. В Белый мир, в Белый мир!

Дернувшись, я порвала уже прожженные огнем ремни и упала лицом на раскаленный пол. Боль была дикая, но мне уже нечем было кричать. Безумие подняло меня на ноги и лишило остатков воли. Темнота накрыла меня пеленой, за которой вспыхивали яркие звезды, и рождались Вселенные, и не было боли и страха, и был только вечный прекрасный и бесконечно желанный Белый мир.

Очнувшись, я поняла, что лежу на песке, и ветер обдувает мое лицо.

— Ты пришла в себя, — раздался над головой голос Корта, и я, даже еще не вполне понимая, что делаю, подскочила и с криком радости заключила ангела в объятия.

— Ты жив, ты жив, ты жив, — повторяла я, обнимая его, а он тихо смеялся и не пытался вырваться.

— Скажи спасибо своей лихорадке. Если бы не она, я не сумел бы освободиться от твоих уз, Стил, — сказал он очень серьезно, прижимая меня к себе. — Ты так сильно хотела умереть?

Я отстранилась от него и огляделась. Мы находились на покрытой зеленой травой лужайке, судя по всему, посреди какого-то городского парка. Журчал фонтан, бродили люди. Я лежала на одеяле, Керр и Корт, оба в рубашках-поло и легких брюках сидели рядом со мной и задумчиво жевали бутерброды из бумажного пакета.

Точнее, Корт уже не жевал — своим порывом я выбила бутерброд из его руки.

— Керр, — я почему-то не смогла заставить себя обнять его так же непринужденно, как обнимала Корта, но я хотя бы могла улыбаться ему и смотреть на него и протянуть ему руку.

Он взял мои пальцы в свою ладонь и тут же отпустил, словно понимая мое смущение.

— Где мы? — спросила я, пытаюсь скрыть свою реакцию.

— А ты не узнаешь? — Корт обвел пространство вокруг рукой. — Это твой мир, Нина.

Солнечный мир.

Я осмотрелась вокруг и улыбнулась, когда поняла, где именно мы находимся. Это был мой город. Парк Юных космонавтов, в котором я так любила играть с Вовкой в детстве. Троллейбусы, киоски с прохладительными напитками, светофоры. Да, все правильно, я на Земле, и рядом со мной ангел и инопланетянин устроили пикник посреди вселенской войны.

— Как ты себя чувствуешь? — подал голос Керр. В этом мире он выглядел почти так же, как и в Белом, за исключением глаз — они у него здесь были не вишневые, а темно-карие.

— Хорошо, — прислушавшись к себе, сказала я. — Да. Хорошо.

— Кортвандайре спас тебя, — сказал Керр, помолчав. — Ты не отпускала нас до самого конца.

Он взял меня за руку под чутким взглядом ангела, доставшего из пакета очередной бутерброд. Корт протянул его мне, и я с удовольствием впила зубы в хлеб с куском сочной ветчины на нем.

— Я думала, что не спасусь.

— Я бы не оставил тебя... — сказали они в один голос, и я улыбнулась, чувствуя, как теплеет на сердце.

— Ты же не думала, что я брошу девушку, которую собрался сделать своей восьмой женой, — ухмыльнувшись, сказал Керр, и я с облегчением рассмеялась, радуясь, что он вернулся к роли балагура.

— Так у вас все серьезно, — хмыкнул ангел. — Я предлагаю отметить наше чудесное спасение после, а сейчас пройтись по магазинам и придеться для аудиенции. Сегодня мы переночуем в гостинице, но завтра рано утром нас ждут. Нам надо хорошо выспаться. Желательно, на настоящей постели и в настоящей спальне.

Они с Керром поднялись и помогли подняться мне. Я непонимающе переводила взгляд с одного на другого, но они, кажется, не собирались мне объяснять, так что пришлось спросить самой.

— Что за аудиенция?

— В резиденции вампиров, Стил, — сказал Корт. — В Солнечном мире находится дипломатическая миссия холонокровных. Сегодня сюда прибыли члены Вселенского совета, в том числе и со стороны ангелов. Нас выслушают, нам ведь есть, что рассказать.

Вампиры. Лакс. Я увижу Лакса. Я увижу его еще раз.

Я посмотрела на Керра, собирающего одеяло, и услышала внутри себя сварливый голос Нины.

Правильно делаешь, что смотришь. Он отличный парень, Одн-на, и он мне нравится. Если бы только ты...

Не если бы. Я заставила себя перестать думать о том, что было бы «если». Я заставила себя выкинуть из головы мысли о Лаксе вообще... и о Керре тоже, постаравшись сосредоточиться на словах Корта.

Мне нужно будет подтвердить его версию того, что случилось в тюрьме. Мне нужно будет предоставить для анализа свою кровь, чтобы вампиры убедились, что я говорю правду. Я должна буду рассказать им обо всем, что видела и что знаю.

— Безусловно, человека выслушают, — сказал Корт. — Особенно, если я первым расскажу им свою историю. Будь готова к скепсису, Стил — вампиры не очень хотят верить в то, что их надули, но... думаю, они достаточно разумны, чтобы признать это, если придется.

— Но ты ведь готова? — спросил, заглядывая мне в лицо, Керр. — Они собирались дожидаться Лакса, он здесь с недавнего времени занимает высокое положение, но решили, что мы не настолько уж и важны, чтобы собирать вместе всю вампирскую часть совета.

Я кивнула. Мы зашагали по дорожке, ведущей мимо каруселей к проезжей части. Я заметила, что на Корта оглядываются почти все проходящие мимо женщины, и меня это позабавило. Девочки, он ангел, он не про вашу честь.

И все-таки я не выдержала.

— А где Лакс?

Я пыталась звучать безразлично, и, кажется, у меня это вышло. Керр пожал плечами.

— Оказалось, что демоны заморозили не просто одного из своих, а ребенка. Существо женского пола, способное к партеногенезу, то есть, к размножению без мужчины. Отряд Лакса сейчас разыскивает эту демоническую девочку, и я думаю, он не оставит эти поиски ради нас. Очень разумно.

Мы выбрались из парка, перешли дорогу на зеленый свет и направились к ближайшей автобусной остановке.

— Нам должны были забронировать номера в «Космосе», — сказал Корт.

— Четыре остановки отсюда.

Я была рада, что могу оказаться полезной.

Рука об руку с ангелом и человеком, фактически сделавшим мне предложение руки и сердца, я вошла в подъехавший автобус.

ГЛАВА 42

Корт и Керр внимательно наблюдали, как я оформляю наше пребывание у стойки администратора. Корта здесь звали Константин. Керра — Кирилл. По-моему, имена им не шли, но что было, то было. Оба настояли, чтобы я тоже ночевала в отеле. Как оказалось, ангелы и для меня забронировали номер. Администратор посмотрела на пакеты с одеждой и коробки с обувью в наших руках, но ничего не сказала. А я с недавних пор не обращала на чужие недоуменные взгляды никакого внимания.

— Нас ждут завтра в восемь, — сказал Корт, когда мы вошли в сопровождении администратора в лифт. — Ты поужинаешь с нами вечером на террасе? Говорят, здесь хорошая кухня.

Я пожалала плечами. Администратор, красивая девушка моего возраста, с интересом поглядывала на моих мужчин. «Она-то уж точно не отказалась бы от ужина с ними», — подумала я с легким раздражением. Земля... кажется, я забыла, что здесь интерес к противоположному полу — движущая сила эволюции.

— Почему бы и нет, — сказала я, понимая, что от меня ждут ответа. — Думаю, что за такие деньги нас должны кормить, как минимум, раками и трюфелями. Хотя я бы не отказалась от маминой выпечки, знаешь. Так по ней соскучилась.

Мама. Я вспомнила, что Вовка уже давно с нами не живет, что мама по воскресеньям обычно печет блинчики, и что на дворе должна была быть зима, а теперь лето, и задумалась. Сколько же времени прошло для нее с момента моего исчезновения? Получается, как минимум, полгода, ведь перенеслась я в Белый мир зимой. Я пропустила учебу? Объявлена пропавшей?

Администратор проводила нас до номеров — мы оказались напротив — и, пожелав приятного отдыха, наконец-то ушла. Я заглянула к себе. Большая кровать, гостиная, ванная комната, лоджия. Номер относился к классу «люкс», ангелы, очевидно, не скупилась,

оплачивая пребывание гостей. Подойдя к зеркалу в номере, я оглядела себя, улыбнувшись своему почти забытому отражению.

— Привет, Нина.

Да, это и в самом деле была я. Пакеты из магазина я просто бросила на кровать, решив, что с платьем ничего не случится. Корт настоял, чтобы мы приобрели в бутике платье для меня и деловые костюмы для него и Керра. Несмотря на то, что «аудиенция» означала деловое совещание, меня предполагалось одеть в нечто вычурное. Ангел сказал не спорить, я и не спорила.

Я постучалась в номер, который заняли мужчины. Керр уже забрался в Интернет, Корт щелкал каналами телевизора. Все смотрелось так обыденно, так обычно, что даже казалось нереальным. Увидев меня, мужчины оторвались от своих занятий.

— Я хочу побывать дома, — сказала я.

— После аудиенции.

Запрета я не ожидала, потому на мгновение опешила.

— Почему?

— Стил, ты — важный свидетель. Тебе не стоит ходить по городу одной, тем более, навещать домой.

Осознав, о чем речь, я застыла столбом.

— Может, войдешь и закроешь дверь? — предложил Керр, захлопывая крышку ноутбука.

Я послушалась. Взмахом руки мне было предложено кресло, я плюхнулась в него и слегка настороженно посмотрела на ангела, ожидая продолжения.

— Демонопоклонники никуда из этого мира не делись. Несмотря на то, что Ра'ш умер, угроза войны так над нами и висит. И если тебя устроят, я не смогу убедить совет вампиров в том, что говорю правду.

Я помолчала, глядя на свои сложенные на коленях руки. Он был прав, я и сама это понимала. Обычность и обыденность сбили меня с толку, заставив поверить в то, что все уже кончено. Но наш побег с планеты и смерть Ра'ша вовсе не означали мира во всем мире. Я не была спасительницей Вселенной, я была всего лишь первой, одной из, той, кому удалось пройти через ужас и выжить, да и то, благодаря помощи десятка людей, начиная Аргентой и заканчивая Ли-рой.

— Прости, — сказала я подавленно. — Я не знала... не подумала.

— Я понимаю тебя, — мягко сказал Корт. — Но я обещаю вернуться к вопросу завтра. Если ты захочешь повидаться с родными, я или Керр с радостью тебя сопроводим.

Я перевела взгляд на Керра, тот кивнул. Настроение чуть улучшилось.

Вернувшись к себе — мужчины должны были зайти за мной только ближе к вечеру — я аккуратно повесила платье в шкаф, наполнила ванну и забралась в нее, с удовольствием погрузившись в ароматную пену. Закрыв глаза, я представила себе, что ничего этого не было.

Не было прыжка в другой мир.

Не было Школы и слов Лакса о том, что мы уже встречались, и что я его предала.

Не было Дайтерри и нападения деревьев.

Не было Миламира и моей смерти.

Не было воспоминаний и осознания всей ложности моей памяти о доме и семье.

Не было плена и побега.

Ничего не было. Я просто жила все это время здесь, не знала о других мирах и войнах и

никогда не встречала ни ангелов, ни вампиров. Особенно вампиров.

Я вылезла из ванны, когда вода почти остыла. Причесалась, нанесла макияж — Корт настоял даже на косметике — и вот, я готова к ужину. Напялив то, что оказалось на мне в момент прыжка — черные брюки и горчичного цвета блузку, я забрала волосы в хвост и сказала себе, что выгляжу хорошо. Совсем не как человек, вернувшийся из инопланетного плена.

На календаре была весна — на электронном табло стоящего в номере телефона я увидела дату. 21 мая. К семи часам солнце еще даже не коснулось линии горизонта, было светло, дул легкий прохладный ветерок, и пахло сиренью.

Мы спустились вниз и уселись за столик на террасе. Керр заказал еду и шампанское с таким видом, будто обедал в земных ресторанах каждый день.

— Я быстро адаптируюсь, — сказал он, заметив мой взгляд. — Да и Интернет помогает. Пока несли наш заказ, Корт коротко пересказал мне события, произошедшие после того, как меня поверг в безумие приступ.

Я выбежала из машины с обожженным лицом как раз в тот момент, когда пришедший в себя Корт понял, что меня надо спасать. Все рванули внутрь здания, ангел же вылетел наружу. Он подхватил меня и поднял в воздух в тот момент, когда бронемашина взорвалась. Мы поднялись высоко в небо, и потеряла сознание почти сразу же, как Корт коснулся меня. От боли и шока. От страха. Потому что уже смирилась со смертью.

Они не сумели защитить птицелюдей — как только ударная волна прошла, откуда-то стадом хлынули волки. Оборотни буквально смели своих бывших надзирателей с лица земли. Вампиры влезли в уцелевшую пожарную машину и понеслись прочь от космодрома, а вслед им неслись крики боли и ужаса.

Тот оборотень, что томился в клетке с нами, был среди тех, кто погиб при взрыве внутри.

Ангел подождал, пока грузовик с вампирами и Керром доберется до Ворот, а потом они все перешли в Солнечный мир, где я и очнулась.

— Ворота открываются посреди парка. Пришлось срочно продумывать момент с пикником, — усмехнулся Корт. — Пока Керр ходил за документами для нас, я охранял тебя, как преданный пес.

— Да вы настоящая команда, — сказала я, улыбаясь уголком рта. Краем глаза я посмотрела на Керра, он внимательно читал меню и, казалось, вообще не обращал на меня внимания. — Спасибо вам. Без вас я бы погибла там.

— Ты не просто человек, Стил, ты свидетель и участник важных событий, — пожал плечами Корт. — А уж после того, как Лириндайре показала тебя всем ангелам Вселенной, уверен, станешь еще и знаменитостью в теплокровных мирах.

Я опустила глаза, чтобы скрыть вздох при упоминании Ли-рино имени. Онел-ада наверняка с ума сходит, а я а все это время даже не вспомнила о ней. У меня сжалось сердце от чувства вины, но что я могла с собой поделаться? Лихорадка поглотила все мои мысли.

— Корт, а что с лихорадкой? — спросила я.

— Ты все так же нуждаешься в моей помощи, — подтвердил он. — Только, поскольку время здесь идет медленнее, приступы не будут частыми. Но завтра после аудиенции нам все равно лучше переместиться в Белый мир. Лихорадка неизлечима, Стил. Играть с ней не стоит.

Принесли еду, и я с удовольствием приступила к ужину. Оказалось, и правда, вкусно.

Мы поели и поговорили о завтрашнем дне. Корт попросил меня быть максимально честной и говорить все, как есть.

— Скорее всего, на совете будет присутствовать и Ининджер, — сказал он. — Мне позвонили из резиденции буквально перед выходом. Он в курсе ситуации, и к его мнению прислушиваются, так что, думаю, его поддержка будет кстати.

— А что с демонической девочкой? — спросил Керр. — Новостей нет?

— Нет, — качнул головой ангел. — Силенка Прештладжен — очень умная девушка. Наверняка Лаксу придется побегать за ними, чтобы поймать.

Внезапно я почувствовала, что не могу больше слышать о других мирах, демонах и Лаксе. Поднявшись, я извинилась.

— Я пойду к себе. Не очень хорошо себя чувствую, наверное, слишком долго не пила шампанского.

— Тебя проводить? — спросил Керр.

Я покачала головой.

— Нет. Ужинайте. Я пойду прилягу.

— Я загляну к тебе перед сном, — сказал Корт, и, кивнув, я ушла.

В номере было тихо и пусто, но мне отчего-то была противна эта тишина и пустота. Хотелось орать, визжать, разбить что-нибудь. Я переделалась в халат — он входил в стоимость номера и, забравшись на двуспальную кровать, включила телевизор. Шел какой-то американский фильм, и, свернувшись калачиком, я вскоре уснула под глухое бормотание главных героев.

Проснувшись я от стука в дверь. Было уже почти девять, и комнату наполняли сумерки. Решив, что это Корт, я приладила волосы, наспех поправила халат и открыла дверь. Вскрик вырвался из моей груди, когда в комнату шагнул Лакс.

Он был здесь выше и старше, и его кожа была такой же фарфоровой, как и у вампиров, которых я уже видела, но я его узнала — я просто не могла бы его не узнать. Сердце рвануло куда-то ввысь, но я уже не была только Одн-ной, я была Ниной, и Нина ухватила это сердце и удержала его на земле.

— Разрешишь войти?

Я нащупала рукой выключатель, зажгла свет и молча отступила в сторону. Закрыв дверь, я привалилась к ней спиной, всего на мгновение, чтобы найти опору для следующего шага.

Лакс дошел до середины комнаты и обернулся ко мне.

— Мне сообщили, что тебе удалось бежать из плена, — сказал он. — Как только я узнал, я пришел.

— Я слышала о демоническом ребенке, — сказала я. — Вы его поймали?

Боже, о чем я? Почему я спрашиваю об этом, а не о том, зачем он сюда пришел? Что привело его сюда, но не смогло привести туда, где я стояла на пороге смерти? Почему спасти меня он послал вампиров, а повидаться с уже спасенной пришел сам?

— За ней отравится Терн, — сказал Лакс. — Силенка ушла в миры, настолько далекие от Белого, что я не смог последовать за ней. Лихорадка убьет меня там за пару дней. Терн никогда не был в Белом мире, он сможет пойти за ней до конца.

— Понятно.

— Завтра на совете я сделаю доклад по этому поводу, и ты все узнаешь. Только единственная просьба, Стилгмар. — Он помолчал. — Не упоминай о том, что видела меня в Снежном мире. Эта территория запретна для вампиров, я не должен был там находиться.

Повисло молчание.

Я не знала, что сказать, что сделать, я просто стояла, смотрела на него и ждала, что он скажет.

— Ли-ра погибла, — сказал Лакс. — Я узнал об этом совсем недавно. Мне очень жаль.

Я кивнула.

— Я зн...

— Ли-ра погибла, и я больше не связан обещанием держаться от тебя подальше, — перебил он.

Мне показалось, что мир вокруг сузился до размеров пятна — его лица, выражающего сейчас целую гамму чувств, от напряженного ожидания до попытки его скрыть.

Ангел, которому он дал обещание, умер. Лакса больше не сдерживают путы клятвы, данной одному из представителей старшей расы, он может делать все, что хочет.

Но я не хотела, чтобы он это делал.

— Лакс, — начала я, шагнув к нему, — послушай...

— Нет, послушай ты, — сказал он, тоже шагая ко мне. — Стил, я знаю, что наделал много глупостей. Я пытался внушить себе ненависть к тебе, я пытался заставить тебя меня возненавидеть. Я собирался уйти в быстрые миры, чтобы дожидаться там смерти всех твоих воплощений. Но я не мог не увидеть тебя, когда ты так близко.

Он смотрел на меня так, словно ожидал, что я сейчас упаду к нему в объятия, и только эта уверенность, это почти торжество в его взгляде удержали меня от еще одного шага вперед. Вместо этого я вздернула голову и посмотрела на него с яростью и болью.

— И теперь ты пришел. Ты пришел, чтобы сказать мне это? Я могла умереть на той планете, Лакс. Моя жизнь висела на волосе, и спас меня Керр. Я страдала от лихорадки, и держал меня за руку Корт. Я едва не сгорела при побеге, и опять же, Корт вытащил меня из пламени. А где был ты все это время?

Почему ты был так далеко, когда был мне так нужен?

— Я пытался спасти мир, — сказал он, и оттого, чтобы это была чистая правда, мне стало еще больнее.

— Тебе нужно было спасти свою любовь. А ты просто сбежал от меня, закрывшись щитом равнодушия и решив за нас обоих, что для нас лучше. Ты трус, Лакс.

Я была неправа, я знала, что я неправа, и я говорила странные и нелогичные слова и делала вовсе не то, что хотела, но только это помогало мне удержаться и не сдать тому, что я видела в его глазах сейчас. Потому что я знала, что даже если сейчас я поддамся этой слабости и позволю себе сделать то, что пока еще так отчаянно хочет сделать, по крайней мере, половина моего сердца, ничего не изменится.

Но ведь он это тоже знал.

— Я не могу позволить тебе разрушать меня, — сказала я. — Прости. Я больше не стану.

— Одн-на, — сказал он, не двигаясь с места.

— Терн, — сказала я. — Ничего не изменилось. Ты вампир, я человек. Наша любовь с самого начала была обречена, и ничего не изменит даже смерть Ли-ры.

Он смотрел на меня, и в глазах его отражалась тьма, холодная бездна, в которую готова была упасть моя душа. А потом они потускнели, как будто бы кто-то взял и просто выключил в его сердце свет.

— Ты сильнее меня, — сказал он. — Ты всегда была сильнее.

Я молчала. Лакс подошел ко мне, и я не отстранилась, когда он взял мое лицо в свои холодные руки и всмотрелся в выражение моих глаз.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И всегда буду любить.

Он поцеловал меня в щеку — ледящее прикосновение губ, которое будет со мной всегда — и вышел, а я так и осталась стоять посреди комнаты, думая о том, что только что произошло.

Я не побежала за ним, хотя очень хотела. Я не окликнула его, хотя могла. Я любила его — да, любила, и с этим ничего нельзя было поделать, но он пришел не за тем, чтобы остаться со мной, и я не попросила его остаться.

Стук в дверь оторвал меня от невеселых размышлений. На сей раз это действительно оказался Корт, и по выражению моего лица он почти сразу все понял. Войдя и закрыв за собой дверь, он повернулся ко мне и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Это же младший сын Владыки, да?

Я кивнула.

— И ты не забыла, что он вампир.

— Да.

— И ты знаешь, что случается с теми, кто подпускает вампиров слишком близко.

У меня не было сил даже разозлиться на это напоминание. Не теперь, когда я только что рассталась с тем, кого тоже буду всегда любить, так надолго. Возможно, даже навсегда.

Корт протянул мне руку, и я взялась за нее. Уже знакомая вспышка полыхнула за закрытыми глазами, а потом он меня отпустил и сказал:

— Ты так и не дала мне обещания, Стил. Я хочу, чтобы ты знала, что больше я не буду ничего у тебя требовать. В обещании больше нет смысла.

Он не объяснил мне смысла своих слов, да я и не просила. Когда Корт ушел, я снова забралась в постель и уснула, так крепко, как будто не спала, по меньшей мере, несколько дней.

Аудиенция у вампиров была назначена на восемь, но уже в половине восьмого мы втроем стояли у высокого здания с кучей разнообразных вывесок на фасаде. Парикмахерская, зубной врач, нотариус, салон красоты. Вот туда-то нам и было надо.

Салону красоты отводился целый этаж этого многоэтажного здания. Двери лифта не отворились перед нами, пока Корт не вставил в специальный паз тонкую пластиковую ключ-карту. Только тогда створки разъехались, открывая нашим взглядам просторный коридор.

В кадках у стен стояли растения. Освещение было холодное и пронзительно-тусклое, как будто кто-то очень здорово сэкономил на мощности лампочек. Нам нужно было дойти до самого конца коридора — только там была дверь, ведущая, как сказал нам Корт, в зал заседаний.

В коридоре было пусто, очевидно, мы пришли раньше всех, ну, или, по крайней мере, в числе первых. Цоканье моих каблучков отдавалось эхом в узком пространстве коридора, обнаженные руки покрылись мурашками.

— Тут совсем нет охраны, — шепнула я Керру, вцепившись в его руку.

Он подмигнул.

— Все на доверии. Кроме того, не забывай, в каком ты мире. Из каждой цветочной кадки на нас наверняка смотрит камера.

Мы остановились перед дверями всего на мгновение. Я не успела даже пригладить волосы — Корт толкнул створки, и они распахнулись.

Огромное помещение уже наполовину было заполнено людьми и нелюдьми всех мастей. Я увидела Ининджера и Лакса в глубине зала, там, где стояли кресла для наблюдателей. Они что-то горячо обсуждали, но, увидев нас, прервали обсуждение и поспешили навстречу.

Пока мы стояли и ждали их, у меня было время оглядеться. По правую руку от меня на помосте стояли в ряд пять кресел черного цвета, и пять — белого. Чуть впереди возвышалась трибуна с микрофоном, очевидно, место докладчика.

Слева располагались ряды кресел, расположенные по тому же принципу, что и кресла на помосте — ряды черных кресел по одну сторону, ряды белых — по другую. У стен стояли цветы, и среди них к своему удивлению я обнаружила дэлаконии. Наверняка здесь хорошо работали кондиционеры, иначе я бы уже почувствовала их резкий запах.

На белых креслах пока никто не сидел, черные буквально на моих глазах заняли пятеро рослых вампиров в деловых костюмах.

Лакс и Ининджер приблизились, в их глазах застыло одинаковое выражение беспокойства.

— Приветствую, — сказал Ининджер, оглядывая меня. — Стилгмар Аргентджен. Не думал, что мы с тобой еще встретимся в обитаемых мирах.

— Приветствую, Ининджер, — сказал Корт, склонив голову. — Не думал, что мы с тобой встретимся за пределами Белого мира.

На губах Ининджера мелькнула холодная улыбка.

— Кортвайндайре Андайре Айре. Рад, что все обошлось.

Ангелу и Ининджеру, видимо, было, за что друг друга не любить. А вот Лакса Корт поприветствовал сердечно, задал пару вопросов о делах Белого мира, пожелал удачи с демоническим ребенком.

— Вам тоже удачи, — сказал Лакс, не отрывая взгляда от меня и от моей руки, лежащей на локте Керра. — Она нам сегодня пригодится.

Нам было велено усесться на первый ряд белых кресел. Вампиры занимали черные кресла, и с удивлением и страхом вскоре я поняла, что их гораздо больше, чем нас. Кроме Корта на заседании присутствовало всего три ангела. Вампиры заняли черные кресла и часть белых. Остальные белые кресла заняли люди, такие же, как я, Керр и Лакс.

Я положила руку на подлокотник, и Керр тут же накрыл ее своей.

— Не бойся, — сказал он, безошибочно угадав мои чувства. — Эти ангелы — члены Вселенского совета. Их слова имеют огромный вес, и они нам верят. Все будет хорошо.

— Спасибо, — прошептала я. — Но все равно... нас настолько меньше.

— Приветствую! — раздался от двери голос, и, повернувшись, я увидела, как в зал почти влетел Аргента.

Он казался запыхавшимся, но уверенным в себе, и неожиданно я ощутила радость от его появления. Он быстро раскланялся с Лаксом и Ининджером и подошел к нам.

— Протеже! Ты выглядишь в синем даже лучше, чем в сером, — сказал он, и я покраснела от его слов и улыбки.

Аргента поздоровался с Кортом и Керром, плюхнулся в белое кресло рядом с последним и многозначительно поглядел на наши руки.

— Стил, скорее всего, тебе дадут слово первой, — сказал, сразу взяв быка за рога. — Ничего не бойся и говори правду. От твоих слов зависит, будут ли вампиры и ангелы сражаться на одной стороне, или мы все-таки начнем воевать.

— Но я думала, что демонический ребенок...

— Его укрывали в Дайтерри люди из Белого мира, — сказал Аргента, и я осеклась. — Силенка. Невеста одного из самых высокопоставленных лиц государства. Ининджер подал в отставку, когда узнал, что она причастна. Его допросили под клятвой — он рассказал все, что знал... и оказалось, что знал он совсем немного.

— Допросили под клятвой?

— Ангел берет с человека обещание говорить только правду. И человек либо говорит... либо умирает, — пояснил Корт. — Ининджеру, к счастью, было нечего скрывать, иначе это был бы билет в один конец.

В зале поднялся шум, и, замолчав, мы увидели, что в дверях показались последние заседатели — два ангела, которые заняли кресла на помосте. Двери закрылись, и шум постепенно стих.

Один из вампиров поднялся и подошел к трибуне. Его глаза обвели зал тяжелым взглядом, от которого по моей спине пробежали мурашки.

— Думаю, можно начинать. Протокол.

Я услышала, как защелкали где-то позади клавиши печатной машинки.

— Сегодня, 22 мая. Заседание № 156-12. Теплокровные утверждают, что у них есть неопровержимые доказательства непричастности подконтрольной им человеческой расы к укрыванию у себя демона. Мы заслушаем доклад Одн-ны, рожденной в Снежном мире и присутствующей здесь в своем вторичном воплощении, называемом Ниной.

Керр напоследок сжал мою руку, и я поднялась на помост, чтобы рассказать свою историю от начала и до конца.

ЭПИЛОГ

Мне всегда нравились романы о попаданцах. Есть какая-то притягательность в том, чтобы вдруг, в одночасье оказаться в другом мире и пережить там кучу невероятных приключений. В моем романе, пожалуй, только они и были. Когда мои приключения закончились, у меня не осталось ни прежней жизни, ни прежней любви, ни прежней родины.

Я вошла в Белый мир студенткой экономического факультета, свободной как птица, уверенной в себе и своих знаниях о мире за порогом своего дома.

Я вернулась в Солнечный мир «овцой», человеком, которого собственный отец использовал как генетический материал, потеряв свою любовь и понимая, что насчет жизни я невероятно ошибалась.

Сидя в салоне самолета, улетающего из моего города через Москву и на Каракас, где находились Ворота в Б-ц, я смотрела в иллюминатор и думала о том, как жить дальше.

Зная свое прошлое, но ничего не зная о будущем. Понимая, что этого будущего нет, прежде всего, у моей любви, но еще не отпустив ее, не позволив ей уйти из своего сердца. Я все еще любила Лакса. Это в книгах о любви героиня с легкостью забывает старую любовь, заглянув в красивые глаза первого встречного парня. В жизни все иначе.

На заседании Лакс доложил, что похищенный Силенкой демонический ребенок обнаружен на краю умирающей галактики во владениях вампиров. К сожалению, тамошние миры находятся на другой оси времени, а потому переход и возвращение займут около пятнадцати земных лет. Вампиры и ангелы согласились подождать, и после окончания заседания Лакс покинул зал суда. Он исчез из моей жизни на долгих шестнадцать лет — на целую человеческую жизнь. Не попрощавшись. Не сказав, что вернется.

Не обменявшись со мной и взглядом, но оставив мне свою любовь, которая убивала меня даже когда его не было рядом.

Именно потому что не было.

Аргента предоставил совету ценные сведения. Оказывается, Ра'ш поддерживал связь со всеми своими соратниками, и теперь у объединенной поисковой команды были и координаты планет, и имена предателей. Три тысячи разумных существ были подвергнуты тем же экспериментам, что и я. Многие умерли, но кто-то, как я, выжил, и готов был стать донором для создания зомбированных солдат. Мне безумно повезло оказаться дочерью Ра'ша и носителем демонической заразы, как бы ужасно это ни звучало. Именно потому что я — его дочь, за мной так пристально следил Аргента. Именно потому что во мне «сидела» демоническая способность, меня защищала Ли-ра. Она помогла мне выжить во время нападения джорнаков. Она помогла мне спасти друзей и самой остаться в живых.

И только в случае с Лаксом она оказалась совершенно бесполезной.

— Мы можем судить их уже за нарушение соглашения о недопустимости генетических экспериментов над разумными существами, — сказал один из ангелов, когда Аргента зачитал цифры. — Эксперименты с кровью условно-теплокровных существ опасны для жизни из-за риска термотрансфузионного шока, и это общеизвестно.

— Если перелить человеку кровь демона, его кровь закипит и расплавит сосуды, — пояснил мне шепотом Керр. — Если перелить ему кровь вампира — она свернется. Кровь высокоразвитых существ не имеет групп, но переливать можно только от теплокровного теплокровному, и от вампира — вампиру.

— Мы думаем, разумнее всего будет их уничтожить, — сказали вампиры. — Уничтожить всех демонопоклонников, чтобы остальные дважды подумали, прежде чем идти на что-то подобное.

Это было суровое решение, но его одобрили обе стороны. Так и постановили.

В Белом мире мне предстояло провести два дня — чтобы снять проявления лихорадки, встретиться с Владыкой и решить вопрос с моим восстановлением в Школе. Аргента настаивал на том, чтобы я продолжила обучение. Обсудив вопрос со своей земной матерью, я решила, что, пожалуй, не стану отказываться.

Вот только возвращение откладывалось на неопределенный срок. По истечении этой пары коротких дней я должна была лечь на обследование и лечение в клинику при научно-исследовательском институте одного из высокоразвитых миров. Врачи будут искать способ сделать из моей крови вакцину против уз — и я думаю, у них это получится.

Нам предстояло лететь почти всю ночь, так что, укутавшись в одеяла и приглушив в салоне свет, мы улеглись в удобные кресла и приготовились скоротать, по крайней мере, пару часов за просмотром какого-то комедийного фильма. Однако фильм смотрел только Ининджер. Остальные же, сняв наушники, разговаривали о происшедшем, и я помимо воли вскоре была втянута в этот разговор.

— Не знаю, что там насчет демонического ребенка, но если мы найдем и обезвредим всех подобных Ра'шу экспериментаторов, половина дела будет сделана, — сказал Аргента. — Хотя я не очень представляю себе, как вы собираетесь добираться до дальних уголков Вселенной. За это время наша цивилизация умрет и родится снова.

— Мы расправимся только с ныне живущими, — сказал ангел. — У нас есть возможность обращаться напрямую к истинным воплощениям. Всегда будет кто-то, кому хочется власти или войны, или просто невинной крови. Мы защитим на уголок мира,

вампиры — свой. Главное, что мы не боремся друг с другом.

— Неужели кроме вас больше нет старших рас? — спросила я, и Корт повернул голову, глядя на меня в полумраке салона.

— Безусловно, есть, Стил. Но Вселенная огромна, к тому же, мы вступаем в контакт только с теми, кто похож на нас — дышит кислородом и достаточно разумен с нашей точки зрения. Кроме теплокровных и холоднокровных во Вселенной тысячи существ, вообще не имеющих крови. В мире миллионы видов разумных существ, не произошедших, как вы, от обезьяны, или как дрёзы — от кислорододышащих рыб. Но мы обследовали только совсем малую часть обитаемой Вселенной. Все еще впереди.

— И у тебя есть возможность приобщиться к этому, — встрял Аргента, не упустив шанса прочесть еще одну лекцию. — Открывать миры, знакомиться с инопланетянами, может, даже, стать резидентом на одной из планет.

Большую часть ночи мы летели над Атлантическим океаном. Водная темная гладь казалась зеркалом, отражающим Вселенную. Звезды точками светились на темном небе, и где-то среди них, я это точно знала, затерялись Белый мир и мой родной, Снежный.

— Керр, — тихонько позвала я, озаренная идеей. — Керр, ты не спишь?

Остальные крепко спали, свернувшись под одеялами, и я даже уже пожалела, что нарушила тишину, не потерпев до утра. Но он зашевелился на соседнем кресле почти сразу же, и я поняла, что Керру тоже не спится.

— Не сплю, — прошептал он, повернув голову и глядя на меня. — Что-то случилось?

Я поняла, что он о лихорадке и замотала головой.

— Нет-нет. Все нормально. Я просто хотела тебя спросить... а разве со Снежными мирами теперь все в порядке? Разве ты не должен был забыть обо мне, когда вернулся оттуда? Я только сейчас подумала, что ты забрал из деревни Од-ну, потом прыгнул в Белый мир... ты же должен был все забыть.

Он лег на спину и чуть заметно улыбнулся, не глядя на меня.

— А я все ждал, когда же ты спросишь. Но я уже говорил тебе об этом, Стил. Запрет на высокие технологии был отменен сразу же, как только ангелы поняли всю серьезность ситуации. Я принес с собой записывающее устройство и записал на него все, что могло пригодиться. В Белом мире я просто все это прослушал, и воспоминания восстановились.

— Понятно, — сказала я. Это все объясняло. — Извини, что разбудила.

— Я не спал, — быстро сказал он. — Думал. А ты не думала, Стил?

— О чем? — спросила я, поудобнее заворачиваясь в одеяло.

— О том, что будет дальше, — сказал Керр, и я вспыхнула, понимая, что «дальше» — это я и он.

Я полежала молча несколько долгих для нас обоих мгновений. Я не знала, что ему сказать, я не знала, нужна ли ему моя честность, моя боль. Мое сердце слишком ясно помнило слова Лакса о любви — ведь они были сказаны только вчера — и оно болело, мучилось и страдало. И пока я не готова была говорить о «дальше», пусть это дальше было бы таким простым рядом с тем, чья привязанность и симпатия не будут заставлять меня понемногу умирать каждый прожитый день.

— Я не знаю, — сказала я наконец. — Мне несколько месяцев предстоит провести в больнице, а потом все может закончиться... или нет, если врачи не найдут во мне того, что ищут.

— Меня не волнуют то, что ищут в тебе врачи, — сказал он. — Я-то уже нашел то, что

искал.

— Керр... — сказала я, понимая, что после слов Лакса просто не выдержу еще одно признание, каким бы оно ни было.

— Я уже не мальчик, Стил, — сказал он. — И я тоже потерял человека, которого любил, как мне казалось, больше жизни.

Я поняла, что он говорит о своей жене, но не нашла слов, чтобы посочувствовать или утешить его. Вместо этого я протянула в полутьме салона руку, как протягивала ее десяток раз в Снежном мире, спасаясь от кошмаров прикосновением его сильных пальцев. И я снова почувствовала на своей руке пожатие его руки, теплое, крепкое, надежное. Я попыталась вспомнить, когда вот так просто держал меня за руку Лакс, но не смогла.

— Я навещу тебя в клинике, — сказал Керр, отпустив мою руку. — А теперь спи. Завтра у нас много дел. Владыка ждет нас с докладом.

Он уснул, а я еще долго лежала с открытыми глазами, слушая спокойное гудение двигателей, глядя в иллюминатор на проплывающую под нами гладь океана и размышляя.

Я искала разгадку своего прошлого — и нашла ее в своих воспоминаниях. Я искала смысл своего существования — и оказалось, он заключен в моей крови. Я хотела найти свою любовь — но оказалось, она давно жила в моем сердце.

Все было совсем рядом. Совсем близко. Так близко, что ближе некуда.

А что таится в глубинах других моих воплощений? Новые загадки, тайны? Время покажет.

Моя история еще не закончилась. Мне предстояло встретиться с демоническим ребенком, узнать, кто такой на самом деле Герой, разгадать загадку Кристалла и изменить судьбу нескольких человек всего парой нечаянно сказанных слов.

Но от этой главы в моей истории меня отделяло в ту ночь долгих шестнадцать лет. Так что я расскажу ее как-нибудь потом. Возможно, в другом мире и на другом, неведомом человечеству языке.

Больше книг на сайте - Knigoed.net